

Сабина
Шпильрейн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

*Работая с насильственным
спуском себя ратонной, приватной
кк-ом для моей деятельности, без кото-
рой не вижу в жизни никакого смысла*

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ
САБИНА ШПИЛЬРЕЙН

Сабина Шпильрейн
(1885—1942)

Научное наследие

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

Сабина Шпильрейн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

*Перевод с английского, немецкого,
и французского*

УДК 152
ББК 88.52
Ш 835

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой
Перевод с французского Т.И. Беловой
Перевод с английского М.Л. Мельниковой

Шпильрейн, С.

Ш 835 Психоаналитические труды. / Сабина Шпильрейн. — Пер. с англ., нем. и фр. под науч. ред. С.Ф. Сироткина, Е.С. Морозовой. — Ижевск: ERGO, 2008. — XII+ 466 с.
ISBN 978-5-98904-021-6

Охраняется Законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части запрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

УДК 152
ББК 88.52

ISBN 978-5-98904-021-6

© ООО Издательский дом «ERGO», 2008

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Об этом издании	IX
---------------------------	----

ТЕКСТЫ

О психологическом содержании одного из случаев шизофрении (dementia praecox) (1911a)	3
Вклад в дискуссию по докладу В. Штекеля и Й. Рейнхольда «О мнимом отсутствии времени в бессознательном» (1974a [1911])	86
Вклад в дискуссию по выступлению Т. Райка «Смерть и сексуальность» (1974b [1911])	88
О трансформации (1974c [1911])	90
Вклад в дискуссию по выступлению О. Ранка, 20 Декабря 1911 года (1974d [1911])	94
Вклад в дискуссию об онанизме, 24 января 1912 г. (1975a [1912])	95
Вклад в дискуссию по докладу П. Федерна «О чувстве полета в сновидении», 31 января 1912 г. (1975b [1912])	96
Вклад в дебаты об онанизме, 7 февраля 1912 г. (1975c [1912])	97
Вклад в дискуссию об экспериментальных сновидениях, 14 февраля 1912 г. (1975d [1912])	98
Вклад в дискуссию о родительском комплексе, 21 февраля 1912 г. (1975e [1912])	99
Вклад в дискуссию об онанизме, 28 Февраля 1912 г. (1975f [1912])	101

Вклад в дискуссию о психоанализе путешествий, 6 марта 1912 г. (1975g [1912])	102
Вклад в дебаты об онанизме, 13 марта 1912 г. (1975h [1912])	103
Дебаты об онанизме. Реферат (1975i [1912])	104
Вклад в дискуссию по выступлению В. Тауска «Сексуальность и я» (1975j [1912])	107
Деструкция как причина становления (1912a)	109
Вклад в познание детской души (1912b)	155
О трансформации (1912c)	179
Материнская любовь (1913a)	180
Самоудовлетворение в символике стопы (1913b)	182
Сновидение об «Отче Фрейденрейхе» (1913c)	184
Бессознательные травмы в «Поединке» Куприна (1913d)	190
Теща (1913e)	193
Два сновидения о менструации (1914a)	199
Символика животных и фобия у одного мальчика (1914b)	203
Забывтое имя (1914c)	208
Бессознательный судебный приговор (1915a)	209
Проявления эдипова комплекса в детском возрасте (1916a)	211
Ренаточкина теория возникновения человека (1920a)	219
Чувство стыда у детей (1920b)	222
Слабая женщина (1920c)	224
О трудно воспринимаемых числах и арифметических задачах Вклад Исаака Шпильрейна в прикладное учение о памяти (1920d)	225
Вытесненная эротика рта (1920e)	228
К вопросу возникновения и развития языка звуков (1920f)	230
Быстрый анализ детской фобии (1921a)	232

Русская литература [по психоанализу] (1921b)	236
Кто автор преступления? (1922a)	247
Швейцария (1922b)	253
Сновидение о почтовых марках (1922c)	256
Возникновение детских слов папа и мама (1922d)	258
Психологический вклад в проблему времени (1922e)	284
Автомобиль как символ мужской потенции (1923a)	287
Сновидение и видение о падающих звездах (1923b)	289
Три вопроса (1923c)	294
Зрительный тип (1923d)	299
Мыслительный процесс у ребенка двух с половиной лет (1923e)	302
Несколько аналогий между детским, афазическим и подсознательным мышлением (1923f)	305
Время в подпороговой душевной жизни (1923g)	327
Афазическое мышление и инфантильное мышление (1924a [1923])	344
Несколько маленьких сообщений из жизни детей (1927—28a)	345
К докладу д-ра Скальковского (1929a)	352
Детские рисунки при открытых и закрытых глазах (1931a)	359
Детские рисунки при открытых и закрытых глазах [II] (1931b)	399

Appendix

Фрагмент протокола рабочего заседания конгресса международного психоаналитического объединения (1920)	421
Анкета (1924)	422
Ненайденные тексты	429
Библиография	433

Именной указатель	442
Указатель мифологических и литературных персонажей.	454
Предметный указатель	460

От издателей

ОБ ЭТОМ ИЗДАНИИ

Сабина Николаевна Шпильрейн (1885—1942 гг.) — крупный российский психоаналитик. Она родилась в еврейской семье, в Ростове-на-Дону, но большую часть жизни провела на Западе. Сабина Шпильрейн — ученица, последовательница, друг и коллега К.Г. Юнга и З. Фрейда. Ее взгляды оказали влияние на развитие ранней истории психоанализа, на первые шаги психоаналитической деятельности К.Г. Юнга, на разработку принципов техники З. Фрейда. В своей диссертации «О психологическом содержании одного случая шизофрении» под руководством Э. Блейлера и К.Г. Юнга она предприняла первую попытку использования психоаналитических концепций при исследовании шизофрении. Многие разработки Шпильрейн в чем-то предварили идеи А. Лурии, Ж. Пиаже, М. Кляйн, Д. Винникотта. В целом труды Сабины Шпильрейн посвящены проблемам развития Я, феномену расщепления Я, детской психологии, развитию языка и детского мышления.

В своей профессиональной истории она имела богатый опыт практической психоаналитической деятельности, читала лекции и проводила семинары в кругу психологов и психоаналитиков.

Настоящее издание представляет собой отдельный том, посвященный научным трудам Сабины Шпильрейн. Его основу составили тексты Шпильрейн, опубликованные в различных немецких психоаналитических журналах, начиная с 1912 г. и по 1931 г. Кроме того, в настоящее издание включены фрагменты протоколов Венского психоаналитического общества с выступлениями Сабины Шпильрейн и ее участием в дискуссиях. Публикуется также ряд небольших текстов, в том числе — рефераты ее выступлений в психоаналитических обществах и на Международном психоаналитическом конгрессе, которые не входили в состав известных собраний трудов.

Все тексты публикуются в хронологическом порядке, исключая фрагменты протоколов Венского психоаналитического общества, так как их первые публикации приходятся на 1975 г., поэтому в настоящем издании представлены по датам выступления.

При публикации версий текстов мы не можем избежать повторов. Последний по времени издания текст «Детские рисунки при открытых и закрытых глазах» представлен в двух версиях — полной и сокращенной. Однако представ-

ление всего корпуса доступных текстов Сабины Шпильрейн дает возможность развернуть многообразие граней идей и замыслов Шпильрейн, и это достигает цели дать исчерпывающее представление о ее творческом наследии.

В приложении помещены два текста, имеющие не столько научную, сколько историческую и нравственную ценность. Фрагмент протокола рабочего заседания конгресса международного психоаналитического объединения показывает активную подвижническую деятельность Сабины Шпильрейн в Международном психоаналитическом движении, ее заботу о развитии психоанализа в России. Анкета Сабины Шпильрейн как сотрудницы Государственного психоаналитического Института позволяет сказать о ее серьезном, вдумчивом отношении к работе. Кроме того, в приложении помещен список ненайденных текстов, дающий приблизительное представление о широте научных интересов Сабины Шпильрейн, а также определяющий перспективы разысканий в шпильрейноведении.

Издатели выражают благодарность всем, кто оказал самую разнообразную помощь в подготовке настоящей книги. И это, прежде всего, Аннет Польш, лектору Фонда им. Р. Боша; Д.И. Медведевой и Т.Н. Шикаловой, преподавателям Удмуртского государственного университета, оказавшим помощь в поиске текстов Сабины Шпильрейн и уточнении ее библиографии; В.О. Шмидту, предоставившему в наше распоряжение фотоматериал из личного архива В.Ф. Шмидт; М.К. Каминскому за его экспертное заключение об идентичности изображения Сабины Шпильрейн на фото из архива В.Ф. Шмидт; Т.С. Медведевой за ее важные замечания и консультации по переводу текстов.

Тексты

О ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ СОДЕРЖАНИИ ОДНОГО ИЗ СЛУЧАЕВ ШИЗОФРЕНИИ (DEMENTIA PRAESOX) (1911a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1911: Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praesox) // J. — 1911. — Bd. 3. — S. 329—400.

Текст представляет собой журнальную публикацию диссертационного исследования СШ, посвященного анализу бреда и фантазий одной больной шизофренией.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

ВВЕДЕНИЕ

Исследования последних лет¹ привели к определенному пониманию шизофрении (*dementia praesox*), которое требует с различных точек зрения более широкой эмпирической основы. Я решила исследовать случай *параноидной деменции*, и хотя сначала без учета устоявшихся научных мнений, единственно, в зависимости от намерения получить более глубокое представление о душевных процессах таких больных. Я выбрала данный случай, потому что пациентка, образованная, начитанная женщина, представляет

¹ Здесь я, в общем, ссылаюсь на исследования Фрейда и работы цюрихской школы. Ср. список литературы. «Ежегодник» 1909 и 1910 гг.

обширную продуктивность, которая на первый взгляд кажется полной неразберихой совершенно бессмысленных предложений. Я считаю это наилучшим материалом, по возможности полно представленным, а именно в общих чертах дословно, как это сообщила мне пациентка, так что у читателя есть возможность проверить правомерность моих заключений. Я хотела бы только попросить читателя не считать на основе лишь какого-либо фрагмента мои заключения вольными: здесь нельзя избежать того, что я, учитывая весь анализ, забегаю вперед практически с единственным объяснением; далее будет предъявлено доказательство правильности «толкования».

Доказательства, которые для меня самой сделали толкование неопровержимым, во многих случаях были непосредственными, спонтанными сведениями пациентки. В других случаях оказалось, что пациентка не в состоянии отвечать на вопросы прямо; более того, она предпочитала делать очень неопределенные и ведущие в другие области замечания, которые потом снова нужно было бы расшифровывать, при этом, в конце концов, появляется риск затеряться в деталях. Требование определенного объяснения лишает нас далее преимущества предвидеть непосредственный ход ассоциации; также есть риск в том, что пациентку принуждают говорить о неприятных вещах, провоцируя возникновение чувства неудовольствия к исследованию. Следуя этим размышлениям, я должна была сделать добрую часть выводов из ранее сказанного и общих контекстов. В начале я должна была быть обстоятельной, чтобы убедиться в правильности моих выводов, далее же напротив, как, например, в главе «Впечатления детства»¹ и т. д., когда я уже овладела языком пациентки, я предложила более короткий путь, между тем я пыталась перевести ее высказывания непосредственно на наш язык, не причиняя пациентке мук. Чтобы избежать внушения, я просмотрела историю болезни — анамнез, лишь незадолго до конца исследования, после того как все закончила. Теперь я контролировала то, насколько все вместе обнаруженное мной в истории болезни совпадает с анамнезом и способно объяснить его. Нелегко следовать клубку мыслей. Поэтому повторения казались мне во многих местах необходимыми. Однако тот,

¹ [Наст. изд. С. 69—80.]

кто захочет проверить правоту моих выводов, должен действовать как судебный следователь, который настолько должен втянуться в работу, как будто он *принимает во внимание каждое слово*.

АНАМНЕЗ (Из истории болезни)

Муж сообщает:

Он знает пациентку с 11 лет. Ему ничего неизвестно о болезнях ее детства. Она всегда была здорова, и с духовной точки зрения он также не замечал никаких отклонений. В школе она была образованной девочкой, многим интересовалась, особенно литературой. У нее всегда были религиозные устремления. 13 лет назад она вышла замуж. В сексуальном отношении она была холодной. Вскоре она забеременела. Беременность проходила нормально, роды прошли хорошо, в послеродовый период также все было нормально. Однажды ее ребенок почти проглотил маленький шарик; из-за этого она так сильно испугалась, что была возбуждена несколько дней. 6 лет назад она забеременела во второй раз. Тогда она сильно волновалась: врач сообщил ей, что ее мать страдает раком пищевода. Вследствие этого у нее начались припадки, во время которых она думала, что должна умереть, что ее сердце остановится. Припадки длились полчаса-час. Часто она сразу же успокаивалась, как только приходил врач. У нее не было аппетита, она и без этого страдала желудочным заболеванием. Роды были сложные, с наложением щипцов. Во время введения наркоза на лицо женщины пролился эфир и сжег ей глаза. Это чувство занимало ее еще долгое время после произошедшего. После смерти матери, случившейся спустя два года, она успокоилась. Весной 1903 года она сделала аборт (примерно на 7 месяце беременности). Ей сделали выскабливание, после которого у нее был жар и сильная слабость. Она провела в больнице 3 месяца. Там был третий наркоз. Во время наркоза она видела ужасные сны, о которых она потом постоянно говорила. (Референт не знает подробностей!) Когда она снова вернулась домой, то проявила, как и раньше, сильную потребность любви, которая, правда, часто казалась референту преувеличенной или как будто бы демонстративной. У нее было сильное стремление к работе, но часто она была сильно уставшей. Летом, перед тем как заболела, она провела счастливые каникулы. Пациентка сияла от счастья. После этого она почувствовала себя уставшей, совершенно выбившейся из сил, она думала, что была снова беременна, но это было не так. С осени 1905 года усердно заботилась об одной бедной семье, она всегда была безмерно счастлива, если ей присылали что-нибудь для бедных. 16 ноября она посетила диаконису, очевидно, была там очень взволнованна, молилась вместе с диакономисой. Ночью она разбудила мужа и сказала, что он малорелигиозен. 17 ноября

она была спокойна и вела себя нормально. Пациентка занимается вышиванием. Она сохранила кусок ткани от готового платья, которое она уже отдала. Она писала упомянутой даме, что сохранила ткань (которой у нее и без того было много) и теперь упрекала себя за это. Вечером снова упрекала мужа из-за религии, она не оставила его в покое до тех пор, пока он и его семья не нашли средство исцеления. 18 ноября — эйфория. Днем она плакала, и вдруг устроила сцену из-за того, что муж придерживался неправильной веры; она утверждала, что ее сестра больна, должна лежать в постели, а себя считала грязной, и поэтому у нее не было права находиться в кровати. С этого момента она постоянно несла полную неразбериху, утверждала, что все грязные и должны вымыть руки, просила вымыть ей ступни. Потом она снова молилась. Так было до помещения в клинику.

Это мы узнали от мужа. Данные единого анамнеза невозможно было получить от самой пациентки, так как она, что также сообщает и муж, несла «полную неразбериху». Давайте рассмотрим теперь дальнейший ход болезни: каждый раз я привожу из истории болезни столько, сколько необходимо для понимания соответствующей главы. Здесь я должна упомянуть, что пациентка была протестанткой, а ее муж католиком. Она много раз говорит о том, что ее мужа, профессора по роду занятий, соблазнили две ученицы; особенно виновата была одна из них; это была красивая, богатая девушка. Эта девушка фигурирует у нее под именем «бабенка»¹.

Status praesens

Пациентка бледна и утомлена, других очевидных признаков физических отклонений не обнаружено.

Ориентация — как временная, так и пространственная — хорошая.

Восприятие и память — не нарушены.

Возбудимость — неадекватная. Пациентка производит впечатление плохого актера, который не может выразить свои чувства по отношению к внешнему миру и, чтобы компенсировать этот недостаток, высказывается преувеличенно патетически. Пафос пациентки обладает чертами чего-то вынужденного: выражение ее лица остается при этом жестким, иногда серьезным, иногда ниче-

¹ [Frauenzimmer (нем.) — фамильярное название женщины.]

го не выражающим, иногда улыбающимся. Так в тоне голоса обнаруживаются незначительные модуляции. Пафос кажется пустым и в основном «безаффективным».

Речь — в высшей степени спутанная, иногда сопровождается бессмысленной игрой слов. Часто случаются блокирования и потеря мыслей.

Галлюцинации — преимущественно зрения, слуха (голоса), ощущений тела, как, напр[имер], электростатическое ощущение.

Бредовые идеи — совершенно бессмысленные, напр[имер]: она «католизируется», оскверняется мочой, «пробивается сквозь Базель», она наркотизируется и просыпается в образе коня, маленькой Форелью, «разрезается», «френологизируется», «лечится мифологически» и т. д.

Манерность: иногда она лежит «на животе», иногда она падает на колени перед богом и шепчет что-то про себя торжественным голосом, в общем, манерность мало характерна.

Психомоторные отклонения — в смысле кататонии — в порядке, как будто они отсутствуют: нет непрерывного негативизма, нет каталепсии; нет ни стереотипов действия или персевераций; эхолалия, эхопраксия — отсутствуют.

Часто находится в отделении для буйных, иногда очень жестока.

Диагноз: параноидная форма Dementia praecox.

I. «КАТОЛИЗИРОВАНИЕ»

Из истории болезни мы делаем вывод о том, что пациентка не любила своего мужа в сексуальном смысле, часто ссорилась с ним; она считает, что муж предпочел ей одну из своих учениц. Муж является католиком, а пациентка протестанткой. Пациентка много говорит о том, что, здесь в лечебнице, она была «католизована».

Вопрос: «Что вы понимаете под католизированием?»

Ответ: «История искусства находится в соприкосновении с Микеланджело, сикстинским искусством и Мадонной. Она пришла в соприкосновение с искусством Лао; это связано с Лаокооном. Сикстинское искусство —

это сексуальное искусство. Производное сикстинское искусство — это искусство Лао или же искусство поколений. Сикстинское искусство способствует возникновению сексуального искусства: посредством красивого образа можно превратиться в поэзию, пожалуй, забыть обязанности. Сикстинская поэзия — это поэзия католиков; она должна быть связана с Мадонной, с Рафаэлем, со всей католической поэзией».

Таково мнение пациентки. Каждому известна Сикстинская капелла в Риме, которая служит католическому культу и вместе с тем таит в себе фрески Микеланджело. К католическому культу относится также Мадонна, которую весь мир боготворит как символ красоты. Мадонна Рафаэля, как известно, называется Сикстинской. «Сикстинское искусство» (капелла), соответственно, католическая религия (=искусство=«поэзия»), связано с красотой (Мадонной, Рафаэлем, Микеланджело). От сикстинского искусства происходит сексуальное искусство: *«посредством красивого образа можно превратиться в поэзию, пожалуй, забыть обязанности»*, — высказывается пациентка. Во фразе *«забыть обязанности»*, произнесенной устами замужней женщины, в «поэзии» просматривается явный эротический элемент, так что мы можем сопоставить «поэзия»=«влюбленность». В действительности пациентка утверждает, что ее муж восторгался красотой и при этом забыл о своих обязанностях по отношению к жене и детям. Не дожидаясь дальнейших вопросов, она продолжает:

«Психология щегольства не связана с психологией материнства; лишь когда этого требует эстетика, одежда подбирается с наибольшей тщательностью. Я не испытываю уважения к душе, у которой красота главенствует над внутренней чистотой».

При этом она считает, что ее муж предпочел «красоту» («бабенку») «внутренней чистоте» (пациентке). Так как муж католик, то, соответственно, его сексуальная любовь вообще называется «католическими» «поэзией», «искусством», «религией» и т. д. При создании символов определенную роль сыграло и звуковое сходство между словами «сикстинский» и «сексуальный». Пациентка даже создает один соответствующий католику (мужу) глагол — «католизироваться», который обозначает «обходиться

как с католиком» (который восторгается сексуальной любовью = католической поэзией). От сексуального искусства, это совершенно ясно, происходит *«искусство поколений»* (создание новых поколений), которое называется *«искусством Лао»*, потому что его символом является Лаокоон¹. (*«Производное сикстинское искусство — это искусство Лао или искусство поколений»*.) Выбор католической религии, а также «религии» вообще в качестве символа сексуальности, главным образом, определялся у пациентки тем, что религия, как духовный элемент, образует противопоставление сексуальности, а также физический элемент. Причина этого, кажущегося парадоксальным, утверждения заключается в следующем: название сексуального компонента через негатив (духовное) происходит из-за сильнейшего отражения этого компонента, в то время как самое возвышенное, а именно — религия, обозначает сексуальность, сексуальность приобретает значение самого возвышенного. При создании образов пациенткой всегда повторяется выражение какой-либо идеи через негатив или переворачивание. Это подтверждается в следующих примерах: на мой вопрос, знакома ли она с людьми католического вероисповедания, не проживающими в лечебнице, она приводит в пример семью, в которой муж протестант, а жена католичка; они все время ссорились и т. п., потом она отмечает, что могло бы быть и наоборот, муж мог бы быть католиком, а жена — протестанткой.

Пациентка возмущена тем, что ее муж бил детей; вскоре она ссылается на *«нищету»*, когда мать, *«возможно»*, била детей. Эти люди болели чумой. Она знает это, потому что от женщины пахло *«нечистоплотностью, проституцией»*. Кроме того, пациентка утверждает, что проституцией она заразилась от своего мужа и была тем самым осквернена, заболела и все в таком роде. Все, что возмущает пациентку в ее муже, в ее примерах совершает женщина.

¹ [Лаокоон — персонаж древнегреческой мифологии. По некоторым источникам Аполлон запретил ему, как своему жрецу, жениться и иметь детей. Лаокоон нарушил запрет и сошелся со своей женой в храме Аполлона, за что был наказан.]

II. «ПСИХОЛОГО-СИКСТИНСКИЕ ЭКСПЕРИМЕНТЫ»

Когда пациентка сказала, что она могла бы быть неверной своему мужу духовно и физически, так как не уважает ни одну похожую на него *«душу»*, я спросила ее, встречала ли она более благородную душу.

«В лечебнице это был профессор Форель, — считает пациентка. — Я нашла много известных в литературе душ, которые показали мне сексуальную любовь. Сексуальная любовь в характере Фореля знакома мне как навитическая¹ (?) обязанность. Где-нибудь должна быть более возвышенная религия, более возвышенная душа: ищущие бога ветра, которые веют в поисках воскресенья; бабенка (ученица мужа) забрала у меня религию, веру; это животная дисцентрия, дисцентрия сексуальности, это связано с доктором Лаокооном. Существуют психологическая, животная и вегетарианская Marmite (французское — сковорода²). Вегетариански сковорода связана с презрительным отношением к мясу. Если овощ становится неопратно сексуализированным, то и вегетарианской сковороды недостаточно. Marmite — это сковорода; она связана с дарами бога, который посылает пищу».

Мы видим, что пациентка, объясняя *«дисцентрию»*, заговаривает о трех видах сковороды (при этом она вместо сковороды использует слово *«Marmite»*). На некоторое время мы можем уступить психологической сковороде особое место по отношению к анималистической и вегетарианской. Пациентка воспринимается как психолого-сикстинский эксперимент; которому одновременно будут соответствовать психологическая и Сикстинская сковороды, при этом последняя снова будет подразделяться на две: на *«вегетарианскую»*, *«связанную с презрительным отношением к мясу»* (это отрицание сексуальности), и животную (подтверждение сексуальности). Взаимосвязь сковородок с сексуальностью подтверждает следующее предложение: *«Если овощ становится неопратно сексуализированным»* и т. д., говоря нашим языком, это значит: если отрицание сексуальности (овощ) оскверняется подтверждением, т. е. становится подтверждением, то в таком случае используется вегетарианская сковорода, соот[ветственно], защита²

¹ [Возможно, производное от лат. слова: navitas — ревность, рвение, прилежание; или pavidus — старательный, придающий силы.]

² Горшок.

Так она продолжает: «Овощ может стать грязным, так как крестьяне унавоживают землю человеческими экскрементами, мочой.

Люди могут растворяться в пыли и в воде; это переходит в животных, как это, например, происходит через землю. Это генетика мифологии или мистики».

Я спрашиваю ее: «Каким образом человек может раствориться в воде?»

Ответ: «Это связано с анатомией женщины. Камню, образовавшемуся из песка, мы можем дать цвета, связанные с профессором Тино-Форелем¹. У Фореля есть пластика духа; он — пластический художник души, который одолжит душу пыли для создания нового человека. Развитие пыли, которое происходит из пыли человека, приносится в пластическую красоту чистотой цвета».

Осквернение пациентка видит в том, что земля наряду с семенем принимает и человеческие экскременты, в особенности мочу. Здесь я должна сделать замечание о том, что мы увидим позже более четко: под землей пациентка понимает женщину. Женщина (земля) оскверняется тем, что она наряду со спермой (во время сексуального акта) также принимает мочу. Следуя этому, здесь представлены фантазии о возникновении человека. Объяснение того, что человек растворяется в воде, следует искать в следующем замечании пациентки: «Это связано с анатомией женщины». В этом предложении пациентка определенно указывает на то, что «способ» растворения (мой вопрос таков: каким образом человек может раствориться в воде?) следует искать в половых органах женщины. Красиво выглядит представление: из пыли образуется камень, который потом может быть оживлен. Из человеческой пыли может появиться новый человек, в то время как ему одалживают свою (здесь: Фореля) душу. Пластическая красота обуславливается чистотой цвета — крови, как мы поймем это в дальнейшем. При этом мы должны думать о генезисе, согласно которому бог создал человека из пыли и вдохнул в него жизнь.

Пациентка продолжает: «Каменные фигуры должны растворяться мифологически-благочестивым образом так же, как и окаменелость души на кресте. Это связано с поэзией Лаокоона и живописью».

¹ Тино-Моральт — это герой романа; он художник, стремящийся к красоте, которой он никак не может достичь. Из Тино-Моральта и Фореля образуется Тино-Форель. [Возможно, имеется в виду герой романа: Siegfried, Walther. Tino Moralt. Kampf und Ende eines Künstlers. — 2 Bände. — 6. Auflage. — Berlin: Meyer & Jessen, 1911.]

Все вышесказанное показывает, что творение человека и творение из камня равноценны. «Каменные фигуры растворяются» — параллель к растворению человека в воде, что согласно предложениям выше понимается как создание чего-либо нового. «С точки зрения мифологии связано с созданием нового человека». (Выражение пациентки.) «Благочестивый» (противоположность к слову «грех») — как мы уже увидели¹, бегство от сексуальности в религию («компенсация»), как и утверждение через отражение.

Выражение «окаменелость души на кресте» — это идентификация с Христом, который коченеет, умирая на кресте. Но Христос воскреснет! Так и люди (каменные фигуры) воскреснут. Оба предложения могут читаться теперь так: камни оживут (создается новый человек), трупное окоченение, происходящее в муках (душа Христа или Лаокоона²), тем самым «растворяется»³, и это происходит благодаря зачатию, которое исходит от сексуальности (ср[авните] «сикстинское искусство — это сексуальное искусство. Производное “сексуальное искусство” — это искусство Лао или искусство поколений»).

«Мифологический, т. е. осуществляемый благодаря действиям волшебника огненной силы, огонь очищает все, он очищает уголь и шлаки».

Это предложение тесно связано с вышесказанным: «волшебник огненной силы» — это одновременно поэтическое выражение для небесной и земной любви. Юнг обратил мое внимание на аналогии, имеющиеся в персидских мифах. Солнце (огонь) очищает семя первого человека, семя древнего быка также направляется для очищения на луну (женский свет)⁴.

¹ Сравните с главой «I. Католицирование» [С. 7—9].

² Юнг указывает на сходство с Лаокооном (мученическая жизнь): Христос — с двумя разбойниками, Лаокоон — с двумя сыновьями, кроме того, Митрас Тауроктонос — с двумя дадофорами (ср. Cumont: *Myst. d. Mithra* [*Cumont, F. V. M. Les mystères de Mithra. — Paris: A. Fontemoing, 1902.*]).

³ У слова есть специальное значение, которое будет описываться позже.

⁴ Юнг указывает на очищающее значение небесной мочи у персов. Индусы очищаются коровьей мочой. Небесное море оплодотворения Ворукаша очищается мочой трехногого осла, живущего в этом море.

«Пепел может превратиться в человека». Непосредственно следующее затем предложение доказывает, что для пациентки огонь также является оплодотворяющей силой.

«Шлаки и пятна, которые остаются в душе, должны растапливаться благодаря огню воспитания», — *говорит пациентка далее.*

При этом она утверждает, что однажды ее лечили «энтузиазмом»¹, но она чувствовала себя недостаточно чистой, поэтому пала ради брата, сестры или подруги. Затем она продолжает говорить о «комплексах». О «комплексах» она слышала от «профессора Фореля или, возможно, от его брата» (обратите внимание на неточность!). Его брат, Dr. J.. Dr. J. — это ученик профессора Фореля: «он начал со спиритического решения вопроса религии или сикстинского вопроса».

Здесь мы находим более глубокий смысл, в этот момент сначала совершенно неуверенно вместо Фореля появляется новая личность — Dr. J.² Он лечил ее как «психологический эксперимент»³. «Сикстинское» — сначала отбрасывается; второе предложение поправляет ошибку, при этом он придает «сикстинскому» облачение «спиритического (т. е. «духовного») решения»; снова возвращается сначала более поверхностный (негативный) слой «вопрос религии», затем более глубокий — «сикстинский» вопрос, связанный с альтернативой. Слово «вопрос», которое пациентка охотно использует, пожалуй, заимствовано у профессора Фореля из «сексуального вопроса», который знаком пациентке, по крайней мере, по названию.

Дальше мы слышим: «Dr. J., вероятно, поработает над внушением и гипнозом»⁴, с целью исследования помешательства; это связано с алкоголем: духовными силами вина, которые переносятся в душу. Алкоголь используется в медицине в качестве средства очищения».

Психическое лечение связано, таким образом, с алкоголем, т. е. с «духовными силами вина, которые переносятся в душу».

¹ Dr. J., как указано ниже.

² [Dr. J. — вероятно, К.Г. Юнг.]

³ Однажды с ней проводили ассоциативный эксперимент.

⁴ Что пациентке известно от профессора Фореля; «алкоголь» также связан со стремлениями Фореля к умеренности в употреблении спиртных напитков.

Основываясь на обоих выражениях, подчеркивающих асексуальное значение вина, можно догадываться, что за вином спрятано что-то поистине животное, переносимое во что-то животное. Алкоголь, как и огонь, очищает все, и согласно своей роли, идентифицируется с последним¹. После очищения огнем, мы видим, что из пепла возникают новые люди. Происходит ли то же самое после очищения алкоголем?

«Это описание итальянских озер, — объясняет пациентка, — они появляются из-за раскола земли; из-за этого появляются мифологические сказания итальянских ... или как это сказать?»

Слово «итальянский» используется пациенткой для выражения красоты, поэзии, искусства и всего подобного (как мы увидели = любви); итальянское озеро, следовательно, — это красивое или наполненное любовью озеро. Под обозначением «земля» понимается женщина, что пациентка докажет позже без сомнений. Из-за раскола в теле женщины (в земле) появляется новая вода (озеро). Этот процесс ведет к возникновению «мифологических» сказаний, т. е. сказаний, которые «связаны» с возникновением человека². Так вода, приходящая из тела женщины, могла бы уже быть связана с возникновением человека; здесь стоит обратить внимание на околплодные воды! Психологическое лечение Dr. J. есть, согласно этому, «описание процессов возникновения человека». Давайте на некоторое время допустим, что такое толкование — это не точное определение, а лишь возможное. В качестве предположения здесь также будет упоминаться ступор у пациентки, после которого она снова начинает говорить о Dr. J.:

«Dr. J. преследовала любовь, которая дала ему сущность его радости и мистического лечения сексуального вопроса (вопрос об алкоголе), т. е. о

¹ Индийская сома — это с одной стороны оплодотворение, с другой — огненный напиток, дарующий бессмертие. Сомы — это излияние семени. (Брихадараньяка-Упанишада 1, 4). Одновременно это божество. То же самое Наота у персов. Ср. Ригведа VI, 47, 57, 59 (Указано мне Юнгом.).

² Юнг указывает на то, что мифологически вода также, как и «мать», богато нагружена; один пример из многих: Мария почитается как «Pege»^[a], как источник. (Ср. Wirth: Εξήγησις περί των εν Περσίδι πραχυνέντων. Из восточных хроник.)

^[a] [Pege (лат.) — источник.]

симпатии, которая может превращаться в антипатию. На меня повлиял Базель. Это связано с понятием «шницельбанк», символом которого является карнавал, который хотел бы изгнать сырое состояние, возможно, влажное состояние вина. Вино обладает высокой влажностью».

Между тем пациентка говорит о необходимости охранять детей. «На карнавале есть тайный суд, так называемый “фемгерихт”¹. Шницельбанк — это анатомический экзамен, вскрытие или френология. Шницельбанк одновременно может быть и вскрытием души».

Мнимый переход с Dr. J. на Базель оправдан: пациентка отлично знает, что Dr. J. родом из Базеля. Там ее осудили, при том, как показывают выражения, при содействии Dr. J., потому что шницельбанк² для нее является «вскрытием “души”»³ = «анатомическим экзаменом». Это тот же самый механизм, как и в предложении «“спиритическое” решение сикстинского вопроса», т. е. это снова выражение сексуального посредством негатива⁴ (вскрытие «души»); соответствующее животному — «анатомический экзамен». Как мы слышали: «сикстинское (сексуальное) связано с женской анатомией». Суть френологии будет объясняться позже.

Выражение «оказал воздействие Базель», с одной стороны, относится к институту шницельбанка, с другой стороны — к ассоциативному эксперименту, но это, как мы видели, по сути дела то же самое, потому что через стихотворную насмешку шницельбанка упрекается все, что относится к людским грехам; как известно, то же самое происходит при ассоциативном эксперименте, что, вероятно, пациентка понимает лучше, чем некоторые критики трудов Юнга. Таким образом, «шницельбанк» — это отлично удавшееся, ироничное выражение для обозначения «ассоциативного эксперимента». Через шницельбанк «прочесывают»

¹ [Тайные судилища в Германии 14—15 вв.]

² Шницельбанк — это карнавальная традиция, согласно которой народная шутка выражает насмешку и критику знатных персон и общественного устройства в стихах, которые публично декламируются.

³ Как уже упоминалось, Dr. J. проводил с пациенткой ассоциативный эксперимент. Перенос может осуществляться через ассоциативный эксперимент. См. Maeder, A. Sexualität der Epileptiker // J. — Bd. 1. — 1909.

⁴ Ср. изображение через противоположность у Фрейда в «Толковании сновидений» [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.].

весь Базель, нужно наказывать шпицрутенами («бить»). Так при ассоциативном эксперименте из целого ряда слов отбирается одно привлекательное, при этом в одно слово закладывается тот или иной язвительный намек, т. е. затрагивается какой-либо комплекс. Что создается у пациентки из этих неприятных ситуаций? При «избиении» пациентка сразу же думает о необходимости защиты детей. Мы знаем, что ее муж бил детей, но нам также известно, что в упоминаемых ею примерах (глава I. «Католизование»¹) жена бьет детей. Здесь она избивается Dr. J.. Непосредственно за этим следует фантазия о размножении:

«Анатомический экзамен, вскрытие души или френология взаимосвязаны с Йорном Улем и г-жой Заботой². Это значит — получение земли; выигрыши, возникающие в результате труда, благословенные деньги умножились так, что они используются дальше и служат дальнейшему размножению».

Выражение деньги «размножились», и особенно «благословенные деньги», кажется странным. Они скорее подходят для сексуальной сферы, где они к месту при упоминании о «благословенных обстоятельствах» и «благословении детей». Источником умножения денег называется земля, которая раньше также была исходным пунктом для фантазий о размножении и которая, как уже сказано выше, позже прямо называется «женщиной»³. Теперь пациентка говорит, что Базель связан с индийским миссионерством, с обращением язычников в христианство. Известно, что Базель — это место известного в разных частях света Базельского миссионерства. Примечательно, что пациентка после фантазии о размножении думает об этом институте; это кажется нам естественным, если мы вспомним об упомянутом в первой главе значении «религии» как сексуальности. «Обращение в христианство» — соответственно, обращение в «сексуальную жизнь».

Пациентка говорила еще о Dr. J.. Она точно знает, что он уроженец города Базеля. Я спрашиваю ее, знакома ли она с кем-либо

¹ [Наст. изд. С. 7—9.]

² [Йорн Уль — персонаж одноименного романа Густава Френсена (1901). Госпожа Забота — персонаж роман Германа Зудермана (1887). Оба романа повествуют о стойкости молодых крестьян — главных героев.]

³ Почему именно земля избирается символом, выяснится позже.

из Базеля. Мгновенный ответ на это естественно: «Dr. J.», только звучит это иначе:

«Г-н Лауэрс из Базеля; я не знала, что Dr. J. имеет к этому отношение; тут пришел Арнольд Бёклин¹; все это связано с алкоголем, а не с физической душой ... или всё же? Он алкоголик, так как он должен был посвятить себя учению об алкоголе в качестве психиатра и трезвенника. Это должно быть связано с пониманием итальянского искусства, не только с живописью, но также и музыкой. Он, вероятно, неправильно расценил дружбу, в которой истолковал сексуальный вопрос так, что для проверки эксперимента также должна была быть изложена функция, которая связана с сексуальным вопросом, Сикстинским искусством. В трезвом виде он просто не желал бы несчастья детям и женщинам».

Она видела сон, что Dr. J. «выполняет» на ней сексуальную функцию «для экспериментального бытия в более низкой атмосфере».

Начало имени «Лауэрс» (человек, живущий в Базеле) в звуковом плане сильно походит на Лао=Лаокоон. Как Лао=Лаокоон, у нас также есть Лауэрс=Лао. Как мы видели раньше, Лаокоон — это символ «генезиса». В начале этой главы Лаокоон называется «доктором». Но здесь вместо ожидаемого Dr. J. пациентка называет Лауэрса (Лаокоона). То, что при этом у нее всплывает представление «доктор», но не признается, показывает непосредственно следующее предложение: «Я не знала, что Dr. J. имеет к этому отношение». После этой символической замены главного героя представление использует символическое облачение. Называется художник и утверждается его связь с алкоголем. Как пациентка приходит к мысли об алкоголике? Уже в начале этой главы мы узнали, что алкоголь — это питье, приносящее плодородие. Должен ли был Dr. J. как приносящий плодородие художник подавать ей этот напиток? Пациентка не может этого допустить. Следует компромисс: «все это связано с алкоголем, а не с физической душой», причем «физическое» — это положительное, а «душа» — негативное утверждение символа плодородия. Пациентка отмечает, что оба стоящие рядом понятия собственно исключают друг друга. В удачном размышлении она не обращает внимания на сложность: «Dr. J. алкоголик, так как он должен был посвятить себя учению об

¹ Потому что он определяется как «Алкоголик».

алкоголе в качестве психиатра и трезвенника». Конечно, у него есть негативный компонент, т. е. он трезвенник, таким образом, должен быть позитивный компонент, из которого возник негативный; у трезвенника должен быть позитивный, жаждущий алкоголя, компонент, против которого он борется. Точно также, как если бы у нас не было света без тени; при том, что тень отрицает свет и создает его¹. Так, позитивный сексуальный компонент все больше превосходит, и мы, наконец-то, узнаем, что Др. J. не только изучал находящуюся во взаимосвязи с сексуальностью функцию, но и прямым образом применял к пациентке. Она также видела это во сне. Когда же я подметила, что это было лишь во сне, а не наяву, она сильно разозлилась.

«Сновидения — символика, которая должна быть интерпретирована². Если же мы не понимаем или не хотим понимать символику? Если же мы должны предаваться сновидениям? Если я буду говорить о сновидениях, то я должна буду пережить это еще раз. Сновидения — это переживания».

В другой раз она сердится из-за плохих предположений, которые о ней возникают; при этом она считает, что *«предположение могло бы стать действительностью, чтобы объяснить свои права на существование»*. Мы находим также такие выражения, как: *«Вероятно, предположение хочет быть правильным»*. Такие воззрения или, точнее, чувства практически не внушены, потому что они выражаются с яростными аффектами и соответствуют психологии Dementia praecox, которая охотно признает чужую тайную силу. *«Предположения»*, которые часто выражают другие люди, как это и происходит у пациентки, как мы видим здесь и увидим еще позже, являются всегда эмоционально окрашенными группами представлений, следовательно «комплексами»³.

Пациентка так сильно испытывает на себе силу своих комплексов, что одновременно считает их самостоятельными живыми

¹ Я указываю на параллельное знание психоаналитического исследования и, в особенности, на понятие амбивалентности Блейлера (Psych.-neur. Wochenschr. — 1910. — Nr. 18—21.).

² Возможно, косвенно относится к демонстрации. Впрочем, имеется достаточное количество случаев, которые а priori убеждают в объяснимости и символике сновидений.

³ Ср. ход мыслей во вкладе Юнга в психологию сплетни [Jung, C.G. Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes // Z. — 1910b. — Bd. I. — S. 81—90.].

существами, соответственно, существами, которые могут стать живыми лишь через существующие внутри нее желания. (Здесь я обращаю внимание на то, что мнение пациентки о самостоятельности комплексов служит существенным доказательством подвергающегося сильному сомнению учения об автономности¹.) «*Предположение может стать действительностью*». Такое мнение является основой страха перед «злым взглядом» народа, и что глубоко коренится в народном суеверии, всегда обосновано. «*Предположение*» в понимании нашей пациентки есть подозрение более или менее определенных намерений, т. е. определенных комплексов, которые, являясь эмоционально окрашенными группами представлений, естественно, требуют большего влияния на поступки. При известных обстоятельствах возможно, чтобы предположения сохранили права и немедленно стали действительными, потому что такие предположения, как уже было сказано, способствуют «объективному» осознанию не каких-нибудь любых возможностей, а комплексов, т. е. таких психических величин, которые так или иначе стремятся к тому, чтобы сформировать действительность по их образцу. Комплекс всегда представляет собой возможность, которая благодаря особой активизации приобретает право на существование, т. е. становится действительной, так «*предположение*» пациентки при благоприятных условиях могло бы стать действительностью: ее эротический комплекс с трудом находит средства выражения; эти средства выражения вызывают у другого человека соответствующие реакции лишь для того, чтобы это представление у других людей через другие многочисленные содержания представлений было совсем вытеснено на задний план, в то время как лишь живущая в этом комплексе пациентка видит соответствующее ее желаниям и поэтому переоценивает возможность активизации.

Алкоголизм Dr. J., как говорит пациентка, связан не только с пониманием итальянского искусства, да и не с живописью, как это будет соответствовать католической поэзии², а с музыкой. Пациентка музыкальна; как она говорит, протестантская поэзия (она

¹ Ср. Jung. [C.G.] Über die Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907.

² Ср. «Красивая картина может превратиться в поэзию».

протестантка) связана с музыкой. Любовью к музыке, таким образом, будет называться любовь к пациентке.

Мы должны вернуться назад, чтобы суметь понять *«вопрос об алкоголе»*.

«Человек может быть растворен в воде» (*мы уже узнали это*); теперь мы слышим, что «он также растворяется в вине (*духе или душе*), алкоголя или при помощи химии. Это возможно благодаря одному виду Новозоона, который может переноситься в другое тело. Если добрые люди лечатся при помощи анатомии и мифологии, тогда хорошие качества покойника могут перейти в здорового человека». Далее: «Новозоон — состоящий из вида водорода — препарат мертвых тканей, может производиться из любого животного; он должен производиться из здоровой особи. Для появления нового пола необходимо препарировать все тело; новое поколение возникает из частей головы и сперматического образования животного».

К сожалению, я не спросила пациентку, как она пришла к слову Новозоон. В любом случае под понятием «водород» подразумевается вода, которую пациентка постоянно восхваляет как источник всего живого¹. Происхождение Новозоона легко позволяет узнать в водороде сперму. Новое поколение происходит из головы и сперматического образования в животном. Голова — это место души, символ духовного. Духовное — это противопоставление животному, это компонент отрицающий сексуальность. «Сперматическое образование» — естественно, прямое утверждение. Для появления нового поколения, таким образом, наряду с утверждением необходимо отрицание. Я специально хотела бы заострить внимание на этом представлении, также как и на понимании Новозоона, играющего роль приносящей жизнь спермы как «мертвой ткани».

Пациентка сообщает нам далее:

«Цвет вина может быть красным, белым или золотым. Библия — вино господа. Вино — это кровь Иисуса». (Ср. «Человек может растворяться в вине».)

Вопрос: «Где человек может существовать в крови?»

Ответ: «В теле матери».

Она продолжает: «Он (ребенок) должен существовать в браке, но если отсутствует святость в браке, то он должен был прийти, как в случае с Марией, от святой могилы. Святые превращаются в камни или в воск. Но

¹ Ср. «Человек может раствориться в воде».

человек должен быть спасен на кресте. Иисус позаботился об освобождении последователей. Последователей и последовательниц».

У пациентки не было святости в браке. Поэтому она должна родить ребенка от святого духа. В соответствии с этим пациентка иногда утверждает, что она — камень, который освобождает Иисус, или дает профессору Форелю, «пластическому художнику души», краски жизни, также довольно часто пациентка лежит, не двигаясь, и думает, что ее распяли.

«Иисус Христос освобождает меня при помощи чистого воздуха своей земли или наоборот. Воздух становится водой, земля — женщиной. Это католическое и протестантское помешательство, которое должно быть совершенно освобождено».

Пациентка помешалась; она — протестантка, муж — католик. Поэтому помешательство (используемое в значении конфликта) протестантское и католическое. От помешательства пациентка (женщина) освобождается через воздух Иисуса. Воздух — дух (духовное, психическое), земля (женщина) — тело (физическое). Воздух становится водой, т. е. — духовное становится телесным. *«Земля становится женщиной»*¹. Женщина (пациентка) освобождается через (святую) воду Иисуса. В этой же самой области религиозной символики движутся следующие высказывания:

«Я видела Фореля в J (отделение для буйных), в мертвецкой. У него свой собственный пол, это ясность и правда воды. Вода должна быть освящена, и он освящает ее. Вода становится хлебом, и он освящает хлеб. В вопросе об алкоголе профессора Фореля я читала, что сыновья похоронят отца живым; заживо похороненный становится виноградником. Это вино становится кровью. Это объяснение святого причастия. Профессор Форель согрешил и должен замолить этот грех: у него есть проклятая почва».

Я не знаю, почему здесь сыновья хоронят отца; возможно, это следует понимать следующим образом, отец должен умереть, чтобы на свет появились сыновья, так как сыновья появляются из отца; мы слышали также: *«Для появления нового поколения необходимо*

¹ Представление земля=женщина часто встречается, напр[имер], в северных сагах.

препарировать все тело»¹. Блейлер также указывает мне на соответствующие греческие мифы (о Кроносе и Зевсе). Пациентка мертва. Поэтому ее комната (камера, келья) — мертвецкая. Если туда входит живой профессор Фореель, то его хоронят живым. Заживо похороненный появляется на свет в другой форме, в форме приносящей вино лозы, соответственно — здесь вино = сперма — в форме сексуального организма, приносящего сперму.

Вопрос: «Каким образом вода становится хлебом?»

Ответ: «Вода пропускается детской наивностью, так как бог говорит, будьте как дети»². Но существует также сперматическая вода, которая может быть пропитана кровью. Возможно, это вода Иисуса. Вода мужчины должна иметь чистую землю, точно также как вода женщины».

Я спросила лишь для того, чтобы пациентка произнесла то, что для меня было достаточно понятным: каждому известно, что, выпивая вино (у пациентки — «пропитанная кровью сперматическая вода Иисуса») и съедая хлеб, вкушают кровь и тело Иисуса. Так хлеб становится телом. Само собой разумеется, что тело (хлеб), появившееся из (сперматической) воды, — это ребенок. Пациентка также говорит: «Вода пропускается детской наивностью» и подтверждает это следующим: «будьте как дети», это значит станьте детьми или еще больше «Я стану своим ребенком». Вода (профессора Форееля) должна иметь чистую землю, но пациентка не чиста, она — это «проклятая почва»³.

Полное понимание этого религиозно-психологического материала возможно лишь при помощи соответствующих исторических исследований. Но такие на сегодняшний день большей частью отсутствуют⁴.

¹ Пациентка (Dementia praecox) рассказала мне, что ее дети сожрали отца.

² [Евангелие от Матфея. Гл. 18, 2—3.]

³ Юнг обращает внимание на равенство профессора Форееля с Адамом, который также был проклят обрабатывать землю свою в поте лица.

⁴ Чрезвычайно ценные собрания соответствующих материалов в аналитическом свете содержит работа Пфистера о набожности графа Цинцендорфа (Работы по прикладному исследованию души. Под редакцией Фрейда.) [Pfister, Oskar. Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf; ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. — Leipzig: F. Deuticke, 1910. — 122 s.]

III. «ГИСТОЛОГИЯ И ЕЕ ЛЕЧЕНИЕ»

Под «*гистологией*» пациентка понимает болезнь, а именно болезнь тканей. Гистология — это учение о тканях или наука о тканях. Все ученые, с которыми занималась пациентка, — врачи. Сама пациентка и ее болезнь есть предмет ее исследований (ее — науки), поэтому сама наука названа болезнью.

Пациентка также выделяет «*психическую гистологию*», под которой она понимает «*уменьшение любви, вид человеческой застенчивости, связанной с меланхолией*».

«Гистология основывается на соединении меланхолии с сексуальными или женскими заболеваниями, — *считает пациентка*, — возможно, это описание менструальных процессов в соединении с очищением, таким образом, с периодической женской проблемой; это физическая гистология».

Итак, мы видим, что под «*тканями*» подразумеваются ткани женских половых органов; кроме того, понятие «*гистология*» смещается, между тем под ним понимается не только болезнь тканей, а также и связанная с ней меланхолия. Предложение «*это описание менструальных процессов*» по форме напоминает упомянутое в предыдущей главе предложение «*это описание итальянских озер*». Там описывалось рождение, а именно следующее: околоплодные воды женских половых органов изображены в форме озер, которые появляются из трещины в земле (женщине). Вместо того, чтобы сказать «это рождение», пациентка использует «*это описание*». Также и здесь: вместо того, чтобы сказать: болезнь тканей (гистология) — это аномалия менструальных процессов, пациентка использует менее точную форму выражения — «*это описание*». «*Периодическая женская проблема*» используется вместо менструации у женщин. «*Менструация*»=очищение едва ли требует объяснения: мнение, что менструация — это очищение крови, встречается везде. У мужчины пациентка выделяет «*сперматическое очищение*».

Предоставим пациентке возможность говорить дальше: «Профессор Форель интересовался созданием грудного молока. Мать сама должна кормить своих детей; не каждая мать может держать кормилицу; своих детей я кормила искусственным молоком. Известь в молоке вызывает ужасное жжение в половых органах. Освобождение связано со звоном,

которое создано религией на случай необходимости: сперматическое лечение».

Пациентка упрекает себя из-за того, что должна была кормить детей искусственно. Она должна была делать это вследствие болезни, которая состояла в ужасном жжении в гениталиях. Она могла излечиться (освободиться) лишь посредством коитуса. Мужчина, с которым она хотела бы совокупляться, — это профессор Форель; если он ее вылечит, тогда у нее появится молоко, чтобы самостоятельно кормить детей (*«Профессор Форель интересовался созданием грудного молока»*). Голоса упрекают ее в *«грязной похоти по отношению к профессору Форелю»*¹.

«Низкое положение католической церкви доставляет мне физическую боль; я чувствую ее в крови. Боль может смягчиться благодаря психическому очищению. Очищение, идеализм, Данте, Иисус Христос освободил меня при помощи чистого воздуха своей земли... »

Как мы знаем, воздух становится сперматической водой, земля — телом, которое подает эту воду, так что бегство в психическое как обычно приводит пациентку лишь в физическое.

«Сперматическое исцеление происходит, — сообщает она дальше, — потому что медицина (врач) дает чистоту здоровья; если медицина дает нечистоплотность, наступает болезнь, возможно, сифилис. Это ведет к помешательству, вялости, слабости в теле. Возможно, у моего мужа был сифилис: я определила это по выделениям его сперматического очищения. Это необходимо предотвращать у детей. Существовало здоровое поколение алеманов, которые создали семью ... Мой муж унаследовал сифилис в результате неверности».

Мы как раз видели, что пациентка ищет исцеления в коитусе. Она хотела бы поддерживать отношения с «чистым» мужчиной, от которого могла бы иметь ребенка (создать семью), «медицина» ее мужа, который в сексуальном плане вызывал у нее отвращение, могла принести ей лишь болезнь. В это же время она думает о спасении детей.

Она продолжает: «В реальности есть что-то грязное. Если бы в действительности я была онанисткой, но я не являюсь таковой. Я запретила это

¹ Пациентка не имеет отношения к профессору Форелю, он никогда не занимался ее лечением. Он выступает в качестве символического представителя.

своим детям, так как это приносит болезнь. У меня этого нет, другая интриганка вымочила кровать».

Интересно, что пациентка уже много раз раньше упоминала упреки о недержании мочи. Когда я рассказала это г-ну профессору Блейлеру, он выразил мнение, что это связано с комплексом онанизма. Я остерегалась спрашивать пациентку об этом во избежание внушения. Теперь выясняется, что предположение г-на профессора Блейлера было верным. Пациентка сообщает, что совсем маленьким ребенком она, *«может быть»*, мочилась в кровать.

«Если маленькие дети выделяют воду, — *говорит она далее*, — это исцеление простуженного или отбитого пузыря. Известковая вода может вызывать у детей такие воспаления. Мне говорили о разных семенах, о природных продуктах, которые могли бы помочь».

Простуженный (больной) пузырь заменяет здесь половой орган; известковая вода означает то же самое, что раньше известковое молоко. Но терапия точно такая же (при помощи *«разных семян»*), просто сильнее завуалирована. Далее мы узнаем:

«В течение трех месяцев я должна была ставить моим малышам клизмы» (*запор из-за онанизма, как она сообщит позже*). «У меня самой была закупорка пищевода и кишечная непроходимость (*случившаяся из-за онанизма*), которые произошли из-за расстроенной нервной системы. Это произошло из-за мужчины». *Здесь она признает, что в детстве онанировала, и добавляет:* «Это связано с последующей гистологией: если случается слабость тела сексуальных нервов, тогда женщина не сможет чувствовать себя удовлетворенной в браке. Генетика грязная, поганая, но она испытывает отвращение к онанизму. Это связано с обвинением в смерти детей».

Пациентка родила мертвого ребенка. Это *«обвинение в смерти детей»*, вину которого она сваливает на онанизм.

«В католической религии присутствует необработанный вид понимания; если это лишь физическая обязанность, а не любовь, то это жертва ... Я была заражена сифилисом».

Мы видим, что упреки, которые слышит пациентка, не обоснованы: она действительно онанировала и получила непроходимость кишечника и пищевода (как она утверждает позже), также как и ее маленький сын. Таким образом, по ее мнению, вина ее сексуальной недостаточности (болезни) лежит на онанизме, на холодности по отношению к ее мужу, на рождении мертвого ребенка. С другой

стороны, причиной холодности по отношению к мужу явились необработанный вид понимания мужа (католическая религия), его сексуальные отклонения, поэтому она была вынуждена онанировать. Если бы она любила мужа, тогда не стала бы онанировать. Теперь желаемое пациенткой лечение через коитус с «чистым» мужчиной кажется нам целесообразным.

Пациентка продолжает: «Бабенка (ученица мужа) стала ревнивой, набросилась на меня своим отвратительным телом, своими коленками; она выпрыснула на меня всю свою низкую ярость».

Голоса часто приказывают пациентке избить бабенку. Кажется, избиение обладает у пациентки сексуальным значением: давайте вспомним, что она образует воспаление мочевого пузыря от «простуды или избиения». Кажущееся случайным сопоставление таких разных причин объясняется тем, что как простуда=холод, недостаток любви, так и избиение=грубое лечение представляют собой чисто животные компоненты сексуального инстинкта. К онанизму пациентка была соведена на играх фемгерихта во время карнавала. В чем заключается фемгерихт, мы узнали в главе II¹.

Здесь она «осуждается» Dr. J.. Он изгоняет из нее «влажность вина» (соответственно, ее мужа), при этом он лечит ее также по-животному грубо, как и ее муж. Она «пробивается через Базель». Тут же следуют фантазии размножения². Кроме избиения как дальнейшей отправной точки, мы должны объяснить сексуальную агрессию пациентки по отношению к бабенке и наоборот: итак, она утверждает, что бабенка дала выпить ей свою чистую слюну и мочу.

Давайте вспомним, как загрязняется земля, при этом она вместе с семенем получает мочу³.

Далее пациентка рассказывает: «Женщина подкупила моих детей, и они занимались с ней онанизмом. Мы никогда не должны делать этого с нашей мамой (здесь у нее неожиданно появляются галлюцинации голосов ее детей). Бабенка приказала детям всунуть палец в ее половые органы и посредством онанизма развлекаться с ней».

¹ [Наст. изд. С. 10—22.]

² Йорн Уль, госпожа Завота, совесть земли (женщины), увеличение «благословенных» денег и т. д.

³ Штекель уже указал на уравнение семя = кровь = слюна = моча.

Вопрос: «Как зовут бабенку?»

Ответ: «У нее моя фамилия, допустим Х.».

Идентификацию с «бабенкой» пациентка выражает не только в сексуальных связях с ней, но также и через такую же фамилию. Ненавистная «бабенка» выступает, таким образом, в роли пациентки, она становится символом всех «отвратительных» для ее сознания порывов, и тем самым представляет ее в качестве сексуальной личности. Такими же символами становятся ее мать и дети, с которыми она также находится в сексуальных отношениях, о чем мы узнаем еще больше.

История болезни показывает, что пациентка после того, как ее ребенок проглотил шарик, долгое время не могла ничего есть: это напоминало ей о закупорке пищевода. Когда мать заболела раком (вульгарно: закупоркой пищевода), у пациентки случились приступы удушья, она думала, что умрет, как ее мать. «От онанизма у людей случается закупорка пищевода или кишечная непроходимость»¹, — объяснила она мне. Таким образом, она воспринимает происшествие с ребенком и матерью как феномен, берущий свое начало от онанизма. К тому же она вкладывает свою сексуальную индивидуальность в мать и ребенка, которые становятся ее символами, с другой стороны, благодаря идентификации она становится своей матерью и ребенком и переживает судьбы обоих. Она также говорила о том, что случилось так, что манеры и характер ее матери перенеслись к ней, что мать обращается с ней как с ребенком. «Бабенка» «оклеветала» ее перед матерью, так что мать упрекает ее в недержании мочи, то же самое она хотела высказать и своему маленькому сыну. И снова с одной стороны пациентка ощущает себя матерью, с другой — перемещается на позицию ребенка. Какие тому причины? Фантазия о том, что пациентка становится «маленькой Форель», объясняет это. Мы знаем, что пациентка перенесла свою любовь на Dr. J. = профессора Фореля, в соответствии с этим механизмом появляется, как описывает это Шребер², «маленькая Форель». Перенос Шребера на Флехзига оставляет в нем

¹ Закупорка по Фрейду.

² Шребер: Мемуары нервнобольного [Schreber, D.P. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. — Leipzig, 1903.].

после себя «маленького Флехзига»¹. Она сама становится маленькой Форель². Идентификация с ребенком, таким образом, значит, что у нее будет ребенок от Фореля.

Как матери ей передается участь ее матери. Ее настоящая мать была прооперирована профессором Кохером в Берне. Пациентка принимает за него Коха, «открывшего лимфу против туберкулеза». Пациентка должна лечиться также как ее мать и в соответствии с этим должна болеть туберкулезом. Она также делает это, утверждая при том, что страдает легочным и сифилитическим заболеваниями. Как только она осмысливает болезнь матери, появляется объединенный с туберкулезом сифилис, что в ее случае равносильно сексуальному отклонению, как и дальнейшее.

«Сын семьи Кохер, хирург в Берне, — мой самый злейший враг: он хотел принудить меня к сексуальным утехам».

Сексуальные болезни исцеляются сексуальным актом. Так мы понимаем лечение Кохера. Но почему же «сын»? Давайте послушаем дальше:

«Брат Кохера ... драки, раздражения провоцируют, пока не впадают в ярость; сам он не бьет, но поручает это другим». *Здесь у нее появляются слуховые галлюцинации голоса какого-то господина.* «Он подстрекает санитаров к избиениям. Все же это не борьба с туберкулезом!»

Вопрос: «Как его зовут?»

Ответ: «Его нужно звать Гансом».

Вопрос: «Кто такой Ганс?»

Ответ: «Моего мальчика тоже зовут Гансом. Он говорит, так как он сын профессора Кохера, он выйдет из затруднительного положения. Он хочет что-нибудь спровоцировать, чтобы заполнить меня».

Мы не удивляемся, когда вместо профессора Кохера появляется его брат. Вместо профессора Фореля также в конце концов появился его брат — Dr. J..³ Эта замена показывает, что профессор Кохер — эта явная параллель к профессору Форелю, поэтому мы

¹ [См. Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einen autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]) // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316.]

² Как сообщил мне Юнг, другая пациентка, не имеющая ничего общего с моим случаем, также стала «маленькой Форель».

³ Ср. «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [Наст. изд. С. 10—22.].

можем предположить, что оба брата идентичны. Вследствие того, что профессор Кохер не занимается избиениями сам, а поручает это другим, он получает более высокое звание, как будто судья выносит приговор и поручает его выполнение другим. Dr. J. тоже не бьет ее сам, она «*пробивается через Базель*». Ее любимый сын Ганс и сын профессора Кохера играют одну и ту же роль. Последний также получает имя «Ганс». Пациентка также говорит с выражением величайшего удивления «*его нужно звать Гансом!?*» и вспоминает, что ее сына тоже зовут Гансом.

Эта идентификация детей делает профессора Кохера «*мужем*» пациентки. Что мы узнаем относительно этого у пациентки далее, лишь подтвердит предположение:

«Marmite — это лимфа. Посмотрите в химии Кохера; это связано с туберкулезом. Профессор Кохер сам алкоголик на проверку. Алкоголь должен быть разбавлен кофе и хлебом, чтобы он вместе с экскрементами вышел наружу через фистулу; алкоголь в соединении с минеральной водой, кофе, молоком и чистым хлебом».

Вопрос: «Marmite — это тоже самое, что и сковорода в немецком языке».

Ответ: «Да, это сковорода Кохера, горшок для химии!»

Нам известно, что люди создаются благодаря химии. Кастрюля, в которой происходит этот процесс, в соответствии с этим снова является маткой¹. Слово «горшок» [kochtopf] вместо «сковорода» — это посредническая ассоциация между фамилией Кохер и немецким словом «Kochen» [варка]. Как и Dr. J., профессор Кохер — «алкоголик на проверку». Как и Dr. J., сначала он должен проверить, а затем «выполнить функцию, связанную с сикстинским (сексуальным) вопросом»². Как мы видели раньше, алкоголь — сперма, хлеб — растворенная в сперматической воде детская непосредственность, т. е. ребенок. «Фистула», через которую ребенок выходит наружу, — это, конечно же, половое отверстие. Но почему же с экскрементами? В следующей главе у нас появятся еще некоторые доказательства того, что в своих фантазиях пациентка рассматривает пищеварительный тракт как половой орган.

¹ Ср. «II. Психолого-сикстинские эксперименты»: Marmite «*связана с анатомией женщины*» [Наст. изд. С. 10—11.].

² Ср. «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [Наст. изд. С. 10—22.].

Добавление молока в алкоголь (сперму) в этом отношении показывает, как пациентка страдает от недостатка секреции молока¹. Кофе — вероятно, станет кровью, так как коричневый цвет напоминает свернувшуюся кровь(?). Непосредственно за этим следуют ассоциации, которые рассказывают о крови и сильно подчеркивают красный цвет:

«Подавление алкоголя, — говорит пациентка, — должно происходить благодаря новому притоку «крови»: благодаря вывариванию красной свеклы в красное вино, выкипанию в сироп, использованию остатков медикаментов снова к нуждам кипения».

Здесь «алкоголь» используется в широком смысле сексуального зла, распутства. Сексуальное распутство равным образом подавляется через коитус. В качестве средств подавления следует понимать: новый «приток крови», «свеклу»², «вино» (=алкоголь= «сперматическая пропитанная кровью вода Иисуса»). Все эти средства красного цвета, как и доминирующее представление «крови». Спорным моментом является «варка» [kochen]. В этом, во-первых, есть намек на профессора Кохера [kocher], варка — кроме того, накал, осуществляемый при помощи огня, и значение огня, который очищает все, нам уже известно. Суть вытекает из всего того, что вываривание, также как и сожжение — сексуальное действие, которое происходит при «пылком» чувстве любви³.

«Для подавления сексуальной дисцентрии необходим новый приток крови, новое появление вещества. Я хочу вступить в сношения с профессором Форелем. Психологическую терапию можно было бы объяснить при помощи генезиса Лаокоона и усовершенствовать посредством эмульсии Скотта».

¹ См. «III. Гистология и ее лечение»: проф. Форель интересовался появлением грудного молока и объяснял его [Наст. изд. С. 23—24.].

² Вульгарное обозначение мужского полового органа.

³ Юнг указывает на видение Зосимы (Berthelot: Les alchimistes grecs [Berthelot, M. Collection des anciens alchimistes grecs. — Paris, 1887—1888. — 3 vols.]). З[осима] в видении идет вверх по лестнице, подходит к жертвеннику, в углублении которого находится кипящая вода и лежат люди. Это место μεταβολή^[a]. Οἶγάρ — ανθρώποι — ὡδὲ εἰσερχονται καὶ γίνονται πνεύματα φύοντες το σωμα^[b].

^[a] [μεταβολή (греч.) — изменение, превращение.]

^[b] [Человеческое — здесь проникает, таким образом становясь духом, заключенным в теле.]

Как и ожидалось, появляется профессор Форель, а потом психологическая терапевтика = ассоциативный эксперимент Dr. J.. Далее:

«Больных гистологией (=людей, страдающих болезнями тканей) нельзя возбуждать. Я хотела бы готовить не для мужа, а для детей. Это психологическая сковорода, которая служит основой не ненависти, а мира».

Мы сейчас обсудили, что приготовление пищи означает сексуальную функцию, которую пациентка хочет выполнять по отношению к детям. «Психологическое» (асексуальное) указывает на протест против сексуального (психологическая сковорода противопоставляется животной). «Психологическая терапевтика», само собой разумеется, нуждается в психологической сковороде, также как и психическое сексуальное общение — в животной. К чему же приведет эта враждебность против животного? Давайте вспомним о том, что вода (Иисус) пропитывается детской непосредственностью, так как Иисус говорит «будьте детьми». Нам уже известно, что «становление ребенка» равносильно для пациентки «рождению ребенка»¹. Здесь пациентка также хочет стать такой же невинной «как ребенок», при этом она готовит для детей или, как нам уже известно, после этого идентифицирует себя с ребенком через сексуальное общение. Как уже было изложено выше, эта идентификация означает, что она становится своим собственным ребенком, соответственно, рождает ребенка.

Подведем итог всего того, что исследовалось в этой главе.

Мы увидели, что определенные симптомы болезни лишь внешне связаны с различными событиями. Для пациентки постоянно существует логическая связь между симптомом и этиологическим событием. Как уже объяснялось, пациентка все время упрекала себя из-за онанизма: она считает этот грех причиной ее холодности к мужу и его неверности, аборта и любого несчастья. Она постоянно думает об онанизме и поэтому при каждом более или менее подходящем событии вспоминает об онанизме, что случается

¹ Юнг обращает мое внимание на тот факт, что эта фантазия лежит в основе «*unio mystica*»^[a].

^[a] [*unio mystica* (лат.) — мистическое единство.]

при любом сильном комплексе¹. Нормальный человек, конечно же, оценивает навязанные ему аналогии и сравнения лишь как таковые, пациентка же, напротив, не отличает подобие и идентификацию². Закупорка гортани у ребенка шариком, закупорка пищевода у матери из-за рака напоминает ей о кишечной непроходимости (т. е. о запоре, произошедшем из-за онанизма). Теперь в матери и ребенке она видит себя и никого другого, затем давайте представим, что желания этих людей, их действия — это потребности и желания пациентки, прежде всего в отношении себя самой. Таким образом, мать, ребенок и другие, как, например, бабенка, становятся ее символами. Дальнейшим следствием идентификации является то, что для создания символов пациентка использует ситуации ее родственников, в которые она вкладывает свое собственное значение, а именно в смысле выполнения желания неудовлетворенного комплекса, который стремится к постоянному господству над душой³. В своих «Вкладах к толкованию сновидений»⁴ Штекель утверждает, что в сновидении родственники представляли гениталии. По существу это кажется правильным, только вместо выражения «гениталии» я использовала бы выражение «сексуальная персона», что расширило бы понятие. Также и в сновидении нормального человека можно было бы объяснить таким же, только что упоминавшимся, способом, каким образом родственники становятся носителями желаний сновидца, а также то, что большинство вытесненных желаний в более узком или широком смысле — порождения сексуальной природы. В фантазии порождения пациентки несомненно сексуальное отношение к ее детям. Частичным образом это может быть следствием непосредственного сексуального сродства, так как всякая любовь носит легкий сексуальный оттенок. В сновидении отпадают будничные

¹ Ср. Jung. [C.G.] Über die Psychologie der Dementia praecox. [— Halle, 1907.] — S. 128: «Мы видим, что комплекс цитируется образными словами, в некоторой степени он уподобляет все».

² Ср. Jung. [C.G.] Über die Psychologie der Dementia praecox. [— Halle, 1907.] — S. 132: Рассмотрение идентификации.

³ Ср. Jung. [C.G.] Über die Psychologie der Dementia praecox. [— Halle, 1907.].

⁴ Данный ежегодник, 1 том, 2 часть [Stekel, W. Beiträge zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1.].

помехи¹, благодаря чему сексуальные компоненты могут проявиться более четко.

Другого человека любят настолько, насколько в нем видят себя, соответственно, подобие себе. Самая полная идентификация — сексуальное единение, являющееся вершиной любовной деятельности². При идентификации с ребенком и «бабенкой», вызывающей ненависть в сознании пациентки (отражение любви), мы обнаружили процесс. Но дети также отчасти являются символами, представляющими желания пациентки или желания, которые она навязывает страстно желанным ею людям. Так, например, мы видим, что «Ганс» выступает вместо своего отца профессора Кохера, также мы видим, что ее собственные дети берут на себя ее (пациентки) роли: дети, у которых те же недуги, онанируют, например, с «бабенкой», с которой пациентке хотелось бы иметь сексуальные отношения. Говоря коротко: дети представляют «сексуальную персону».

Более подробно в этой главе мы рассматриваем понимание болезни в смысле комплекса, как сексуального заболевания, возникшего из-за онанизма, соответственно, сексуальных отношений. Исцеление должно состоять в половом акте со здоровым мужчиной.

Интересен тот факт, что пациентка не всегда использует понятия в одном и том же значении; так, например, иногда под «гистологией» она подразумевает болезнь тканей, а иногда — связанную с этим меланхолию. Словом «*Marmite*» в большинстве случаев она называет «сковороду», а один раз также «лимфу». Она придерживается лишь общих категорий, детали иногда меняются.

Иногда создается впечатление, будто она стремится к подходящим формам выражения, т. е. символам. «Она пытается запутать», — сказал мне лечащий врач. Она превращает в символы все возможные, каким-либо образом подходящие вещи той же самой мысли, точно также как в сновидении. Наилучшим образом это представлено в следующей главе.

¹ Ср. Фрейд: Толкование сновидений [(1900a) // G. W. — Bd. 2—3].

² Ср. красивые примеры: Пфистер. Благочестие графа фон Цинцендорфа^[a]. Как мне сообщает Юнг, по этому образцу происходит также «*unio mystica*».

^[a] [Pfister, Oskar. Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf; ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. — Leipzig: F. Deuticke, 1910. — 122 s.]

IV. «ПРОМЫШЛЕННЫЙ, СООТ[ВЕТСТВЕННО], ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ВОПРОС»

У нас была возможность наблюдать у пациентки признаки комплекса бедности. Она жаловалась, что ее муж предпочел ей более богатую и красивую девушку. Благодаря ее комплексу бедности ее фантазии размножения выбирают объектом умножение «благословленных денег». Во время первого анализа она заметила: *«Вышивка соприкасается с проституцией, так как при этом можно заработать деньги»*. Выяснилось, что саму себя она называет «вышивкой», потому что должна была зарабатывать деньги вышиванием; она также часто называет себя «проституткой». Кроме того, она часто использует слово «вышивать» вместо «задушить» для обозначения закупорки гортани, пищевода, кишечника вследствие онанизма¹. Соответственно с этим вышивка — это одновременно и «онанистка». Пациентка не прилагает усилий для разграничения двух понятий²: в основе обоих лежит одна и та же причина, недостаток денег, отчего она с одной стороны вынуждена зарабатывать, с другой стороны — из-за последующего недостатка любви заниматься онанизмом. К этой области и относятся следующие высказывания пациентки:

«Детям и мне необходима дезинфекция кишечника. У меня это запущенность болезни — сифилиса и туберкулеза; это логика бедных. Врачи должны появиться быстро и сказать: вас либо убьют, либо похоронят заживо, если вы против дезинфекции. Если бедняки против дезинфекции, то получают наказание от Иисуса Христа. Дезинфекция связана с вопросом мыла. Необходимо проводить дезинфекцию с мылом, содержащим едкие кислоты, которые, возможно, смешаны со смягчающими средствами. Кишечник дезинфицируется этими средствами, которые принимаются вместе со средством, с хлебом. Профессор Форель поработал здесь».

Мы снова слышим о болезнях, которые, как известно, означают сексуальное зло.

¹ [В немецком языке это созвучные слова, сравните: *sticken* — *ersticken*. — Прим. пер.]

² Ср. *Jung*. [C.G.] *Über die Psychologie der Dementia praecox*. [— Halle, 1907.] — S. 132 и 140.

В качестве средства лечения пациентка ссылается на «дезинфекцию с мылом». Согласно тому, что нам известно о методе лечения на данный момент, в только что упомянутом лечебном средстве мы также подозреваем «сперматическую воду» и в соответствии с этим ожидаем найти «алкоголь», «субстанции химии Кохера» и подобные ассоциации. Это действительно так: как и алкоголь, который «очищает все», процесс дезинфекции есть также средство очищения. Как алкоголь, соот[ветственно], и субстанции Кохера принимаются вместе с хлебом; как там, так и здесь хлеб соответствует растворенной в воде «детской непосредственности» (=ребенку). Уже форма «вопроса мыла» указывает на «алкоголика» Фореля и его сексуальный вопрос и, наконец, пациентка открыто утверждает: «Профессор Форель поработал здесь (над этим средством)». Символ спермы служит здесь для обозначения дезинфекции кишечника, что указывает на использование пищеварительного тракта в смысле генитальной системы. Сифилис и туберкулез следует лечить при помощи сексуальных отношений со здоровым мужчиной (врачом). Если бы пациентка была богата, тогда бы она могла себе это позволить; но так как она бедна, то ее болезни запущены. Врачи должны «настаивать на дезинфекции». При этом пациентка хочет, чтобы бедняков убивали, хоронили живыми¹, чтобы они получали наказание от Иисуса Христа. Здесь лечение бедняков кажется противоречивым. Но я считаю, противоречие является лишь мнимым: наказание (фемгерихт), убийство и т. д. в равной мере означают сексуальный акт, как мы видели раньше, в котором на этот раз доминирует компонент победы. Согласно мнению Адлера, этот дисциплинарный компонент является необходимой компенсацией «греха». Представление о мыльной дезинфекции вероятно заимствовано из действительности, потому что во время родовспомогательной операции пациентка определенно была продезинфицирована; но дезинфекция приобрела другой, соответствующий комплексу смысл. В связи с дезинфекцией пациентка говорила еще что-то о своих детях, но, к сожалению, так как это было сказано второпях, я не могла это записать.

¹ Ср. с проф. Форелем, которого живым положили в гроб.

Она продолжает: «Промышленный или метафизический вопрос должен быть связан с вопросом о питании. Здесь растворение горючих веществ как подача питания для развития веществ в теле. Если, например, составные части испорченных предметов, даже если это металлические или геологические, или вегетарианские продукты земли, сжигаются с имеющимися веществами, а пепел в виде дезинфицирующей жидкости добавляется в различные блюда, то это следует принимать во внимание как экономико-метафизический эксперимент в отношении вопроса развития человека из пепла для психических влияний, которые, возможно, могли бы быть более веселого и радостного характера».

«Сексуальный вопрос» (Форель), кажется, всегда является создающим форму для всех «вопросов» пациентки, в то время как снова и снова появляется «вопрос». Вопрос питания в этом отношении — промышленный вопрос, например, рабочие, к которым причисляет себя пациентка, должны есть. Одновременно с этим процесс питания имеет у пациентки смысл «сексуального удовлетворения»¹: пациентка больна, нечистоплотна; таким образом, она является грязной землей (женщиной) и в соответствии с этим производит испорченные предметы, а именно: металлы, соответственно, топливо (как мы увидим позже, протоплазма в виде алкоголя). «Железо может укрепить тело, — считает она, — говорят о железной натуре». Кроме того, земля порождает геологические предметы. (Давайте вспомним о символике камней!) Наконец, у нас есть еще «вегетарианские продукты». «Вегетарианский» — снова означает большую защиту, соот[ветственно], утверждение животного². Эти продукты женщины (земли) должны сжигаться вместе с другими (здоровыми) продуктами или, согласно ранее проанализированному материалу, собираться в любви (огне!). Вместо того, чтобы эти продукты объединялись прямо в теле женщины, у нее на этот раз из-за сильной защиты по отношению к грязному сексуальному акту распадается: к веществам, сожженным до пепла, добавляется «дезинфицирующая жидкость», прежде чем она будет добавлена в блюда. При рассмотрении дезинфекции мылом мы узнали,

¹ (Алкоголь, хлеб и другие продукты питания аналогичны сперме, с помощью которой борются с «сексуальной дисцентрией». Проф. Кохер {который открыл, что лимфа=алкоголь, сперма} принуждает пациентку к сексуальному наслаждению и т. д.)

² См. «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [С. 10—22.].

что процесс дезинфекции соответствует сперме. Таким образом, мы находим первый половой акт — в сожжении до пепла¹, второй — в лечении дезинфицирующей жидкостью, так что из отрицания появилось как минимум двойное утверждение.

Давайте последуем за пациенткой далее: «Дезинфекция составных частей испорченных предметов, вероятно, через очищение содой. Подача питания для развития веществ в теле, например, осколки фарфора, шелковая лента, которую больше не стоит стирать, шелковая ткань, острие высушенного фарфора; если одновременно так очищается, моется, сжигается, алкоголизируется, снова высушивается кусочек золота или серебра, и его пепел в виде порошка используется в пище, то из этого выходят наблюдения функции головного мозга. Наблюдения за ртутью, золотом ведут к экономическому вопросу обновленного образования вещества, а также к психологии развития этих составных частей веществ».

Вопрос: «Во что развиваются эти составные части веществ?»

Ответ: «Да, это зависит от того, положительные или негативные это воздействия, объяснения, толкования сновидений. Это вид развития поташа для очищения души. Этот порошок можно сварить, чтобы не вызвать опасные симптомы, напр[имер], закупорки, закупорки клеток, фемзапоры».

Давайте сначала рассмотрим, как перерабатываются различные вещества: они очищаются. Очищение может быть подчеркнуто четыре раза, потому что «*вымыт*» равно «*очищен*», кроме того, как мы знаем, алкоголь и огонь очищают все. Известно, что «очищение» у пациентки — сексуальный процесс=коитус. Предметы «*сушатся*»; сушку мы поймем, если вспомним, что земля загрязняется мочой, и если мы, кроме того, вспомним о соответствующих упреках по поводу «*недержания мочи*» со стороны «*бабенки*». Не только пациентка, но и многие другие люди понимают под недержанием мочи онанизм. Взаимосвязь следует искать в близком родстве мочеиспускания с сексуальным актом с одной стороны и увлажнением вульвы при возбуждении — с другой стороны. Против этого смачивания (таким образом, против онанизма) объявляется «*сушка*», которая подчеркивается дважды. Очищенные и высушенные предметы дают пепел.

В разделе «II. Психолого-сикстинские эксперименты» мы уже видели сожжение до пепла. Там пациентка открыто заявила:

¹ Анализ проведен в «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [С. 10—22.].

«Пепел может стать человеком». Здесь еще раз подчеркивается сожжение (=вываривание).

«Этот порошок (сначала он назван пеплом, затем поташем¹) можно варить, чтобы не вызвать опасные симптомы, напр[имер], закупорки, закупорки клеток, фемзапоры».

Сокращенное «запор» повторяется и изменяется до тех пор, пока не называется «фемзапором». Она рассказывает то же самое, что в детстве она присутствовала на фемгерихте, где ее соблазнили к онанизму. Онанизм является причиной закупорки, как мы это уже слышали от пациентки, отсюда и вывод — «запор фем».

Поводом к онанизму пациентка называет холодность по отношению к мужу. Теперь мы понимаем, что пепел (т. е. сексуальный продукт) необходимо варить, или — что равносильно — что коитус должен происходить в случае «пылкой» любви, потому что если это «только физическая обязанность», если люди не любят друг друга (остаются холодными по отношению к друг другу), то они обречены на онанизм, являющийся причиной «запоров».

Теперь мы пришли к вопросу, во что развиваются вещества:

«Сначала подведем итог наблюдений функций головного мозга», — говорит пациентка, «рассмотрение», «проверить», «наблюдать» — это то же самое, что и соответствующее «осуществить функцию для проверки эксперимента»². Поэтому также наблюдаются и функции головного мозга (одновременно противоположность животного и намек на ассоциативный эксперимент Dr. J.). В зависимости от того, был ли это хороший или плохой человек, «в зависимости от того, хорошие или плохие это воздействия, объяснения, толкования сновидений» (=«психическое» лечение), происходит развитие веществ. Из психического лечения происходит «поташ» «для очищения души». Как уже упоминалось, здесь пациентка уклоняется от темы: вместо того, чтобы сказать, что получается из пепла (=сексуальный продукт), она рассказывает, что следует с ней сделать, в то время как ее внимание

¹ Возможно, этим можно объяснить выбор соды в качестве очищающего средства: пепел — поташ — сода.

² Ср. Dr. J. должен был быть алкоголиком на проверку, исполнять обязанности и т. д. «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [С. 10—22.]

остается прикованным к представлению вываривания (=сексуальный акт).

Какие вещества используются для создания порошка (пепла)? Прежде всего, это опять испорченные предметы, такие как: разбитый фарфор, шелковая лента, *«которую больше не стоит стирать»*. Что же пациентка хочет выразить фарфором, я не могу сказать¹. Мы видели, что она превратилась в какой-то камень, которому профессор Форель придает цвет. В следующем разделе мы встретим одного молодого художника, который делает то же самое, когда рисует камни. Мать этого художника должна быть подругой этого расписанного фарфора; возможно, фарфор означает то же самое, что и камень, а разбитый фарфор соответствует разбитой сущности пациентки. Для выражения благосостояния пациенткой используется шелк, так же как и кружева: *«Бедняки не могут носить тельце в кружевах, — считает она, — также они должны довольствоваться простым шелком»*. Устаревшая шелковая лента — это, таким образом, разрушенное благосостояние. Эти продукты, которые отпускает бедняк (т. е. пациентка), прибавляют продукты богача. Это такие продукты как: шелковая материя, кружева, золото и серебро. Серебро выступает связующим звеном с другой группой представлений, к которой относится ртуть, а именно к сифилисному заболеванию, которое берет свое начало от роскошной жизни и при котором применяют лечение ртутью. Наряду с наблюдениями за функциями головного мозга пациентка также говорит о ртути и золоте и, таким образом, в данном случае о вредном последствии богатства². Это относится к *«вопросу экономичности»*, который, как мы знаем, занимается изучением *«лечения»* бедняков.

Коротко подводя итог:

пациентка берет различные продукты бедности и богатства, которые в смысле сексуальной сущности, соответственно — продуктов, объединяет в любви, т. е. заставляет совокупляться. Из этого

¹ Потому что он сжигается в огне? Потому что обжигают цвета? Следующий материал подтвердит это.

² Из-за проституции, приводящей к сифилису, пациентка обвиняет то бедность, то чрезмерную роскошь.

получается продукт любви (сжигание) — пепел, из которого, как мы слышали раньше, появляются новые люди.

Чтобы быть в состоянии следовать далее, мы должны подумать о том, что в 1903 пациентка перенесла аборт. На основании данных из истории болезни мы делаем вывод о фантазиях о рожденном в сновидении ребенке из камня. При этом она испытывала боли. Г-жа директор сказала, что это животное. Кроме того, в учреждении пациентка видела тело, которое приводили в чувства, а потом также *«измученных детей в стеклянных гробах»*. После кремации матери она взяла несколько фрагментов костей домой.

Предоставим пациентке возможность рассказывать дальше: «Порошок можно было бы использовать для экономического лечения золотухи согласно вопросу дисцентрии, очищению стекла. Для очищения костей мелкое стекло варится и просеивается. Но затем нужно взять вегетарианский порошок, например, яблоки, очистить от кожуры и натереть. Это вопрос пищеварения. Этот порошок принимается вместе с кофе или супом».

После аборта пациентка увидела детей в стеклянных гробах. Что означает стеклянный гроб? Пациентка сводит *«очищение стекла»* с *«вопросом дисцентрии»*. Вопрос сексуальной *«дисцентрии»* мы встретили в начале раздела «II. Психолого-сикстинские эксперименты»¹. Там мы слышали о трех сковородах, от которых и берет свое имя *«вегетарианское»* пренебрежение к мясу (отражение сексуальности). Сковородка оказалась маткой, также как и ее аналог — *«котел химии»*. Мы также слышали о вегетарианских порошках плодородия, которые оказались спермой. Мы уже часто замечали, что сексуальная дисцентрия лечится *«очищением»*, и процесс *«очищения»* признается идентичным процессу оплодотворения. Также пациентка жалуется на затягивание *«туберкулеза»* у бедняков, против которого врачи вынуждены применять *«дезинфекцию»* (=оплодотворение). Здесь она говорит об *«экономичном»* лечении золотухи. *«Экономичный»* указывает на взаимосвязь с *«экономическим»*, т. е. с вопросом бедности. Золотуха соответствует туберкулезу; в соответствии с этим предложение выглядит следующим образом: *«лечение туберкулеза у бедняков»*. Сначала, согласно *«очищению»* кишечника (как показано

¹ [Наст. изд. С. 10—22.]

выше, используется в значении матки), стекло должно быть очищено. Как раньше, так и теперь здесь для «очищения» также используется сперма. Наша гипотеза подкрепляется тогда, когда мы слышим о «вегетарианском порошке», т. е. «вегетарианский», как мы всегда могли констатировать, означает что-то животное. Таким образом, стеклянный гроб — матка, которая оплодотворяется.

Из изложенного ниже мы поймем, почему матка варится и только после этого разбивается. Новозоон (=сперма) «добывается из голов и сперматического образования животных». «Для создания нового поколения должно быть препарировано все тело». «Новозоон — мертвая ткань». Для такого создания должен быть убит, растерт в порошок, растворен живой организм; с другой стороны, умерщвление и т. д. одновременно означает спасение, оживление. Почему кости очищаются? Кости, прежде всего, относятся к понятию мертвец, который может быть оживлен при помощи «сперматического лечения». У нас есть еще одно представление пациентки, которое объясняет нам, почему кости становятся нечистыми предметами: «вышивание и метафизическое обызвествление костей происходит из-за фемзапора». Как известно, «фемзапор» — следствие онанизма. Онанизм — причина сексуального заболевания, которое, со своей стороны, приводит к недостатку молока. «Искусственное молоко содержит много извести». Таким образом, обызвествление костей происходит из-за фемзапора, соответственно, из-за онанизма. Онанизм, как и следствие его — «загрязненные» (обызвествлённые) кости, должен лечиться посредством «очищения». Обызвествление называется «метафизическим». Согласно словам пациентки, «метафизика» — «сверхмогущество».

«Если в теле слишком много железа, — считает пациентка, — то человек становится сверхмогучим, потому что тогда говорят железная натура. Большое количество железа взаимосвязано с употреблением алкоголя»;

потому что при употреблении алкоголя появляется большая сила, которая, по мнению пациентки, происходит от железа. Позже мы увидим, что «железо» по значению равносильно «алкоголю». Муж пациентки (согласно ее данным) пил. Сначала алкоголь повышает либидо (возможно, это и являлось одной из причин

идентификации алкоголя и спермы). Пациентке не нравилось это в нелюбимом муже; поэтому она изолировалась от него и онанировала. Таким образом, «метафизика» — причина онанизма, а также причина его последствий, т. е. обызвествления костей.

Обобщение.

Речь идет о вопросе, каким образом пациентка могла бы заменить онанизм (аутоэротическую изоляцию) положительной любовью к мужчине, так как недостаток денег и любви для нее равносильны. Этот комплекс особенно варьируется в следующих символах: кишечника бедняков дезинфицируются, различные сломанные (бедные, грязные) предметы собираются вместе с золотом и другими продуктами богатства. Кроме очищения, коитус также выражается посредством умерщвления, сожжения, алкоголизирования. Сперма иногда называется пеплом, иногда порошком, иногда процессом дезинфекции; матка — иногда кишечником, иногда стеклом и т. д. Примечательно то, что из отрицания сексуальности сначала вытекает двойной сексуальный акт («сжигание» и «дезинфекция»). Эта символика повторяется без конца, например: «промытый», «очищенный», «сожженный», «алкоголизированный» и т. п.

V. «Поэзия тропов или символика воды»

Когда пациентка была 12—13-летней девочкой, в течение 2 недель она хотела познакомиться с молодым художником. Она рассказывает о нем следующее:

«Он был мифологом, так как мог оживить мертвеца; его наука была замкнута сама в себе; это связано с Сегантини, Пальменом. Однажды ему приснились прекрасные леса с роскошными женщинами. Роскошные фантазии, которые он старался увековечить, он рисовал на камнях в каменоломне. Уже тогда он был любимцем бога. Его мать была пожилой жительницей Берна; она была подружкой расписанного фарфора. Он был тихим, спокойным, одиноким; когда его мать умерла, он плакал о ней».

Художник, очевидно, пользующийся симпатией пациентки человек, — прототип профессора Фореля, который также должен был оживлять камни и обладал великой «пластикой духа». Сама

пациентка — это камень, который оживляет профессор Фореель. Также должно быть и с аналогичным ему художником.

Далее пациентка отмечает: «О художнике говорили, ему не нравился рассудок, так как он искал свои идеалы в искусстве. Я была близко знакома с ним 14 дней и размышляла над тем, что он мог бы задать новое направление искусству, возможно, это было бы искусство в тропях; он рассказал мне о Fata Morgana¹. Я человек, которому можно позавидовать, потому что в своей натуре я могу увидеть очень многое. В детстве во время игр у меня часто были видения тропов, как будто я могла видеть страну, которую еще никто никогда не видел. Тогда я еще не знала, что это мифология²».

Фата-моргану пациентка также понимает как свет, который она, как мы знаем, приравнивает к действительности³. Одновременно фата-морган — это феномен жарких стран, так что фантазии тропов могут быть вызваны отчасти этим.

«Лаокоон⁴, — говорит она, — это сфинкс, который мог бы разъяснить поэзию тропов: это, возможно, лес Пальмена с укромными местечками и добрыми животными, которые не пугают. Это животные, питающиеся посредством генезиса».

Вопрос: «Как же это так?»

Ответ: «Это называется генезис плодородия человека, т. е. принесенные в жертву дети; это может быть наполовину выросший плод — жертва матери для спасения отца. Поэтому мать воспринимается здесь как варварка, когда кидает своего ребенка животным. Это миссионерская опасность. Детей приносят в жертву, чтобы поймать животных».

Символ создания человека Лаокоон мог бы объяснить поэзию тропов, т. е. то, что эта поэзия⁵ связана с возникновением человека. «Животные питаются посредством генезиса плодородия человека». Этим пациентка хочет сказать, что у животных есть зародыш человека, который она потеряла при аборте⁶, и он был съеден животными. Оставление детей перед животными означает у

¹ [Fata Morgana (лат.) — фея Моргана, обманывающая путешественников призрачными видениями = мираж.]

² «Мифология совпадает с генезисом человеческого плода».

³ Юнг: Содержание психоза [Jung, C.G. Der Inhalt der Psychose. Akademischer Vortrag, gehalten im Rathause der Stadt Zürich am 16. Jänner 1908. — 1908.]

⁴ его искусство=искусство генерации.

⁵ Поэзия=любовь. См. главу I [С. 8.].

⁶ «Это может быть наполовину выросший плод, зародыш».

пациентки *«жертву матери во спасение отца»*. *«Если это лишь физическая обязанность, не любовь, тогда это уже жертва»*, — говорит пациентка о сексуальном общении с нелюбимым мужчиной, которого она также обвиняет в своей болезни и аборте¹. Она жертвует своего ребенка отцу, чтобы спасти его, соответственно, тогда спасти означает для нее вылечить (=сексуальные отношения), так она теряет своего ребенка, когда имеет сексуальные отношения с нелюбимым мужем. Но так как теперь с сексуальными отношениями все-таки ассоциируются представления о рождении ребенка, она использует эту возможность, чтобы обратить несчастье в исполнение желания: она не позволяет исчезнуть своему ребенку просто так, а возвращает его отцу (животному), так что теперь питающееся посредством генезиса животное снова становится способным производить потомство. Жертва также называется *«миссионерской опасностью»*. Согласно понятиям пациентки, миссия состоит в *«обращении язычников в христианство»*. Язычники — неверующий народ, а христиане — верующие. *«Религия»*, вера как противопоставление животному сексуальному, как было продемонстрировано не один раз, — это символ животного: *«обращение в христианство»* равносильно *«обращению в сексуальность»*².

Пациентка продолжает: «Если женщина при опасности на корабле в благословенных условиях, если, возможно, мужчина является врачом и жертвует во спасение женщины ребенком, однако он рад уходу женщины? Тогда он бросит жену животным. Если женщина знает, что муж живет с удовольствием, тогда она сама бросится животным. Это миссионерские опасности, которые должны произойти со мной, так как я — это миссионерский эксперимент. Эта опасность встретила меня, когда корабли преследовались морскими животными, нуждающимися в пропитании, и женщина была готова пожертвовать своим ребенком. Здесь у меня было много видений, что мои дети жертвуются животным».

Вопрос: «Каким образом дети приносились в жертву животным?»

Ответ: «Они приносятся в жертву миссии вместе со мной».

Предложение *«если мужчина является врачом»* бросается в глаза. Однако, возможно, это был врач, который во время аборта

¹ Ср. с разделом «III. Гистология и ее лечение». [С. 23—33.]

² Ср. «I. Католицирование» [С. 7—9.] и «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [С. 10—22.]. Dr. J. придает пациентке религиозную природу, в соответствии с этим состоит с ней в сексуальной связи.

принес ее ребенка (эмбрион) в жертву; это является причиной сравнения поступка мужчины, косвенно виновного в аборте, с поступком врача, удалившего ребенка непосредственным образом. Из этого сравнения пациентка, как всегда, делает заключение об идентичности: вместо того, чтобы сказать «если мужчина, как врач... принес бы в жертву моего ребенка», она говорит: *«Если мужчина является врачом и во спасение женщины приносит в жертву ребенка»*. При идентификации помощь оказывает второстепенное значение слова «retten» — освобождать, которое, как известно, означает «лечить»=иметь сексуальные отношения. Теперь мы тоже понимаем, почему «спасение» со стороны врача противопоставляется: *«однако, мужчина рад уходу женщины?»* Ее муж не хотел ее «спасать» (т. е. общаться с ней) как врач; он предпочел ей «бабенку»! Также и слово «ребенок» приобретает другое значение: что же тогда приносит в жертву муж своей жене, если хочет иметь сексуальные отношения с ней? То же самое, что и жена: она бросается вместе со своими детьми животным. До этого мы слышали, что дети пожирались животными, и толковали это, как коитус, при котором «ребенку» приписывалась роль сексуального продукта. Это была жертва. На мой вопрос, каким образом дети приносятся в жертву, пациентка отвечает: *«Они приносятся в жертву миссии¹ вместе со мной»*. Это делает «ребенка» еще более неотделимой частью матери, по смыслу — ее сексуальными органами.

Что теперь означает «корабельная опасность»? Пациентка рассказывает, что у нее было два аборта, *«это была корабельная, каютная опасность»*.

Вопрос: «Что вы понимаете под каютной опасностью?»

Ответ: «Каютная опасность — это когда животные заключают под божью кару. Я была в клетке, в клетке J², где я была покрыта квадратным покрывалом; там была змея. Она всегда появлялась и снова уходила. У змеи может быть дух человека³, божий суд; она подруга детей. Она спасет

¹ Таким образом — обращение в «христианство» — это сексуальная жизнь.

² Отделение для буйных.

³ Ср. в анализе Юнга (Psychologie der Dementia praecox. [— Halle, 1907.] — S. 161.) аналогичное место: *«Тут до моего рта дошла маленькая зеленая змея, как будто у нее был человеческий разум»*.

тех детей, которые необходимы для сохранения человеческой жизни». (После этих слов пациентка ложится).

Змея — это божья кара, таким образом, божий суд. (Значение суда, наказания уже известно)¹. Змея спасает детей, необходимых для сохранения человеческой жизни. «Спасать»=совокупляться. Таким образом, змея совокупляется с детьми для сохранения вида! Это свидетельствует о том, что «ребенок» является символом сексуального органа.

Вопрос: «Каким образом змея спасает?»

Ответ: «Она может быть полезной, а может и убить ядом».

Она размышляет о пышности цветов змеи: «Это божье животное, обладающее великолепными цветами: зеленым, синим, белым. Гремучая змея зеленого цвета²; она очень опасна: она обвивает человека и давит его; это напоминает мне об экспериментах в цирке или зверинце. Змея — это символ фальшивости. Под предлогом спасения и заверения в том, что она меня не укусит, она заползает на меня. Возможно, это символ мифологии³. Мифология связана с животными, которые появляются посредством воды и огня, различные морские животные. Отсюда появляются различные животные».

Сразу после этого ей приходит в голову проанализированное в главе «II. Психолого-сикстинские эксперименты»: «Человек также может растворяться в воде»⁴. Здесь я должна сослаться на более ранние объяснения этого пункта. Там мы видели, что этот растворенный в вине человек означает пребывающий в материнской любви плод, в то время как вода — это «вода, пропитанная детской непосредственностью». Мы находим еще другие места с аналогичными фантазиями о воде; так мы еще услышим о «сперматических ваннах» и т. п. Можно было бы всегда указывать на положительное в негативном. Так, например, змея становится полезной благодаря

¹ См. главу «Психолого-сикстинские эксперименты», соот[ветственно], «Гистология и ее лечение». Здесь было показано, что наказывать, бить, убивать значит иметь сексуальные отношения.

² В анализе Юнга, I. c. S. 161 [Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907.] змея также была зеленой; также в видениях Миллер (Arch. de Psychologie. — Band V. — S. 50.) «une vipere verte»^[a].

³ =генезис человека.

⁴ [Наст. изд. С. 20.]

^[a] [Une vipere verte (лат.) — одна зеленая змея.]

ее ядовитому укусу. Змея — «символ мифологии», таким образом, генезис плодородия человека. При этом яд — это, несомненно, сперма. Что еще, если не «яд», можно было ожидать в качестве символа генезиса плодородия человека? Не следует удивляться обозначению «яд», так как мы уже слышали, что сперма — мертвая ткань. Змея «спасает» пациентку, в то время как она ее оплодотворяет. Змея, соответственно, другие животные «съедают жертву с корабля в воде», т. е. ее детей в материнском теле, соответственно, в сперме. Так появляются новые животные. Акт возникающей жизни представлен в символике смерти, т. е. прерванные посредством аборта беременности компенсируются при помощи фантастического (негативно-символического) восстановления беременности. У нас есть еще другие примеры этого механизма. Так, в анализе часто проявляется враждебная черта по отношению к сестре: она хочет занять ее место, сестра присоединяется к грязным предположениям «бабенки» и т. п. Пациентка поручает сестре «плыть на верхнее озеро Цюриха в корзинке Моисея». На вопрос, что это значит, она быстро отвечает это означает опасность. Затем она утверждает, что дома она заметила у сестры сердечную слабость. Как показывает Ранк¹, корзина Моисея — это лоно матери, что также подтверждается этой идеей пациентки. Как герои Ранка, как выше ребенок (эмбрион) у пациентки, также и сестра удаляется посредством возвращения в прежнее состояние, предположительно, чтобы родиться снова. Очень правдоподобно то, что пациентка относительно сестры одновременно выполняет две задачи, если та самая сестра, как это только что было показано в случае с ребенком, точно также становится сексуальным символом. Верхнее озеро Цюриха — это место, где пациентка испытала свое первое эротическое желание. Именно здесь она губит свою сестру. Следующее сновидение свидетельствует об этом:

пациентка видит себя переходящей в грязной воде вброд все озеро Цюриха. При этом ей приходит в голову: «Сестру и младшего брата профессора Фореля связывала школа, поэзия по дороге в школу; он хотел принудить ее проституировать, но я сказала: "Отвергни его! У людей искусства свободные взгляды!"»

¹ Миф о рождении героя [Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden: Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1909. (Schriften zur angewandten Seelenkunde Heft 5.)].

«Поэзия по дороге в школу» — это, конечно же, не событие реальности, а фантазия. «Брат профессора Фореля», также «человек искусства», — Dr. J. (возможно, на это указывает немецкое слово «junger» — младший). С одной стороны, Dr. J. для нее воспитатель, как психиатр, к тому же его зовут Карл, и он большой; так он напоминает о Карле Великом и его школьных реформах. У пациентки также появляются ассоциативные ряды от Dr. J. к Карлу Великому. Также не следует забывать, что ее муж — профессор, часто идентифицируется с врачом, так что по профессии муж становится врачом и наоборот.

Отсюда и «поэзия по дороге в школу». У пациентки много фантазий, в которых реализуется ее желание «проституироваться» Dr. J.. Здесь сестра пациентки играет роль, которую охотно сыграла бы сексуальность пациентки. «Грязному» (нечистоплотному) желанию со стороны Dr. J. относительно сестры в сновидении пациентки соответствует нечистая вода¹.

«Души, упавшие в воду, — говорит пациентка, — спасает Бог: они падают глубоко на дно. Из воды меня вырвали за волосы в ванну. Души спасает бог солнца». Теперь мы на самом деле видим, что «души, упавшие в воду», «спасаются». В соответствии со смертью это означает лишь возрождение.

Сразу после этого у пациентки возникают галлюцинации голосов: «Юные девушки плыли на корабле около монастыря Вурмспак; корабль дал течь, они не верили в бога и Иисуса Христа и поэтому должны были умереть»².

Мы знаем, что пациентка называет аборт «корабельной опасностью». «Это была корабельная, каютная опасность», — говорила она выше. Здесь ей в голову также приходит корабельная опасность, «жертвой» которой пали «неверующие» девушки. Голос напоминает ей о «католических последствиях», т. е. о последствиях, которые возникают от неправильного образа жизни католика (ее мужа). Пациентка приписывает вину в аборте неверности ее мужа. Кроме того, голос напоминает ей о прогулке, которую она предприняла за несколько дней до того, как она услышала

¹ Ср. «У Dr. J. есть свой определенный пол, ясность и правда воды». Там было показано, что вода = «сперматическая вода». Здесь вода нечистая (контраст).

² Здесь пациентка ссылается на событие, которое действительно происходило.

о несчастье. На том же самом месте, где случилась вышеупомянутое несчастье, по словам пациентки она потеряла медальон с фотографией сестры и камень с семью жемчужинами. Итак, как и жертва при кораблекрушении, как пациентка и ее дети были «завалены»¹ водой, как сестра попала в воду в корзинке Моисея, так же пропали и медальон с фотографией сестры, и камень². Все это символы «завала» для соответствующих продуктов аборта, которые, как только что было показано, возвращаются на место их возникновения (воду — материнское лоно), чтобы потом снова родиться.

Обобщение.

В этой главе мы занимались комплексом аборта. Как раньше, так и здесь смерть означает «воскресение»³. В смысле Ранка представляется уничтожение эмбриона как возвращение в родителей (согласно ему, в материнское лоно), из чего потом происходит возрождение. Пациентка понимает само возвращение как сексуальный акт. («Жертвы» съедаются животными). Эмбрион (ребенок) приобретает значение сексуального органа⁴. Эта идентификация сексуального органа и ребенка не должна казаться нам такой уж странной. Нам известны многочисленные примеры, когда производитель называется точно также как и то, что он произвел, или как его производящий орган. Так, по-русски «папа» — отец на детском языке и языке няnek, также означает есть или хлеб (о котором позаботился отец). Также и «няня» — воспитатель детей и «ням-ням» — есть. «Мама» — мать и «мамма» — грудь. Параллель этому: «мать» — «матка». В русском языке существует слово «матка», обозначающее как мать, так и матку. Это примеры, которые являются общеизвестными. Поэтому непостижимо, как критика могла поколебать утверждения Штекеля⁵, что родственники в сновидении также представляют гениталии.

¹ «Завал» — это диалектное выражение для обозначения аборта.

² Камень для пациентки означает «мертвое существо, которое можно ожить». Это делает Форель.

³ В соответствии с известными религиозными представлениями.

⁴ Ср. Вклад в Толкование сновидений. Данный ежегодник, том I. [Stekel, W. Beitrage zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1.]

⁵ [Stekel, W. Beitrage zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1.]

VI. «ЖЕЛЕЗО, ОГОНЬ, ВОЙНА»

Пациентка говорит:

«Существуют произвольные и произвольные железные препараты. Произвольные препараты получают из кузнечного горна. Их можно снова превратить в кофе, но только их нужно использовать в очень маленьких дозах, чтобы образующаяся из них натура могла растворяться. Оно должно быть химически чистым, как один вид новозоона, порошок, образованный из любого вида водянистого вещества».

В главе «II. Психолого-сикстинские эксперименты»¹ мы узнали, что новозоон — это сперма. *«Новозоон — это нечто из любого вида водянистого вещества»*, — также говорит там пациентка. Химически чистое железо приобретает, таким образом, точно такое же значение как сперма (новозоон). Потому из этого равным образом появляется новая натура (человек). Нам уже известно, что человек может растворяться в воде (в *«сперматической, пропитанной кровью, воде Иисуса»*). Здесь железный порошок=сперма растворяется в кофе. О кофе мы слышали в главе «Гистология и ее лечение» и на какое-то время предположили, что кофе соответствует крови. Здесь нам навязывается точно такое же толкование: растворенный в кофе порошок = растворенный в крови человек. Пациентка представляет себе, что человек находится в утробе матери в растворенном состоянии². Пациентка, как отмечено в главе *«Промышленный вопрос»*, благодаря мыслям о «сверхсильной» натуре ее мужа обращает внимание на железо. *«Если в теле человека очень много железа, то он становится сверхсильным: говорят о железной натуре»*. Ее муж, как алкоголик, был «сверхсильным». Мы уже слышали, как сверхсила приводит к онанизму, который вместе со связанным с ним заболеванием сексуальных органов ведет к недостатку молочной секреции; так как искусственное молоко содержит много извести, из «сверхсилы» образуется *«метафизическое обызвествление костей»*; у пациентки «метафизическое» — это «сверхсильное». Мы также уже слышали, что кости «очищаются» через сексуальные отношения.

¹ [Наст. изд. С. 10—22.]

² Ср. с главой «Психолого-сикстинские эксперименты». Предположительно, это остаток инфантильной теории.

И поэтому мы понимаем следующее предложение: «Если в теле имеется слишком много железных добавок¹ для очищения костей, то тогда возникает метафизическая болезнь» (т. е. болезнь, причина которой сверхсила, соот[ветственно], метафизика). Под сверхсилой пациентка понимает повышенные сексуальные желания со стороны мужа, которые противны ей. Поэтому она находит себе прибежище в изысканных вегетарианских средствах (защита от животного).

«Изысканные препараты, — продолжает она, — лесные орехи, миндаль, вишня, косточки домашней сливы, отборные овощи, волокнообразные образования ...» и т. д. Далее она снова заговаривает о железе: «Геологи принесли камень в соединении с железом. Тут появляется огонь. Горячий камень может нагреть железо или наоборот. Если железо горячо, его можно ковать. Это связано с созданием человека».

«Ковка» — это аналог «пластического искусства». Этому соответствует продолжение: «Это может осуществляться посредством патологической науки с мифологической».

«Науку» пациентка использует в значении болезнь, как было показано в главе «Гистология и т. д.»², при этом болезнь эта сексуальная, соответственно, является сексуальным излишеством. Излишество может быть патологическим (доведено до болезни), но также и мифологическим, т. е. взаимосвязанным с генезисом человека.

«Патологическая наука — это человеческая пыль, связанная с пластическим искусством, он сам³ посвятил пластическое искусство кладбищу; тогда мертвецы должны быть снова подняты. Если их души находятся высоко, то они умирают в Иисусе Христе. Но как только приходит смерть, а Иисус Христос на смертном ложе, то тогда не возникает никаких мучений: он спасает их души в другом царстве, например, в долине темноты. Пыль должна служить человеку для создания новых людей: прием новых материалов при помощи расписанного камня, олицетворение фемического искусства, которое вызывает патологическое».

Пациентка заболела из-за «фемического искусства» (онанизма), она превратилась в «мертвый камень» («фемическое искусство вызывало патологическое»), но из мертвеца равным

¹ Железо=сперма.

² [Наст. изд. С. 23—33.]

³ Выше, проф[ессор] Форель.

образом возникает новая жизнь¹. Фемическое искусство ведет к новой жизни, в то время как оно убивает. Такая точка зрения параллельна христианской теории спасения, что именно те, кто умирают во Христе, рождаются снова для вечной жизни.

«Железо необходимо для пробурывания земли, — *давайте послушаем далее*, — для завершения огня. При помощи железа из камня можно создать холодных людей. Люди, которые несправедливо страдают под замком и запором, должны быть освобождены. У людей это учение анатомии: земля раскалывается, взрывается, человек делится. Это известно в хирургии. Человек разделяется и снова составляется».

Здесь железо представляется пациентке как кусок металла, который используется для пробурывания земли, т. е. женщины. Ей в голову приходят такие фантазии после того, как она рассказала о создании человека.

«Чтобы положить конец захоронению заживо, — *добавляет пациентка*, — Иисус Христос велел своим апостолам просверлить землю. Из долины темноты меня освободил профессор Форель»². *За этим следуют приведенные выше и относящиеся к комплексу аборта фантазии кораблекрушения.*

Едва ли нужно говорить, что под пробурыванием земли подразумевается оплодотворение женщины. Мы уже знаем, что пациентка посредством профессора Кохера преобразовывает операционное лечение «матери» в символ сексуального акта (ср.: «Профессор Кохер хотел принудить меня сексуально наслаждаться», и тут же объяснение). Из этого становится понятно, что хирургия состоит здесь на службе сексуального акта: «это известно в хирургии». Освобождение людей, страдающих под замком и засовом (запертых в лечебнице, как пациентка), это «учение анатомии». Так же, как в главе «Гистология и т. д.»³, «наука о тканях» называется «болезнью», так и здесь пациентка использует вместо слова «болезнь» — «учение». «Это болезнь, связанная

¹ Ср. «Для производства нового поколения необходимо препарировать все тело. Новозоон — это препарат из мертвой ткани». Устранение (уничтожение) детей, сестры одновременно является возрождением.

² Когда к ней в комнату однажды пришел Dr. J., она закричала: «Я благодарю вас, вы освободили меня».

³ [Наст. изд. С. 23—33.]

с *женской анатомией*», следовало бы реконструировать предложение в речи пациентки. Вслед за этим она говорит об аборте. Ассоциации с расколом земли соответствуют представлениям о рождении: при этом женщина (земля) *«раскалывается»*, т. е. в ней образуется трещина, через которую появляется ребенок. В главе «Психолого-сикстинские эксперименты»¹ мы уже ознакомились с точно таким же представлением о рождении: *«это описание итальянских озер; они появляются через трещину в земле (теле женщины)»*. Этот процесс привел к возникновению легенд, связанных с созданием человека. Легенда у пациентки равносильна также сновидению действительности. В соответствии с этим можно было бы сказать: «Это итальянские озера» и т. д. «Это связано с возникновением человека». Мы также знаем *«анатомический экзамен»* = *«вскрытие души»*, которым с пациенткой занимается Др. J., которое оказывается сексуальным действием.

В следующем отрывке мы встречаем точно такой же механизм:

«Господин С., фабрикант железных пожарных лестниц в России, ассоциируется с другим фабрикантом, дочь которого не была милой по отношению ко мне; она была немного невоспитанной: когда я была в отделении J.², куда она приходила студенткой, то она отчасти делала мне инъекции, отчасти пункции. После этого оставались открытые раны, которые превращались в гнойники. Я спросила ее, что такое змий? Барышня показала мне язык; потом сказала мне: «Однажды вы были в хороших отношениях, и тогда я бы тоже была вежливее с вами». С барышней я познакомилась в заведении. Ее зовут «Гольденб...», у нее были «золотисто»-коричневые волосы, прелестные волосы, грациозное тело. Господин С. говорил мне про барышню. Господин С. — это друг моего мужа; в общении он был очень культурным и приятным. В нем и его супруге было ко мне чувство симпатии. Господин С. долго болел».

Обращение ко мне: «А вы знаете, что такое змий?»

Из вышесказанного вытекает, что фабрикант С. был симпатичен пациентке; являлся ли он в качестве симпатичного человека или же символа железных пожарных лестниц, что вскоре излагается еще подробнее, постоянным сексуальным символом? По его воле дочь его компаньона, персона, с которой он находится в хороших отношениях, непременно делает пациентке пункцию или

¹ [Наст. изд. С. 10—22.]

² Отделение для буйных.

инъекцию¹. «Дочь» — русская студентка²; она проводит аналогию со мной; этому соответствует также и то, что она задает мне, как и той даме, точно такой же вопрос. И хотя «дочь» невоспитанная, но при этом приятна пациентке, так как она считает ее красивой. Это положительный перенос у пациентки и на меня, так как она часто делала мне комплименты, хотела меня поцеловать. Каверзный вопрос о «эмии» — это exhibition³ слов, Dr. J. тоже сначала «проверял» пациентку и лишь потом разработал на ней (сексуальную) функцию. Пациентка показывает мне свои проблемы, она ожидает, что я подавлю ее «сексуальную дисцентрию», в то время как я подведу ее к желаемому (т. е. мужу). Так как она переносит на меня относящиеся фантазии, я непосредственно становлюсь «сексуальной персоной».

«Как медик вы должны взять на себя подавление дисцентрии, — говорит она мне, — это связано с Marmite. У вас скарлатина и вы должны позаботиться о том, чтобы не заболеть дисцентрией. Вы можете подавить эту дисцентрию посредством геолого-вегетарно-мифологической терапии леса: это теория минералов Либиха; это соединение крови, которое по структуре становится текучим или снова твердым». После этого пациентка говорит о «лимфе Кохера» и т. п., что уже обсуждалось в другом месте (лимфа=сперма).

Я сама (референт) «инфицирована», болею «скарлатиной», могу заболеть «дисцентрией», как все, «заразила» пациентку положительно или негативно. Нужно освободить всех; для этого следует использовать сложную «терапевтику», а именно геологическую, так как «геология» объединяет камень с железом (для создания человека), «вегетарианскую», так как в антисексуальном скрывается самое сильное сексуальное, и, наконец, «мифологическую», что непосредственно означает «связанное с созданием человека». «Терапевтика леса» — потому что здесь, т. е. в лесу, живут «животные, питающиеся посредством генезиса»⁴.

¹ Как раньше вместо Фореля или Кохера ею занимались брат или сын.

² В действительности.

³ [Exhibition (англ.) — выставка, показ.]

⁴ Ср. с предыдущей главой [«V. Поэзия тропов или символика воды» С. 42—49.].

Под твердым состоянием крови пациентка, по всей вероятности, представляет себе беременность. Это народное суеверие, что менструальная кровь используется для создания ребенка: кровь больше не течет, таким образом, якобы уплотняется, и из этого образуется детское тело. Сразу после пробуравливания земли пациентка думает о фабриканте С., особенно о студентке, которая ее также «*пробуравила*», в то время как делала ей «*инъекцию*» или «*пункцию*». И здесь мы должны истолковать пробуравливание так же, как оплодотворение¹. Возникает гнойник, а стало быть, опухоль, указывающая на разбухание матки. Болезненность «*гнояника*» не противоречит этому, потому что весь процесс у пациентки глубоко смешан с болезненными представлениями.

Теперь мы обратимся к сомнительному вопросу: «*Что такое змий?*»

«Змий больше комнаты, — *поучает меня пациентка*, — он живет в море, ловит животных. Это богоподобный приговор. Я видела это животное, а после этого защищала моего брата от льва. Мой брат сидел в русской Польше на морской границе в похожем на парк лесу. Животное символизировало вид приговора, подписанного европейским миром».

Необходимо знать, что пациентка обладает богатой военной символикой, посредством которой она выражает конфликты с окружающим миром и ее тяжелые страдания. Например, во время наркоза при аборте она видела сновидение о русско-японской войне. В сновидении ее страдания испытывали солдаты, в то время как она видела их в убогом состоянии и ранеными и сопереживала им. Война для нее — обобщающее понятие, обозначающее «убивать», «ранить» и т. д., обладает также точно такой же сексуально-мазохистской окраской, как любое другое мучение, и также требует такого же «*освобождения*» = лечения.

То же самое означает также негативное в войне: «мир»² целесообразным образом достигается через «*богоподобный приговор*». Точно такое же выражение мы встречали при упоминании о «*змее*».

¹ Кроме того, известным фактом является то, что инъекцию пациентка понимает как коитус, поэтому она часто протестует против инъекций.

² Ср.: «*Я хочу готовить не для мужа, а для детей*». Там обсуждалось, что «мир», который при этом ищет пациентка = сексуальному сношению.

В конце концов, змий — это огромная змея; он спасает точно таким же способом. Брат сидит на змее. Фрейд¹ обращает внимание на то, что дети представляют себе, что владеют чем-либо, когда сидят на этом. Здесь это будет означать, что брат — владелец змия, а потому человек, укрепляющий при помощи своего «змия» «мир». Если эта гипотеза правильна, то мы должны суметь доказать положительный перенос на брата. Это, конечно же, возможно, если мы вспомним, что действующая персона называется «*братом*»; так Dr. J. — брат профессора Фореля, кроме того, брат профессора Кохера. Дальнейшие отправные точки мы найдем в главе VII².

Что особенно касается символики леса (брат сидит в покоем на парк лесу), то мне не хотелось бы, припоминая работу Риклина³, оставлять это без внимания, потому что бог пациентки точно также, как и железные предметы, «*просверливает лучом землю (=женщину)*». Мы также увидим точно такую же лучевую символику в других местах. Луч и железные предметы обнаруживаются в точно таком же сексуальном значении. Если теперь пациентка утверждает, что бог посылает свои лучи в лес, то это невозможно, потому что следует ли толковать лес согласно точке зрения Риклина⁴?

Относительно военной символики я спросила пациентку, принимала ли она участие в войне.

Ответ: «Поскольку я была здесь застрелена. Дома я с моим мальчиком играла в солдат. Здесь мне прострелили легкое. Это сделал бог. Если бог хочет призвать к себе душу ребенка, то все старания напрасны».

Как мы видим, у пациентки от плохого образа жизни «заболевание легких и сифилис». Если бы она сделала бога больным туберкулезом через защиту (что мы у нее = есть сифилитическое), то это значило бы, что он «*проституировал*» ее. Мы уже видели,

¹ Анализ фобии пятилетнего мальчика. Альманах 1909. [Freud, S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b) // G.W. — Bd. 7. — S. 241—377.]

² [Наст. изд. С. 62—66.]

³ [Riklin, F.] Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen. — Wien, [Leipzig: Franz Deuticke, 1908. — 96 s. (Schriften zur angewandten Seelenkunde. Heft 2.)]

⁴ А именно, как волосы лобка. Ср. также анализ Доры у Фрейда. Собрание небольших сочинений по изучению неврозов [Freud, S. Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]) // G. W. — Bd. 5. — S. 27, 33—145.]

каким образом посредством «сперматической воды» бог «спасает», и каким образом он ее «наказывает», так что мне не кажется, что такой вывод наталкивается на сложности. Она также утверждает, что Dr. J. (аналог Иисуса Христа) «проституировал» ее, он друг мормонов, который хотел бы разводиться каждый год¹. Вскоре она отрицает, что в нее стрелял бог: это были выстрелы войны. Но при этом в другом месте она говорит, что войны были посланы богом.

«Это были опустошения, которые наказывают страну. Либо я была так сильно больна, что хотела быть застреленной?»

Все это сводится к тому же; отрицание показывает лишь сильнейший чувственный акцент и характерную неуверенность выражений о комплексе. Давайте вспомним, что в главе «Психологосикстинские эксперименты»² пациентка противиться причислить Dr. J. к алкоголикам:

«Я не знаю, имеет ли Dr. J. к этому отношение, — *слушаем дальше*. — Один раз мне выстрелили в голову, — *рассказывает она*, — один раз в грудь и один раз в глаза; потом произошло воскрешение только духа, возможно, благодаря господину Dr. J. через миссию, в мифологическом миссионерском вопросе католических обязанностей ребенка по отношению к родителям».

Здесь роль Христа перенимает Dr. J., который воскрешает пациентку тремя выстрелами. Эти выстрелы также имеют значение сексуального действия. Сначала на это указывает подчеркивание негативного в животном, в то время как пациентка говорит о воскрешении «духа». Как обычно, потом следует позитивное: воскрешение происходит благодаря «миссии», которая, как известно, состоит в «обращении язычников в христианство», соответственно, противящихся сексуальным отношениям. В качестве подтверждения миссионерский вопрос называется «мифологическим»³.

¹ Dr. J. женат. При аналогичной возможности пациентка говорит профессору Блейлеру, что она не Турция (Турция — это *доброжелательная по отношению к мормонам* страна). У Юнга (Psych. der Dem. praec. Kap. V. [Jung. C.G. Über die Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907.]) пациентка говорит: «Я — Турция».

² [Наст. изд. С. 10—22.]

³ Мифология связана с созданием человека.

Пациентка продолжает: «Должен существовать вопрос об обязанностях ребенка по отношению к родителям, у которого такие же чистые намерения в экзамене религиозного вопроса, как самая ранняя языческая миссия была призвана к жизни посредством Базеля. Иисус говорит: «Велите детишкам прийти ко мне и не препятствуйте им в этом»¹.

«Миссия» (миссионерский вопрос) занимается «вопросом обязанностей детей по отношению к родителям», т. е. созданием = производством детей, потому что оно состоит в проверке² «религиозного вопроса» = сексуального вопроса, и за «проверкой» следует, как известно, осуществление соответствующей «функции», а стало быть коитуса, ведущего к созданию детей.

Вопрос: «Каким образом это связано с Dr. J.?»

Ответ: «Он говорил, что его отец священник, его школьное образование — чистое; это воспитание; это воспитание, которое подразумевает рост народа, следовательно тех людей, кто заслужил это».

Dr. J. на самом деле сын священника. Его «чистоту» пациентка видит в том, что он отдает свое предпочтение бедным людям («народу»), к которым себя и относит пациентка, в отличие от ее «нечистоплотного» мужа, который предпочел ей богатую девушку.

Вопрос: «Почему один выстрел должен быть сделан в глаз?»

Ответ: «Чтобы принести в жертву богу внутренний глаз. Воскресить духов, у которых чистые намерения. Это относится к белому кресту, к невинности».

Вопрос: «Почему в голову?»

Ответ: «Потому что брань, находящаяся в голове, выходит».

Вопрос: «Почему в грудь?»

Ответ: «Возможно, говорят, хотели взять немного крови из сердца, чтобы из *physe*³ вышла не самая дальняя капля, у которой больше нет права сквернословить. У Dr. J. очень религиозная натура».

Важно то, что можно обосновать каждый из трех выстрелов; кроме того, примечательно то, что числом выстрелов является сим-

¹ Ср.: «Пропитанная детской непосредственностью вода». Хлеб превращается в ребенка, потому что Иисус говорит: «Будьте детьми».

² См. «II. Психолого-сикстинские эксперименты» [С. 10—22.].

³ [Physe (лат.) — здесь: физическое.]

волическое число 3. Также и сковородки, символы органов поколений, представлены числом 3 (психологическая, вегетарианская, животная). Теперь пациентка также старается разделить «детскость» на три категории, хотя это удастся ей не сразу. Она говорит, что существует «три детских вопроса».

Теперь мы переходим к понятию «воспитание» («потому что у Dr. J. чистое воспитание»). Пациентка говорит:

«Если большое тело хочет находиться над маленьким мастером, оно должно быть благородно, характер мужчины. В конфессиях должна быть логика. Я ищу логику в старом католицизме. Бог и Иисус Христос испытывают иудаизм; это выше эстетического учения или вины Иисуса Христа, которая должна быть непорочна». «Непорочная» вина согласно значению то же самое что и «чистая», соответственно, «невинная вина». Это хорошо известное нам представление через противопоставление¹. Теперь также следует позитивное: «Невинная вина связана с сикстинской² виной Марии Магдалины, связана с Карлом Великим, который связан с воспитанием».

Карл Великий — это Dr. J., как мы видели в предыдущей главе. Мария Магдалина, совершившая по отношению к нему сексуальное действие (вину), делает то, к чему в своих фантазиях постоянно стремится пациентка. Таким образом, Мария Магдалина — это пациентка в ее «сексуальной персоне». Пациентка называет себя бедной. Поэтому точно так же она думает и дальше:

«Он (Карл Великий) заботится о благородной классификации бедных; это ведет к лесной лилии Петера Розеггера, который претворяет в жизнь поэзию в народе, что было бы невозможно без точного изучения эмпирической сексуальности. Это определенная обязанность в народном движении, как Карл Великий оценивает дружбу в конфессиональном отношении».

В своих трудах писатель Петер Розеггер рассматривает жизнь (любовную жизнь) бедных классов народа. Поэтому с ним сравнивается Dr. J.. Как Петер Розеггер, так и Dr. J. должны были сначала «изучить» («испытать») сексуальность, а потом осуществить соответствующую функцию. Это нам уже известно. Петер Розеггер, как и Dr. J., оценивает дружбу «в конфессиональном

¹Ср. Фрейд: Толкование сновидений [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.].

² = сексуальной.

отношении». «Конфессия» — это то же самое, что и «религия», т. е. «сексуальность»¹.

Мы слышали от пациентки: «Dr. J. неправильно понял дружбу по отношению к женщине, в то время как он для испытания эксперимента также должен был выполнить функцию, которая связана с сикстинским (сексуальным) искусством».

Далее пациентка говорит: «Существует поэзия в белом и черном крестах. Иисус Христос умер во имя чистой ступени религии, во имя чистоты, чтобы мы испытали детскую непосредственность в чистоте. У нас есть больные дети. Они лечатся воспитателями словом и речью, в связи с воляпюком². Это перенос от Карла Великого. У нас был очень хороший учитель истории. Это гистология Карла Великого в истории. У юмористики есть большое право получить награду. Гистология Карла должна основываться на разногласии в музыке. Ему было недостаточно радости народа, он искал серьезных существ, также серьезных женщин, которые в состоянии развивать свою меланхолию. Он был великим меланхоликом. Гистология — это болезнь. Возможно, это что-то платоническое в завершенной музыке».

Черный и белый кресты символизируют мучения из-за неправедного и праведного дела. Иисус умер за праведное дело, за «испытание» «детской непосредственности», т. е. за осуществление «функции»³, связанной с «детской непосредственностью». Пациентка «по-детски больна», потому что она делала аборт; поэтому ее лечит психиатр («Воспитатель слова и речи» — противопоставление). «Гистология» — это «болезнь тканей», причина которой в недостатке любви⁴. Пациентка музыкальна; ее также неправильно понимают⁵, поэтому гистология Карла Великого основывается на разногласии в музыке. Сама пациентка была постоянно серьезной и предпочитала серьезность преувеличенной веселости; также и кайзер Карл искал серьезных существ, точнее женщин, как пациентка. Он меланхолик; он ищет что-то «платоническое» (противоположность) «в завершенной музыке» (пациентке).

¹ Представление через противопоставление.

² [Воляпюк — набор непонятных слов, пустых, бессодержательных фраз.]

³ У Иисуса есть «чистая, пропитанная детской непосредственностью вода». Ср. с упомянутым выше.

⁴ См. «III. Гистология и ее лечение» [С. 23—33].

⁵ Ср.: «Dr. J. неправильно понял психологию дружбы по отношению к женщине».

«Благородство *physe* обязательно для тех, кто пренебрегается другой религией», — говорит далее пациентка. «Католическая религия» ее мужа, который предпочел ей красивую, богатую девушку, пренебрегала ею. В соответствии с этим ей необходимо посвятить «благородную *physe*» Карла Великого = Dr. J.. Этому следует противоположность: «Психологическая чистота животных обладает значимостью воспитания». Предложение следовало бы читать: значимость (значение) воспитания в том, что оно стремится за сексуальной (психологической) деятельностью тех людей, кто это заслужил (сексуальная «чистота»)¹.

Пациентка продолжает: «Есть лес, куда отец-бог посылает лучи для последователей и последовательниц. Спасибо, господин профессор², сейчас я помню о *physe*, чистых стремлениях, которые вследствие деятельности Иова стали страданиями, которые возмещаются благодаря чистой жизни, жизни профессора Фореля: один раз у меня была чистая вода. Здесь у меня была чистая вода, после того как ванны были психологированы, у меня снова была чистая вода».

Вопрос: «Ванны были психологированы?»

Ответ: «Сперматические психологии выявили разное, что было доверено душам. Сперматические психологии равнозначны психологии мужчины: сперматическая психология проходит через сперматическую чистоту к изучению религии».

Очевидно, что «психологирование» — это сексуальное действие. На это указывает уже выбор слова, которое подчеркивает что-то «психическое» (негативное в животном). Кроме того, психологии «сперматичны» и сообщают что-то *physe*, т. е. телу. «Через сперматическую чистоту идут к изучению религии», т. е. когда (или: в то время как) обладают чистой сперматической водой, можно иметь сексуальные отношения («религия» = сексуальность, как это известно, мы также знаем, что за изучением следует осуществление соответствующей сексуальной функции).

Теперь пациентка утверждает, что она сама «психологировала» ванны.

¹ Здесь пациентка добавляет: «Если ребенок и животное играют и остаются при этом чистыми, если ребенок стесняется из-за полового вопроса, то он может быть меланхоличным, как человек, ищущий испытания "я" в религии».

² Форель.

Вопрос: «Каким образом вы психологировали ванны?»

Ответ: «Это психология, которая связана с музыкой или балаганом. Это может случиться из-за отсутствия хлеба в искусстве; находится заработок, это люди, которые в противном случае не найдут работу, это связано с вопросом о детях, платой за питание». Она говорит, что из-за бедности она должна была отдать детей на полный пансион.

Пациентка не отвечает на мой вопрос «каким образом», она отвечает на вопрос «почему». Мы уже слышали, что вышивание (пациентка)¹ из-за «отсутствия хлеба» соприкасается с проституцией, мы также слышали, что Кохер хотел принудить ее «к сексуальному удовольствию», и она спросила, что она за это требовала. Давайте вспомним, что «хлеб» одновременно означает «детскую непосредственность в воде» (сравните «хлеб становится ребенком»), итак, мы видим ярко выраженным то, что пациентка из-за отсутствия детей лечится «сперматическими» ваннами, т. е. водой, содержащей сперму. Отсутствие хлеба также, естественно, означает бедность, от которой пациентка также страдает в прямом смысле; при этом она страдает как женщина, в то время как ее муж предпочитал ей другую, более богатую². Так образовался мост для идентификации материального (деньги) и сексуального недостатка и средства, устраняющего зло, а также и другие трудности. Символику денег мы уже встречали в фантазиях размножения³. Далее следуют упомянутые выше фантазии о том, что дети бедняков должны получать необходимые блюда с необходимой дезинфекцией с «мужской стороны».

VII. «КОМПЛЕКС БЕДНОСТИ И СИМВОЛИКА ОДЕЖДЫ»

Пациентка слышит голос госпожи К. (инспектор фабрики и школы домоводства). Голос недоброжелателен: «Она опасается конкуренции». Божественный голос говорит, что пациентка должна стать инспектором фабрики.

¹ Ср. с предыдущей главой, в которой показано, что пациентка — это вышивка.

² Естественно, речь идет о проецируемой на мужа фантазии желания пациентки.

³ Ср. «благословенные деньги умножились так» и т. д. — глава «Психологосикстинские эксперименты» [С. 16.].

«Инспектор должна проверять выполнение работы и предотвращать перепроизводство». Кроме того, божественный голос говорит: «Аминь за миссию. Язычники больше не должны становиться христианами, которые бранятся». «Здесь все атеисты. Вышивка всегда связана с богом. Я не ссорилась с барышней Ц..¹ Наоборот, барышня Ц. стала мне врагом. Социальные устремления превратили меня во врага аристократического движения, т. е. улучшения положения. Я, враг определенных предметов, которые, возможно, недостаточно практичны, предметы роскоши, ненужные предметы для украшения. Против этого нужно бороться в соответствии с потребностью, мешающим здоровью ремеслом» (оговорка: «ткани»)². — «Это, главным образом, такие ремесла, где много пыли; обработка шерсти, где очень много пыли».

Пациентка выдала себя оговоркой «ткани» вместо «ремесло». В главе «Гистология и ее лечение»³ было подробно представлено, что под «тканями» пациентка понимает женские половые органы. Пыль, которой покрываются эти ткани (стало быть: органы), — это «человеческая пыль». В главе «Психолого-сикстинские эксперименты»⁴ мы уже встречались с символикой спермы в форме пыли. Пациентка, как инспектор фабрики, хочет бороться против владельцев этих роскошных ремесел (тканей), которым они достаются в избытке (само собой разумеется, за счет бедняков). Продолжение показывает, в каком направлении развивается представление:

«Я настойчивая противница глупых вышивок, которые не стоят труда. Бог также борется с вышивками с целью экспедиции тропов, где легкое белье лечится так, как оно того заслуживает. Простое белье с милой вышивкой — подойдет для стран, в которых белье сжигается, после того как его надевали несколько раз. Это не относится к борьбе с туберкулезом, если дают носить небеленое белье и кровати, в которых находятся больные».

В главе «Поэзия тропов»⁵ мы познакомились с «миссионерскими опасностями», которые состоят в том, что мать жертвует своими детьми, чтобы спасти отца. Животные, «питающиеся

¹ Известная из-за ее социальных интересов аристократка.

² [Немецкие слова «Gewerbe» (ремесло) и «Gewebe» (ткани) схожи в произношении. — Прим. пер.]

³ [Наст. изд. С. 23—33.]

⁴ [Наст. изд. С. 11.]

⁵ [Наст. изд. С. 42—49.]

посредством генезиса плодородия человека», съедали детей. Там мы увидели, что это символика смерти, при помощи которой был представлен акт зарождающейся жизни. Теперь пациентка борется с «вышивкой», а стало быть, с самой собой¹ с целью экспедиции тропов, т. е. для воскрешения через смерть; непосредственно к этому она присоединяет лечения белья. Как было показано не один раз, «лечить» означает для пациентки иметь половые отношения. Пациентка сравнивает себя с бельем? Давайте посмотрим:

Существуют голоса, которые упрекают ее в том, что она «целый день лежит на животе».

Вопрос: «Что значит «лежать на животе»?»

Ответ: «У вас когда-нибудь были видения?»

Я: «Да».

Пациентка: «Вы когда-нибудь видели глаза в снегу?»

Я: «Я не понимаю, что вы имеете в виду».

Пациентка: «Вы все же знаете, что вода — это небесные слезы?»

Я: «Да...»

Пациентка: «Вода твердеет и превращается в железо, снег».

Я: «Что же тогда такое глаза?»

Пациентка: «В глазах выражается душа, которая через боль твердеет и превращается в снег. Через боль, которой страдали, твердеют и превращаются в снежную корку. А Иисус Христос хочет освободить нас от всех этих страданий; это святая миссия».

Эта символика напоминает о подобных представлениях нордической мифологии, в которой, как известно, земля, затвердевшая от зимних морозов и превратившаяся в снег и железо, освобождается и оплодотворяется лучами бога солнца. От освобождения затвердевшей снежной корки пациентка переходит к представлениям пробурывания:

«Раскаленным железом можно пробуровать землю, — продолжает она. — Вам известно что-нибудь о железе в медицине? Железо раскаляется, когда его вонзают в камень. Вам известен Бенджамин Франклин, который изобрел громоотвод?»

Мы уже обсудили раньше фантазии о пробурывании, а также связь между железом и камнем. Параллельно пациентка присое-

¹ Как мы видели выше, пациентка называет себя вышивкой.

диняет молнию¹. Из всего этого нужно выделить то, что пациентка (как и раньше) идентифицирует себя с землей, а именно с землей, покрытой снегом, которую, если смотреть сверху, следует сравнивать с расстеленным белым платком. (Я вспоминаю о соответствующих поэтических сравнениях).

Вопрос: «Что же вы тогда понимаете под выражением «лежать на животе»?»

Ответ: «Это как платок при отбеливании». (Известно, что при отбеливании лен кладут на солнце.)

Вопрос: «Что же тогда происходит с этим платком при отбеливании?»

Ответ: «Он отбеливается в азотной кислоте».

Вопрос: «Как это связано с этим выражением «лежать на животе»?»

Ответ: «Отбеливающая вода и бледный, как смерть».

Пациентка «бледна, как смерть» (она на самом деле очень бледна), как опущенный в отбеливающую воду платок. Под «водой» пациентка все еще понимает «сперматическую воду», а стало быть, воду мужа. Она развелась с мужем. Однажды она сказала, что госпожа К. упрекает ее в том, что она «разведенная женщина». Пациентка дает нам понять, что необходимо подумать о связи между «разведенная» и «азотная кислота»²: она попрощалась с сексуальными отношениями с мужем, от его «азотной кислоты», от отношений с ним она стала бледная, как смерть.

По его воле, в любом случае точно то, что пациентка лежит, как отбеленный платок. В действительности она часто на протяжении нескольких недель лежала на тщательно расстеленном на полу платке в изоляторе, накрываясь при этом тщательно расстеленным льняным покрывалом. (Земля под снежным покровом!) Это отбеленное белье она хотела отдать в носку. Белье, естественно, сжигается: пациентка ищет огонь любви, солнечный луч, который освободит ее окаменевшую под ледяным настом душу. Однажды пациентка торжественно сказала:

¹ В соответствии со старым мифологическим примером. См. Абрахам: Сновидение и миф [*Abraham, K. Traum und Mythos: Eine Studie zur Völkerpsychologie.* — Wien: Deuticke, 1909. — 73 s. (Schriften zur angewandten Seelenkunde, Heft 4).].

² [Немецкие слова «*geschieden*» (разведенный) и «*Scheidewasser*» (азотная кислота) являются однокоренными. — Прим. пер.]

«Я должна лежать на животе, чтобы не раздавить детей. Душа моего бога в сене». (*В матрасе, на котором она лежит.*) «Он посылает оттуда свет через прозрачное тело». *Свет, который исходит от бога, обозначает его природу света (солнце).* «Иисус Христос показал мне свою любовь в тот момент, когда он ударил своим лучом в окно», — также говорит пациентка.

На самом деле, пациентка также освобождается солнечным лучом или, согласно смыслу, — оплодотворяется. О сексуальной природе божественной любви снова свидетельствует акцентирование антиживотного: «*Душа моего бога в сене*». Я полагаю, что мы после многочисленных возможностей убедиться в сексуальном значении психического также, не вдаваясь в дальнейшие исходные точки, можем прочесть предложение следующим образом: «тело моего бога в сене».

Далее пациентка говорит: «Я должна лежать на животе, чтобы души, которые лежат в постели, не раздавились. Умершие могут воскреснуть в качестве очищенных душ. Это души святых, дети мертвы. Как я буду развлекать детей?»

Развлечение, как она говорит, состоит в наличии нужных игрушек с нужной дезинфекцией. «*Дезинфекция*» известна нам как сексуальные отношения. В соответствии с этим души (=тела) детей освобождаются (=«очищаются») посредством сексуального акта. В другом месте вместо формы платка представляется расстеленное как «*покрывало*» тело:

«Генетика (генезис человека) — это римская загадка из покрывал. Генетика в клетках — стеганные одеяла».

Загадка генезиса называется «*римской*», потому что Сикстинская капелла, относящаяся к сикстинскому (=сексуальному) искусству, находится в Риме. Мы также вспоминаем о квадратном покрывале в камерах, откуда появляется божественная кара, оплодотворяющая змея.

VIII. «ВЫСКАЗЫВАНИЯ ИЗ ИСТОРИИ БОЛЕЗНИ»

Здесь я привожу еще несколько записанных в истории болезни высказываний, чтобы показать, что пациентка пользуется аналогичными ассоциациями по отношению к другим людям, и что эти

независимые от меня высказывания являются доступными для такого же аналитического способа рассмотрения.

«Я получила выстрел в голову. Во мне слишком много электричества, которое должно быть устранено выстрелом. Наэлектризованная однажды на стуле, как убаюканная; после этого я чувствовала себя очень легко; кровать ходила со мной туда, сюда. Одна санитарка справилась со мной и включила ток; я дерусь сама с собой».

Вопрос: «Кто электризировал?»

Ответ: «Это был эксперимент. Если у меня есть собственное электричество, и я приближаюсь к основанию железной кровати, появляются электрические действия, возможно, вследствие железного порошкообразного препарата в качестве лекарственного средства».

Электрические ощущения, которые обычно связаны с эротическими представлениями, воспринимаются пациенткой сильно преувеличенными и выражаются в значении комплекса. Процесс электризации схож с пункцией, ударом молнии и т. п. Иисус должен изгнать из нее это электричество (*«жизненное вещество»*), как и раньше — светские прихоти. С этой целью он стреляет только в голову (выстрелы в легкие и глаза отсутствуют). Галлюцинация, комплекс сохраняется в главной символике, изменяются детали. На вопрос, кто проводил электризацию, она отвечает: *«Это был эксперимент»*. Это напоминает нам о «Психолого-сикстинских экспериментах» Dr. J., при этом она «пробуждается через Базель». Здесь она *«дерется»*. «Действия электричества» осуществляются посредством *«порошкообразного железного препарата»*. (Ср., «Символика камня и железа»¹, где представлено, что железным порошком обозначается сперма.)

«Однажды у меня было видение: я должна была положить тело на пол, вытянув; потом я должна была коснуться железа».

Здесь обнаруживается расстеленный платок (затвердевшая земля под ледяным настом), который растворяется под действием горячего железа (= солнечных лучей).

«Затем по всему телу, по кончикам пальцев прошел электрический ток. По всем частям тела прошла дрожь (*движения страха*). От пола исходили

¹ [См. «VI. Железо, огонь, война». С. 50—52.]

приказы», т. е. снизу, потому что пациентка лежит на сене (ср.: «Душа моего бога в сене»).

«От железа, открытия батареи пришла сила. Возможно, во мне был змеиный яд. Утром ко мне пришел ангел спасения. В цвете стен были картины, женские фигуры. Они утешали и хвалили и прославляли меня. Я была там, чтобы утешить духов, которые жили в камере. Голос Х. спросил меня о средстве против холеры как студентку или профессора, госпожу профессора М.,¹ госпожу медицинского советника; я была, как маленькая Форель, потому что я была так озарена, сама удивлена, что во мне было так много науки. Я даже подумала: нельзя быть такой злой к людям, которые так били по моей голове, если она порождает столько науки. Меня должны были дразнить, если функция слишком флегматична; поэтому я стала послушной».

Результат прикосновения железа, драк — это превращение в маленькую Форель. Давайте вспомним, как ее бил сын профессора Кохера, чтобы «спровоцировать что-либо». Пациентка также сказала мне, что ее функции были слишком флегматичными, а именно, из-за онанизма. Онанизм ведет, как выражается пациентка, «к расслаблению мыслительных нервов², сексуальных нервов» (сопоставление двух противоположностей: психического — «мыслительные нервы» и животного — «сексуальные нервы»). Кроме того, онанизм ведет к вялости стула. (Она и ее дети страдают от запоров=«закупорки фем».) В этом случае ее болезнь также лечится сексуальными отношениями: она электризуется, а именно, «на стуле». Последнее касается сексуальных чувств во время стула. В камере у нее есть матрас и (переносной) стульчик. Ее спрашивают о средстве против холеры. Холера, как диарея, — это противоположность запору, который, как известно, является причиной холодности в сексуальных отношениях пациентки и развившегося из-за этого онанизма. В соответствии с этим диарея должна была выступить как следствие избытка любви. «Маленькая Форель» исполняет как желание иметь ребенка (от «профессора Фореля»), так и желание быть такой же умной, как он. То же самое можно сказать о «студентке», «госпоже профессоре М.», «госпоже медицинском советнике». Она начинает со скромно-

¹ Имя пациентки.

² Сравните с Шребером: Мемуары нервнобольного, С. 227. [Schreber, D.P. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. — Leipzig, 1903.]

го титула и постепенно поднимается к более высокому. Заниматься «наукой», в особенности медициной, одновременно также означает иметь сексуальные отношения. (Мы видим, что «наука о тканях», «гистология» называется «болезнью».) Мы не в первый раз убеждаемся, что врач выполняет у пациентки роль мужа, что его лечение состоит в коитусе с пациенткой, что «медицина», дающая «чистоту здорovia» — это «сперматическая вода»!

IX. ВПЕЧАТЛЕНИЯ ДЕТСТВА, МЫСЛИ О ПРЕВРАЩЕНИИ, СНОВИДЕНИЯ

Особенно интересно было бы узнать, в какой мере заболевание определено в детском возрасте, и какую роль при этом играют близкие родственники. Пациентка рассказывает, что ребенком она обладала «мечтательной способностью», напр[имер], в любом кусочке бумаги представлять себе любую игрушку. У нее было немного игрушек, потому что ее отец был небогат. В молодости ее отец был хорошим: он был весел, никогда не пил, занимался пением и играл на гитаре. Он был добр к матери, но он бил детей. Сначала пациентка очень любила его, но потом это уже было невозможно, потому что он бил ее. В детстве она видела бога, или у нее были «богоподобные сновидения». (Уравнивание сновидения и действительности!) Когда ей было 8 лет, ее незаслуженно избили, и тогда она увидела бога. Он «выглядел как игрушка-великан». «Например, игрушка-великан — это Швейцария, как таковая она светится в высоте, куда нельзя взобраться». «Он стоял на крыше». В сновидении она смотрела вниз в долину; там были маленькие милые девочки; их нельзя было бить. Все было уменьшенным, милым и хорошеньким; маленькие лошадки, коровы, повозки».

(Из истории болезни.) «Отец умер от религиозной болезни, он был нечистоплотным, — говорит пациентка. — Во время болезни матери он ходил в бордель». После того, как мать кремировали, она взяла домой несколько кусочков костей; у нее было экзальтированное настроение, она упрекнула отца, что он своим плохим поведением довел мать до смерти. В конце концов, они

ссорились из-за продажи дома и передачи хозяйства. Часть состояния к этому времени была потеряна. В то время, когда пациентка видела себя «*маленькой Форель*», она слышала, как сообщает история болезни, голоса любви и искусителей. Ее преследовал Dr. S., друг ее брата; в другой раз она слышала «голос отца»: «*Вы, пожалуйста, сильны, бабеч!*», — часто видела его в различных ситуациях, дружелюбным и грубым.

«*Отец был алкоголиком*, — говорит она мне, — *он любил лошадей; лошади любили его опрятность*». Это почти все, что мы узнаем об отце.

Отец пил; жестокий образ действий — естественное следствие алкоголизма. Хотя пациентка говорит, что недержание мочи — это следствие простуды или больного мочевого пузыря, хотя нам известны случаи, когда дети начинали заниматься онанизмом из-за побоев, и поэтому этиологическое предположение пациентки обосновано, таким образом, наряду с онанизмом с уверенностью можно констатировать еще один сильный мазохистический компонент, который как всегда в болезни компенсируется садизмом, какой по-настоящему ощущает персонал клиники (сиделки). Пациентка ищет вину и кару, от чего она одновременно убегает. Ее бьют те, кого она любит и ненавидит, и избиение обладает у нее сексуальной окраской. При этом слове она всегда впадает в сильный аффект. Иногда она отрицает, что отец избивал ее (эту неуверенность мы часто видели при вступлении комплекса), в другой раз она совершенно точно вспоминает это, она также знает, как она спасалась в мечтах о желаемом, как она смотрела в долину с «*маленькими, милыми девочками*», которых нельзя было бить. Алкоголизм, болезнь отца, также превратился в сексуальный символ; из алкоголя появился «*дух вина*», соответственно, «*крови*»; в соответствии с этим алкоголь должен был дать новую жизнь, он становится оплодотворяющим, семенной жидкостью¹. Муж пациентки, соответствующий типу «*отца*», также пьет, «*сверхсилен*». Перенос на Dr. J. учитывает, что он трезвенник, и создается противопоставление — алкоголик. Ее отец был музыкален, Dr. J. «*рад совершенной музыке*». Ее отец должен был быть обречен на

¹ Полностью соответствует мифологическому определению напитка Сомы.

проституцию, он стремился к Зевсу, Dr. J. «друг мормонов, который каждый год хотел вступать в новый брак». Однажды она также видит отца в качестве искусителя. Отец внушает ей уважение «конским духом»: большой, сильный, чистоплотный; то же самое она ценит в людях, на которых «совершает перенос». Она видит бога, Иисуса Христа и Фореля, идущими к ней в образе лошадей.

Однажды она видит, как отца захватывают трое мужчин. В значении вышеупомянутой символики («дух лошади») объяснение этой версии, вероятно, звучит так, что в этом пациентка выражает потребность видеть мощь отца побежденной «тремя мужчинами»¹. У пациентки был такой период, когда она стремилась к освобождению от родителей.

Перед поступлением в заведение (сейчас она указывает время) она мечтала, чтобы родительский домик «сгорел». Вскоре после этого она видит сон: местность превратилась в пустыню; она больше не видела выхода. Тогда она прошла цветочные ворота; там она нашла серебряную ложку.

Вопрос: «Что означает «пустыня»?»

Ответ: «Плохая ситуация».

Вопрос: «Что означают «цветочные ворота»?»

Ответ: «Триумфальную арку».

Вопрос: «А серебряная ложка?»

Ответ: «Ее значение — это право управлять на кухне».

Что означает «кухня», нам не нужно спрашивать: мы знаем, что это символ создания человека; чтобы суметь создать «приготовление пищи»=новых людей, необходимо то, что соответствует мужскому органу: это ложка. Толкование соответствует тому, что пациентка сразу рассказывает о своем муже и раздевается, потому что устала и хочет спать. Эти вышеупомянутые мечты приводят ее в местность В., где она 16—17-летней девушкой «тосковала о любви». Она хотела освободиться от родителей. Это желание было настолько сильным, что она разместила в газете объявление о бракосочетании. О себе дал знать лейтенант, который спросил

¹Число три знаменательно, исторически оно обладает мужским значением (пенис и два яичка).

ее о приданом и закончил письмо словами: «Поэтому проверяю, кто связывает себя обещанием навечно». Тогда пациентка очень сильно испугалась, что родители могли узнать что-нибудь. «Или я уже была тогда знакома с моим другом?» — вдруг спрашивает она. Под «другом» она имеет в виду мужа сестры, которого она, по ее словам, любила; он должен был быть старше ее на два года, и поэтому не ответил на ее любовь; позже он влюбился в ее сестру.

О нем мы узнаем следующее: «Молодой человек был другом моего брата. Он был в гостях у моей бабушки: мой брат позволил ему спать на сундуке; укладывая вещи, он взял жакет бабушки. Потом у молодого человека случилась гистология, порок меланхолии, потому что был повод к нечистым подозрениям; среди прислуги ходили сплетни, потому что молодой человек провожал меня. Теперь на меня клеветают из-за общения с ним: меня называют потаскухой. Я встретила с молодым человеком в ванной. Это мистика святой воды умерших в духе обязанности, которая связана с ваннами, мифологическими...» (Оговорка: «балами», затем пациентка поправляется: «ваннами»¹.) «Тогда мне было 16 лет, — продолжает она, — знакомство длилось два года, пока он жил в Цюрихе. Это была чистая дружба. Бабенке нечего здесь разнюхивать»².

Когда я спросила пациентку, как долго женаты сестра и молодой человек, она рассказывает мне, что она видела свою сестру плывущей в корзине Моисея. Как мы узнали в главе «Символика воды»³, пациентка объясняет это явление как опасность для сестры. Теперь мы также понимаем, почему пациентка вспоминает об уничтожении сестры в своих видениях и одновременно о превращении в собственную желаемую личность⁴. Если она выйдет замуж за молодого человека, она вступит на место устранившейся сестры. Также целесообразно устранение родителей. Пациентка видит отца, побежденного тремя мужчинами. Одного из этих мужчин она называет «Dr. W., другом мужа, учителем ее сестры». Муж пациентки был учителем (профессором). Но учитель также обладает значением «врач» и наоборот. В «поэзии по дороге в школу» с «Карлом Великим» мы

¹ [В немецком языке слова «Bällen» («балами») и «Bädern» («ваннами») схожи в произношении. — Прим. пер.]

² Едва ли здесь необходимо отмечать, что «предположения» бабенки — это тайные желания пациентки.

³ [Наст. изд. С. 42—49.]

⁴ См. главу «Символика воды». [С. 42—49.]

увидели, что последний — это учитель, желающий иметь с сестрой пациентки сексуальные отношения. Одновременно этот учитель оказался Dr. J.. В фантазиях «молодой человек» по отношению к сестре играет такую же роль, что и учитель (муж пациентки), и Dr. J.. Вместо того, чтобы назвать молодого человека, о котором она только что говорила, победителем, пациентка называет учителя=врача, по нашим предположениям это Dr. J.. В действительности у нас есть ассоциативные связи между «молодым человеком» (также называемым «другом») и Dr. J.. Я обратила внимание на оговорку «*балами*» вместо «*ваннами*». Что же последует дальше?

«Голоса подвергали сомнению мою порядочность еще в те годы..., когда я жила во французской Швейцарии. Там был молодежный праздник. Я была в семье сапожника. Танцы длились до 9 часов вечера. Днем работали карусели и балаганы. Люди видели, как меня пригласил на танец один знакомый. Семья общалась с Dr. J.. (*Пациентка встает на колени.*) Мне там не нравилось, потому что я всегда была там уставшей».

Оговорка «*балами*» указывает нам на связь, существующую в бессознательном. Вытесняемое из глубины наружу представление сначала отклоняется бессознательным как неподходящее; пациентка поправляется «*ваннами*» и продолжает говорить о «*молодом человеке*» все же недолго, и подавляемое представление одерживает вверх. Пациентка вспоминает и говорит о каруселях, балаганах, которые переходят в карнавальные фантазии. Как нам показала глава «Психолого-сикстинские эксперименты»¹, к моменту карнавала она «*осуждена*», «*избита*» Dr. J., что является для нее сексуальным действием. Здесь она также, в конце концов, думает о Dr. J.. При этом она встает на колени, как если бы она молилась небесному судье. В чем же теперь состоит общее, связующий мост между содержанием представлений «*ваннами*» и «*балами*», которое дало право бессознательному заменить одно слово другим? Как мифологические (т. е. связанные с возникновением человека) ванны, так и карнавальные игры являются для пациентки символами, которые реализуют ее желание иметь сексуальные отношения с Dr. J.. Интересно то, что новый объект любви, Dr. J., в результате общей символики совершенно сгущается со старым;

¹ [Наст. изд. С. 15—16.]

новое событие втискивается в русло старого комплекса, так что пациентка борется с равными противодействиями, которые занимали ее раньше: новый возлюбленный, как и прежний, борется с мощью родителей, оба поддерживают отношения с сестрой пациентки.

У нас есть еще подобные примеры: в раннем детстве у пациентки было две любимых лошади, принадлежавших отцу. Коричневую лошадь — Дорри — она сравнивала с собой, белую — Фрица — со своим братом. Что же делает с этими любимцами бессознательное? Все люди, которых пациентка любит, сравниваются с лошадьми.

«Было бы хорошо, — считает пациентка, — если бы в людях можно было обнаружить животное, которое является их духом-хранителем. Я всегда любила лошадей. Одна лошадь выловила в моей квартире всех мышей». (*Не знаю, относится ли это к действительности или к сновидению.*) «Но если такой дух какого-либо такого животного имеет внутри любовь, то нужно много страдать: у меня раскалывалась голова, в меня вошел дух и свирепствовал. Если сжигают кости покойников, а потом размельчают, растворяют в воде и удобряют землю, то это распространяется в воздухе».

Вопрос: «Это как?»

Ответ: «Из-за испарения. Потом можно увидеть на дереве голову упомянутого животного».

Сначала пациентка подчеркивает духовное: животное называется духом-хранителем. Любовь — это дух, который проникает в пациентку через расколотую голову (место расположения души). Затем следует телесное: «кости покойников». При обсуждении новозоона пациентка наставляла, что это — мертвое вещество, происходящее от «головы и сперматических образований в животном». В главе «Гистология и ее лечение»¹ мы видели, что из-за онанизма пациентка страдала недостаточной молочной секрецией. Причиной обызвествления костей она считала искусственное молоко, содержащее много извести. Эту «болезнь», происходящую по причине нечистоплотности, пациентка также воспринимает как нечистую, а стало быть как «сексуальную дисцентрию» (так как пациентке известен лишь один вид нечистоплотности — сексуальный.) Загрязненный предмет, кос-

¹ [Наст. изд. С. 23—33.]

ти получают значение грязного и одновременно с этим оплодотворяющего сексуального продукта. Его необходимо сжечь (пламя любви, потому что холодность ведет к онанизму), растворить в воде (как растворенную в сперматической воде Иисуса детскую непосредственность) и использовать для «испарения»=оплодотворения земли¹. Как известно, под землей пациентка понимает женщину. Пациентка ранее описала процесс человеческого генезиса: она представила содержащиеся в половых органах женщины околоплодные воды в форме «итальянских озер», которые появляются «в результате раскола земли» (тела). Здесь из мертвых костей (мертвая ткань=сперма) происходит новое животное, оно приходит в результате его водянистого растворения (из тела женщины=земли, которая выделяет это испарение) в мир. Как мы видели раньше, что Иисус освобождается (оплодотворяет) «через воздух своей земли» (=тело), при этом «воздух» (психическое) превращается в «сперматическую воду» (физическое), итак, здесь мы обнаруживаем обратный процесс. Вода, «пропитанная» животными элементами, выделяет испарения, и одновременно в воздухе животные элементы кристаллизируются в новых животных. В соответствующем переходе от физического к психическому, «голове» животного, оплодотворяющая духовная любовь пришла к пациентке через голову. Для этого ее голова должна была «расколоться», как если бы в нее проникло что-то телесное, у чего есть пространственное растяжение. Здесь я хочу отметить, что этот раскол головы пациентка называет «френологией». Как наука, занимающаяся изучением формы головы, френология является противопоставлением «анатомии», которая, как мы знаем, изучает женские половые органы. В главе «Психолого-сикстинские эксперименты»² пациентка говорила о «вскрытии души, анатомической проверке или френологии». С двумя первыми выражениями мы познакомились там как с символами сексуальной агрессии (со стороны Dr. J.) по отношению к пациентке.

¹ Мы видели, что при испарении земля наряду с семенем также получает другие продукты. Таким образом, это значит, что испарение пациентка воспринимает как оплодотворение.

² [Наст. изд. С. 10—22.]

Согласно всему вышесказанному мы также должны принять то же самое значение для «френологии».

Так же, как пациентка превращается в маленькую Форель, таким же образом, как она рассказывала, что посредством мифологического (=сексуального) лечения превращалась в лошадь, «в изучении науки»¹. «Меня наркотизировали, и я проснулась в образе лошади». В другой раз ее убили, и она проснулась в образе лошади.

«Лошадиная рhyse превращается в человеческую, — говорит пациентка, — животное убивают, и из него образуется человек. Это относится к мифологии военных событий. Профессор Форель прошел ступень лошади?»

Вопрос: «Что происходит в случае смерти?»

Ответ: «Смерть является освобождением лишь тогда, если она физически разлагается. Меня наркотизировали², и когда я проснулась, у меня было такое чувство, что я животное; это учение профессора Хэкеля, исследование теории Дарвина».

Здесь смерть также связана с сексуальными представлениями. Мысли о превращении (имеющиеся в мифологии каждого народа) ищут очень логичный для бессознательного способ, поддержку теории Дарвина.

Однажды ночью пациентка видит приближающиеся к ней лошадиные головы (духовное!), которые говорят ей, что в горной местности Цюриха опасно, и они потерялись, их нужно лечить мифологическим способом для генезиса, они погибнут, если они не будут использованы в научных целях.

Горная местность Цюриха — это местность, где с пациенткой случилась первая любовная история. «Лошадь коричневого окраса, символизировала меня, а белую звали Фритц», — говорит пациентка. Белую лошадь звали «Фритц», которую, как было упомянуто раньше, пациентка сравнивала с братом. Из этого следует, что она и ее брат, соответственно, в дальнейшем — возлюбленные, занимающие место брата, должны лечиться «мифологическим» способом, переводя на наш язык, иметь сексуальные отношения.

¹ Как известно, «наука» — это сексуальная наука, связанная с осуществлением «функции».

² Во время родов.

«Когда я была замужем, перед квартирой стояла белая лошадь и ела всех мышей, — рассказывает пациентка, — это была роскошная голова, длинная шея, тяжелое тело». «В заведении у меня было видение; это был вид лошадиных бегов. У лошади был большой живот».

Вопрос: «Когда бывает большой живот?»

Ответ (улыбаясь): «Может быть, кобыла вынашивала (плод)».

Затем следовали вопросы о детях.

Как во втором видении лошадь с большим животом символизирует беременность, также, вероятно, и в первом «тяжелое тело» означает то же самое. Она заставляет лошадь есть мышей. До этого момента еда обозначала для пациентки сексуальный акт, и, может быть, здесь будет означать также оплодотворение, после которого становятся тяжелыми, т. е. беременеют¹.

Следующее сновидение: «Лошади устремились в горы. Они закусали насмерть присутствие духа людей, которые управляли ими».

Пациентка объясняет: «История; это связано с войной. Войны заканчиваются в тех местах, где много лошадей, потому что лошадь носит наездника. Это войны 1870 года». (Война с турками). «Турки — это азиаты. Одно блюдо называют у нас «турки». Кукуруза называется «турки». Это война против плода. У турков тоже будут семена, как и у других животных; это сперматические плоды. Семена попадают в землю, из этого образуется плод. Они не могут оплодотворить, но могут вылечить, если они сами здоровы».

Уход в горы напоминает о комплексе аборта. Уход лошадей вызывает представление о войне (которая приснилась пациентке при введении наркоза во время аборта), а именно о турецкой войне. Нет сомнений в том, что «турки» — это сексуальные символы, потому что пациентка говорит, что «турки» означают кукурузу, и что войны ведутся против «сперматических плодов». Она также ссылается на фантазию оплодотворения земли. Пациентка импонирует туркам из-за их сверхзачатия в сексуальных связях, поэтому пациентка выбирает их символами. Однажды пациентка сказала, что она не Турция, не дружественная по отношению к мормонам страна (сравните): «Dr. J. друг мормонов, который каждый год всту-

¹ В греческой и германской мифологии мышь является символом души. Бессознательное пациентки может избрать в качестве негативного для телесного, символом оплодотворяющего органа.

пает в новый брак»). Станным кажется предложение: «Войны заканчиваются в тех местах, потому что лошадь носит наездника». Я вспоминаю работу Юнга «О конфликтах детской души»¹, в которой маленькая Анна в сновидении осуществляет ее желания по отношению к отцу так, что скачет на животе у дяди. У пациентки, кажется, наездники также находятся в похожих отношениях. Послушаем далее:

«Убитые лошади потом разыскиваются. В связи с этим находится долина Мариазель. Лошади относятся к мифологии. Лошади, сожравшие человеческие головы, используются в научных целях».

Лошади пожирают человеческие головы, и это относится к «мифологии», которая, как мы знаем, связана с генезисом человека. Мы не удивляемся, потому что не упускаем из виду, что голова — это духовное, о котором пациентка говорит вместо физического: «из головы и сперматических образований в животном появляется новое поколение». Итак, у нас на самом деле есть сексуальная связь между «лошадьями» и их «правителями».

«Они закусали насмерть присутствие духа людей, которые управляли ими».

Вопрос: «Как вы понимаете поедание голов?»

Ответ: «Это эксперименты: лошадей кормили выкопанными трупами».

В одноименной главе мы познакомились с «психологическими экспериментами»² Dr. J.; поедание голов пациентка сравнивает с поеданием трупов, потому что происходящий из головы «новозоон» (=сперма) — это «мертвая ткань».

Пациентка продолжает: «Освобождение от католицизма может произойти посредством мифологии, потому что помешательство возникает из-за мифологии. Это связано с промышленностью». «Промышленность» связана с бедными классами рабочих. Муж-католик, который довел пациентку до помешательства, предпочел ей богатую девушку.

«Загрызание насмерть — значит освободиться от жизни или проверить характер человека», т. е. перенос человечности в животное. Есть животные радостные, которые потом уходят в небо; они становятся потом

¹ Ежегодник 1910. [Jung, C.G. Über Konflikte der kindlichen Seele // J. — 1910. — Bd. 2. — S. 33—58.]

² [Наст. изд. С. 10—22.]

духами-хранителями. Если животное кусает человека, человечность переносится в животное. Процесс загрызания насмерть — это суровый божий приговор. Это могут вынести лишь те, у кого чистая совесть».

Символика смертельного загрызания не чужда нам. В главе «Поэзия тропов»¹ мы видели, что пациентка бросается животным, и узнали, что пожираение — это сексуальный акт в символике смерти. «Загрызание насмерть» пациентка называет «божьим приговором». Также известно и значение приговора (сексуальной победы). Во время полового акта с «животным», само собой разумеется, «человечность», а стало быть продукт, содержащий зародыш человека, из которого, соответственно, появляется человек, переносится в животное.

«Животные могут быть символами человека и бога, если любовь бога отправляется в животное, и если бог предоставляет животным приговор».

Здесь пациентка сама совершенно правильно объясняет, что такое символ: это такой предмет, в который помещается собственная сущность (=любовь), который действует так, как действует она (бог «предоставляет» свои действия животным).

Мы увидели достаточное количество примеров, как лошади, любимцы ребенка, становятся сексуальными символами взрослой женщины. При этом белая лошадь, Фриц, соответствует ее брату. Тип брата играет большую роль для пациентки. Мы проанализировали сновидение, в котором брат непосредственным образом посредством своей «змеи» устанавливает мир². Пациентка рассказала мне еще несколько подобных сновидений. Любимые ее люди называются «братом» «сексуального объекта» (как, напр[имер], брат профессора Фореля). Ее «друг» был другом брата. Брата, женатого во второй раз, пациентка называет «врачом-психиатром» из-за его жен, потому что «одна страдала преувеличенной веселостью, другая — атеизмом». Благодаря называнию «врачом-психиатром» осуществляется связь идентификации брата с последующим любовным объектом, Dr. J., со всеми последствиями, которые ей предоставляет понятие «врач». Брат должен быть

¹ [Наст. изд. С. 42—49.]

² Ср. с главой «Железо, огонь, война». [С. 50—62.]

музыкальным, обладать более высокими требованиями к искусству; наряду с этим по желанию пациентки он страдает *«атонией мочевого пузыря»* *«из-за простуды или грубого лечения»*. Он также «бесплоден», как и пациентка, и поэтому должен *«лечиться»*. Пациентка рассказывает, улыбаясь, что *«бабенка»* сомневается в отношении пациентки к брату как сестры, она подозревает другие *«отношения»*. Они научились этому у родителей.

«Эти грязные предположения должны стать правдой, потому что они существуют¹, — считает пациентка. — Брат сказал, что я не настоящая его сестра».

«Предположения», которые *«могут стать действительностью»* у пациентки, заставляют брата пациентки вступить на место отца, при этом она сама занимает место матери.

В судьбе пациентки мать играет важную роль, поскольку она постоянно идентифицирует себя с матерью и переживает те же события, что и мать. Пациентка также говорит, что ей передались манеры и характер матери.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Я не хочу льстить себе мыслью, что должна подготовить здесь систематический и исчерпывающий анализ этого случая. В истории с подобного рода диссоциированной больной, у которой нет ни малейшего интереса дать настоящие объяснения ее внутреннего мира или, наоборот, остановиться на исходном материале и уступить его слушателю на его самостоятельное изучение, глубокий анализ при наших сегодняшних средствах невозможен. Я ограничиваюсь тем, что представляю этот богатый и многослойный материал, обнаруженный в результате наблюдения за больной, определенными группами. Опытный в области психоанализа читатель может сам составить мнение и достичь определенных выводов посредством наиболее точно приведенных слов пациентки;

¹ Ср.: *«Предположение могло бы стать действительностью, чтобы показать его право на существование.»* — это и есть объяснение.

во многих местах я пыталась объяснить читателям, неквалифицированным в этой области, так сказать, сами собой выявляющиеся толкования символов, а также показать их рациональную взаимосвязь.

Фрейд и Юнг показали нам, что бредовая система больных ни в коей мере не является бессмысленной, а следует тем же законам, что и сновидение, которое всегда раскрывается как разумная комплексная обработка. Фрейд, Риклин, Ранк, Абрахам обращали внимание на сходство настоящих механизмов сновидения с мифологическим образом мыслей. Это подобие также отмечалось исследователями, не знакомыми с новой психиатрией. Отто Мок, напр[имер], (в своем труде «Германская мифология») пытается объяснить картины сновидения, которые наивный человек воспринимает за действительность. Сравнение с мифологическим образом мыслей указывает на особое родство механизма сновидений с архаическим мышлением. Во время обследования этой больной у меня действительно сложилось такое впечатление. Если Фрейд и Юнг главным образом сначала сравнили феномены невроза и сновидения с проявлениями шизофрении, то я считаю, что при помощи филогенетического способа рассмотрения можно дополнить существенную часть точки зрения Фрейда и Юнга.

У человека двоякое переживание: сознательное и бессознательное; бессознательному переживанию подходит важная функция создания чувственных тонов. (Ср.: Юнг, *Diagnost. Assoz.-Stud.*, IV. Beitr.,¹ und *Psych. d. Dem. praec.*, S. 42 ff.²) Лишь благодаря присоединению бессознательного к сознательному переживанию последнее становится действительным переживанием. Бессознательное дополняет весь сложившийся соответствующим образом материал воспоминаний.

Если мы, например, радуемся какой-либо сказке или стиху, то это происходит потому, что в бессознательном возникает отмеченное радостью представление, которое мы теперь переживаем, поскольку новое содержание представления вступает в связь со старым и тем самым принимает участие в общем чувстве радости. При этом

¹ [Jung, C.G. *Diagnostische Assoziationsstudien.* — Leipzig, 1906.]

² [Jung, C.G. *Über die Psychologie der Dementia praecox.* — Halle, 1907.]

нам кажется, что чувство радости относится к новому содержанию представления, что мы в соответствии с этим радуемся в настоящем, в то время как в действительности наша радость все же относится к предшествующим переживаниям, а именно не только нашим личным, поскольку мы также унаследовали результаты переживаний наших прародительниц¹. Мой материал предоставит многочисленные подтверждения ученым, исследующим подобие между сновидением, психозом и мифом. Подобная взаимосвязь кажется мне возможной лишь благодаря гипотезе современной эффективности давно ушедшего образа мыслей. Я не могу не сообщить о парадоксальном впечатлении, которое сложилось у меня во время работы: неоднократно у меня возникала иллюзия, что больные просто стали жертвами царящего в народе суеверия. Давайте, например, возьмем мысли о превращении у нашей пациентки или послушаем другую пациентку, рассказывающую о дьявольских влияниях со стороны ее мужа. Когда я подробно спрашиваю ее, как он это осуществляет, она отвечает, что он помещает свою «*натуру*»² в бутылочку и тогда может делать с ней все, что захочет; «*натура*» — это его «*вода*»³. Разве в народе не существуют многочисленные примеры этого суеверия в форме различных «*дьявольских бутылочек*», при помощи которых можно принудить, например, к любви, подвергнуть омоложению, соответственно, гибели и т. п.⁴ Также и наша пациентка обладает богатой символикой воды, которая неоднократно проявляет внутреннее родство с мифологическим суеверием. Итак, давайте вспомним о «*пропитанной детской непосредственностью воде Иисуса*», причем в соответствии с христианской верой хлеб превращается в тело (ребенка) и одновременно имеющееся в воде вино —

¹ В своей работе «*Значение отца в судьбе*» (этот ежегодник, 1909. [Jung, C.G. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1.]) Юнг указал, что у детей есть тенденция переживать судьбу своих родителей. В качестве сравнения я хотела бы упомянуть драму Грильпарцера («*Прародительница*»)^[a]: там представляется судьба одной девочки, которой предопределено пережить страшную судьбу прародительницы. И она переживает ее несмотря на все противостояния мер предостережения ее отца.

² Сперма.

³ Шизофренический эвфемизм для спермы.

^[a] Grillparzer, F. Die ahnfrau. Ein trauerspiel in fünf aufzügen. Von F. Grillparzer. — 2. aufl. — Wien: J. B. Wallishausser, 1819. — 153 s.

в кровь. Или о «сперматических ваннах», представление которых играет определенную роль в персидской мифологии. Семя Заратустры хранится в озере. Каждые 1000 лет купающаяся в этом озере девственница беременеет и, таким образом, становится родительницей спасителя (Сообщение Юнга).

Пациентка при этом исходит из своих конфликтов; она не пытается решить их при помощи бессознательных размышлений в действительности. Давайте воспользуемся конкретным примером: пациентке противны сексуальные отношения с ее мужем. Сознательное размышление при этом берет в расчет различные возможности реального мира, которые могли бы помочь ей освободиться от щекотливого положения; после того, как она взвесила все за и против, она могла бы решиться на развод или найти другой подходящий выход. Как главным образом показал Юнг, шизофрения действует противоположным образом — в сновидении она заменяет реальный внешний мир внутренним миром с ценностями реальности. Теперь мой материал показывает, что эти глубины Я отчасти состоят из «представлений», которые, кажется, принадлежат прошлому, простирающемуся над индивидуумом. В это прошлое пациентка приносит свое настоящее переживание. Она больше не говорит: «Я стала грязной во время полового акта». Нет, одновременно она растворяет свою боль среди многочисленных подобных представлений в общей мировой боли, которую мы заключаем в себе в качестве наследственной части наших предков. Поэтому она также говорит на языке мифологического образа мыслей: не она как единство, нет, загрязняется женщина вообще, потому что в прошлом из многих женщин есть лишь она единственная; загрязняется «земля», потому что предки усматривают в земле особенно могущественную женщину, одновременно итог понятия «женщина», «*mater genetrix*»¹. Как известно, шизофрения вообще охотно пользуется неясными, абстрактными понятиями, и это является обоснованным: абстрактное понятие — это экстракт из многочисленных отдельных конкретных представлений, приобретенных в результате длительного накопления опыта; поэтому оно (понятие) сообщает больше, чем конкретное, четкое обозначение. При точ-

¹ [*Mater genetrix* (лат.) — мать-прародительница]

ной сознательной обработке какого-либо предмета абстрактные понятия часто воспринимаются нами с трудом, так как каждый понимает их по-своему, при этом теряется вся точность. Но именно эта недостающая точность — это то, что делает общее понятие подходящим для жизни сновидений шизофрении. Чем понятие менее точно описано, тем меньше обозначает оно что-то определенное, конкретное, но тем больше оно может охватить содержание представления. Таким образом, мне кажется, что своим появлением символ вообще обязан стремлению комплекса к умножению, к растворению в общей совокупности мышления. Незначительное умножение — это представление собственного комплекса в другом человеке; вместо «я переживаю» говорят «она переживает». Вследствие этого комплекс лишает индивидуальности¹. В большой степени для этого растворения подходят только что упомянутые неясные общие понятия. Бессознательно растворяет настоящее в прошлом. Но мы также знаем, что сновидение — это исполнение желания и в соответствии с этим занимается будущим. Будущее также превращается в прошлое, потому что конфликты представляются через древние символы и также прекращаются этой символикой, как если бы они произошли давно и были исчерпаны. Итак, бессознательное также придает собственное значение будущему: индивидуальное будущее превращается в общее филогенетическое прошлое, и наряду с этим оно приобретает для индивидуума значение будущего.

Таким образом, мы видим в бессознательном что-то, что находится за пределами времени или одновременно настоящее, прошлое и будущее. В соответствии с этим бессознательное позволяет нам судить о настоящих личностных конфликтах, о конфликтах филогенетического прошлого, из которого происходят личные переживания и, возможно, о будущем развитии вещей, потому что будущее состоит из прошлого (собственно, это лишь форма прошлого).

Наконец, я особенно хотела бы отметить колоссальную важность открытого Фрейдом «представления через противопос-

¹ Эта тенденция к растворению (трансформации) каждого отдельного комплекса является движущей силой для поэзии, живописи, для любого направления искусства.

тавление» для возникновения картин помешательства¹. Особенно важным здесь является представление о сексуальной деятельности через символику смерти. Причина этого явления, на мой взгляд, лежит в сущности самой сексуальной деятельности, говоря точнее, в двух антагонистических компонентах сексуальности.

В заключение позвольте мне засвидетельствовать благодарность господину профессору доктору Э. Блейлеру за то, что он разрешил использовать его материалы, а также за проявленный интерес к моей работе, также хотелось бы поблагодарить господина доктора К.Г. Юнга за научное побуждение, которое передалось мне от него во время учебы.

¹Ср. Фрейд: Толкование сновидений [*Freud, S. Traumdeutung* (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]; кроме того, Фрейд: Об обратном смысле древних слов (Ежегодник, 1910 [*Über den Gegensinn der Urworte*] (1910e) G. W. — Bd. 8. — S. 214—221.]) и Блейлер: К теории шизофренического негативизма (*Psych.-neur. Wochenschrift*, 1910), где освещается понятие амбивалентности.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ПО ДОКЛАДУ В. ШТЕКЕЛЯ И
Й. РЕЙНХОЛЬДА «О МНИМОМ ОТСУТСТВИИ ВРЕМЕНИ
В БЕССОЗНАТЕЛЬНОМ»
(1974a [1911])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1974: 149 Scientific meeting on November 8, 1911 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1974. — Vol. III (1910—1911). — P. 302—303.

Издания на немецком:

1979: 149 Protokolle. Vortragsabend: am 8 November 1911 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — S. 290—291.

Тема времени, поднятая в этом выступлении СШ, затрагивается также в статьях «Психологический вклад в проблему времени» (1922e) и «Время в подпороговой душевной жизни» (1923g).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Д-р Шпильрейн начала свои комментарии, сказав, что она может рассматривать подобный вопрос только с точки зрения своей школы¹. Обращаясь к психологической системе Фрейда, она связывает тенденцию содержания восприятия продвигающегося в сознание и соответствующее вытесненное движение от воспоминания до восприятия с фактом, что недавнее событие замещается инфантильным. Причина, почему инфантильные переживания имеют такое влияние и, таким образом, имеют тенденцию побуждать комплексную связь в том факте, что эти переживания следуют по

¹ [СШ имеет в виду Цюрихскую школу К.Г. Юнга.]

филогенетическим путям, как наблюдается в игре детей (Гроос¹), перверсиях (инверсии, бисексуальности), инфантильных сексуальных теориях и регрессий представлений такого вида при dementia praecox. — Бессознательное удаляет из события свойство быть в настоящем и трансформирует его в то, что не привязано ни к какому определенному времени (ср. Матери², для которых все границы и времена растворяются друг в друге). Что бессознательное делает со временем, то же самое оно делает с местом и с контрастами. Бессознательное, которое по-прежнему настроено на настоящее, вероятно, может быть способно принять во внимание время, однако на самом глубоком уровне бессознательного мы не знаем, как измеряется время. — При сублимации недавнее желание также трансформируется в филогенетическое.

¹ [См.: Groos, K. Die Spiel der Tiere. — Jena, 1896; u. Groos, K. Die Spiel der Menschen. — Jena, 1899.]

² [Богини высятся в обособленье
От мира, и пространства, и времен.
Предмет глубок, я трудностью стеснен,
То — Матери. (Пер. Б. Пастернака.)

Гете, И. В. Фауст // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1976. — С. 233.]

ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ПО ВЫСТУПЛЕНИЮ Т. РАЙКА «СМЕРТЬ И СЕКСУАЛЬНОСТЬ» (1974b [1911])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1974: 150 Scientific meeting on November 15, 1911 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1974. — Vol. III (1910—1911). — P. 316—317.

Издания на немецком:

1979: 150 Protokolle. Vortragsabend: am 15 November 1911 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — S. 303.

На встрече в Венском психоаналитическом обществе 15 ноября 1911 года состоялось слушание и обсуждение доклада Теодора Райка «Смерть и сексуальность». Участие в дискуссии приняли И. Задгер, Э. Хичманн, Г. Розенштейн, В. Штекель. Тему смерти и рождения, метафизические аспекты бытия и небытия США рассматривает в еще только подготовленной для печати к тому времени большой работе «Деструкция как причина становления» (1912a). Здесь интересно указание на фантазии об инцесте как основе для фантазий о смерти.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

ШПИЛЬРЕЙН уже рассматривала многие из обсуждаемых проблем в законченной работе «Деструкция как причина становления»¹. А именно, страх перед распадом Я или превращение в дру-

¹ [Опубликовано: Spielrein, S. Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — S. 465—503. См. наст. изд. С. 109—154.]

гую личность; далее — проблема вечной жизни (Главк¹; летучий голландец²), которая ужасна, как и рождение, причем смерть представляет собой не что иное, как рождение. Там также принимают во внимание биологические взаимосвязи, а также фантазии о смерти в качестве наказания за фантазии об инцесте. Мысли о смерти содержатся в самом сексуальном инстинкте, только в одном случае подчеркиваются компоненты жизни, а в другом — компоненты смерти (напр[имер], там, где индивидуум воспринимает сексуальное как преступление: инцест).

¹ [С именем Главк в греческой мифологии встречается несколько персонажей. Здесь возможна ссылка на двух Главков. Главк, сын Миноса, гонимый за мышью, упал в мед и умер. Затем по требованию отца гадатель чудесной травой, которую принесла змея, воскресил Главка (Аполлодор. III, 3. 1). Главк, рыбак, увидев живительную силу травы, попробовав ее и став бессмертным, бросился в море и превратился в морского бога, известного своими прорицаниями и любовными похождениями (Павсаний. IX. 22. 6).]

² [Летучий голландец — это сказание моряков о дерзком капитане, на которого обрушилось проклятие вечно крейсировать на своем корабле-призраке против ветра.]

О ТРАНСФОРМАЦИИ (1974с [1911])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1974: On Transformation {152 Scientific meeting on November 29, 1911} // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1974. — Vol. III (1910—1911). — P. 329—331.

Издания на немецком:

1979: Über Transformation {152 Protokolle. Vortragsabend: am 29 November 1911} // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — S. 314—316.

Данное выступление СШ 29 ноября 1911 года в Венском психоаналитическом обществе предваряет по содержанию ее большую работу «Деструкция как причина становления» (1912а). Основная идея: разрушение старых форм освобождает пути для развития новых. Выстраивается диалектика смерти—жизни.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

{Докладчик:} Фрейлейн Доктор С. ШПИЛЬРЕЙН¹

Исходя из вопроса, есть ли у человека нормальный инстинкт смерти (Мечников²), обычно приводится подтверждение, что сам

¹ [Примечание Германа Нунберга: «Доктор Шпильрейн была моей подругой по учебе на медицинском факультете в Цюрихе в 1904/05 гг.; она находилась под влиянием работ Юнга. Во время учебы у нее был психотический эпизод, который следует упомянуть, принимая во внимание этот доклад» (Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — S. 314.)).]

² [Мечников, И.И. (1845—1916) — русский биолог и бактериолог. Здесь, вероятно, имеется в виду его книга «Этюды оптимизма» (рус. изд. — М., 1907; фр. изд. — Paris, 1907). Говоря о потребности смерти в человеческом роде, он пишет: «Мы действительно имеем здесь дело с инстинктом естественной смерти» (Мечников, И.И. Этюды оптимизма. — М.: Наука, 1988. — С. 113.).]

смертельный компонент содержится в сексуальности, что одновременно инстинкту присущ деструктивный компонент, который, безусловно, незаменим для становления. То, что мы обычно не замечаем эту тенденцию к самодеструкции, объясняется на основе схемы Юнга, согласно которой в основу всякого желания заложены два противопоставленных друг другу компонента, один из которых всегда немного преобладает. Итак, нам также кажется обычным, что инстинкт становления преобладает, однако при незначительном смещении в другую сторону мы видим в сексуальном инстинкте лишь деструктивную силу.

В многочисленных мифологических представлениях прямо выражена потребность в разрушении, и в качестве смерти понимается вообще любой переход в другое состояние. А также и в неврозе постоянно имеется конфликт, который состоит в диссонансе между этими двумя сексуальными компонентами.

Мифологические понятия жизни и смерти наблюдаются в символике земли и воды. Древо познания в своей двойной роли выступает как символ смерти и генезиса, в котором оно также снова появляется в качестве деревянного креста Христа¹. Древо жизни также понимается как мост над водой, которая тоже является порождающей начальной силой, как земля.

Эти отношения прослеживаются здесь в мифе о Зигфриде² и легенде о голландце³, и в этой связи указывается на то, что герои Вагнера любят согласно типу спасителя Фрейда⁴, между тем они приносят себя в жертву и умирают. В этом смысле Христос — тоже тип спасителя, который пожертвовал собой ради человечества.

Затем указывается на символическое значение каждой жертвы, которая всегда заменяет ценное менее ценным, но причем сам символ обладает для бессознательного ценностью объекта.

¹ [Возможно: *Wünsche, Aug. Der Sagenkreis vom geprellten Teufel.* — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s.]

² [Зигфрид — герой германо-скандинавский мифологии. Его образ имеет аналогии с периодически умирающим и возрождающимся богом.]

³ [См. прим. 2 на С. 89.]

⁴ [*Freud, S. Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne (Beiträge zur Psychologie des Liebslebens)* (1910h) // G. W. — Bd. 8. — S. 66—77.]

Эти отношения обнаруживаются в качестве переходящих аналогов мира человека, животных и растений. Потому что влечение к размножению требует деструкции сексуального влечения. У человека есть потребность в становлении и исчезновении, поэтому в народном сознании вечная жизнь считается бременем (голландец, Главк¹). Лишь жертва может освободиться, потому что содержит оба компонента: для себя забирают компоненты становления и передают жертве компоненты деструкции. В чреве матери жертва представляется как аналог перестановки; также и умирающий возвращается в мать и потом рождается заново. Состояние перед рождением приравнивается смерти или воспринимается в качестве прозябания.

Таким образом, деструкция — это причина становления: нужно разрушить старую форму, чтобы осуществить новую. Поэтому нет абсолютного понятия, и что для старой формы означает смерть, для новой является жизнью. Смерть, пожалуй, страшна, но на службе сексуального инстинкта она приносит исцеление.

***²

ШПИЛЬРЕЙН в заключительном слове выражает сожаление о том, что в результате опущение основной главы из ее работы «Деструкция как причина становления»³ путаница понятий препятство-

¹ [См. прим. 1 на С. 89.]

² [В дискуссии приняли участие: Г. Закс, В. Тауск, П. Федерн, Г. Розенштейн, Й. Рейнгольд. Закс говорил, что в фантазиях всех людей обнаруживаются темы рождения и смерти, что связано с испытанным при рождении сильным аффектом страха. Влечение к самосохранению находит свое продолжение в страхе смерти. Тауск заявил, что для него важна исходная точка в рассуждениях докладчика, и что данная тема находится на границе с метафизикой. Тауск также обратил внимание, что докладчик подходит дедуктивно к тем проблемам, к которым психоанализ обращается индуктивно. Он отмечает, что сопротивление против сексуальности исходит от деструкции. Федерн сожалеет об отсутствии обобщений представленного материала. Он говорит о том, что в основе обсуждаемых отношений лежит страх смерти. Причем этот страх имеет два компонента, исходящих из сексуального и из потери жизни. Люди часто воспринимают страх сексуальный как страх смерти. Розенштейн задает вопрос, связаны ли желания смерти и желания жизни и возможна ли жизнь на основе разрушения живого. Рейнгольд предлагает все рассматривать в индивидуально-психологическом исследовании.]

³ [См. наст. изд. С. 109—154.]

вала дискуссии. Она толкует сексуальное влечение как частичный случай влечения к трансформации. Она имела в виду конфликт, касающийся личного, а не космического Я. Направлены ли желания смерти на собственную личность или другого человека, зависит от преобладания садистических или мазохистических компонентов. Желание возникновения является нормальной тенденцией и часто наблюдается у женщин как деструктивное представление.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ПО ВЫСТУПЛЕНИЮ О. РАНКА,
20 ДЕКАБРЯ 1911 ГОДА
(1974d [1911])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1974: 155 Scientific meeting on December 20, 1911 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1974. — Vol. III (1910—1911). — P. 367.

Издания на немецком:

1979: 155 Protokolle. Vortragsabend: am 20 Dezember 1911 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — S. 347.

20 декабря 1911 года в Венском психоаналитическом обществе состоялась 3-я дискуссия об онанизме. Был представлен реферат О. Ранка. В своем выступлении СШ указывает на источник как склонности ко лжи, так и стремления к правде, это утаивание от ребенка сексуальной информации.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн считает, что трудно решить, что было раньше — аутоэротика или гетеросексуальность. Ребенок может быть не агрессивным и, возможно, поэтому перемещается на место властных родителей, чтобы удовлетворить себя самого со стороны родителей. К выводам докладчика были высказаны упреки в том, что он пытается свести общие характеристики к совершенно особым причинам. Так, ко лжи или стремлению к правде может привести и то, что родители утаили от ребенка ответы на сексуальные вопросы, в результате может развиться стремление к правде, к «почему» и «для чего» всех вещей, при этом с другой стороны у ребенка появляется возможность лгать и плести небылицы. Потом эта навязчивость в вопросах проявляется у ребенка как страх вопросов. Запрет состоял в том, что хотелось спросить о чем-то запретном.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ОБ ОНАНИЗМЕ,
24 ЯНВАРЯ 1912 г.
(1975а [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 159 Scientific meeting on January 24, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 25.

Издания на немецком:

1981: 159 Protokolle. Vortragsabend: am 24 Januar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 23.

Это четвертая дискуссия об онанизме, состоявшаяся в Венском психоаналитическом обществе 24 января 1912 года. Были представлены рефераты Йозефа Фридьюнга и Шандора Ференци. СШ отмечает интересный аспект женского онанизма в одновременном представлении себя ребенком и матерью.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн отмечает о психическом онанизме, что женщина в своей любви превращается в возлюбленного и впадает в возбуждение; переход от психического онанизма к телесному осуществлялся благодаря тому, что потом женщины имитировали его. Особая форма женского онанизма: сосание собственных грудей, при этом она представляет себя матерью и ребенком.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ПО ДОКЛАДУ П. ФЕДЕРНА
«О ЧУВСТВЕ ПОЛЕТА В СНОВИДЕНИИ», 31 ЯНВАРЯ 1912 Г.
(1975b [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 160 Scientific meeting on January 31, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 32.

Издания на немецком:

1981: 160 Protokolle. Vortragsabend: am 31 Januar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 29.

В Венском психоаналитическом обществе 31 января 1912 года состоялась дискуссия по докладу Пауля Федерна о сновидениях с чувством полета. Фрейд замечает, что значительная часть этих сновидений — это сновидения об эрекции¹. Указанные СШ примеры имеют, вероятно, коитальные признаки.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн указывает на особый вид сновидений о полетах, примером которых послужили детские игры (возможность летать — вращаться, бросаться вперед головой и т. п.).

¹ [См. Фрейд, Э. Толкование сновидений: Пер. с нем. — М.: СТД, 2005. — С. 400—401.]

**ВКЛАД В ДЕБАТЫ ОБ ОНАНИЗМЕ,
7 ФЕВРАЛЯ 1912 г.
(1975с [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 161 Scientific meeting on February 7, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 40.

Издания на немецком:

1981: 161 Protokolle. Vortragsabend: am 7 Februar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 36.

На встрече в Венском психоаналитическом обществе 7 февраля 1912 года были заслушаны доклады Рудольфа Рейтлера и Вильгельма Штекеля. СШ, выступая в дискуссии, связывает возможную вину из-за онанизма и потребность в возмездии с деструктивными компонентами влечений индивида.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн считает, что все дети переживают период невротиков. В некоторых случаях он проходит латентно, иногда вспыхивает; почти все дети испытывают страх. Также у ребенка есть период средневековья, который часто совпадает с периодом религиозности. Если вред онанизма является общепринятым фактом, то следует ожидать, что он должен быть каким-то образом обоснован. У некоторых пациентов проявляется четкая потребность в вине и возмездии, что связано с деструктивным компонентом.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ОБ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ
СНОВИДЕНИЯХ, 14 ФЕВРАЛЯ 1912 г.
(1975d [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 162 Scientific meeting on February 14, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 47.

Издания на немецком:

1981: 162 Protokolle. Vortragsabend: am 14 Februar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 44.

Карл Шрёттер представил свой доклад об экспериментальных сновидениях в Венском психоаналитическом обществе 14 февраля 1912 года. В выступлении СШ интересно предложение о диагностической процедуре, выявляющей в сравнительном анализе сновидений особенности желаний индивида.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн считает, что было бы интересно предлагать разным людям одну и ту же информацию, чтобы посмотреть, как они относятся к одному и тому же материалу. Тогда можно было бы проанализировать одно из этих сновидений и представить лежащее в его основе желание другого человека, чтобы посмотреть, как разные люди представляют одно и то же желание. Так, напр[имер], некоторые люди положительно относятся к гомосексуальному внушению, другие — отрицательно.

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ О РОДИТЕЛЬСКОМ КОМПЛЕКСЕ,
21 ФЕВРАЛЯ 1912 г.
(1975е [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 163 Scientific meeting on February 21, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 52, 55.

Издания на немецком:

1981: 163 Protokolle. Vortragsabend: am 21 Februar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 49, 51.

Дискуссия 21 февраля 1912 года, состоявшаяся в Венском психоаналитическом обществе, была посвящена обсуждению доклада Теодора Райка «Родительский комплекс как фермент культуры».

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн рассказывает историю семьи одной девушки, которая ушла из дома, чтобы получить возможность учиться. Тогда наряду с упреками самой себе установились страх и ненависть по отношению к отцу; она проецировала свои собственные желания на отца. Она была убеждена, что ее родители никогда не смогли бы изменить друг другу.

***¹

ШПИЛЬРЕЙН считает истинным, что мужчина также сначала любил нарциссически. У женщин следует различать два типа: муже-женщины желают для себя лишь сексуальные объекты.

¹ [Затем последовало обсуждение О. Ранком психологии донжуанства. З. Фрейд высказался о типах любви и типах женщин. Он говорил о происхождении идеала в образах женщин, возводя его к идеалу девственницы. Один — это материнский тип, а второй — любовный. В. Штекель прояснил идею о донжуанстве, говоря, что Дон Жуан гомосексуален, он влюблен сам в себя, и каждая новая победа подтверждает его неотразимость. Он высказал идею, что женский тип Гретен, о котором докладывал Райк, противостоит фрейдовским типам. У женщин, которые представляли себе идеалом невинного мужчину, анализ выявил, что первоначально их идеалом был Дон Жуан.]

**ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ОБ ОНАНИЗМЕ,
28 ФЕВРАЛЯ 1912 г.
(1975f [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 164 Scientific meeting on February 28, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 59—60.

Издания на немецком:

1981: 164 Protokolle. Vortragsabend: am 28 Februar 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 55.

На встрече 28 февраля 1912 года в Венском психоаналитическом обществе были заслушаны выступления Штайнера и Федерна. Федерн говорил о неточности понятия онанизма, которое приводит к приравниванию онанизма к сексуальной деятельности без второй персоны. При обычном развитии онанизм как следствие развития сексуальности является нормальным проявлением и не является вредным.

В своем выступлении СШ указывает на возможный невротический цикл, связанный с онанизмом.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн упоминает один случай, который показывает взаимосвязь между запорами и онанизмом, что также известно врачам, не занимающимся психоанализом. Выводы Федерна очень достоверны: онанизм может быть перенесен без вреда, но также может вызвать неврастению, которая ведет к чувству вины, которое, в свою очередь, в состоянии вызвать чувство удовольствия и тем самым повысить желание заниматься онанизмом.

ВКЛАД В ДИСКУССИЮ О ПСИХОАНАЛИЗЕ ПУТЕШЕСТВИЙ, 6 МАРТА 1912 г. (1975g [1912])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 165 Scientific meeting on March 6, 1912// Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 66.

Издания на немецком:

1981: 165 Protokolle. Vortragsabend: am 6 März 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 60.

На встрече 6 марта 1912 г. в Венском психоаналитическом обществе состоялось обсуждение доклада А. Винтерштейна «О психоанализе путешествий». В дискуссии участвовал ряд присутствующих. Ранк отметил, что желание бегства является психологической причиной путешествия. Путешествие представляется как попытка неудавшегося внутреннего освобождения. Этот механизм имеет свое начало в пубертате при стремлении освободиться от родителей и семьи. Хичманн считает, что необходимо обсудить проблемы страха путешествия, чувства движения, а также тему путешествия в сновидениях. Тауск сообщил о двух типах путешествия из анализов: в одном случае — бегство от споров с отцом, во втором — преодоление трудных отношений с родителями.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

ШПИЛЬРЕЙН известны две причины путешествия: 1) страсть к освобождению, 2) страсть к поиску чего-либо нового, под чем всегда прячется инцест. На одном примере объясняется способность преобразования этой страсти.

**ВКЛАД В ДЕБАТЫ ОБ ОНАНИЗМЕ,
13 МАРТА 1912 г.
(1975h [1912])**

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 166 Scientific meeting on March 13, 1912// Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 74.

Издания на немецком:

1981: 166 Protokolle. Vortragsabend: am 13 März 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 68.

В очередной дискуссии об онанизме в Венском психоаналитическом обществе 13 марта 1912 года затрагивалась проблема амбивалентности.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шпильрейн¹ указывает на то, что Блейлер в толковании амбивалентности сводит недостаток способности к действию к двум противодействующим друг другу силам. Обычно мы воспринимаем этот комплекс лишь в разности двух антагонистических сил.

¹ [До высказываний СШ рядом участников была затронута проблема амбивалентности. Тауск отмечал, что при неврозе важно не торможение стремлений, а их использование. Невроз строится не на амбивалентности. Симптом образуется сочетанием не только противоположных, но и различных стремлений. Между двумя противоположными стремлениями влеченческого корня нет синтеза, а лишь альтернатива или прерывность. Фрейд указал, что неспособность к синтезу является врожденной, и это наблюдается у ребенка.]

ДЕБАТЫ ОБ ОНАНИЗМЕ. РЕФЕРАТ (1975; [1912])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: *Debate on Onanie* // *Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society*. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 78—79, 81.

Издания на немецком:

1981: 167 Protokolle. Vortragsabend: am 20 Marz 1912. — VIII. Onanie-Debatte // *Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung*. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 73—74.

Данный текст — один из развернутых докладов СШ в Венском психоаналитическом обществе. 20 марта 1912 года на 8-ой дискуссии об онанизме с сообщениями выступили Даттнер и СШ. В докладе СШ представляется интересным выделение особых форм онанизма у женщин, а также обращение внимания на мастурбационные аспекты музыки и творчества в целом.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Д-р Шпильрейн констатирует, что разграничение понятия онанизма на основе различного опыта неопределенно. У девочек онанизм, в общем, наблюдается реже, так как он часто оказывается сдерживанием естественных потребностей, из которого ребенок создает удовольствие. Сознание вины регулярно обнаруживает связь с религиозными представлениями. Аналог мужской фантазии кастрации референт находит в том, что женщина применяет фантазию кастрации по отношению к мужчине. Одна пациентка постоянно испытывает страх, что у нее отпадет рука, у другой же возникали фантазии странгуляции¹. Также указывалось на суеверие, согласно которому кому-то зашили разум. Затем упоминается,

¹ [Странгуляция — удушение.]

что локальный онанизм преобразуется в другие формы (потирающие руки, теребящие волосы), и что психический онанизм (герои романа) играет большую роль (картины: Леда¹, Ио²). В качестве перехода к фетишизму упоминается, что у женщины, в целом более эротичной, все служит в качестве средств возбуждения. В особенности указывалось на одну форму онанизма во время прослушивания музыки. В заключении также упоминаются вызовы удовольствия от онанизма посредством клептомании и форма онанизма, характерная для женщин, осуществляемая через прижимание ребенка; такая форма отображается в играх девочек (с куклами).

***3

¹ [Леда — в греческой мифологии супруга спартанского царя Тиндарея. Зевс, плененный красотой Леды, овладел ею, обратившись в лебедя.]

² [Ио — в греческой мифологии жрица богини Геры, пленившая своей красотой Зевса и превращенная Герой из ревности в корову.]

³ [Затем выступил ряд участников. Хичманн считает, что онанизм связан с состояниями страха. Музыка может оказывать двойное действие — очищающее и возбуждающее. Игра на фортепиано в сновидениях часто является символом онанизма.]

Фриджюнг указывает, что также находит музыку двойкой. Аутоэротическое музыкальное побуждение выражено в фантазировании при игре на фортепиано. Другой аспект в том, что музыка обращена к слушателям.

Штекель отмечает, что мужские кастрационные фантазии соответствуют женским фантазиям о повреждении гениталий и наступлении из-за этого бесплодия. У женщин часто встречаются бисексуальные фантазии. Он не считает музыку двойкой, но [она] может вызывать различные фантазии и по-разному воздействовать.

Тауск считает, что музыка репрезентирует стадию человеческого духа, когда действуют не представления, а аффекты. Аналогом мужской кастрационной фантазии является женская фантазия об откусывании.

Ранк указывает на то, что в мифах и сказках наказание женщины за онанизм проявляется в зашивании рта, в заключении под замок, в отрубании рук.

Федерн предполагает у пациентки Шпильрейн, страдавшей фантазиями об удушении, наличие вагинизма. (ШПИЛЬРЕЙН заметила, что у пациентки имелись судороги в пищеводе.) Федерн отмечает, что обычно за фантазиями об удушении скрывается фантазия о рождении.

Фрейд считает нецелесообразным искать аналог женской кастрационной фантазии в том же смысле, что и у мужчин. Женщине не нужны такие фантазии, потому что она уже кастрирована, появившись на этот свет женщиной. Он отмечает, что судороги пищевода — это перенесение склонности к вагинизму вверх.]

ШПИЛЬРЕЙН хотела бы применить выделенный аутоэротический и гетеросексуальный момент в музыке ко всей деятельности искусства. Творческий акт раскладывается на обратное разделение всего аутоэротического, которое потом посредством гетеросексуального компонента снова согласуется с внешним миром.

ВКЛАД В ДИСКУССИЮ ПО ВЫСТУПЛЕНИЮ В. ТАУСКА «СЕКСУАЛЬНОСТЬ И Я» (1975j [1912])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1975: 168 Scientific meeting on March 27, 1912 // Minutes of the Vienna Psychoanalytic Society. — New York: International Universities Press, Inc., 1975. — Vol. IV (1912—1918). — P. 84—85, 88.

Издания на немецком:

1981: 168 Protokolle. Vortragsabend: am 27 März 1912 // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 79, 82.

Тема вклада СШ в дискуссию 27 марта 1912 года в Венском психоаналитическом обществе — распад Я, исчезновение Я в сексуальном контакте и при сильных аффектах.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые

ШПИЛЬРЕЙН также против этой не характерной для женщины точки зрения¹. Проблема, почему индивидум защищается от сексуальности, предлагает подход к факту, что сексуальное влечение биполярно и содержит компонент, который требует распада Я. Если Тауск говорит, что Я аннулируется во время сексуального акта, то это одно и то же. Утверждение Клагеса о том, что любой сильный аффект обладает тенденцией к распаду Я, также находит поддержку референта в работе, которая на данный момент в печати². Любая психологическая реакция обладает тенденцией к распаду

¹ [Речь идет о взглядах В. Тауска.]

² [«Деструкция как причина становления» (1912а). См. наст. изд. С. 109—154.]

Я вплоть до филогенетических рядов; второй фактор — это проекция и приспособление к действительности.

***¹

Относительно теории вытеснения ШПильРЕЙН упоминает указание Юнга на историческую память. Удовольствие, которое, согласно Штекелю, повышается в результате воздержания в еде, проявляется у эротиков еды так же, как садизм используется при завоевании пропитания, удовольствие от преодоления.

¹ [Затем выступили Штекель и Фрейд. Штекель находит противопоставление между влечениями Я и сексуальными влечениями искусственным. Сексуальное влечение является самым сильным из влечений Я. Что касается влечений, то они относятся к бессознательному. Возникает ошибка, когда влечения, принятые сознанием, отделяются как влечения Я.]

ДЕСТРУКЦИЯ КАК ПРИЧИНА СТАНОВЛЕНИЯ (1912a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1912: Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — S. 465—503.

Издания на русском:

1994: Деструкция как причина становления / Пер. с нем. М.И. Шпильрейн // Логос. Философско-литературный журнал. — 1994. — № 5. — С. 207—238.

2001: Деструкция как причина возрождения / Пер. с нем. В.И. Николаева, Л.Ф. Бугаёвой [Электронный ресурс] / Автор сайта В.И. Николаев. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://psychoanalyse.narod.ru>.

Данная работа считается наиболее значительным вкладом СШ в развитие психоаналитической теории. Здесь дается метафизическая и метапсихологическая модели диалектики смерти и рождения.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

В моей работе над анализом сексуальных проблем меня особенно интересовал один вопрос: почему это самое могущественное влечение, влечение продолжения рода, наряду с положительными чувствами, которые а priori можно ожидать, содержит отрицательные, такие как — страх, отвращение, которые, собственно, должны быть впоследствии преодолены, чтобы удалось достичь положительной деятельности. Отрицательное отношение индивида к сексуальной деятельности особенно бросается в глаза у невротиков. Насколько мне известно, отдельные исследователи искали объяснения этого сопротивления в наших обычаях, воспитании, которое стремится удерживать инстинкт в рамках, так что каждый ребенок приучается рассматривать реализацию сексуального желания как нечто плохое, запрещенное. Некоторым исследователям бросилась в глаза частота

случаев представлений о смерти, связанных с сексуальными желаниями, однако смерть воспринималась как символ морального падения (Штекель¹). Гросс² выводит чувство отвращения к сексуальным продуктам из их пространственного сосуществования с мертвыми выделениями. Фрейд сводит сопротивления и страхи к вытеснению обычно эмоционально положительноокрашенных желаний. Блейлер видит в защите необходимое отрицательное качество, которое должно иметь место и в эмоционально положительно-окрашенном представлении. У Юнга же я нашла следующее место:

«Страстная тоска, то есть либидо, имеет две стороны: это сила, которая все украшает и, в зависимости от обстоятельств, все разрушает. Часто делают вид, будто не могут правильно понять, в чем же может состоять разрушающее качество творящей силы. Женщина, которая, особенно в современных обстоятельствах культуры, поддается страсти, узнает это разрушающее свойство слишком быстро. Надо мысленно несколько подняться над обывательски принятыми обычаями, чтобы понять, какое чувство безграничной неуверенности охватывает человека, отдающегося судьбе безоговорочно. Даже быть плодовитым — означает разрушать самого себя, так как с возникновением следующего поколения предшествующее перешагнуло свою вершину: так наши потомки становятся нашими опаснейшими врагами, которых мы одолеем, поскольку они переживут нас и возьмут власть из наших обессиленных рук. Страх перед эротической судьбой вполне понятен, так как в этом есть что-то необозримое, вообще судьба таит неизвестные опасности, и то, что из-за постоянных колебаний невротик не решается жить, объясняется желанием иметь право стоять в стороне, чтобы не быть вынужденным участвовать в опасной битве за жизнь. Кто отказывается от риска переживать, должен для этого подавить в себе это желание, то есть совершить своего рода самоубийство. Этим объясняются фантазии о смерти, охотно сопровождающие отказ от эротического желания»³.

¹ Ко времени написания мною этой работы сочинение «Язык сновидений» д-ра Штекеля^[a] еще не вышло. В своей работе автор указывает на многочисленные сновидения, что наряду с желанием жить мы обладаем и желанием умереть. Последнее он воспринимает как противоположность желанию жить, лежащему в сущности сексуального инстинкта.

² [Вероятно: Gross, Otto. Zur Differentialdiagnostik negativistischer Phaenomene // Psychiat. Neurol. Wschr. — 1904. — Bd. 37. — S. 345—363.]

³ Преобразования и символы либидо. Данный ежегодник, Т. III. [Jung, C.G. Wandlungen und Symbole der Libido // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227.]

^[a] [Stekel, W. Die Sprache des Traumes. — Wiesbaden, 1911.]

Я намеренно так подробно привожу слова Юнга, поскольку его замечание о неизвестной опасности, содержащейся в эротической деятельности, больше всего соответствует полученным мною результатам; кроме того, для меня очень важно, что также и индивидуум мужского пола сознает не только социальную опасность. Юнг, правда, приводит представления о смерти не в соответствии, а в противоположность сексуальным представлениям. Из моего опыта с девушками я могу сказать, что в норме — это чувство страха, выступающее на первый план чувств вытеснения, когда впервые принимается в расчет возможность реализации желания, а именно учитывается определенная форма страха: девушки чувствуют врага в себе самих, это собственное пламя любви, с железной необходимостью принуждающее к тому, чего не хотят; они чувствуют конец преходящего, от чего напрасно хотелось бы бежать в незнакомые дали. Возникает вопрос — и это все? Это вершина, и больше ничего не будет сверх этого? Что же происходит в ходе сексуальной деятельности с индивидом, который оправдывал такое настроение?

I. БИОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТЫ

При зачатии происходит соединение женской и мужской клеток. Каждая клетка при этом уничтожается как единство, и из продукта уничтожения возникает новая жизнь. Некоторые низшие живые существа, напр[имер], мухи-поденки, с произведением нового поколения лишаются жизни и умирают. Для них создание — это одновременно и гибель, что, взятое само по себе, есть самое страшное для живущего. Если собственная гибель посвящена новому созданию, то она становится для индивида страстно желаемой. Для высокоорганизованного индивидуума, состоящего уже не из одной единственной клетки, само собой разумеется, что он не весь уничтожается в сексуальном акте. Но половые клетки, исчезающие как единицы, есть важные для организма элементы: они находятся в тесной взаимосвязи со всей жизнью индивида и содержат в концентрированной форме всего производителя, постоянно влияющего на их развитие, и на которого они также постоянно

влиают. Эти важнейшие экстракты индивида уничтожаются при оплодотворении. Соответственно объединению половых клеток в акте совокупления происходит теснейшее объединение двух индивидов: один проникает внутрь другого. Различие лишь количественное: всасывается не весь индивид, а только часть его, репрезентирующая, однако, в этот момент значение всего организма. Мужская часть растворяется в женской, женская же становится беспокойной, получает новую форму, благодаря чужому захватчику. Преобразование касается всего организма; деструкция и возрождение, всегда происходящие и в обычных обстоятельствах, протекают особенно резко. Организм освобождается от сексуальных продуктов как от всякого выделения. Было бы невероятным, чтобы индивидуум не подозревал об этих процессах деструкции и реконструкции в своем организме, хотя бы в соответствующих чувствах. Как чувства, соответствующие становлению, даны во влечении продолжения рода, так и чувства защиты, такие как страх и отвращение, не выступают следствием ошибочной связи с пространственно сосуществующими выделениями, не являются негативом, означающим лишь отказ от сексуальной деятельности, а являются чувствами, соответствующими деструктивному компоненту сексуального инстинкта.

II. ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ

Довольно парадоксально звучит утверждение, что психически мы вообще ничего не переживаем в настоящем, и все же это верно. Событие для нас имеет эмоциональную окраску лишь в той мере, в какой оно может возбудить ранее пережитые, эмоциональноокрашенные содержания (переживания), скрытые в бессознательном. Это лучше всего видно на примере: девушка с большим удовольствием читает истории о ведьмах. Выясняется, что ребенком она охотно подражала колдунье, и анализ показывает, что в фантазии девочки колдунья заменяет мать, с которой девочка себя идентифицирует. Поэтому волшебные истории для девочки лишь в той мере окрашены радостью, в какой жизнь матери, которую девочка хотела бы повторить, для нее окрашена радостью. Истории о ведьмах —

это только подобия, представляющие желаемое, уже реализованную матерью историю жизни. На эти подобия просто переносится эмоциональный тон к матери. Без переживания матери волшебные истории о ведьмах не были бы окрашены для девушки радостью. В этом смысле «все преходящее» — только подобие какого-то нам неизвестного первособытия, ищущего аналога в настоящем: в этом смысле мы ничего не переживаем в настоящем, хотя и проецируем эмоциональный тон на настоящее представление. Если в моем примере сознательным было настоящее представление о ведьмах, то в бессознательном происходила ассимиляция с прошлым (переживание ведьмы = переживанию матери), из которого дифференцируется настоящее. Каждое сознательное содержание мыслей или представлений сопровождается таким же бессознательным содержанием, которое переводит выводы сознательного мышления на своеобразный язык бессознательного, и этот параллельный ход мыслей лучше всего удастся показать в описанном Зильберером состоянии утомления. Два примера Зильберера¹ могут это разъяснить.

Пример №1: «Я думаю о том, что намерен выправить ухабистое место».
Символ: «Я вижу, как строгаю кусок дерева до гладкости».

Пример №2: «Я думаю о продвижении человеческого духа вперед, в трудную область материнской проблемы» («Фауст», часть II)².

Символ: «Я стою на одинокой каменной эстраде, далеко уходящей в море. Воды моря почти сливаются на горизонте со столь же глубоко окрашенным таинственно-черным воздухом».

Толкование: выдвинутость в темное море соответствует продвижению вперед в темную проблему. Слияние воздуха и воды, сглаживание верха и низа могло бы символизировать, что у матерей (как описывает Мефистофель) все времена и места сглажены друг с другом, что там нет никаких границ между «верхом» и «низом»³, и что поэтому Мефистофель может сказать готовому

¹ [Silberer, H. Bericht über eine Methode gewisse symbolisch Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // J. — 1909. — Bd. 1.]

² [Гете, И. В. Фауст // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1976. — С. 232, 237.]

³ [Там же. С. 233.]

к путешествию Фаусту: «Погружайся — я мог бы сказать также — поднимайся»¹.

Примеры очень поучительны: видно, как соразмеренный с настоящим ход мыслей ассимилируется в бессознательном с «переживаниями», случавшимися во многих поколениях. Выражение «ухабистое место» в работе (прим[ер] 1) взято как подобие другому содержанию представления — представлению о строгании дерева. В сознании это выражение по смыслу соразмеряют с настоящим, оно, в соответствии с этим, дифференцируется по своему происхождению. Бессознательное, напротив, придает словам первоначальное значение неровного места при строгании; таким образом, превращает настоящее действие по исправлению работы в уже часто происходившее действие строгания дерева.

Второй пример еще интереснее тем, что многие древние народы представляли море, как мать (материнская творящая вода, из которой возникла вся жизнь). Море («мать»), в которое проникают, — это темная проблема, состояние, в котором нет ни времени, ни места, ни противоположностей («верха» и «низа»), потому что это еще недифференцированное нечто, не творящее нового и поэтому вечно сущее. Картина моря («матери») — это одновременно и картина глубины бессознательного, которое живет одновременно в настоящем, прошлом и будущем времени², т. е. вне времени, для которого все места сливаются друг с другом (в месте происхождения), для которого противоположности означают одно и то же³. В этой праматери (бессознательном) хочет раствориться каждое дифференцированное из нее представление, то есть она хочет преобразоваться в недифференцированное состояние. Если, например, анализируемая мною больная⁴ говорит: «Земля была просверлена», вместо того,

¹ [Гете, И. В. Фауст // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1976. — С. 236.]

² По Фрейду, бессознательное лишено времени в той мере, в какой оно состоит только из желаний, которые оно представляет реализованными для настоящего. Фрейд: Толкование сновидений [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.].

³ Фрейд: О первоначальном смысле древних слов [Freud, S. Über den Gegensinn der Urworte (1910e) // G. W. — Bd. 8. — S. 214—221.].

⁴ О психологическом содержании одного случая шизофрении. Данный ежегодник, Т. III, С. 329ff. [Наст. изд. С. 3—85.]

чтобы сказать — «я была оплодотворена», то земля — это праматерь в бессознательном или сознательном представлении каждого народа. В праматерь опять превращается дифференцированная из нее ранее мать-пациентка. Не зря греческие философы, например, Анаксагор, искали происхождение мировой скорби в дифференцировании сущего из праэлементов. Эта боль как раз заключается в том, что каждая частица нашего существа стремится к обратному превращению в свои истоки, из чего потом опять проистекает новое становление.

Фрейд¹ сводит наши более поздние прямые или сублимированные побуждения любви к инфантильному возрасту, когда мы, благодаря ухаживающим лицам, испытываем первые ощущения удовольствия. Эти ощущения удовольствия мы всегда стремимся переживать по-новому, и если сознание давно выработало себе нормальную сексуальную цель, то бессознательное занимается представлениями, которые для нас в самом раннем детстве были окрашены удовольствием. Противники Фрейда большей частью отчаянно защищаются от сексуализирования невинных детских ощущений удовольствия. Кто хотя бы однажды сам проводил анализ, тот не сомневается в том, что эрогенные зоны невинного ребенка у взрослого — сознательно или бессознательно — становятся источником получения сексуального удовольствия. В конституции каждого индивида может быть обосновано, почему при этом отдается предпочтение одной или другой зоне, однако в любом случае мы видим, причем особенно ярко у невротиков, что зона, окрашенная удовольствием в детстве, становится источником сексуального возбуждения по отношению к ухаживающим людям с соответствующей бессознательной символикой. Это дает нам право утверждать, вместе с Фрейдом², что в инфантильных источниках удовольствия мы находим зародыши сексуального удовольствия у взрослого. По поводу спора о роли сексуальности мне однажды было замечено, что можно было бы столь же хорошо все вывести из влечения к еде, если только иметь к этому достаточное желание. Я не хотела бы

¹ [Freud, S. Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d) // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145.]

² [Ibid.]

здесь оставить неупомянутыми воззрения одного французского автора, который выводит все душевные порывы из влечения к самосохранению. А именно, он считает, что мать любит ребенка, так как он при сосании облегчает ей грудную железу; по той же причине любят мужчину или женщину, поскольку при коитусе удаляются или делаются безвредными отягощающие организм выделения. Ощущение удовольствия тогда переносится на объект, приносящий облегчение. Но эти возражения ничего не говорят против учения Фрейда: Фрейд вовсе не исследует, что такое чувство удовольствия, и как оно возникает. Он начинает со стадии, на которой чувство удовольствия уже есть, и тогда мы действительно видим, что инфантильные ощущения удовольствия — это предварительный этап к более поздним сексуальным ощущениям удовольствия. Это то же, что любить благотворящую руку медсестры, удовлетворяющую нашу потребность в питании. Связь влечения к питанию, соот[ветственно], влечения к самосохранению, влечения к сохранению вида (то есть также и сексуального инстинкта), несомненно, очень тесная. Факты свидетельствуют, что при сексуальном возбуждении еда иногда может заменить коитус. При этом действенны два фактора: с одной стороны, удовольствие от процесса еды и, с другой стороны, — частое повышение аппетита из-за общего возбуждения. Наблюдается и обратное. Правда, потребность в питании не может быть полностью замещена коитусом, но мы часто видим сверхмощное половое влечение как раз у физически ослабленных индивидов.

Поскольку мы исследуем *causa movens*¹ нашего сознательного и бессознательного Я, я считаю, что Фрейд прав, принимая стремление к достижению удовольствия и подавлению неудовольствия за основу всех видов психической продукции. Удовольствие возвращается к инфантильным источникам. Теперь, однако, возникает вопрос — вся ли наша психическая жизнь состоит из жизни Я; нет ли в нас влеченческих сил, приводящих в движение наше психическое содержание, не беспокоясь о благе и горе для Я? Значат ли известные основные влечения, влечения самосохранения и сохранения вида и для всей психической жизни то же самое, что

¹ [*Causa movens* (лат.) — причина движения.]

и для жизни Я, то есть являются ли они источником удовольствия или неудовольствия? Я должна решительно высказать мнение, что Я-душой, а также и бессознательным руководят побуждения, лежащие еще глубже и совсем не заботящиеся о нашей чувственной реакции на поставленные ими требования. Удовольствие — это всего лишь утвердительная реакция Я на эти протекающие из глубины требования. Мы же можем иметь непосредственно удовольствие от неудовольствия, удовольствие от боли, которая сама по себе тяжело окрашена неудовольствием, ведь боль соответствует повреждению индивида, чему противится в нас инстинкт самосохранения. Следовательно, в нашей глубине есть что-то, как бы парадоксально это ни звучало, а priori желающее этого самоповреждения, поскольку Я реагирует на это с удовольствием. Желание самоповреждения, радость от боли, однако, совершенно непонятны, если мы учитываем только жизнь Я, желающего иметь только удовольствие. Мах¹ представляет идею, что Я есть нечто совершенно несущественное, постоянно меняющееся, есть лишь определенная одновременная группировка вечно имеющих элементарных ощущений. Как философ, Мах удовлетворяется этой схемой. С именем Маха для меня тесно связано имя Юнга, потому что он также мыслит Душу как состоящую из многих отдельных сущностей. Именно Юнг говорит о комплексной автономии, так что, согласно ему, мы имеем в себе не неразделенное Я, а различные комплексы, спорящие друг с другом о приоритете. Прекраснейшее подтверждение его взглядов дают нам больные dementia praecox, так сильно чувствующие над собою власть отдельных, отделенных от Я комплексов. Часто они рассматривают свои собственные бессознательные желания (моя пациентка называла эти желания «предположениями») как жизнеспособные враждебные сущности. «Предположение могло бы стать действительностью, чтобы доказать свои права на существование», — говорила анализируемая мною больная².

¹ [Вероятно, имеется в виду работа: Mach, E. Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. — 2. verm. Aufl. der Beiträge zur Analyse der Empfindungen. — Jena: Fischer, 1900. — VII, 244 s.]

² [См. наст. изд. С. 18.]

Я должна была придти к пониманию, что основная характеристика индивидуума состоит в том, что он есть дивидуум¹. Чем больше мы приближаемся к сознательному мышлению, тем более дифференцированными становятся наши представления, но чем глубже мы проникаем в бессознательное, тем более общими, типичными они становятся. Глубина нашей Души не знает никакого Я, но лишь его суммирование, «Мы»² или настоящее Я, рассмотренное как объект, подчиняемое другим подобным объектам. Больному делали трепанацию под наркозом. У него постепенно исчезло сознание Я, а тем самым и боль, при этом он, однако, воспринимал впечатления внешнего мира в такой степени, что при долблении черепа воскликнул: «Войдите!». Это показывает, что он воспринимал череп, но в форме объекта, отделенного от Я, очевидно, в виде комнаты³. Так объективируются отдельные части личности. В следующем примере мы видим объективирование всей личности. Моя пациентка⁴ сообщает об одном из своих состояний во время наркоза, когда она больше не чувствовала боли, причиненной ей операцией; при этом она видела вместо самой себя раненых солдат, которым она сочувствовала. На этом основано и болеутоляющее действие детской поговорки, что можно сделать больно собаке, кошке и пр., только не ребенку. Вместо пораненного пальчика у себя, ребенок видит его у другого, вместо «мой пальчик» мы подставляем более общее представление какого-то «пальца». Как часто утешаются в случае личного несчастья мыслью, что это бывает со многими или даже со всеми, как если бы боль облегчалась мыслью о закономерности ее появления, об устранении личностно-случайного. Если что-то вообще случилось или случается, то это больше не несчастье, а объективный факт. Боль основана на дифференцировании отдельного Я-представления. Под этим я понимаю представление, связанное с Я-сознанием. Как известно, сочувствие возникает в случае пере-

¹ [Дивидуум — от лат. *dividuus* — делимый.]

² Ср.: Шпильрейн: Шизофрения, Ежегодник, III, Ч. I. Заключение. [См. наст. изд. С. 80—85.]

³ [Этот же пример см. «Вклад в познание детской души». — Наст. изд. С. 164.]

⁴ Там же.

носа себя в состояние страдания. У больных dementia praecox, превращающих Я-представления в объективные или родовые представления, бросается в глаза неадекватный аффект, равнодушие. Оно исчезает, как только нам удастся восстановить Я-отношение. Когда, напр[имер], пациентка вместо: «Земля была загрязнена мочой», говорит: «Я была загрязнена во время сексуального акта»¹. В этом, по моему мнению, состоит смысл символического способа выражения. Символ означает то же самое, что и мучительное представление, но он менее дифференцирован, чем Я-представление. Под «женщиной» можно подразумевать более многочисленные содержания, поскольку они должны быть сходными друг с другом только в существенном, в отличие от много более остро детерминированного Я-представления некоей Марты Н.. На это можно было бы возразить: когда сновидящий берет вместо себя другое лицо, то это лицо не менее дифференцировано, чем личность самого сновидца. Но это лишь объективно правильно: для каждого человека другие люди существуют вообще лишь настолько, насколько они доступны его Душе, от другого человека для нас существует только соответствующее нам. Когда сновидец замещает себя другим лицом, то он ни в коей мере не заботится о том, чтобы как можно более ясно представить соответствующую личность. Происходит как раз сгущение различных лиц в одно; для сновидца важно лишь представить в замещающей личности свойство, отвечающее реализации его желания: если сновидец, напр[имер], хочет, чтобы ему завидовали из-за красивых глаз, то он сгущает различные личности с красивыми глазами в смешанную личность, так что и здесь получается тип вместо индивида, тип, соответствующий, как показывают исследования сновидений и фантазий больных dementia praecox, архаичному способу мышления.

При истерии, имеющей «гипертрофию Я», наблюдается соответствующая повышенная чувствительность. Но было бы совершенно неверно утверждать, что психическая жизнь при истерии богаче

¹ Она может иметь сильный отрицательный аффект и при представлении загрязненной земли, если при этом обладает чувством, то есть связью земля — Я. [См. наст. изд. С. 11.]

по содержанию, чем при *dementia praecox*. Самые значительные мысли мы находим именно у больных *dementia praecox*. Недостаток Я-активности приводит только к тому, что мы здесь имеем дело с типичными архаичными, аналогичными способами мышления. Фрейд¹ считает, что при *dementia praecox* речь идет об отдалении либидо, возвращении его и о борьбе между отдалением либидо и его нагрузкой. По моему мнению, это борьба между двумя антагонистическими течениями: родовой души и Я-души. Родовая душа хочет сделать Я-представление безлично типичным, Я-душа защищается против такого растворения тем, что больные со страхом переводят чувственный тон исчезающего комплекса на какую-либо боковую ассоциацию и на ней фиксируют «Я» (неадекватный аффект). Больные, однако, сами видят, что чувственный тон не соответствует представлению, на которое она переводится, что они совершают ранее имеющийся аффект. Так объясняется, что они часто одновременно смеются над своим собственным пафосом и рассматривают все, как комедию. В начале болезни мы часто видим тяжелый страх и депрессивные состояния, так как больной ощущает тенденцию к нивелированию эмоционально окрашенных частей Я как антагонистическое течение к потребности в Я-отношении, к адаптации к настоящему. Это как если бы прежде возбужденный чувственный тон еще не отзывался в то время, как объекты больше уже не находятся в Я-отношении. Господствующее ощущение при этом следующее: мир изменен, тревожно чужд, это какая-то театральная игра; одновременно навязывается осознание: «Я чужой самому себе». Мысли деперсонифицируются, они «совершаются» больным, потому что они приходят как раз из глубин вне Я, из глубин, которые уже сделали из Я — «мы», или, скорее «они». Еще имеющееся чувство выражается патетически, потому что оно не находит больше объекты, подобно тому, как оратор чрезмерно патетичен, когда вместо соответствующих представлений выражает само чувство. Какое-то время наличествует страх, пока имеющееся чувство, то есть потребность в Я-

¹ [Freud, S. Psychoanalytische Bemerkungen über einer autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]) // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316.]

отношении, позволяет больному воспринимать распад Я (чужую власть). С дальнейшим развитием болезни устанавливается равнодушие: больные ничего не воспринимают лично; если они говорят — «Я», то они все же при этом имеют в виду объекты, которые не означают собственно Я и не послушны Я-волеию. Так, женщина, желающая иметь много детей, может, смеясь, рассказывать о своих 22000 малышей, как если бы это вовсе не было ее действительным стремлением. Но больные могут временами обладать и истинными, адекватными чувствами, и это я видела в случаях установления несимволического, прямого Я-отношения. Расстройство у лиц, попадающих в клинику, развилось в такой мере, что больной тотчас же опять впадает в свою неадекватную установку; в состоянии ли анализ здесь что-то улучшить, остается вопросом будущего.

Со снижением чувства удовольствия и неудовольствия психическая жизнь угасает неравномерно. Прежде всего, угасает потребность дифференцировать и реализовывать личные желания, и наоборот, имеет место ассимиляция (то есть растворение) Я-дифференцированных представлений представлениями, которые были образованы целыми народами, то есть преобразование первых в типичные древние родовые представления. Эти лишенные аффекта представления, образованные целыми народами, учат нас особому содержанию, сопровождающему наши влечения. Я-душа может желать только чувства удовольствия, но родовая Душа учит нас тому, что мы при этом должны желать, что для нас должно быть окрашено в эмоциональном плане положительно или отрицательно. И тут мы обнаруживаем, что живущие в нас родовые желания совсем не соответствуют Я-желаниям, что родовая Душа хочет ассимилироваться в сохранившейся до нашего времени Я-душе в то время как Я, да и каждая его частица, обладает стремлением к самосохранению в настоящей форме (способность упорства). Душа рода, отрицающая настоящее Я, вместе с тем сотворяет его этим отрицанием заново, так как затонувшая частица Я опять выныривает в новые представления, одетая богаче, чем раньше. Это мы лучше всего видим в произведениях искусства. Правда, внутри Я имеется регрессия, состоящая в том, что мы хотели бы опять пережить эмоционально окрашенные удовольствием детские переживания.

Но почему инфантильные переживания так эмоционально окрашены для нас? Почему мы получаем «радость нового познания знакомого»?¹ Почему сохраняется строгая цензура, пытающаяся еще долгое время модифицировать переживания уже после того, как мы перестаем чувствовать родительскую власть над собою? Почему мы не переживаем всегда то же самое и не воспроизводим одно и то же? Значит, что наряду с желанием упорства, в нас имеется желание трансформации, означающее, что индивидуальное содержание представления растворяется в похожем на него материале, берущем начало в прошедших временах, и таким образом, за счет индивидуального должно стать типичным, то есть родовым желанием, которое проецируется индивидом наружу как художественное произведение. Ищут похожее на самого себя (родители, предки), в котором может раствориться собственная Я-частица, потому что это растворение в сходном происходит не резко разрушающе, а незаметно. И все же, что означает это растворение для Я-частицы, если не смерть? Правда, она вновь появляется в новой, возможно, более красивой форме, но это ведь, не та же самая Я-частица, а нечто другое, возникшее за счет этой частицы, так же, как вырастающее из семени дерево, правда, такое же в смысле рода, но не то же самое в отношении индивида, и это, собственно, скорее дело вкуса, захотим ли мы в новом продукте, возникшем за счет старого, увидеть подчеркнутое существование или исчезновение старой жизни. Этому же соответствует удовольствие или неудовольствие при мысли о растворении всего «Я-комплекса». Ведь есть же примеры невротиков, прямо говорящих, что они боятся полового сношения, потому что с отдачей семени теряется и часть индивидуума.

Все, что движет нами, хочет быть сообщено и понято, соответственно, прочувствовано: каждое представление, которое мы передаем окружающим нас людям прямо или в форме произведения

¹ Фрейд: Остроумие и его отношение к бессознательному. [Freud, S. Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c) // G. W. — Bd. VI.]

² Почему художник, например, не рисует всегда картину своей любимой матери и создает по возможности ренессансный образ? «Цензура» не запрещает ведь нам любить мать в сублимированной форме.

искусства, это продукт дифференциации древнейших переживаний, из которых состоит наша душа. Возьмем в качестве примера уже дифференцированное переживание, например, солнечный весенний день, многократно радовавший до нас бесчисленные поколения. Если мы воспроизведем это переживание, тогда нам надо дифференцировать, формируя деревья, траву, небо, также соответственно настоящему содержанию сознания. Мы больше не имеем дела с весенним днем, а с особым, лично окрашенным весенним днем. И наоборот: если этот продукт дифференциации попадает в душу другого индивида, то происходит обратное превращение: при сознательной переработке другим индивидом весенний день приобретает другое индивидуальное выражение; наряду с сознательной обработкой представление подвергается бессознательной переработке, отнимающей у него настоящее индивидуальное выражение, низводит его к «матерям» и растворяет. В бессознательном мы находим, возможно, весенний день, разложенный на его составные части — солнце, небо, растения и преобразованные в знакомые нам из народной психологии мифологические образования или, может быть, вернее «отобразованные»¹. Уже при каждом произнесении мысли или описания представления, мы производим обобщение, так как слова — это ведь символы, которые как раз для того и служат, чтобы оформлять личное в общечеловеческое и понятное, т. е. лишать его личного выражения. Чисто личное никогда не может быть понято другими, и нас не удивляет, если Ницше, человек с мощным Я-сознанием, приходит к выводу: «Речь существует для того, чтобы сбивать с толку себя и других». И все же мы испытываем облегчение при произнесении, когда за счет нашего «Я-представления» образуем родовое представление, и художник также радуется своим «продуктам сублимации», когда вместо индивидуального создает типичное. Каждое представление как бы ищет не идентичный, но схожий материал, в котором оно может быть растворено и трансформировано. Этот схожий материал — это понимание, основанное на одинаковых содержаниях представлений, с которым другое лицо принимает наши представления. Это понимание вызывает у нас чувство симпатии,

¹ [Rückgestaltet (нем.)]

что означает не что иное, как то, что хочется еще больше дать от себя, пока расположенность, особенно если имеют дело с индивидами разного пола, не повышается настолько, что хочется целиком (целым Я) отдать себя. Эта опаснейшая для Я фаза влечения к размножению (преобразованию) идет, однако, рядом с чувствами наслаждения, потому что происходит растворение в подобном любимом (= в любви).

Так как в любимом любят похожего на себя родителя, то понятно, что при этом и в действительности стремятся пережить судьбу предков, особенно родителей¹. (Ср. Юнг, «Значение отца для судьбы отдельного»².) Случай играет в жизни роль лишь настолько, насколько в душе активируется предопределенное сексуальное переживание, или насколько оно продолжает существовать в душе как возможность переживания. В первом случае комплекс удовлетворен, в другом случае, напротив, элемент, вызывающий напряжение, не устранен и должен постоянно освобождаться через отток вновь все дополняемых аналогичных содержаний представлений. Для психической жизни, в соответствии с этим, активирование переживания имеет лишь отрицательное значение, устраняющее содержание представления, вместе с относящимся сюда напряжением. Предположим, например, что достигнуто так желаемое соединение с объектом любви; как только действительность вступает в свои права, как только слово становится действием, растворяется соответствующая группа представлений, производя осчастливливающее чувство снятия напряжения; в этот момент психически мы совершенно непродуктивны. Каждое представление достигает максимума своей жизни, когда оно интенсивнее всего ожидает своего превращения в действительность; одновременно с реализацией оно уничтожается. Это не означает, что с осуществлением могущественного комплекса останавливается вся психическая жизнь, потому что комплекс — это лишь исчезающая маленькая частичка, дифференци-

¹ Ведь мы переживаем или, скорее, называем переживаниями только то, что мы уже переживали в наших предках.

² [Jung, C.G. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1. — S. 155—173.]

рующаяся из прапереживания. Это собственно событие создает все новые продукты дифференцирования, которые психически трансформируются то в форму отреагирования, то как производство искусства.

Очень важно подчеркнуть, что все продукты сублимирования по своему содержанию не являются противоположностью желанию продолжения рода, приспособленного к действительности. Они лишь кажутся противоположными, потому что они менее приспособлены к настоящему, менее дифференцированы. Они более типичны по форме, как, например, представления о «более высокой» любви к природе или к Христу. Юнг показывает, что в солнце почитают собственное либидо, отца, пребывающего в едином¹. Так как эти представления не уничтожаются активированием, то они остаются существовать в душе в качестве высшей степени напряженной тоски по возвращению к истоку, особенно по растворению в создателях (что ниже будет доказано). Так объясняется, почему религия как высшее, так охотно становится символом низшего, то есть сексуальной деятельности, как, например, у анализированного Пфистером графа фон Цинцендорфа² или у анализированной мною госпожи М.. Полным отрицанием объекта любви, существующего вне Я, достигают только того, что сами становятся объектом собственного либидо с последующей самодеструкцией.

Штекель говорит в своих «Вкладах в толкование сновидений»³:

«Подобно тому, как сновидение не знает отрицания в общем, оно не знает и отрицания жизни. “Умирать” — в сновидении означает столько же, сколько и “жить”, и как раз высшее удовлетворение жизнью часто выражается в желании смерти. Похожие психологические воззрения имеют, впрочем, значение и для самоубийства, и также выбор вида смерти находится под влиянием эротических фантазий. Эти мысли неоднократно повторялись поэтами;

¹ Юнг: Преобразование и символы либидо [*Jung, C.G. Wandlungen und Symbole der Libido // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227.*].

² [Pfister, O. Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf; ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. — Leipzig: F. Deuticke, 1910. — 122 s.]

³ [Stekel, W. Beiträge zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1.]

также и философы неоднократно освещали эти связи между Эросом и Танта-лом. Сама смерть в сновидении, как часто и в жизни, всего лишь убийство из удовольствия и часто представляет собою не что иное, как ярко выраженный садистический сексуальный акт».

Пока я всецело присоединяюсь к Штекелю. Однако далее он говорит:

«Типичное сновидение молодых девушек говорит о том, что они стоят на улице голыми, что большой мужчина набрасывается на них и всаживает им в живот нож. В этом случае убийство служит для иллюстрации насильственной дефлорации, это безвозвратная гибель чести; это смерть девственности, которая снова означает жизнь женщины»¹.

Теперь я не вижу абсолютно никакого основания, которое нам позволила бы смерть в этих сновидениях рассматривать как моральную смерть. Ведь сам Штекель даже в действительной смерти видел всего лишь сильно садистически окрашенный сексуальный акт. Соответственно тому факту, что женщина при сексуальном акте просверливается, девушка, но и женщина, видит себя во сне жертвой садистически окрашенного сексуального акта. Поэтому так пригодны события войны для вспышки неврозов, причиной которых является по существу нарушение сексуальной жизни. Эта война ведется с представлениями о деструкции. Но так как одно представление вызывает другие, родственные ему, то представлениями деструкции во время войны возбуждаются представления, связанные с разрушающим компонентом влечения размножения. Последние представления могут и здоровому испортить существование, как нечто совершенно преходящее и бесцельное, и уже по-настоящему — невротика, у которого и так представления о деструкции преобладают над представлениями о становлении, и который только ждет подходящего символа для представления этой фантазии о деструкции. Молодые индивиды и, особенно девушки, часто видят в сновидении фантазию о том, что они лежат в гробу. Фрейд учит, что пребывание в гробу — это символ пребывания в утробе матери (гроб=утроба матери). Штекель дополняет это учение совершенно правильно тем, что и могила имеет то же значение, что и гроб,

¹ [Stekel, W. Beitrage zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1.]

«причем “копать” имеет несомненное значение, подобное сверлить¹ и рождаться² (копать и хоронить³). Так могила становится небом, как и представление людей идет к тому, что из могилы (через смерть) попадают на небо»⁴.

Большая г-жа М.⁵ обладает обширной символикой: она приходит к новой жизни через то, что она, соответственно христианскому учению, умирает во Христе. Если смерть мыслится как сексуальное соединение, что большая, впрочем, показывает многочисленными, относящимися к Христу фантазиями, то она должна, как было объяснено ранее, идентифицировать себя с Христом (возлюбленным), превратиться в Христа. Она тоже становится Христом, лежит вытянувшись на полу и утверждает, что она распята, она хочет освободить всех больных; наконец, она, как Христос, является живородной могилой. Проф. Форель (Dr. J.⁶), на которого она «делает перенос», приходит к ней, как Христос в смертную камеру (ее комнату); его «погребают живого», и он опять возвращается на свет в форме виноградной лозы. Виноградная лоза, имеющая значение новой жизни, это — судя по смыслу — ребенок. Иногда и большая говорит, что она превратилась в маленькую Форель. Говорит, что становится маленькой Форель, через то, что с ней грубо обращаются, ее бьют, то есть опять через разрушение. В другой раз ее детородный орган — это стеклянный гроб или разбитая фарфоровая чаша. Здесь лежат кости ее мертворожденного ребенка; кусочки фарфора должны быть мелко растерты с детскими костями и другими оплодотворяющими веществами, проварены и т. д., чтобы ребенок осуществился. Важно, что для осуществления жизни требуется смерть, и, соответственно христианской вере, мертвое оживляется через смерть. Погребение в мифологическом представлении — оплодотворение. Верность этого утверждения буквально внедряется, когда занимаются мифологией.

¹ [Bohren (нем.).]

² [Gebogen (нем.).]

³ [Graben und begraben (нем.).]

⁴ [Ibid.]

⁵ Ср. мою вышеупомянутую работу [Наст. изд. С. 3—85].

⁶ [Dr. J. — по-видимому, К.Г. Юнг.]

«Для создания нового поколения, — говорит больная, — должно быть препарировано все тело, из головы (душа) и из сперматического развития в животном возникает новое поколение». «Новозоон (=сперма) — это мертвая ткань»¹.

Последняя фраза показывает также, что сперма понимается как мертвый экскрет. Анализируемая Бинсвангером² Ирма испытывает отвращение к коитусу и пожиранию трупов. Если еда у нее равна половому акту, то труп — сперме, которая при этом воспринимается. У Ирмы также имеется расширенная гробовая символика, но в противоположность нормальному индивиду она долгое время страшится этих представлений: для нормальной девушки представление о погребении становится наслаждением, как только она подумает об «исчезновении» в теле возлюбленного. Молодая девушка сказала Бинсвангеру, *«что величайшим счастьем для нее было бы пребывать в теле возлюбленного»*. Ирма даже иногда думает, *«смерть — это красивый мужчина»*, но это лишь краткое мгновение, потому что вскоре перевешивают представления чистой деструкции с понятным страхом. Чувство Ирма описывает, как:

«чувство дикости, прекращение буйства, самоотдачи и того, что тебя одолевает, причем неизвестно, что ты делаешь и что из тебя станет».

Тебя отравляют (потому так хорошо подходит для роли сексуального животного продолговатая по форме змея), ты становишься опасно больным, как гласит символика г-жи М. и других больных. Потом ты разрушаешься при беременности ребенком, развивающимся за счет матери как злокачественная опухоль. Мои медицинские коллеги-женщины имели в своем распоряжении достаточный материал по соответствующему образованию символов, бессознательное также его умело использовало. Так, одной особе снилось, что ее маленький брат (желаемая личность) имеет *«голубиную опухоль»* в желудке (голубь — символ невинности), и потом голубь у него вылетает изо рта. Другая коллега получает гнойные шишки на шее, как г-жа М.. Третья несколько раз в сновидении получает раковые опухоли на пальцах рук, или же некий доцент, на которого

¹ [См. наст. изд. С. 20.]

² [Binswanger, L. Versuch einer Hysterieanalyse // J. — 1909. — Bd. 1.]

она сделала «перенос» в сновидении, спрашивает ее о раковой опухоли (эксгибиционистское сновидение), в другом заболевают скарлатиной и т. д. Каждый сексуальный символ в сновидении, как и в мифологии, имеет значение бога, приносящего жизнь и смерть. Общий пример для всех: лошадь, одно из известных сексуальных животных, — это приносящее жизнь животное бога солнца, но лошадь — и животное мертвых — символ смерти¹.

Очень поучительны деструктивные представления о разрушении при различных формах самоудовлетворения. Психический аутоэротизм очень хорошо удастся изучать на примере Ницше. У Ницше, который оставался одиноким всю свою жизнь, все либидо обращалось к собственной личности. Как Ницше понимал любовь, или, вернее, как он ее чувствовал? Одиночество так сильно мучило поэта, что он создал себе идеального друга, Заратустру, с которым он себя идентифицировал. Тоска по объекту любви привела к тому, что Ницше в себе самом стал мужчиной и женщиной, и то, и другое в едином образе Заратустры².

«Ибо оно уже близко, огненное светило, — его любовь приближается к земле! Невинность и жажда творца — вот любовь всякого солнца! Смотрите же на него, как оно нетерпеливо подымается над морем! Разве вы не чувствуете жажды и горячего дыхания любви его? Морем хочет упиться, оно и впивать глубину его к себе на высоту — и тысячью грудей поднимается к нему страстное море. Ибо оно *хочет*, чтобы солнце целовало его и упивалось им; оно хочет стать воздухом, и высотой, и стезею света, и самим светом! Поистине, подобно солнцу, люблю я жизнь и все глубокие моря. И для меня в том познание, чтобы все глубокое поднялось на мою высоту! Так говорил Заратустра»³.

Как любовь, так и познание для Ницше заключаются в том, что он, подобно солнцу, всасывает в себя глубокое море. Таким образом, познание для Ницше — это не что иное, как страстное желание любви, творчества. Раскаленное солнце сосет из моря, как любящий, и дико движущееся море тысячью грудей поднимается

¹ Ср. Negelein: *Das Pferd im Seelenglauben und Totenkult. [Negelein, Julius von. Das pferd im arischen altertum. — Königsberg i.Pr.: Gräfe & Unzer, 1903.]*

² [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 8.]

³ [Там же. С. 89.]

навстречу солнцу, томясь жаждой поцелуев, как опьяненная любовью женщина. Фантазия сосания груди указывает на то, что солнце одновременно относится к морю как ребенок. Я напомню о том, что и Зильберер в своем втором примере гипнагогического феномена представляет страну матерей как море. Как солнце всасывает море в себя, так всасывает в себя познающий Заратустра глубину (глубокое море). Тоска по познанию, таким образом, для поэта не что иное, как тоска по живущей в его глубине матери. Если мать — это его собственная глубина, то соединение с матерью надо понимать аутоэротично, то есть как соединение с самим собою. В другом месте Ницше высмеивает проповедников «чистой любви», незапятнанного познания без какого-либо страстного желания, которое само переодеванием змеи в маску бога обманывает себя. (См. Юнг: божество — собственное либидо — змея)¹.

«Истинно, не как творящую, рождающую, становящуюся любите Вы землю», — *восклицает он сам*. «Где невинность? Где воля к рождению, и кто хочет творить за пределами себя, у того только чистейшая воля. Где красота? Где я должен желать всею волей? Где я хочу любить и погибнуть, чтобы образ не остался только образом?» (Ср.: *более ранние разъяснения: с активированием уничтожается психическое содержание — «картина», или оно активируется уничтожением.*) «Любить и погибать, это рифмуется вечно. Воля любви это также и воля смерти»².

Благодаря любовному соединению с матерью Ницше сам становится порождающей, творящей, становящейся матерью. Это бытие матерью выражается более отчетливо в следующей речи:

«Вы, творящие, вы, высшие люди! Кто должен родить — болен; кто, однако, родил, тот нечист. Спросите женщин — рожают не потому, что это доставляет удовольствие: боль заставляет кур и поэтов кудахтать. Вы творящие, и в вас много нечистого! Это потому, что вы должны быть матерями»³.

Этим мы, как кажется, научились многое понимать в Ницше. Я думаю, этот процесс может пролить какой-то свет и на то,

¹ [Jung, C.G. Wandlungen und Symbole der Libido // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227.]

² [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 88.]

³ [Там же. С. 210.]

почему мы у больных «*dementia graecorum*», живущих в аутоэротической изоляции, так часто, если не постоянно, встречаемся с гомосексуальным компонентом¹. Ницше становится женщиной, идентифицируя себя с матерью, причем он ее в себя всасывает. К тому же Ницше из-за аутоэротической изоляции и в сознании живет не в настоящем, но в своей собственной глубине, принадлежащей к тому времени, когда ребенок в своей половой жизни при сосании груди еще недостаточно дифференцированно ведет себя по отношению к матери, пассивно, по-женски. Если Ницше женственен, то мать его относится к нему, как мужчина, равно и позднее занимающая место матери глубина или его «бездонная бездна» мысли, о которой сейчас пойдет речь, с которой он боролся, как с самим собой. Мать для Ницше — он сам, и он сам — его мать.

В каждом случае любви следует различать два направления представлений: одно — как любят, и другое — как любимы. При первом направлении некто сам является субъектом и любит проецируемый вовне объект, при втором — превращаются в любимого и любят себя, как свой объект. У мужчины, имеющего активную задачу завоевания женщины, господствуют представления субъекта, у женщины, которая должна завлечь мужчину, преобладают обычно (в норме) возвращающиеся представления. С этим связано также известное женское кокетство: женщина думает, как она «ему» понравится, с этим связана и более сильная гомосексуальность и аутоэротика женщин²; превратившись в своего возлюбленного, женщина должна чувствовать себя до известной степени мужественной, как объект мужчины, она может любить себя или другую девушку, которая является ее «желаемой личностью», то есть такой, какой любящая хотела бы видеть себя саму, естественно, всегда красивой. Однажды я встретила коллегу — женщину в большом возмущении по поводу ряда исписанных ею конвертов для писем; ни на одном ей не удалось написать красивым почерком, как на первом конверте.

¹ Ср. Отто Ранк: Вклад в нарциссизм. Ежегодник, III, Часть I. 1911. [Rank, O. Beitrage zum Narzissismus // J. — 1911. — Bd. III. — H. I. — S. 401—426.]

² Подумайте только о страстных поцелуях и объятиях у молодых девушек. Этот не бросающийся в глаза для женщин вид дружбы показался бы очень странным у мужчин.

Почерк мне был знаком. На мой вопрос, что говорит ей желаемый почерк, ей внезапно совершенно правильно пришло в голову, что так пишет ее любимый. Потребность в идентификации с любимым была так велика, что она могла терпеть себя только, как его. У Тристана и Изольды мы видим то же самое:

Тристан: «Тристан, ты больше не Тристан, Я — Изольда».

Изольда: «Изольда, ты больше не Изольда. Я — Тристан»¹.

Ребенок также аутоэротичен, потому что он играет пассивную роль по отношению к родителям; он должен бороться за любовь родителей и думает о том, чтобы возбудить их удовольствие: он должен себе представить, как его любят и, соответственно этому, представить себя в роли своих родителей. В более поздние годы девочка видит в матери свою соперницу, но также и «желаемую личность», которую она в этом качестве любит, так же и мальчик в отце. Если ребенок сердится на родителей, то нормальной реакцией является акт мести; на это ребенок решиться не может, и поэтому его негодование либо направляется на какой-нибудь предмет, либо в первом гневе он не находит ничего лучшего, как, например, рвать на себе волосы, причем он перемещает себя на место сердящихся родителей. В «Ревизоре» Гоголя, например, описан наместник, который крайне надменен и бесстыдно эксплуатирует своих подчиненных. В заключении, однако, его самого обманывает молодой аферист, которого он считает ожидаемым ревизором. Когда этот мошенник потешается над всеми, не исключая городничего, в письме, чтение которого становится доступным для всех, то язвительность городничего обращается против него самого «*Посмотрите на этого старого дурака (и т. д.)*», — кричит он². Так же и в этом случае — неудавшаяся агрессия вызывает обратный ряд представлений, превращение в насмешливого субъекта, с воздействием на себя самого в качестве объекта. Соответственно содержащемуся в сексуальном инстинкте разрушающему элементу более активно настроенный мужчина имеет также и

¹ [Вагнер, Р. Тристан и Изольда. — М.: Музыка, 1968. — С. 210—211.]

² [Гоголь, Н.В. Ревизор // Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1951. — Т. 4.]

более садистические желания: он хочет разрушить возлюбленную, женщина, представляющая себя по преимуществу как объект любви, хочет быть разрушенной. Конечно, границу не удастся провести так четко, так как каждый человек бисексуален, и, далее, потому что у женщины имеются субъективные представления, равно как и у мужчины — объективные; поэтому женщина садистична, мужчина также и мазохистичен. Если благодаря перемещению себя внутрь любимого индивида, объектные представления выигрывают в интенсивности, то в таком случае направленная против себя любовь ведет к самодеструкции, так, например, к самобичеванию, мученичеству, да и к полному уничтожению собственной сексуальности, как при кастрации. Это лишь различные формы и степени самоуничтожения.

Акт зачатия сам заключается в самоуничтожении. Слова Ницше указывают на это:

«Человек есть нечто, что должно превзойти», — учит *Заратустра*, — «чтобы осуществился сверхчеловек». «И если у тебя не будет больше ни одной лестницы, ты должен будешь научиться взбираться на свою собственную гору: как же иначе хотел бы ты подняться выше?»¹

Смысл этого предложения: ты должен суметь преодолеть (разрушить) самого себя. Как иначе мог бы ты создать более высшее, ребенка? В главе «Блаженство против воли» жалуется *Заратустра*:

«Я лежал, прикованный к любви своих детей: желание наложило мне эту петлю, желание стать добычей моих детей и потеряться в них»².

Ребенок *Заратустры*, «бездонная мысль» о вечном возвращении вещей, грозит умереть в *Заратустре* не родившись, однако *Заратустра* возвращает ее к жизни.

«Ты шевелишься, потягиваешься и хрипишь? Вставай! Вставай! Не хрипеть — говорить должна ты! *Заратустра* зовет тебя, безбожник! Я, *Заратустра*, заступник жизни, заступник страдания, заступник круга, — тебя зову я, самую глубокую из мыслей моих!» «Благо мне! Ты идешь — я слышу

¹ [Ницше, Ф. Так говорил *Заратустра* // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 8, 109.]

² [Там же. С. 115.]

тебя! Бездна моя говорит, свою последнюю глубину извлек я на свет! Благо мне! Иди! Дай руку — ха! пусти! Ха, ха — отвращение! отвращение! отвращение! — горе мне!»¹

Как Заратустра, как солнце (высшее) всасывает в себя глубокое море, так и вытаскивает он теперь самое глубокое из себя «на свет» (аналог солнца=любовь). Мы знаем, что сам Ницше — это свет (высота), который свою мать=глубокое море всасывает в себя. Благодаря соединению с матерью Ницше стал родящей матерью. И здесь он вытаскивает свою глубину на свет и доставляет ее туда, как своего ребенка. Это напоминает о детском колодце в мифологии: умершие здесь превращаются обратно в детей и в этом качестве рождаются снова². Вюнше³, дающий тому многочисленные доказательства, в одном месте выразительно замечает:

«Поднимающиеся к небу в империи Холда души умерших не могут, однако, безоговорочно опять возвратиться, а должны сначала в своем колодце быть обновлены».

Вюнше считает, что в основе представления о вынимании новорожденного из колодцев и прудов, лежит та мысль, что растительная и животная жизнь произрастает из преисподней. Это совершенно верно, но когда подсознание берет символику из растительного мира для описания рождения у человека, то при рождении человека должно происходить нечто существенно аналогичное: дети возникают из прудов, потому что действительно в теле матери находятся в пруду (=околоплодных водах), из которого должны прийти во внешний мир. Так, Юнг в своей работе «О конфликтах детской души»⁴ показывает, как маленькая Анна живо интересуется вопро-

¹ [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 157.]

² Ранк: Сага о Лохэнгрине. Работы по прикладной науке о душе, под ред. Э. Фрейда [Rank, O. Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1911. — [vi]+104 s. (Schriften zur angewandten Seelenkunde Heft 30.)].

³ Ex Oriente lux, Die Sagen vom Lebensbaum und Lebenswasser, altorient. Mythen von A. Wünsche, Leipzig. 1905. [Возможно: Wünsche, Aug. Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s.]

⁴ [Jung, C. Über Konflikte der kindlichen Seele // J. — 1910. — Bd. 2. — S. 33—58.]

сом о возникновении детей, ищет решение проблемы в мире растений. Она интересуется, как выросли у нее глаза, рот и волосы, наконец, как ее братик Фриц вырос из мамы (мама=земля), и спрашивает отца: «Но как Фрицхен попал в маму? Разве его сажали, разве сажали семена?» Она видит и другие аналогичные процессы в растительном мире, на которые ее подсознание направляет внимание, потому что они пригодны для символов занимающих ее тайн. В возрасте трех лет Анна слышала, что дети — ангелочки, живущие в небе, которых на землю приносят аисты.

Однажды она спрашивает бабушку: «Бабушка, почему у тебя такие блеклые глаза?» Бабушка: «Потому что я ведь уже старая». Анна: «Но правда, ты потом опять станешь молодой?» Бабушка: «Нет, знаешь, я становлюсь все старше, и потом я умру». Анна: «И потом ты опять станешь маленьким ребеночком?»¹

Необычайно интересно, что маленькой Анне совершенно естественным кажется представление, что ее старая бабушка могла бы превратиться обратно в ребеночка. До того, как бабушка говорит еще о смерти и об ангелочках (которые, как Анна слышала, приходят на землю), она сама по себе спрашивает бабушку, не станет ли она опять молодой; поэтому она не удивляется, что бабушка станет ангелом, более того, она тотчас же дополняет ответ в смысле обратного превращения. Должно быть, достаточно известны примеры, что больные, желающие иметь детей, видят себя превращенными в детей. Хороший пример — это монахиня в храме Амиды у Риклина². Г-жа М. становится через сексуальный акт с профессором Форелем маленькой Форель³. Ранк обращает внимание на сновидения, в которых символика рождения представлена наоборот; вместо того, чтобы вытаскивать ребенка из воды, его помещают, например, в воду. Этот символ возникает на пути идентификации. Однажды вечером одна коллега (медик) рассказала мне, что хотела бы иметь ребенка. В следующую ночь ей снится, что ей надо вползти в узкий

¹ [Ibid.]

² Riklin, [F.] Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen. — Wien, Leipzig: [Franz Deuticke, 1908. — 96 s.] Schriften zur angewandten Seelenkunde. [Heft 2.]

³ [См. наст. изд. С. 27—28.]

ход, не имеющий отверстия для прохождения, но заканчивающийся в здании (как родовой канал в теле матери). Я прошу ее мне показать, как она ползла, и она вспоминает, что точно повторяла движения ребенка при рождении в первом или втором головном предлежании. При этом она испытывала страх, что не сможет попасть далее внутрь, так как ход слишком узок и становится все уже, так что она почти раздавливается. Пациентка, г-жа М. (*dementia praecox*), видит себя посаженной с детьми в воду, души потом спасаются Христом, то есть они опять попадают в мир в виде детей¹ (ведь деструкция ведет к становлению).

И Ницше дает похожую символику деструкции при рождении своей мысли, занимающей у него место ребенка. Заратустра обороняется против акта творения выражениями отвращения, как если бы творение было бы чем-то нечистым. Это напоминает о его словах: *«Кто должен родить — болен, но кто родил — нечист»*². Само собой разумеется, что мысль, занимающая место ребенка, должна быть так оформлена, чтобы содержать наряду с самым желаемым, ценным и самое страшное, чтобы страстное желание Заратустры потеряться в своих детях было оправданным. Также имеет место и следующее: мысль высказывает высшее, что сверхчеловек всегда будет возвращаться, и низшее, что и недочеловек всегда будет возвращаться. Поскольку Ницше постоянно занимается высшим самоутверждением, то одновременно его мысль говорит ему о желании, что это утверждение не может происходить без отрицания, в самом высшем содержится также и самое низшее. Этот ужасный компонент и в самом деле может взять верх над Заратустрой: семь дней лежит он, как мертвый, неподвижно; он борется при этом со страшным животным, являющимся его собственной глубиной, то есть его собственной сексуальной личностью. Ему он откусывает голову, то есть он убивает свою собственную сексуальность, и тем самым он убивает самого себя, его глубинная мысль достигает высшей жизненной силы, а с нею и воскресший Ницше.

¹ [См. наст. изд. С. 48.]

² [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 210.]

Интересна песнь о русском князе Олеге¹. Ему было предсказано, что он примет смерть от своего самого любимого коня. Чтобы избежать этого, он передает своего коня слугам и приказывает за ним особенно хорошо ухаживать. Спустя какое-то время он узнает, что конь его мертв. Сетуюя, стоит он на его могиле и ругает лживого предсказателя. В то время как он так сокрушается, из черепа коня выползает змея и наносит смертельный укус герою. Конь — это сексуальность Олега. Она умирает и с нею Олег, так как Змея — сексуальное вожделение, направляется против него.

Из разрушения здесь не становится, как, например, у Ницше, творение, наоборот, показано, что самое любимое, жизнеприносящее сексуальное животное может стать источником смерти. Бросается в глаза, как страстные поэты с удовольствием умирают в своих произведениях. Возьмем, например, Ромео и Джульетту Шекспира². Поучителен уже мотив возникновения любви у потомков ненавидящих друг друга родителей. В определенном психологическом смысле ненависть то же самое, что любовь; те же самые поступки совершаются как из ненависти, так и из бурной любви. Ненависть в отношении к сознательному настоящему, в отношении к активированию — это негативная любовь. Однако, поскольку ненависть сильнее всего противится уничтожению содержания представления через активирование, то любовные представления в подсознании ненавидящего необычайно жизнеспособны. Если обычно обузданное либидо протекает со слабыми представлениями об уничтожении, как, например, с поддразниваем, причинением боли, что послужило поводом для появления поговорки — «когда любят, то дразнят», то дикая страсть садиста разряжается в отвратительных сценах, которые могут дойти до убийства из удовольствия. Если при исчезновении причин, тормозящих положительную окраску либидо-представлений, из легкого нерасположения возникает легкая симпатия, то при освобождении от оков представлений, не допущенных ненавистью к активированию, дело доходит

¹ [Пушкин, А.С. Песнь о вещем Олеге // Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. — М.-Л.: Academia, 1936. — Т. 1. — С. 329—333.]

² [Шекспир, В. Ромео и Джульетта // Шекспир, В. Полное собрание сочинений в восьми томах. — М.: Искусство, 1958. — Т. 3. — С. 5—131.]

до пылкой страсти. Эта страсть должна разрушать, потому что она слишком сильна, чтобы суметь придерживаться каких-либо границ самосохранения. Это описывал Шекспир: его сильно любящие герои не могут удовлетвориться активированием малой части либидо, необходимый для обычного любовного объединения. Им всегда нужно все больше препятствий, на которых они разрядили бы влечение к разрушению, но ни одно препятствие не достаточно велико для удовлетворения страсти, которая находит покой только при полной деструкции со смертью личности. Как, с одной стороны, слишком сильная фиксация либидо на родителях делает невозможным перенос во внешний мир, так как ни один объект не соответствует родителям полностью¹, так и неудовлетворенное либидо также фиксируется опять-таки на родителях; возникают направленные на действительность фантазии инцеста или более сублимированные симптомы фантазии, например, в форме преклонения перед природой или симптома религии. Дружно возрастает сила напряжения неудовлетворенного влечения к деструкции, содержащегося во влечении к продолжению рода, производя также более конкретные или более сублимированные фантазии о смерти. Связанное с желанием инцеста представление о смерти, однако, не означает: «я умираю, так как не хотел бы совершать грех», но «я мертв» означает — «я достиг так желаемого возвращения в производителя, я в нем уничтожаюсь». Более сильно выраженное желание деструкции соответствует более сильному желанию становления при менее дифференцированной инцестуозной любви. То, что источник представлений о смерти следует искать не в мыслях об инцесте самих по себе, достаточно показывают сновидения и мифы, в которых получают детей от родителей, братьев и сестер, являющиеся, следовательно, фантазиями о становлении. Фрейд продемонстрировал, что каждая картина означает одновременно и свой негатив. Он также показал, что лингвистика знает «противоположный смысл древних слов»². Блейлер понятием амбивалентности и Штекель своим понятием бипolarity говорят, что наряду с положительным влечением в нас

¹ «Имаго» Шпиттелера [C. Spitteler, *Imago*, 1906.].

² [Freud, S. "Über den Gegensinn der Urworte" (1910e) // G. W. — Bd. 8. — S. 214—221.]

всегда есть и негативное. Юнг считает, что оба влечения равны по силе, если мы их и не замечаем, но что достаточно, однако, небольшого переноса одного влечения, и нам уже представляется, будто бы мы хотели только этого. Это учение очень хорошо пригодно для объяснения, почему в сексуальном инстинкте просматривают инстинкт смерти. В нормальных обстоятельствах представления о становлении должны несколько перевешивать уже оттого, что становление — это результат деструкции, оно обусловлено деструкцией; и к тому же гораздо проще думать о конечном успехе вместо того, чтобы искать причину. Немногое требуется, чтобы — особенно у детей или у эмоциональных людей, — вызвать перевес представлений о деструкции. При неврозе компонент деструкции перевешивает и выражается во всех симптомах сопротивления против жизни и естественной судьбы.

ОБОБЩЕНИЕ

Каждое появляющееся в сознании содержание — это продукт дифференцирования из других, психологически более старших содержаний. Это содержание соразмеряется с настоящим и приобретает специфическую непосредственную окраску, придающую ему характер «Я-отношения». Следовательно, в нас возникает тенденция к дифференцированию. Если мы хотим сделать понятным для других специфическое, понятное только нам, личное, то мы делаем обратное дифференцирование: мы обнажаем содержание специфически личного и выражаем его в общей значимой для вида символической форме. Тем самым мы следуем второй тенденции в нас, которая противостоит первой тенденции ассимиляции и растворения. Ассимиляция приводит к тому, что из единства, имеющего значение для «Я», образуется единство, значимое для «Мы». Растворение и ассимиляция личного переживания в форме произведения искусства, сновидения или патологической символики, превращает это в переживание вида и делает из «Я» «Мы»¹. Проявление

¹ «О психологическом содержании одного случая шизофрении» [Наст. изд. С. 3—85.].

удовольствия или неудовольствия связано с появлением или исчезновением Я-отношения. Если личное переживание уже превращено в переживание вида, то мы относимся к нему как зрители, которые лишь тогда сочувствуют, когда могут погрузить себя в это представление. Такие зрители — это больные «*dementia praecox*» и мы — во время наших сновидений. Влечению самосохранения в нас соответствует тенденция к дифференцированию и способность к устойчивости выкристаллизовавшейся Я-частицы или всей Я-личности. Влечение к сохранению вида — это влечение к размножению, и психологически оно также выражается в тенденции к растворению и ассимиляции (превращение «Я» в «Мы») с последующим новым дифференцированием из «правещества». «Где правит любовь, умирает Я — темный деспот». При любви растворение Я в любимом является одновременно сильнейшим самоутверждением, новой «жизнью» в личности любимого. Если любви нет, тогда представление об изменении психического или физического индивида находится под влиянием чужой власти, как при половом акте представление об уничтожении или смерти.

Влечение самосохранения — это простое влечение, состоящее только из положительного, влечение сохранения вида, которое должно растворить старое, чтобы осуществилось новое, состоит из положительного и отрицательного компонентов. Влечение к сохранению вида по своей сути амбивалентно; поэтому возбуждение положительного компонента вызывает одновременно возбуждение отрицательного и наоборот. Влечение самосохранения — это «статическое» влечение, поскольку оно должно защищать уже существующего индивида от чуждых влияний, влечение сохранения вида — это «динамическое» влечение, стремящееся к изменению, к «воскрешению» индивида в новой форме. Никакое изменение не может происходить без уничтожения старого состояния.

III. Жизнь и СМЕРТЬ в МИФОЛОГИИ

Опыт сновидений, а также опыт больных с «*dementia praecox*» учит нас, что наша душа скрывает в своей глубине идеи, не соответствующие более нашей сегодняшней сознательной работе мыш-

ления, которые мы не можем понять прямо; однако мы находим эти представления в сознании наших предков, о чем мы можем заключить по мифологическим и другим произведениям духа. Судя по этому, образ мышления нашего бессознательного соответствует сознательному образу мышления наших предков. Вместо того, чтобы сказать «унаследованные виды мышления, ведущие к образованию соответствующих представлений», я говорю — для краткости — об «унаследованных представлениях».

Представление о возникновении жизни из четырех элементов (земля, вода, огонь, воздух) имеется уже в восточной символике. В своих целях я хочу проследить жизнь и смерть в символике земли и воды. При этом я пользуюсь, главным образом, историческими материалами, собранными Вюнше и Колером.

Известны два дерева (познания и жизни), которые, согласно Библии, растут в раю. В более старых культурах есть, правда, только одно дерево жизни¹. Древу жизни выпадает двойная роль: мертвому или тяжелобольному оно или его плоды дает жизнь, здоровому и сильному это дерево, наоборот, приносит смерть. Если некто хочет попробовать запретный плод, что значит — отдаться акту зачатия, то он оказывается преданным смерти, из которой, однако, вновь восстанет к жизни. Адам и Ева, павшие жертвой греха, должны быть освобождены от смерти, коль сын божий, Христос за них претерпит смерть. Христос берет грехи человечества на себя, он страдает так, как должно было страдать человечество, и приходит к новой жизни, как и суждено умершим. Следовательно, Христос — это символ человечества. Как для людей, так и для Христа, древо жизни становится источником смерти. Вюнше приводит богатый материал, из которого вытекает, что для изготовления креста Иисуса было взято древо жизни. Среди прочего он приводит загадку на средне-верхнем немецком. Она гласит:

«Благородное дерево выросло в саду, разбитом с большим искусством. Корни дерева достигали дна ада (в англосаксонском стихотворении *ад на-*

¹ Вюнше^[a] замечает, что смерть, правда, происходит не от древа жизни, а от древа познания, но многие легенды не различают древ познания и жизни. Первоначально имеется только древо жизни.

^[a] [Wünsche, Aug. Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s.]

зывается залом червей и наполнен змеями и драконами), его вершина касается трона Господня, его широкие ветви охватывают весь мир. Дерево стоит в полном великолепии и с прекрасной листвой»¹.

Это описание древа познания (=древа жизни). По форме это дерево описано как крест.

Когда Адам тяжело заболевает, то он посылает своего сына Сифа в рай, чтобы достать для него масло милосердия. Вместо этого ангел дает ему три ветви, по другим легендам — три яблочные косточки. Он должен их посадить Адаму под язык. Адам теперь умрет, но из ветвей разовьются деревья, одно из которых (в некоторых случаях вообще садится только одна ветка, утроение указывает на связь дерева с творением) позже спасает человечество, значит и Адама². Когда Адам узнает о скоро наступающей смерти, он смеется впервые в своей жизни³. Теперь, когда он мертв, ему не нужно больше умирать, он появляется на свет благодаря оплодотворению в виде нового существа. Ветка сажается в рот (перемещение вверх, по Фрейду). Ветка имеет, по Риклину, значение фаллоса, как показывает Риклин⁴ для сказки, и будучи таковой, она является символом высшей власти⁵. В руках Моисея она творит чудеса. Ветка сажается в саду Властителя, который является отцом будущей невесты Моисея; только тот может освободить дочь, кто сможет справиться с деревом, выросшим из ветки. Это также проба сексуальной потенции. Моисей, получающий дерево от отца девушки, занимает с этих пор — как муж — место ее отца. Также и королевский скипетр, согласно Вюнше, происходит от дерева

¹ [Wünsche, Aug. Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s.]

² [Здесь СШ ссылается на одну из апокрифических легенд.]

³ По одной легенде Адам, приняв послание бога, воскликнул: «Там вырастает возле моего гроба дерево. Это означает — Горе, тебе! — что ты видел дерево смерти. Но если этого захочет доброта неба, то оно разрастется из моей пыли в дерево жизни».

⁴ Riklin, [F.] Wunscherfullung und Symbolik in Marchenschriften zur angewandten Seelenkunde. [— Wein/Leipzig, 1908].

⁵ Ветка или дерево фигурируют здесь как мужской сексуальный символ. В «Case о Лоэнгине» Отто Ранка собраны многочисленные примеры, в которых дерево мыслится женственным. Это говорит в пользу предположения Штекеля о бисексуальности символов.

жизни; королевская власть, следовательно, в целом сексуальная власть. Дарящее жизнь дерево (выросшее из ветки) используется, согласно большинству легенд, в качестве моста через воду. Вспомним при этом Ницше, согласно которому человек должен служить мостом для сверхчеловека. «Человек это нечто, что должно превзойти», — говорит Ницше¹. Так и старое дерево в качестве моста, по которому шагает новое поколение, должно быть преодолено. Так как дерево — это символ сексуальности, дарящего жизнь фаллоса, то мы преодолеваем сами себя, когда идем по дереву. После того, как дерево прослужило какое-то время, бог посылает ему погружение в воду. Вода — это также производящая древняя сила, как и Адам, в которого помещается сорванная ветка; из этого обратного перемещения осуществляется новое рождение. Затонувшее дерево было всеми забыто, и лишь ко времени распятия Христа один из его врагов вспомнил о дереве:

«Ай, подумал он, — этот ствол дерева годится,
Как лучший груз для креста Иисуса.
Так хорошо пропитанный, уже наполовину, как камень,
Так что пусть будет грузом, хорошо давящим».
«Оно росло на могиле первого человека,
Ствол, давший жизнь человечеству, и смерть, так пусть и благо
Нам будет опять дано деревом жизни»².

Какую роль при этом играет божий сын Христос? Как он освобождает человечество? Вюнше упоминает различные германские сказки, содержание которых таково, что больной отец или больная мать освобождаются от смерти святой водой или райскими плодами. О воде речь будет идти позже, плоды происходят от дерева жизни. Вюнше видит в этих сказках весенние мифы: плоды дерева жизни или живая вода — это символы жизненной силы, благодаря которой природа ежегодно молодеет. Больной отец или больная мать представляют, по его мнению, природу, страдающую под властью зимы. В северных сагах можно обнаружить много весенних мифов,

¹ [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 8.]

² [Цитируется один из апокрифических текстов.]

в которых бог солнца освобождает землю, оплодотворяя ее своими лучами. Вместо солнца и земли в «Песни о Нибелунгах» задействованы Зигфрид и Брунгильда. Пребывающая¹ в зимнем сне Брунгильда (Земля) освобождается побеждающим светом (Солнца) Зигфрида, когда он своим мечом прорезает ее панцирь (ледяную корку) и ее таким образом тут же оплодотворяет. Здесь этот процесс не называется оплодотворением, как у солнца и земли, вместо этого акт оплодотворения представлен реальнее, как прорезание, и выделен поцелуем в его эротическом значении. Важно, что Зигфрид в Брунгильде оплодотворяет свою мать. Мать Зигфрида, правда, Зиглинида, но Брунгильда ее сестра, она любит то, что любит Зиглинида, а именно Зигмунда. Она, соответственно этому, входит в роль Зиглиниды; Зиглинида, таким образом, становится ее «желаемой личностью», соответственно — сексуальной личностью. Спасая Зигфрида, она спасает свое собственное желание, своего ребенка. Верность этого утверждения, что Брунгильда — мать Зигфрида, доказывает работа д-ра Графа². Как Ева, Брунгильда поступает вопреки приказу отца, как Еву из рая, ее прогоняют из царства богов; нарушение приказа (защита ее желаемой личности, грехи которой она также берет на себя) приносит и Брунгильде сон, подобный смерти, из которого она освобождается с помощью весеннего солнца — Зигфрида. Тоска по смерти — это часто тоска по умиранию любви, так и у Вагнера. Брунгильда умирает в огне (огне любви), объединенная с конем, и, умирая, восклицает:

«Ни имение, ни властная роскошь,
Ни обманный союз печальных договоров,
Ни жесткий закон лицемерного обычая:
Дайте лишь любви быть блаженно-счастливой
В удовольствии и страдании!»

«Гранэ, мой конь, привет тебе от меня.
Знаешь ли ты, друг, куда я тебя веду?
Светя, в огне лежит там твое сердце,
Зигфрид, мой покойный герой,

¹ Ср. Das Nibelungenlied, Max Burkhard, herausgegeben von Brandis. [См. Песнь о Нибелунгах. — Л.: Наука, 1971. — 344 с.]

² Работы по прикладной науке о душе. [Graf, M. Richard Wagner im "Fliegenden Holländer"; ein Beitrag zur Psychologie künstlerischen Schaffens. — Leipzig und Wien, 1911.]

Следуя другу ты радостно ржешь?
Влечет тебя к нему смеющееся пламя?
Чувствуй и моя грудь, как оно разгорается;
Светлое пламя охватывает мне сердце,
Чтобы его охватить,
Объятой им в сильнейшей любви,
Быть перемолотой им.
Хайхо, Гранэ! Передай привет твоему другу —
Зигфрид, Зигфрид — да будет блаженен тебе мой привет!»¹

Здесь смерть — это торжественная песня любви! Брунгильда словно пропадает в Зигфриде: Зигфрид — это огонь, освобождающий жар солнца. В этом древнейшем производителе (создателе) Брунгильда растворяется, сама становясь огнем. У Вагнера смерть есть часто не что иное, как разрушающий компонент инстинкта становления. Мы ясно видим это представленным в Летучем Голландце. Он только тогда может быть освобожден, когда найдет женщину, которая сможет быть ему верной. И Сента это может: высшая степень ее верности проявляется в том, что она согласна быть полностью разрушенной в любви к Голландцу, то есть вместе с ним получить смерть². Она любит по упомянутому Фрейдом «типу спасителя». Фрейд обращает внимание на то, что существует типическая фантазия спасения из воды, причем мужчина делает женщину, которую спасает, матерью, «если же женщина спасает другого (ребенка), то она признает себя, как королевская дочь в сказании о Моисее {Ранк³} его матерью, которая его родила»⁴. Мы уже видели у Ницше, как он, благодаря всасыванию моря (матери), становится матерью⁵. Также в сновидениях о рождении мы познакомились с тем же событием. Также и Сента может стать матерью, когда растворяется в матери (море), и также Голландец, благодаря

¹ [Цитируется либретто оперы Р. Вагнера «Кольцо Нибелунгов».]

² [Речь идет о средневековой легенде о «Летучем голландце».]

³ [Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden. Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien, 1909. (Schriften zur angewandten Seelenkunde, Heft 5.)]

⁴ [Freud, S. Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne (1910h) // G. W. — Bd. 8. — S. 66—77 {76}.]

⁵ [Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — С. 87—89.]

обратному движению (смерти) в производителе, становится творцом. Как новорожденные поднимаются Сента и Голландец, обнявшись, из воды¹.

Общее у вагнеровских героев то, что они, как Зигфрид и Брунгильда, любят по «типу спасителя», что они жертвуют себя своей любви и умирают. Сходство между северным Зигфридом и восточным Христом бросается в глаза. И Христос — это тоже тип спасителя, жертвующего собою ради человечества. Зигфрид — это бог солнца, и его возлюбленная — мать-земля, также и Христос — бог солнца. Христос умирает на дереве жизни; на нем его прикрепляют, и он висит как его плод. Христос как плод умирает и в виде семени попадает в мать-землю. Это оплодотворение ведет к образованию новой жизни, к воскрешению мертвых. Благодаря смерти и воскрешению Христа была искуплена вина Адама. Обратимся теперь к вопросу, в чем заключается наказание Адама и Евы. Они хотели иметь запретный плод рая, но в этом им было отказано, так как этот плод можно было вкушать только после смерти. Если поэтому бог предал их смерти, то он им тем самым разрешил запретное наслаждение. То же самое означает и другое наказание, заключающееся в том, что Адам осуждается в поте лица обрабатывать землю (мать), а Ева — в муках рожать детей². Что представляет собой по существу это наказание? Оно является повреждением индивида, потому что влечение размножения требует деструкции индивида; таким образом, совершенно естественно, что представления о наказании так охотно приобретают сексуальную окраску.

Чтобы отклонить от себя наказание Божие, богу приносят жертву, то есть отдают ему вместо себя другое существо на разрушение, чтобы суметь стать самим собой. Самое первоначально ценное заменяется все менее значимыми символами, служащими для подсознания так же, как символ для подсознания имеет значение действительности. Самой ценной жертвой был сам Христос, взяв-

¹ Ранк: Сага о Лознгрине. Работы по прикладной науке о душе, под ред. З. Фрейда [Rank, O. Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1911. — [vi]+104 s. (Schriften zur angewandten Seelenkunde Heft 30.)].

² [Бытие. Гл. 3: 16.]

ший на себя грех человечества и своею смертью освободивший людей. Христос, однако, не должен каждый раз вновь действительно умирать за человечество: достаточно, если его поступок вновь оживляют в памяти; идентифицируя себя с Христом, принимая на себя его тело и его кровь в виде хлеба и вина. Этим говорят: Я, который сейчас един со Христом, совершил требуемую смертную жертву, которая теперь меня приведет к воскрешению. Каким образом мыслят себе идентифицирование с жертвой (здесь Христос, мясо которого и кровь принимают в себя), вытекает из интересных сообщений Айзена¹, которые я хочу здесь привести. На досках пожертвований в церкви Марии в Гросс-Гмайн находится много изображений случаев несчастий, с приведением мотивов жертвующих, желаемой деятельности и избранной жертвы. Одна из надписей гласит:

«Ребенок утонул, купаясь. Мать, узнав это, с опечаленным сердцем обручила ребенка с живой жертвой, и он стал опять живым»,

или

«Свинья укусила голову ребенка и разорвала, сговорили его с живой жертвой, и стал здоровым».

При этом жертвуемому животному предстоит пропасть, а претерпевшему несчастье — становление. Так, в следующем примере:

«Ребенок, рожденный мертвой матерью, принесен на крещение, как только его отец обручился с живой жертвой».

Здесь опять вместо ребенка приносят живую жертву. Христос — ребенок, умирающий за отца, это «*pars pro toto*», для этого отец в момент зачатия становится во всем своем настоящем: это отец всегда умирает в ребенке, и отец же возобновляется в ребенке. Живые жертвуемые животные заменяются, в конечном счете, безжизненными символами. Айзен сообщает в том же труде о вазах, выглядящих как голова человека. Вазы наполняются зерном и служат средством от головной боли. Этими горшками²

¹ [Eysen]. Über einige Votivgaben im Salzburger Flachgau // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. — 1901.

² [Töpfen.]

(называемыми «головами»¹) получают благословение; их берут в алтаре и помещают на голову страдающего, как в других случаях благословляют наложением рук. Значение «горшочков» еще яснее, когда мы узнаем о головах, что они сделаны по образу святых, которые, как Христос, приняли смерть за любовь, то есть умерли как Христос — как жертвы. Такие головы жертв, сделанные подобно голове святого Иоанна, находятся в музее Райхенхалле (Айзен²). По смыслу это плоды, наполненные семенами, подобно которым, как предполагали прежде, был задуман Христос. Они должны лечить, оплодотворяя, и это действительно так: изыскания И. Арнольда сообщают о деревянных головах, которые он описывает как жертвы против головной боли и для вступления в брак. Расположение по соседству двух зол: головной боли и состояния вне брака, показывает, что головную боль надо рассматривать в смысле фрейдовского «перемещения наверх». Также и выбор формы головы для сосуда, хранящего семя. В других местностях глиняные головы использовали как средство против бездетности, эти головы содержат три вида зерна — ведь три — символ зачатия! Вместо формы головы другие символы жертв подражают форме внутренностей. В фигуре внутренностей особенно большим представлен больной орган: требуемая божеством для жизни деструкция здесь отклоняется на другой, менее ценный. Хорошо выражено это в детской поговорке (держат поврежденный пальчик плачущего ребенка и шепчут: «Пусть будет больно кошке, собаке, зайцу и т. д., а у Икс боль пусть пройдет»). При этом три раза плюют в сторону из боязни сглаза. Три — это символ зачатия, и сплевывание — это эквивалент обрызгивания святой водой, отпугивающей демона. По существу, родственны жертве благоговейные прошения и приветствия; если при этом падают на колени или падают совсем на землю перед властителем, то это должно значить: «Смотри, моя жизнь в твоих руках, я уже разрушен перед тобою (смерть в представлении), подари мне теперь жизнь (возрождение)». Когда Сиф приходит в рай, чтобы просить о милосердии для своего отца Адама, он

¹ [Köpf].

² [Eysen]. Über einige Votivgaben im Salzburger Flachgau // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. — 1901.

посыпает свою голову землей. «Ты пыль, и пылью ты станешь», — сказал бог человеку. Посыпая голову землей, Сиф показывает, что он уже стал пылью¹ (вошел в землю, так как земля лежит над его головой). Из возвращения к истоку (земле) возникает, однако, новая жизнь.

Интересную символику возникновения человека из земли дает нам труд К. Колера², которого я теперь хочу придерживаться. Раввинские писания знают полевых и лесных людей, которые до пупка находятся в земле и через него берут свое питание из земли. Эти человекоподобные существа обладают также, как говорит Маймонид в своих Комментариях к Мишне³, голосом, подобным человеческому. На арабском языке они называются «человечек» или «карликовый человечек». «Согласно Саломону Буберу, это сказочное существо — растение, имеющее фигуру человека: человекоподобная голова которого обнаруживается, только когда вырвешь их из земли». Симеон из Симса⁴ считает это животное идентичным Ядуа, имеющим форму тыквы, связанной с землей, вырастающей из корня длинной веревкой. Никто не должен приближаться к животному на длину веревки, иначе он будет растерзан; разрывом веревки животное можно убить: оно тогда громко вскрикивает и умирает. Ясно, что растительный человечек сидит в земле, как ребенок в чреве матери, привязанный пуповиной к месту его происхождения. Как в алгебре суть не меняется от того, что мы называем — величину а или b, так и бессознательному все равно, представляет ли оно существенное здесь возникновение ребенка в символике растения или человека. Как мы, например, называя волны дыхания волнами «Траубе—Гернига», подчеркиваем равное участие обоих ученых в открытии, так и бессознательное поступает со своими растительными-животными людьми и сходными сложными образованиями (ср: Фрейд. «Толкование сновидений»⁵). Растение

¹ [СШ цитирует одну из апокрифических легенд.]

² Доклад К. Колера об умирающем искусстве саги в Цинциннати. *Seltame Vorstellungen und Gebrauche in der biblischen und rabbinischen Literatur* // Arch. für Religionswissenschaft. — Bd. XIII. — Heft 1.

³ [Мишна — (евр. «повторение») — древнейшая часть Талмуда.]

⁴ К. Колер, там же.

⁵ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 3—4.]

кричит, как ребенок при рождении. Этот крик — это крик смерти. Пока ребенок находится в матери, он не обладает самостоятельной жизнью; это состояние в мифологии часто называется «кажущейся смертью» или «теневым существованием», как, например, в царстве Прозерпины, где имеется отблеск жизни, проекция жизни, однако, все это намечено лишь как тень. У «матерей» нет светлого и темного, верха и низа, никаких противоположностей, потому что еще нет дифференциации из древнейшего вещества, из праматери. Лишь дифференциацией в самостоятельный организм оказываются обреченными жизни и смерти (обратному дифференцированию). В самой жизни есть источник смерти, как в смерти — источник жизни. Развитие и возникновение ребенка происходит за счет матери, в большинстве случаев при родах матери. Матери причиняется вред, и чтобы она не была совсем уничтожена, надо дать компоненту смерти замену: должна быть принесена жертва. Растение выдирают (его рожают), поливая кровью или мочой жертвенных животных. Это все продукты смерти (экскрет мочи). В еврейской древности есть растение — баа-ах — с огненным блеском, и его корни обладают силой изгонять демонов и души умерших. Вырывание корня вызывает мгновенную смерть и поэтому проводится ночью собакой при поливании мочой или менструальной кровью. Уравнивание мочи и менструальной крови показывает, что оба продукта являются, так сказать, продуктами пола¹, в которых содержится лечащая и оплодотворяющая сила. Аналогично, персидская трава Хаома (согласно Колеру — растительный или древесный человек, которому поклоняются как богу, обладающий божественной волшебной силой, своего рода дерево жизни, вместо которого так часто фигурируют травы жизни), которую толкут в ступке ночью, в темноте, с призывами к Гадесу, поливая кровью зарезанного волка. Трава Хаома служила для убивания демонов. Напиток Хаома придает бессмертие и плодородие. Как Иисус, плод дерева жизни, должен умереть, чтобы сам смог воскреснуть и придать жизнь другим, которые себя с ним идентифицируют, так и божественная трава Хаома, а равно и «древесный человек», должна быть уничтожена, чтобы, подобно Христу, стать оплодотворяющим семенем,

¹ Они, видимо, происходят из одного и того же органа.

оплодотворяющим напитком. Соответственно опасности этого растения у арабов земледелие рассматривается как опасное¹. Согласно арабской вере, каждый год ко времени уборки урожая должен умереть один из рабочих. Свойство земли приносить смерть также приписывается «земляным людям». Поэтому люди имели обыкновение поливать землю кровью мирной жертвы. С одной стороны, земля играет роль матери, питающей человека через пуповину, потому вырывание ребенка — это роды; с другой стороны, земля приносит плоды (детей), как дерево, часто считающееся мужским. В символике дерева я разъясняла, как совпадают ребенок и гениталии², почему акт родов может быть и коитусом.

Я благодарна профессору Фрейду за сообщение, что обрезание — это символ кастрации³. Определенные австралийские негры имеют церемонию кастрации, в то время как соседние племена имеют церемонию выбивания двух резцов. Это церемонии жертвоприношения: лишают себя мужественности, то есть символически убивают сексуальность в себе, чтобы не разрушиться в действительности; ведь без деструкции становление невозможно! Одна женщина мне рассказала, что когда ей под наркозом удаляли зуб, она видела во сне, что разрешается от бремени. Нас не удивляет, если во сне удаление зуба выступает как символ родов. Итак, роды=удаление зуба=кастрация, то есть порождение воспринимается как кастрация. Тауск сообщил мне о случае, когда больной воспринимал коитус непосредственно как кастрацию: при этом якобы пенис отрывается во влагалище. Именно самоудовлетворение представляется (в сновидениях) как удаление зубов=кастрация. Сообразно этому можно составить уравнение:

$$\begin{array}{c} \text{коитус} \\ \text{зачатие} < > = \text{кастрация} \\ \text{роды} \end{array}$$

¹ Curtis, Ursemit. Religion im Volksleben des heutigen Orients. Deutsche Ausgabe. 1903. Цит. по: Колер, там же.

² По утверждению Штекеля, народ, видимо, будет пытаться объяснить себе процесс образования детей после коитуса тем, что мужчина вносит ребенка в женщину.

³ Freud, S. Totem und Tabu (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 102 s.

Самодеструкцию можно заменить деструкцией жертвы. В христианском мировоззрении Христос претерпевает жертвенную смерть и умирает вместо людей, которые в религиозном понимании условно страдают вместе с ним. Через эту условную самодеструкцию достигается, так сказать, то же самое, чего достиг Христос своей самодеструкцией, а именно воскрешение. Саморазрушение происходит для христианского мировоззрения в картине положения во гроб, обратного положения в мать-землю. Воскрешение — это возрождение.

Плиний говорит об одном греческом обычае: «Принимаемый за мертвого так долго считается нечистым, пока не проделает символическое возрождение» (Колер). Как доказывает Либрехт, акт возрождения происходит через подобное лону матери округлое отверстие в крыше. В Индии инструмент возрождения — это золотая корова; в эту корову вносят подлежащего возрождению и опять вытаскивают его наружу, через детородные органы коровы. В Иерусалиме или в Мекке возвращающемуся дозволено войти внутрь, но, вместо того, чтоб подвергнуть его обратному помещению в мать, за него жертвуют овцу или козу. Это доказывает, что жертва рассматривается как аналог введения в чрево матери. Процедура жертвоприношения происходит, по Колеру, следующим образом:

«Прежде, чем он войдет в дверь дома, он остановится с растопыренными ногами так, что жертва может лежать между ними. Потом ее кладут на левый бок, мусульманин потом направляет ее голову на юг, то есть к Мекке, а христианин, напротив, на восток, то есть на Иерусалим, и ей перерезают глотку непосредственно перед порогом или на нем. Когда возвращается христианин, то на его лбу кровью — небольшим ее количеством — изображают крест. Потом он шагает через жертву и кровь в дом и приносит часть одежды, которую он носит в церковь, где священник ее благословляет». *Положение жертвы между раздвинутыми ногами возвращающегося домой соответствует положению ребенка при рождении. На связь со смертью Христа указывает крест, нарисованный кровью на лбу возвращающегося. Он умирает и опять рождается как Христос.*

И эта глава также нам показала, что становление происходит из деструкции; и здесь производитель — дарящий жизнь — бог превращался в ребенка, который возвращается обратно в чрево матери. Смерть сама по себе ужасна, смерть на службе сексуального инстинкта, то есть как его разрушающий компонент, ведущий к становлению, приносит благо. Вечная же жизнь не приносит человеку

блага; это мы видим также в легенде об источнике жизни. Я привожу соответствующее место из сказания об Александре (по Фридендеру): повар Александра случайно достиг искомого источника; он хотел ополоснуть в воде соленую рыбу, как внезапно рыба ожила и от него ускользнула. Повар сам купается в той же воде и благодаря этому приобретает бессмертие, но оно ему не приносит ничего хорошего: царь, которому он рассказывает про это чудо, приходит в ярость от того, что не узнал о нем раньше, и приказывает повара, которого нельзя убить, бросить в озеро. Повар становится опасным демоном озера, которому (по другим легендам) также приносят жертвы. Повар, желавший достичь бессмертия, получает наказание, заключающееся в том, что он опять попадает в воду, то есть в древнейший, первоначальный элемент (чрево матери)¹, и его жизненная сила, не находящая деструкции, действует опасно разрушающе. Аналог повару мы встретили в растении андрогине или в опасных земляных человечках, которые еще не пришли к рождению. Убивая опасную траву, ее делают благой (убивать = рождение). Еще один аналог беспокойно яростному в воде повару — это Летучий Голландец. Фридендеру тоже пришла в голову эта аналогия. Согласно Графу², это неутомимое плавание Голландца под парусами взад и вперед выражает его душевное состояние, в котором он напрасно тоскует по соответствующему объекту. Повар тоскует по смерти, а Летучий Голландец нам показывает, что смерть, к которой он стремится — это эротическая смерть, ведущая к новому становлению, так как Сента и Голландец поднимаются из волн, обнявшись.

«По старым преданиям Адам получил при своем уходе из рая не палку (=древо жизни по Вюнше), а геомантическое кольцо с мировым крестом (⊕⊙), которое он передал своим потомкам. Через них он попал в Египет и рассматривался как тайна всякой науки»³.

¹ [Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden. Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien, 1909. (Schriften zur angewandten Seelenkunde, Heft 5.)]

² [Graf, M. Richard Wagner im «Fliegenden Holländer»; ein Beitrag zur Psychologie künstlerischen Schaffens. — Leipzig / Wien, 1911.]

³ Вюнше о древе жизни и о живой воде [Wünsche, Aug. Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s.] По Вюнше, в ряде легенд древо жизни равно древу познания. Ср. Ницше, для которого познание = любовь и пр.

На место древа жизни становится — по Вюнше — кольцо. Кольцо как древо является, следовательно, символом генезиса. Вюнше здесь обращает внимание на место в «Рейнеке-лисе» Гете¹ (песнь 10), где сказано о золотом кольце с тремя выгравированными еврейскими словами, предназначавшимся, по словам лиса, королю: три выгравированных имени принес Сет набожный, вернувшийся из рая, где он искал масло милосердия. Как мы знаем, Сиф приносит три яблочных семечка или три отростка из рая, из которых потом развивается дерево жизни, три выгравированных в кольце слова, следовательно, это символы дарящей жизнь силы кольца². Так, кольцо в «Песни о Нибелунгах» становится нам ближе в своем значении как символ зачатия и нового созидания, жизненной силы, приведшей к гибели.

Мир может быть освобожден лишь тогда, когда жизнь возвращается к истоку, что символически представляется так, что кольцо (жизнь) возвращается на место своего происхождения, из которого оно было взято.

В этой второй части я ограничила себя некоторыми попытками с целью проиллюстрировать на основании различных примеров применимость рассмотренных в первой части воззрений на мифологию. Доказательство должно быть оставлено для более обширного, более глубокого исследования, равно как и некоторые современные психологические или мифологические образования в своем деструктивном компоненте сексуальности следует отложить на потом. Я думаю, однако, что мои примеры показывают достаточно ясно, что соответственно биологическим фактам и влечение размножения психологически также состоит из двух антагонистических компонентов и, следовательно, в равной мере является влечением становления и влечением разрушения.

¹ [Гете, И. В. Рейнеке-лис // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 5. — М.: Худ. лит., 1977. — С. 419—531.]

² [Там же, С. 498—499.]

ВКЛАД В ПОЗНАНИЕ ДЕТСКОЙ ДУШИ (1912b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1912: Beitrage zur Kenntniss der kindlichen Seele // Zb. — 1912. — Bd. 2. — S. 57—72.

Издания на русском:

1994: К познанию детской души // Российский психоаналитический вестник. — 1994. — № 3—4. — С. 174—186.

Представлены три целостных феноменологических описания проявлений детей, в том числе, самоанализ. Затрагиваются темы связи сексуальности и страха и инфантильных теорий происхождения людей (см. также «Ренаточкина теория происхождения людей» (1920a) — наст. изд. С. 219—221.).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

Великое учение психоанализа нуждается в многочисленных, легко доступных доказательствах, в особенности из области детской психологии. Поэтому мне хотелось бы привести здесь три примера, которые касаются двух мальчиков и одной девочки. Анализ девочки — это самоанализ, и будучи таковым он является относительно полным. Что касается первого мальчика, то я должна была считаться с мнением его матери и довольствоваться лишь фрагментом, который показывает взаимосвязь страха и сексуальных представлений; второй мальчик был еще в слишком раннем возрасте, что являлось причиной затруднения при анализе: малыш не мог быть заинтересованным в сообщении нам какой-либо информации. Общим для всех троих детей является их происхождение из «аристократических домов» с соответствующим «хорошим воспитанием».

1. АНАЛИЗ ДЕВОЧКИ

Мои родители, особенно мать, гордились «чистотой» и «наивностью» их дочери; также и мои подруги не хотели «загрязнять» меня просветительскими вопросами. В гимназии из соображений хорошего воспитания не рассматривались вопросы оплодотворения у животных. В конце концов, я нравилась сама себе со своей «невинностью» и боялась оскверниться посредством познания. Произошло так, что лишь поступив в университет, на занятиях по зоологии я узнала кое-что о сексуальных отношениях.

Во время семестра в клинике я испытала известный всем начинающим страх перед болезнями, но мне бросилось в глаза, что мой страх обладает чем-то специфическим: я боялась лишь нескольких инфекционных болезней, которые я персонифицировала. Например, в моем представлении чума была темной фигурой с красными, горящими глазами и т. п. Я знала, что этот вид страха исходит из моего детства. До 6—7 мне не был страшен «ни один черт». Благодаря храбрости меня всегда ставили в пример моему брату, и я пользовалась этим, когда насмехалась над ним, выскакивала из темного укрытия или рассказывала ему страшные истории. У меня была богатая фантазия: я была богиней и правила мощной империей; я обладала силой, которую я называла «силой полета», так как я образовала это слово от французского глагола «*parter*»=летать. Данный несуществующий глагол — это, вероятно, продукт от глаголов «*partir*»=уходить прочь и «*porter*»=носить. Таким образом и получилась уносящая меня прочь сила. При помощи этой силы я могла узнать все и достичь всего, что хотела. И если я лишь косвенно думала о реальности моей фантазии, то все равно это выглядело слишком привлекательно, чтобы не думать об этом: «Авраам»¹ все-таки явился на небеса живым, почему такое чудо не могло произойти со мной? Я обладала никому неизвестной силой и определенно была избрана богом. Родители ничего не знали об этой части моей душевной жизни, хотя я была убеждена, что ничего не скрывала от них; я не считала это чем-то особенно важным и опасалась, что

¹ [Авраам — библейский персонаж, избранник бога Яхве, заключивший с ним «завет», родоначальник евреев (Быт.).]

взрослые будут смеяться надо мной. Во мне всегда жил критик, которому была известна разница между реальностью и фантазией. К этому времени я не нуждалась в том, чтобы слушать сказки других людей: я и сама могла сочинять их с большим удовольствием, но я хотела знать правду. То, что я пугала моего брата, не ускользнуло от внимания моих родителей, и однажды отец сказал мне: *«Подожди, судьба накажет тебя: однажды ты тоже испытываешь страх, и тогда ты узнаешь, каково было твоему брату»*. Не думаю, что я восприняла эту угрозу всерьез, но ее последствия все же очевидны; в один прекрасный день я очень сильно испугалась, когда на комод в соседней комнате увидела двух черных кошек. Это, вероятно, была иллюзия, но настолько явная, что я до сих пор ясно вижу этих животных, они совершенно спокойно сидели рядом друг с другом. *«Это смерть»* или *«Чума»*, — думала я. С этого момента сразу же начался период страха: если я оставалась одна в темноте, то видела много страшных животных, чувствовала, что неизвестная сила пытается вырвать меня у родителей, и они должны были крепко держать меня за обе руки. С большим страхом и интересом я слушала описания различных болезней, которые ночью обнаруживала у себя, и они в образах людей хотели *«напасть»* на меня или *«унести»*. Для людей, не являющихся психоаналитиками, все стало бы ясно: отец запугал ребенка, его угроза оказала внушение, и ребенок начал испытывать страх. У психоаналитика же вопросы появляются лишь сейчас: прежде всего — почему страх управляется непосредственно через видение кошек? Что это за «фантазии», которыми были заняты мысли ребенка? Разве они не связаны с сексуальностью, которая полностью отсутствует в этом описании? На последний вопрос я с решимостью должна ответить утвердительно. Насколько я себя помню до 3—4 лет, и это могут подтвердить мои родители, меня мучили различные вопросы: откуда появляются люди (дети)? Где начало всех начал и конец всех концов? Особенно невыносимой была мысль о бесконечности. Также меня интересовал тот факт, почему все люди разные, особенно мое любопытство было приковано к американцам, потому что они должны были ходить под нами, так как земля круглая, головами вниз и ногами вверх. В течение длительного времени я неустанно копала яму в земле и каждый раз спрашивала мать, как долго мне еще нужно копать, чтобы прорыть яму насквозь

и вытащить за ноги какого-нибудь американца. В случае анализа взрослого человека на основе большого опыта отдельных личностей и народной психологии мы бы сразу истолковали этот случай, как бессознательную фантазию о рождении, но в случае с «невинным ребенком» мы не отважимся на это; поэтому только ради полноты картины я упоминаю здесь другую любимую мной игру — изготовление воздушных шаров и других летающих игрушек из бумаги. В 5 лет я уже знала, что в чреве матери есть ребенок, которого она потом «родит». Я представляла себе это так, что ребенка вынимают из нее каким-либо образом, например, что ее разрезают или, как мне кто-то сказал, что пуп, запирающий живот, безболезненно разматывается, и потом вынимается малыш. Но вопрос, откуда берутся дети, по-прежнему оставался для меня *terra incognita*, и я продолжала спрашивать, я также интересовалась, кто создал отца, мать, предков матери и, наконец, кто создал господа бога. Пожалуй, это значило, что господь бог всегда был здесь. К тому же я знала, что человек был создан из земли, в то время как господь бог вдохнул в него свое дыхание. Это рассказала мне мать, когда она терла друг о друга руки, то при этом образовывалась земля. Каким образом я объединила теории о рождении и о происхождении земли? Появился ли, пожалуй, первый человек из земли? Потому что иначе, как я помню, думала, что господь бог без совершения какого-либо действия, лишь благодаря желанию создает ребенка в чреве матери. Моим страстным желанием было желание создать живого человека как господь бог. Поэтому в моих фантазиях я представляю себя всезнающей и всемогущей богиней. Я пыталась создать людей из земли, глины, из всех имеющихся материалов, но мне не удалось их оживить. Я занималась черчением великолепных дворцов, выдумкой мира животных и растений для моей империи. Однажды дядя, химик по профессии, показал нам эксперимент, который восхитил меня: он опустил в раствор соли свинца цинковый стержень, из которого образовалась структура с многочисленными разветвлениями как настоящее дерево. На меня нашло прозрение: химия — это сила, творящая чудеса! И я стала «алхимиком». Думаю, что еще до этого эксперимента, но, возможно, лишь после него к великому негодованию моих родителей я приобрела дурную привычку: остатки пищи и питья я вываливала на стол, все тщательно смешивала, в результате чего образовывалось

много грязи, потому что я хотела посмотреть, что из этого выйдет. Я радовалась, когда один цвет превращался в другой, или когда образовывалась совсем другая форма или консистенция. Таким образом, из-за чувства радости или страха, которые охватывали меня, я не могу забыть смесь, как частичку вещества, превращающуюся под действием неизвестной силы какой-то жидкости в бумагу. Это предел фантазии? У меня было много «таинственных» жидкостей в бутылочках, «волшебных камней» и всего такого, от чего я ожидала великого «сотворения». Я постоянно мучила родителей вопросами, каким образом «сотворены» все предметы, и если я не могла «создать» человека, то я с усердием создавала оливки, мыло, все, что я только могла создать. Однажды я спросила одну мамашу, смогу ли я иметь детей, как мама. «Нет, — ответила она, — ты еще слишком маленькая, чтобы родить ребенка; сейчас ты можешь родить лишь котенка». Эти в шутку сказанные слова оказали воздействие: я ждала появления кошечки и переживала, что она окажется не настолько способным существом, как человек, если я не буду воспитывать ее с необходимой тщательностью. Я хотела добиться этого. Теперь мы имеем дело с сексуальной этиологией страха: кошечка, которая вызвала у меня состояние страха, была долгожданным ребенком. Собственно говоря, я видела двух кошек; возможно, я также думала (конечно же, бессознательно) о брате, моем верном товарище по играм, который, являясь младшим братом, должен был выполнять все, что я хотела. Непосредственной мыслью во время «видений» была такая: «это смерть» или «чума». В соответствии с этим, ребенок понимался мной как опасная, даже смертельная болезнь. Я часто нахожу у женщин представление о беременности и рождении в форме опасной болезни (инфекционное заболевание, чума, особенно бубонная чума), злокачественная опухоль, слабость, что кажется мне обычным явлением: сознательно или бессознательно женщина представляет себе новое существо, как существо, растущее за счет предка. Интересно то, что порою мы с удовольствием реагируем на эти деструктивные представления, иногда со страхом, как минимум — с отвращением. Этот страх перед инфекционными заболеваниями остался у меня от упомянутого выше страха от ожидания ребенка, но не только от этого: я также боялась похитителя, соот[ветственно], соблазнителя. В детстве, насколько охватывает

мое сознание, я не имела «понятия» о сексуальном значении отца; как многие девочки моего возраста я, вероятно, верила, что отец существует для того, чтобы зарабатывать деньги, но, несмотря на это, я искала похитителя, т. е. мужчину. Однажды мы с братом вскарабкались на комод и молились с поднятыми к небу руками: «О, господи, возьми нас к себе» (как «Авраама»). Испугавшись, мать спустила нас вниз. Кроме опасений того, что мы можем упасть, она также испугалась мысли о том, что она лишится своих детей (смерти детей). Во время припадка страха неизвестная сила хотела вырвать меня у моих родителей. Часто я думала о том, что могла бы улететь прочь против своей воли. Животные и болезни, которые я видела в образах живых существ, хотели «причинить мне страдания», забрать меня в злоеущую, темную смерть. Этот инфантильный страх перед похищением, соответственно, соблазнением, превосходно представлен в стихотворении Гете «Лесной царь»: *«Я люблю тебя, меня влечет твой прекрасный образ, но если ты будешь сопротивляться, то я применю силу»*¹, — шепчет мальчику его соблазнитель и одновременно выдает нам фантазии поэта о «любви к мальчикам». Сам Гете однажды должен был пережить это «желание страха», когда отец вместо своего возлюбленного выбрал его, а иначе он не смог бы так хорошо прочувствовать страх мальчика. Моим «Лесным королем» был господь бог. Следует добавить, что под «богом» я имею в виду молодого дядю. Когда он был гимназистом 13—14 лет, ему нравилось красоваться перед нами. Иногда он выдавал себя за бога, приводил нас в темную комнату, рассказывал страшные истории и играл на виолончели. Я смеялась над ним, а брат, несмотря на мои подбадривания, все равно боялся. Тогда мне было 3—4 года². В 2—3 года я сознательно забыла «божественные истории»

¹ [Этот отрывок в переводе В.А. Жуковского:

«Дитя, я пленился твоей красотой:
неволей иль волей, а будешь ты мой!»

Гете, И.В. Лесной царь // Гете, И.В. Собрание сочинений. В 10 томах. — Т. 1. Стихотворения. — М.: Худ. лит, 1975. — С. 173—174.]

² Как уже упоминалось, я следила за своими воспоминаниями благодаря тому, что расспрашивала своих родителей; я также спрашивала дядю и брата. Кроме того, у меня есть дневник. Когда я начала писать его, мне было 10 лет. Здесь я также нахожу появившиеся в «раннем детстве» истории о Боге, о дяде, записанные с соответствующими сновидениями.

и дядю. Но бессознательное интенсивно занималось им. В этом я вижу причину того, что однажды я видела сновидение об огромном боге, который был одет так же фантастически, как тогда мой дядя. Кроме того, я стала богиней и пугала моего брата, как однажды это делал наш дядя (известная идентификация с возлюбленным) и, наконец, я нафантазировала себе «всезнающего Моперля» (в качестве слуги?). В русском языке Моперль также называется «моськой». Впервые во время анализа мне бросилось в глаза то, что мы как-то называли дядю «моськой». Это его злило, и он давал нам конфеты, чтобы мы не называли его «дядя Мося». Фантазия быть унесенной богом (бессознательно дядей) всегда казалась мне забавной, потому что, очевидно, уже в раннем детстве у меня бессознательно появилась потребность в замене родительской любви. Только отцовская угроза превратила радость в страх.

Этот случай очень хорошо демонстрирует развитие научного интереса из-за сексуального любопытства. Прежде всего, каждый индивидум интересуется своей собственной личностью, и лишь потом объектами, которые соприкасаются с ним. Могло ли появление нового члена семьи послужить для ребенка причиной вопроса о небытии и возникновении человека. Откуда и как? Каким образом нас «создали» — братика, меня, папу, маму, бога? Где начало и конец? От области недоступного вопросы движутся к области доступного, что можно «создать» самостоятельно: каким образом создают всевозможные предметы, такие как оливки, мыло и т. п. Ребенок сильно удивляется тому, что оливки «растут», внимательно наблюдает за развитием из семян молодых растений, а также с большим интересом следит за развитием молодых животных. Особенное впечатление производит произошедшее с опущенным в раствор соли свинца цинковым стержнем, который превращается в «настоящее» дерево. Итак, «жизнь» можно создать искусственным путем! С этого момента начинается страстное воодушевление химией, а именно, как у народа в целом, сначала в более примитивной форме алхимии: все же должна была существовать сверхъестественная сила, которая дала возможность произойти, случиться великому чуду на моих глазах. В университете я страстно увлекалась лекциями по органической химии; при этом каждый раз происходило так, как будто я знала все это уже давным-давно. Если обратиться к со-

знанию, то мы узнаем, что это не случайно: в нашей гимназии для девочек весь учебный материал по химии едва ли охватывал пару страниц в маленькой книжечке. Это были все мои знания по этому предмету, потому что обучение в гимназии предназначалось, скорее, для того, чтобы притупить все интересы, чем развить их. Странное ошибочное воспоминание объяснило мне, что в бессознательном мы наследуем мудрость наших предков; проявляется ли она в форме представлений, силуэтов, которыми «должна быть пропитана кровь», чтобы вступить в сознание живой или в форме соответствующих напряжений энергии, которые позволяют нам отыскать аналогичные переживания — это уже второстепенная задача; важным же является, то, что мы переживаем или узнаем лишь аналогии¹, которые мы действительно воспринимаем как таковые.

2. АНАЛИЗ МАЛЬЧИКА

Однажды мы были в обществе и беседовали о том, что нервные состояния страха можно устранить в результате выяснения причин их возникновения. Естественно, о сексуальности ничего не упоминалось. Вскоре после этого 13-летний смышленный мальчик Отто отзывает меня в сторону и спрашивает, что это значит: в детстве он всегда боялся, что кто-нибудь нападет на него сзади с ножом или револьвером. Я не хотела останавливаться на этом подробно и высказывалась полушутя, что, вероятно, он совершил что-то запретное. Сам Отто не отступает и рассказывает мне, что, когда ему было два года (смещение!), ему часто снилось, что сзади на него нападает пожилая женщина. В ужасе он бежит к маме, которая отгоняет женщину. Тогда я спрашиваю его, кого ему напоминает женщина, которую он постоянно видит во сне. Сразу же ему в голову приходит страшная торговка углем. Кухарка смеялась, что торговка углем хотела поцеловать мальчика; он много раз видел во сне, как торговка направлялась в его сторону, он хотел закричать и не мог, хотел убежать, а ноги не слушались его.

¹ Ср. Юнг: Значение отца в жизни отдельного. [Jung, C.G. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1.]

Отто также не знал точно, почему он собственно боялся этой женщины, она могла бы причинить ему что-то, прежде всего, — она хотела вырвать его у матери, к которой убегает мальчик. То, что бросилось Отто в глаза без какой-либо моей помощи: торговка углем старая, страшная, и из-за нее надо мной смеялись, — она хотела поцеловать меня. Это все ассоциации, относящиеся к кругу эротических представлений. В бессознательном взрослых людей мы ожидаем увидеть здесь представления, которые связаны со строением человеческого тела, мужского и женского. До настоящего момента я не объяснила мальчику значение его страха и была сильно удивлена, когда он сам, согласно упомянутому воспоминанию, рассказал сновидение, в котором анатомическое строение играет определенную роль. Очевидно, что в случае с торговкой углем, его фантазия также была занята анатомией, иначе этот сон не бросился бы ему в глаза. Сновидение: Отто находится перед анатомическим строением на Варингештрассе¹, несколько ступеней (в действительности, три) ведут вверх, перед входом находится решетка. Он видит страшную женщину и не может уйти, потому что в этом ему препятствует решетка.

Сновидение сразу понятно психоаналитику. Неспециалист мог бы представить себе особенную связь мыслей: «кто-то» хотел напасть на меня, заколоть. Это торговка углем, говорят, она хотела поцеловать меня, эта старая, страшная женщина. Первое сновидение: я убегаю от этой ужасной женщины к (красивой) маме. Второе сновидение: я хочу убежать от этой страшной женщины в анатомическое строение, но оно закрыто (для меня).

Если мы объективно изучим эти два сновидения, то мы увидим, что начало каждого из них одинаково: я убегаю от этой страшной женщины. В первом сновидении мальчику удастся скрыться, во втором — нет; первое сновидение реально, мальчик убегает к матери, что, вероятно, раньше происходило часто; во втором сновидении местом укрытия служит не мать, а строение, в которое он, естественно, не вбегает. Здесь мы имеем дело с чистой фантазией и в соответствии с ней предполагаем, как узнаем из сновидений взрослых людей, что второе сновидение обрабатывает ту же тему (здесь

¹ [Währingestraße — улица в Вене.]

укрытие у матери), выражает лишь символично, как в большинстве случаев, тесное сексуальное желание. Как уже упоминалось, мы ожидали встретить ассоциацию «строение тела» с эротическими представлениями в сознании или бессознательном. Вместо этого Отто приводит нас в анатомическое строение. Думается, что выражение бабенка=женщина содержится даже в языке правозащитников, у взрослых людей присутствует выражение «строение» как символ женщины, также и Шернер¹, который совсем не был аналитиком, указывает, что в сновидениях мы представляем собственное тело в форме строения. Одному профессору оперировали череп, когда ему разрезали череп, он закричал «*входите!*»². Очевидно, представление черепа превратилось у него в представление комнаты. Также и у Отто строение используется для обозначения человеческого тела. Прежде всего, слово «анатомия», наука, занимающаяся изучением человеческого тела, выдает нам ожидаемое телесное представление. Вместо того, чтобы укрыться «у матери», как в первом сновидении, во втором Отто бежит в тело, но это запрещено для него: символично то, что решетка преграждает ему вход. Естественно, я ничего не объясняю мальчику. На следующий день он снова рассказывает мне сновидение, которое, должно быть, происходит из того же времени. Содержание сновидения следующее: Отто входит в комнату³ (я прилагаю план),

¹ [Schermer, K.A. Das Leben des Traumes. — Berlin, 1861.]

² [См. также: «Деструкция как причина становления.» — Наст. изд. С. 109—154.]

³ [В немецком языке слова «комната» (Zimmer) и «женщина=бабенка» (Frauenzimmer) ассоциативно сопрягаются. См. примеры в: Фрейд, Э. Толкование сновидений. — М., 2005. — С. 361—362.]

спиной к двери сидит его гувернантка. Он идет к окну, берет без спроса украшение, но теряет одну жемчужину. В другую дверь врывается женщина, он хочет убежать, но дверь заперта. Женщина бросается на него и, цитируя слова Отто, *«превращает меня в клубок»*. На этом месте он просыпается. Особенно страшным для него был ее раскрытый рот с большими зубами. С этими словами Отто идет к фортепиано. *«Меня всегда преследует одна мелодия»*, — говорит он, и играет эту мелодию. Это хор из «Волшебной флейты» Моцарта. Я спрашиваю его, что он помнит. Это хор Ирису и Осирису. Здесь священники с длинными флейтами. Кто-то хотел жениться.

Сновидение сообщает, что я совершил что-то запретное. Было ли это на самом деле, или это была фантазия, остается неизвестным и не важным для нас: в психической жизни существуют лишь продукты нашей души, — Отто крадет запретное украшение, как однажды Адам и Ева украли запретный плод. Сексуальное толкование этого воровства, кроме того, подкрепляется посредством аналогичной символики у взрослых и последующими ассоциациями у самого Отто. Отто получает заслуженное наказание, при этом он особенно сильно боится большого рта женщины и ее зубов. Очевидно, что женщина является для него воплощением дьявола, который забирает его, потому что сразу же следуют упомянутые религиозные ассоциации.

Фрагмент из «Волшебной флейты», который Отто упоминает по ассоциации со своим сновидением, звучит следующим образом:

Хор священников (Зарастро стоит в полукруге):

О, Ирис и Осирис, какое счастье!

Темная ночь прогоняет солнце.

Скоро благородный юноша почувствует новую жизнь;

Скоро он предается служению нам.

Его дух храбр, его дух чист,

Скоро он будет достоин нас.

Зарастро (подмигивает в правую сторону).

Два священника (удаляются вправо вперед и тут же возвращаются с Тамино, которого покрывает вуаль).

Сцена 22.

Те же. Тамино с правой стороны от Зарастро.

Зарастро:

Принц! До сих пор ты был мужественным и невозмутимым, теперь тебе нужно преодолеть еще два опасных пути. Если твое сердце бьется также горячо для Памины, и ты желаешь когда-нибудь править как мудрый государь, то боги будут сопровождать тебя и дальше. Дай твою руку! (Он подмигивает в левую сторону.) Внесите Памину!¹

Этот фрагмент достаточно четко показывает, что сновидение побудило Отто к представлениям молодого человека, как Тамино, который смог мужественно выстоять, преодолев многочисленные порывы к искушению, и теперь достоин невесты. «Его бог² храбр, его бог чист, скоро он будет нас достоин». Сновидение свидетельствует о противоположности самосознания, поэтому мы должны предположить, что Отто ведет себя как противоположность Тамино: его сердце трусливо (он постоянно прячется), потому что он всегда делает что-то грязное и, в отличие от Тамино, которого принимают боги, Отто забирает дьявол. Естественно, дьявол забирает грешников; Отто и есть этот самый грешник, потому что он крадет и, что бросается в глаза, крадет женскую вещь, украшение, что укрепляет нас в мысли о «грехе» в сексуальном смысле.

¹ [Вероятно, США был известен русский перевод Шиканедера:

Хор жрецов и Зарастро:
Изида и Озирис, что за счастье!
Ночная тьма сменилась светом солнца.
На новый путь Тамино здесь вступает,
Наше ученье скоро он познает!
Он сердцем чист и духом смел,
И ему дан судьбою славный удел!

Речитатив

(жрецы вводят Тамино, покрытого покрывалом)

Зарастро:

Тамино! Цель уже близка: Теперь осталось еще два трудных испытания. Ты ищешь добродетель и любовь... да помогут, тебе сами боги! (взяв Тамино за руку снимает с него покрывало. Жрецам) Приведите Памину.

Шиканедер, Эм. В.А. Моцарт. Волшебная флейта в 2-х действиях. — М.: Музыкальная торговля П. Юргенсона, 1891. — С. 62—63.]

² [Возможно: опечатка. Так как в предыдущей цитате имеется слово дух (Geist), а здесь Бог (Gott).]

Я не хочу соглашаться с тем, почему Отто вместо Тамино снабжает флейтами священников, а также и с тем, что обозначают эти флейты. Во время повторного рассказа Отто говорит, что священники играли на тромбонах, потом он снова говорит на «рожках». Это знакомая нам неуверенность встречается в представлениях с эмоционально-сильной окраской. *«Это супружеская пара, — добавляет он, — благословленная богами»*. Он не может вспомнить имя героя. *«Как вы его назовете? — Гансвурст¹. Это глупые люди, которые нуждаются в богах; я не верю в бога»*, — говорит он. Однажды, когда он философствует о жизни, он объясняет мне: *«Бога нет. Человек состоит из доброго человека, червяка и злого человека»*. Деление человека на три части — это влияние из области только что указанных религиозных представлений: 3 — это святое число. Странное разделение человека, червяка, следует понимать в религиозном смысле искуителя — зал с червяками или змеями — это ад, и змея — это не что иное, как огромный червяк. Такое деление Отто берет из бессознательного, потому что, когда я интересовалась тем, как, собственно, следует понимать слово «червяк», он не мог ничего сказать, ему потребовалось время на размышление, и лишь вечером он сообщил мне, что червяк — это собственно жизнь: у него точно такая же форма, как и у жизни, и движется он также, как жизнь. При этом мальчик показал мне эту змеевидную форму. Это уже знакомое толкование вынырнувшей наружу из бессознательного фантазии, которая сообщает нам, что червяк, в соответствии с религиозным кругом представлений, каким-то образом связан с наслаждением запретным плодом любви. Должно быть, Отто долго размышлял над этим «червяком», если он отвел для него в своей схеме человека категорию экстра и представляет его как составную часть самого себя; следует отметить и то, что он упоминает «червяка»=«жизнь» как промежуточную часть человека, как это соответствует анатомическому строению тела.

Отто очень нежно относится к матери. Когда он был ребенком, у него долгое время болел желудок, и мать заботилась о нем. Теперь у него есть две записные книжечки со стихами, посвященными

¹ [Гансвурст — персонаж немецкого народного театра XVIII в.]

его матери. Написал ли он их сам или, как считает его мать, списал откуда-то — остается неопределенным. В любом случае интересно, как он понимает эти стихи. Одно из них:

«Жизнь.»

Начало — это конец

Конец — это песня

Начало заканчивается

Конец побеждает.

Отто объясняет: до тех пор, когда мы еще не жили, было лучшее состояние. С началом жизни, рождением заканчивается это счастливое состояние. Я спросила Отто, где же были люди, когда они еще не жили. «В одном человеке», — отвечает он. В другой раз я задаю контрольные вопросы, получаю точно такой же ответ, Отто добавляет, он думает, что это самое счастливое состояние было незадолго до рождения. Это соответствует ощущениям страстных поэтов, которые, по его словам, получают наивысшее удовольствие и умирают. Для Отто рождение — это освобождение от его матери = смерть¹. По мнению Отто, конец, ничто — это самое прекрасное состояние. Если состояние не может оставаться таким же прекрасным, каким оно было, так как люди жили в одном человеке, добавляет Отто позже, то не жить все же хорошо. Эту «фантазию о материнском чреве» сопоставим с «Языком сновидений» Штекеля² и, кроме того, со «Сказанием о Лоэнгрине» Отто Ранка³. Этот исследователь ссылается на «фантазию о чреве матери» в мифологии и специально показывает в своем труде «Миф о рождении героя»⁴, что люди думали о смерти, как о возвращении в чрево матери и новом рождении. Отто тоскует по смерти, потому что он тоскует по единению со своей матерью (возвращение), по времени, когда его еще не было здесь. Подобное желание мы упоминали в его сновидении об анатомическом строении.

¹ В восточной мифологии известен человек-растение, который связан с землей пуповиной. При разрыве пуповины это творение громко кричит ... и умирает.

² [Stekel, W. Die Sprache des Traumes. — Wiesbaden, 1911.]

³ [Rank, O. Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1911.]

⁴ [Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden. — Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1909.]

Следующее стихотворение:

«Часы.»

На столе стоят старые часы

Прародительница уже помешалась;

Ей был отмерен

Срок человеческой жизни.

Лишь одна понимала оракул часов,

это бабушка; она

и я уже давно радовался сроку,

где мне указан возраст.

Однажды я болел;

Я очень сильно радовался правильному предсказанию,

А потом старой бабушки не стало.

И я не мог сказать ей,

О чем я хотел спросить ее с большим удовольствием.

Также Отто рассказывал мне о других женщинах, которые в его сновидениях занимали место торговки углем. Это всегда были пожилые женщины. Одну из этих женщин в своем стихотворении он называет богиней своей судьбы, потому что она понимает оракул часов. По словам самого Отто, часы — это бабушка двух мальчишек-кучеров, с которыми он общался, несмотря на запрет своей матери. Он хотел узнать у бабушки, сколько он будет жить. Фрейд говорит: дети и невротики живут вне времени, потому что они живут в своей фантазии, не связанной со временем. Штекель пишет в «Отношении невротика ко времени»¹ — невротики никогда не расстанутся с их временем, потому что они никогда не расстанутся с их детскими желаниями. Он сам приводит пример с детьми, которые постоянно вычисляют, и это оказывается вычислением разницы в возрасте между детьми и родителями. Сознательно или бессознательно каждый ребенок хочет, чтобы ему было столько же лет, как и родителям, чтобы иметь равные права и наслаждаться такими же удовольствиями, как и взрослые. Отто хотел знать день своей смерти, по которой он постоянно тосковал. Он был болен, вероятно, в это время он наслаждался безграничной любовью своей матери. Смерть была для него не чем иным, как кульминацион-

¹ Zentralblatt für Psychoanalyse, II. Jahrg., Heft 5. [Stekel, W. Die Beziehungen des Neurotikers zur «Zeit» // Zb. — 1911—12. — Bd. 2. — Heft 5. — S. 245—252.]

ным пунктом этой любви, но он не заметил сам кульминационный пункт. Жуткий вопрос, когда наступит его счастливый момент, не был решен, потому что бабушка = часы онемела.

3. АНАЛИЗ МАЛЬЧИКА

«Откуда ты? — спросила я, шутя, мальчика Валли в возрасте четырех с половиной лет. — Из маминой крови, — говорит малыш, лукаво смеясь. — Где же она берет кровь? — Из пальца; когда уколют палец, то течет кровь. — Откуда ты это знаешь? — Из сказки, Снегурочка; щеки у нее были красные, как кровь».

Вероятно, малыш объединяет здесь две сказки: о Спящей красавице, которая уколола палец и умерла, и о Снегурочке с кроваво-красными щеками. Он отмечает смерть Спящей красавицы в фантазии о рождении.

Чтобы избежать вопроса о внушении, я не упускаю из виду роль отца и осведомляюсь, откуда появился отец. «Также из крови матери, — считает малыш, — сначала мама родила меня, а потом папу». Согласно утверждениям Фрейда, мальчик хочет быть одного возраста с отцом и обладать равной с ним силой, быть еще старше и сильнее отца. Нам известно, что как только у взрослых людей появляется желание, которое не нужно обнаруживать, устанавливаются «сопротивления», которые выражаются в «рассеянности», незнании ответов на вопросы, уклончивых ответах. Также происходит и с Валли. «Почему ты называешь его отцом?» На этот вопрос Валли дает бессмысленный ответ: «Потому что он агроном» (профессия отца).

В следующий раз я спрашиваю, откуда появляются растения в земле. Любой деревенский ребенок сразу бы ответил. Нас удивляет утверждение Валли о том, что он не знает этого, потому что он сын агронома; он часто видит своего отца на работе в кабинете или в саду. Когда я продолжаю настаивать, он говорит, что они происходят из вишни. (NB: плоды вишни красные и круглые, как капли крови.)

«Что же делают с вишней? — Она всходит здесь» и т. п. (показывает место). «Что ты делаешь, когда хочешь, чтобы в твоём саду росли цветы и трава? — Я не знаю. — Ты это точно знаешь; а что делает твой отец? —

Их нужно посеять. — Как же их сеют? Что для этого необходимо? — Я не знаю. — Ты же часто видел это у отца на работе» (*на работе у отца много стаканчиков с семенами*). «Я не знаю этого. — Все же, маленький озорник, ты знаешь это! — Семена».

Во время этой беседы мать была рядом; вероятно, это увеличило «сопротивление» и вызвало ложное незнание: раньше Валли без каких-либо затруднений рассказывал мне о том, откуда он появился; когда я спрашивала его о том же самом в присутствии матери, он улыбался, прятал голову в подол моей юбки и отвечал, что ничего не знает. Сейчас он, наверное, догадывается, что в происхождении растений и людей есть что-то общее, а также и то, о чем нельзя говорить¹.

Отец Валли уезжает, поэтому мать очень сильно грустит. «*Назови меня отцом, тогда ты не будешь так сильно грустить по нему*», — утешает ее мальчик. Мать считает, что мальчик неправильно выразился: он хотел сказать: «*Назови меня именем отца*». Это настолько вероятно, как мы уже видели, что мальчик соперничает с отцом: он хочет быть старше для матери. И несмотря на это, при анализе следует опасаться намеренной поправки слов в анализируемом материале, иначе мы будем вынуждены следовать ошибочному результату (здесь: оговорке), и тогда мы также увидим, что она оправдана в бессознательных представлениях ребенка. Возлюбленная и дочь одновременно, также возлюбленный и сын. Такие связи характерны для мифологии, а также для детской психики. Ева одновременно была дочерью и женой Адама. Еще более своеобразным является египетский миф, согласно которому небесная королева Нут оплодотворялась своим сыном Хатхором (солнце)², которого она позже снова родит. В то время как Валли утверждает, что его мать создала отца (как сына), он

¹ Возможно, это «подозрение» объяснимо, иначе, почему Валли на мой вопрос, «Почему ты называешь его отцом», дает нелепый ответ — «потому что он агроном». Символика человеческого оплодотворения в рисунках из мира растений и земли является одной из самых старых в народной психологии.

² [Здесь, вероятно, неточность: в египетской мифологии Нут отождествлялась с великой богиней неба Хатхор (дом Хора). Хор, в свою очередь, сын Ра (бога солнца), его представитель. Небесная богиня, утром рождающая солнце, вечером проглатывала его, и таким образом плодотворяясь им.]

дает нам повод сделать такие же предположения. В тот же день я спросила мальчика, кто создал мать. «*Отцу*», — ответил он. «*Как же так, ты сказал, что мать создала отца. Итак, мать создала отца, а отец — мать?*» — «Да». Это очевидное противоречие не должно вводить нас в заблуждение: сновидение, словно первобытный народ, не знает альтернативы, как и ребенок (Фрейд)¹. У обеих теорий одинаковые права на существование; поэтому можно оставить обе, не заботясь о том, исключают они друг друга или нет. В детских «фантазиях», как и в создании народов, мы не имеем права отвергать что-либо, считая это бессмыслицей.

Осознанное желание иметь маленькую девочку не чуждо Валли: долгое время он хотел иметь милую маленькую сестренку, в прошлом году он попросил мать купить ему такую. Как раз в это время его пригласили на обед. Здесь он «выбрал» себе одну из своих маленьких кузин, которую он неоднократно ласкал и целовал.

Однажды Валли нежно прижался к своей матери: «Мама мои ручки — это твои ручки? — Да. — А ножки тоже? — Да, мой милый. — И вообще я твой? — Конечно. — А папа тоже? — Все верно. — Я папин сын? — Папин и мой. — Нет, я не твой сын: если бы я был девочкой, тогда бы я был твоим. Я папин сын, потому что я мужчина и выгляжу как папа».

Мать является создательницей дочерей, отец — создателем сыновей. Это также известная мифологическая и детская точка зрения. Пользуясь возможностью, я также хотела узнать кое-что о представлениях смерти. Я спросила Валли, видел ли он когда-нибудь мертвеца. Он видел одного во время похоронной процессии. Что становится с человеком, когда он умирает? После некоторых сопротивлений Валли отвечает «кровь». На контрольный вопрос, заданный позже, он отвечает: «Его бросают в могилу. — Что он там делает? — Он плавает в воде». Конец жизни = началу. Это также древнее мифологическое представление (ср. Ранк, «Миф о рождении героя» и «Сказание о Лоэнгрине»)². На следующий день Валли сообщает:

¹ Как известно, на вопрос, кого ты больше любишь: маму или папу, ребенок отвечает — «*маму и папу*».

² Сочинения по прикладной психологии [Rank, O. Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1911; Rank, O. Der Mythos von der Geburt des Helden. — Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1909.]

«Я видел во сне Гансвурста. — Что это такое? — Он толкает кого-нибудь в воду, в могилу. У него есть копыта. — Это человек? — Нет, он живет в лесу, и создан из груди. — Из груди? Как это? — Из груди, он выходит наружу, а когда пьешь чай, он выходит из рта; он выходит наружу из самовара. — Все же ты говоришь, он выходит из груди? — Да, из груди. — А теперь ты говоришь, что из рта? — Да, из рта, из самовара, из кожи. У него есть рожки, и он бодает людей»¹. «Ты его видел? — У Анны (девушка-служанка); он поднимается на рога. — Я видел во сне, что перед домом были лошади, — *продолжает Валли*, — а потом пришел Гансвурст. Наместник посадил его в тюрьму, потому что он, Гансвурст, толкает всех в могилу. Это слуга наместника». (*Часовой*.)

Понятно, что Валли видел во сне дьявола, который убивает людей (бросает в могилу — итак, Валли представляет себе смерть). Но одновременно дьявол — это появляющийся ребенок, который иногда появляется из груди, иногда из рта, иногда из самовара. На следующий день мать Валли говорит страдающему слабоумием работнику, что у него должны были быть дети, на что тот отвечает, что грех создавать грешных людей.

«Мама, — *перебивает ее Валли*, — что он должен сделать, если у него из рта появился мальчик, и что должна сделать его слепая жена², если у нее из рта появится девочка? Она это совсем не увидит?»

Итак, лишь днем раньше сновидение выдало нам представление мальчика о рождении. Штекель указывает на то, что солдаты (часовой) часто используются в сновидениях для изображения смерти. Также и Валли делает из своего «Гансвурста» «*слугу наместника*». Дом, в котором живет Валли, находится рядом с домом наместника. Слуга, которого постоянно видит мальчик, — это часовой. У него есть оружие, которое стреляет или колет. Здесь мы видим аналогию с рожкам у «Гансвурста», что является причиной сгущения обеих личностей. «Гансвурст-часовой», который закалывает кого-нибудь насмерть, творит новую жизнь, как и Снегурочка (Спящая красавица) творит новую жизнь через смертоносный укол в палец. У мальчика нет ни малейшего намека на страх перед своими деструктивными представлениями. Сегодня он спрашивает

¹ Здесь также отсутствует понятие альтернативы.

² Женщина плохо видит.

мать, каким образом появляются дети, и она обещает рассказать ему это в скором времени. Мать, которая по моему совету наблюдала за малышом, была удивлена такому огромному количеству сексуальных представлений у ее единственного сына, которого она считала совершенно асексуальным. Она призналась мне, что только теперь ей стал понятен смысл его высказываний, на которые она раньше не обращала внимания, потому что она, как и большинство матерей, считала их бессмысленными фантазиями.

Вчера Валли сказал нам, что у каждой женщины есть мужчина. Но он ни в какую не хотел рассказывать нам для чего.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Все три ребенка проявляли большой интерес к сексуальным вопросам. У первых двух детей ко времени появления страха мы находим кое-что общее: страх, что их заберут, и укрытие у родителей (в случае мальчика, у матери). Сначала каждый ребенок любит своих родителей, но уже в раннем детстве малыши становятся неверными своим родителям. Валли тоскует по своей «сестренке». Моя мама рассказывает о моем брате, что уже в возрасте двух лет у него была «любовь»: это была маленькая девочка, с которой он обращался с особенной нежностью, подавал ей стул, уступал ей свое любимое блюдо, компот. Я бы могла привести многочисленные примеры, подобные этим; каждой матери известно подобное о своем ребенке, и многие из них смеются над тем, что «невинное дитя» ведет себя таким образом, как будто знает тайну взрослых. Бессознательное ребенка знает это. Реальные объекты могут быть заменены фантастическими. Они хотят покинуть родительский дом, чтобы стать богами¹, королями или королевами; они восхищаются религией (собственно богом или ангелами), сказочным миром,

¹ Юнг говорит (см. «Wandlungen und Symbole der Libido» [J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227].), что детей нужно воспитывать религиозными, потому что религия вследствие ее филогенетической продолжительности особенно подходит к сублимации любви по отношению к родителям. В моем случае любовь по отношению к родителям, а вернее дяде, была перенесена (сублимирована) на бога.

который приводит их героев в далекие страны, затем следует страстное восхищение приключениями. Барон Винтерштейн делал доклад на тему взаимосвязи страсти к путешествиям и сексуальности в Венском психоаналитическом обществе¹: люди отправляются в путь, чтобы найти новую любовь или избавиться от старой. В этом случае Фрейд рассказывал нам об обычае в первобытной семье, согласно которому отец отправлял взрослых сыновей искать себе власть и жену. На чужбине этот обычай встречается в сказках, в которых все королевские дети вынуждены путешествовать (согласно Фрейду). Ребенок, который проходит филогенетическое развитие человечества, к тому же находит для души обильную пищу в религии и в сказках, воображает себе страстно желаемое новое (новую любовь) в форме ухода от родителей, путешествия, полета. Соответствующих разбойников, ведьм, игры в Робинзона мы находим уже в самом раннем детском возрасте. Все эти фантазии приносят удовольствие. Почему у многих детей наступает такое время, когда удовольствие превращается в страх? Фрейд говорит: любой невротический страх происходит от вытесненного в бессознательное сексуального желания. При этом удовольствие превращается в страх. Мой случай может подтвердить это высказывание: в то время, когда я испугалась котенка, мне больше не было известно его сексуальное значение; я забыла его, так как я «вытеснила» фантазию в бессознательное, но сам Фрейд говорит, что не верно считать причиной страха любое вытесненное желание. Для этого должна иметь место *causa movens*². В моем случае это была угроза. Правда, отец не говорил мне, чего я буду бояться. Почему я боялась именно сексуальности? Естественно, мой случай является также не единственным известным фактом, что повышенная радость, например, в случае какого-либо достижения, превращается в радость от сексуального достижения? Любое повышенное чувство сексуализируется, любая повышенная любовь — это «страсть», выражение

¹ [Winterstein, A. F. Zur Psychoanalyse des Reisens {Vortragsabend: am 6. März 1912} // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 58—59. См. также участие СШ в данной дискуссии (1975g [1912]) — наст. том. С. 102.]

² [*Causa movens* (лат.) — причина движения.]

которой по несправедливости было отнято из сексуальной сферы¹. Различие между сексуальностью и асексуальностью выражается лишь в количестве, и остановка на произвольно созданной рубрике ведет к большому заблуждению, когда детям отказывают в сексуальности, и она, как говорят, выглядит в их психической жизни иначе, чем это известно нам у взрослых. В сексуальности есть что-то такое, что может выступать в качестве вместилища для таких противоположных чувств, как радость и страх. Новая жизнь возникает за счет старой. А риги кажется, что мы ищем жизнь и уклоняемся от прегрешений, лишь глубокое изучение знакомит нас с другой точкой зрения. Я обращаю внимание на то, что есть такое содержание, которое в один раз производит впечатление бытия, в другой — прегрешения, как это и показывают мои аналитические работы. Любовь — это то, что упускает из виду опасности саморазрушения, она заставляет искать с удовольствием. Моя детская любовь к богу была еще слишком слабой, поэтому угроза отца могла вызвать инстинкт самосохранения и страх перед прегрешением, что казалось мне еще лишь бытием. В случае мальчика мне не известна близкая этиология страха; но здесь страх также связан с деструктивными представлениями в сексуальности и также позволяет обнаружить, вероятно, испуг, угрозу общего характера, которая преобразует страх перед прегрешением в страх перед сексуальностью. У боязливых людей, а именно у маленьких детей, эти деструктивные представления также преобладают в сексуальности с соответствующими аффектами. Из этих рассуждений сами собой вытекают принципы воспитания.

ДОПОЛНЕНИЕ — СИМВОЛИКА ЧАСОВ²

С первых годов жизни, с первых месяцев, тиканье часов вызывает у человека большой интерес. Они живут, когда самостоятель-

¹ Любовь к природе, например, может достигать такой высоты, что хочется объять и целовать все, потому что все олицетворено, т. е. выглядит похоже: в общем, человек любит лишь себя и весь остальной мир, так как он может чувствовать (проецировать).

² Некоторые примеры символики часов уже описаны Штекелем и другими исследователями.

но двигаются и говорят. Ничего не может быть настолько занятым для ребенка, как проявление интереса к возникновению жизни при заводе часов. Дети особенно радуются игрушкам, которые похожи на живых существ: подумайте только о тоске маленьких девочек по куклам, которые могут говорить «мама» и «папа», двигать руками и ногами, открывать и закрывать глаза, о восторге (возможно, страхе) детей от ревущих медведей, мяукающих кошек, крутящихся мышек и т. п. Игрушки все время ломаются и создаются заново. Игрушки, которые не могут изменяться согласно желанию ребенка, вскоре перестанут приносить ему радость, говорит Прейер¹. Нам понятно почему: игрушка должна быть пригодна для представления как можно большего числа детских желаний, как символ в сновидении, который пригоден настолько, насколько он точно определен. Ребенок всегда хочет что-нибудь «создавать», даже если это лишь маленький домик из игрушечных кирпичей или вырезанный из бумаги солдатик. Каждая победа природы, каждое новое творение — это то, к чему также стремится взрослый, и все же люди никогда не достигают желаемого, потому что самым удивительным чудом и самым ценным созданием останется создание похожего существа, человека.

Одна пациентка, страдающая припадками страха, все время думает о том, что у нее случится сердечный удар, что ей вырвут сердце, и она будет похоронена заживо. Некоторые из ее припадков (ряды представлений, которые она по моему требованию производит, насколько это возможно, быстро, без размышлений):

«смерть, скелет с косой, обрезать жизненную нить. Говорят: часы жизни истекли, сердце прекращает биться, как прекращают бить часы. Когда у меня было воспаление перикарда, напротив меня находились часы; мне казалось, что из часов вытекает песок или вода. Песчинки в море. Человек — это все равно, что песчинка».

Часы — это сама пациентка, ее жизнь, ее больное сердце, которое занимает ее в данный момент. Истечение времени символизирует угрожающую ей смерть. Представление бытия невозможно без представления прегрешения, и наоборот. В соответствии с этим, фантазия о смерти одновременно является для пациентки фантазией

¹ [см. Прейер, В. Духовное развитие в первом детстве. — СПб., 1894.]

о рождении. *«Человек — это все равно, что песчинка»* (в море), — говорит пациентка; и наоборот — истекающие песчинки — это все равно, что люди. Песчинки вытекают из часов также как люди (из матери). Песчинки = люди, в море = в околоплодных водах. Как только что упоминалось, пациентка представляет себя в виде истекающих часов. Также следует отметить, что однажды пациентка думала о рождении как о потрошении: когда вынимают ребенка, живот разрезается, в этот момент женщина выглядит так, как будто ее выпотрошили. Теперь она представляет себе смерть и рождение как потрошение часов.

О ТРАНСФОРМАЦИИ (1912с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1912: Über Transformation // Zb. — 1912. — Bd. 2. — S. 478.

Небольшая заметка, опубликованная в отчете о работе Венского психоаналитического общества, является вечерним докладом СШ, сделанным 29 ноября 1911 года. Версия протокольной записи этого доклада см. наст. изд. С. 90—93.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Из большой работы о «Деструкции как причине становления» сообщается фрагмент, в котором посредством богатого мифологического и фольклористического материала находится доказательство того, что компонент смерти содержится в самом сексуальном инстинкте, и что в каждом случае преобладает та или иная тенденция. Таким образом, деструкция становится причиной становления: старая форма должна быть разрушена, чтобы возникла новая. То, что для старой формы — смерть, для новой является жизнью. Пожалуй, сама по себе смерть ужасна, но на службе сексуального инстинкта она приносит исцеление.

Дискуссия привносит, кроме некоторых дополнений, споры об амбивалентности в жизни влечений и проблеме страха.

МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ (1913а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1913: Mutterliebe // Imago. — 1913. — Bd. 2. — S. 523—524.

СШ указывает на значение и влияние базового материнского образа в переживаниях отношений с позднейшими любимыми объектами.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Шестилетняя девочка с удовольствием хотела бы спать в одной кровати с ее маленьким братиком. «*Мамочка, — просит она, — дай мне насладиться его чудным тельцем*». Девочка, воспитанная в строгих традициях, не имеет «никакого представления» о сексуальных вещах. Здесь речь идет о «материнских» чувствах, которые старшая сестренка таит по отношению к «тельцу». Мы можем предположить, что также и малышу прикосновения его сестренки доставляют удовольствие. Почему мы удивляемся, когда это впечатление оставляет в нашей душе такой след? Почему невероятным кажется утверждение о том, что первая «физическая любовь» взрослого человека возвращается к тем инфантильным переживаниям, в то время как убалаживающее прикосновение любимой женщины сравнивается с убалаживающим прикосновением сестры, прикоснове-

нием матери. Если мы признаем возвращение к инфантильным переживаниям, то невротические проявления не покажутся странными: при сильной фиксации на материнском образе каждый объект сексуальной любви столкнулся бы с большими препятствиями, потому что каждому женскому образу навязывался бы прежний материнский образ, сознательно или в подсознании. Если же материнский образ сам без анализа не достигает сознания, то чувственные реакции все же появляются, так как они соответствуют *normaliter*¹ представлениям инцестуозной любви. Это чувства отвращения, стыда, страха.

Кроме этого, следующее сообщение фил[ософа] И. Шпильрейна (Ростов) является доказательством того, как вытесненное из сознания психическое содержание может порождать чувства неудовольствия.

¹ [Normaliter (фр.) — нормальный.]

САМОУДОВЛЕТВОРЕНИЕ В СИМВОЛИКЕ СТОПЫ (1913b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1913: Selbstbefriedigung in Fußsymbolik // Zb. — 1913. — Bd. 3. — S. 263.

В этой небольшой статье представлено наблюдение о склонности к оральному эротизму. Тему оральной эротики и психологического значения еды СШ позднее затрагивает еще в одной публикации — «Вытесненная эротика рта» (1920d).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

«Было бы прекрасно, — говорит мне однажды вечером девушка, которая считается здоровой, — если бы можно было любить себя самого. Тогда в мире не было бы жгучей тоски, потому что самому себе можно было бы оставаться верным всегда».

«Обратите внимание на то, что вам приснится этой ночью», — высказалась я на это.

На следующее утро юная дама рассказывает:

«Мне приснилось, что мне подали съесть человеческую стопу, в которой я вскоре узнала свою собственную. С огромным отвращением я съела немного, потому что я не хотела отличаться от других людей, которые не испытывают шока от употребления в пищу человеческого мяса. На короткое время я поборола себя. Но потом отвращение было слишком велико: если бы я не видела стопу и не знала, что она человеческая, и что еще ужаснее, моя собственная, тогда бы еще я съела ее. Но это было выше моих сил».

Сновидение становится ясным каждому, как представление самоудовлетворения в символике еды. Эта символика является одной из типичных, потому что она известна в народной психологии. Филогенетическая предрасположенность и соответствующие детские игры (переживания) могли послужить материалом для этого сновидения. Известно, с каким удовольствием малыши сосут стопы, и что в определенном возрасте это становится спортом, потому что не каждый может засунуть в рот большой палец ноги.

Почему девушка выбрала именно эту, а не другую символику для представления самоудовлетворения¹ — сведения об этом могли бы дать лишь более подробный анализ.

¹ Не исключено, что в детстве девочка «видела» что-то подобное. Я не хотела расспрашивать ее об этом.

СНОВИДЕНИЕ ОБ «ОТЧЕ ФРЕЙДЕНРЕЙХЕ» (1913с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1913: Traum von «Pater Freudenreich» // I. Z. P. — 1913. — Bd. 1. — S. 484—486.

Данная статья — прекрасная иллюстрация метафорической и метонимической деятельности сновидения. Значимым также является показ отцовского комплекса у пациентки.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Г-н профессор Фрейд порекомендовал мне пациентку Лене. Пациентка много занимается пением, что является источником ее символов из находящейся в ее распоряжении области. Однажды она видит сон¹:

«Я иду к какой-то даме и пожилому господину. Я прошу у него ландыши, но он не дает их мне».

На этом пациентка отказывается рассказывать дальше. Это объясняется ее уверенностью в том, что ей больше ничего не могло присниться, так как в этот момент ее разбудила мать, но вскоре она вспоминает, что это было не случайно:

¹ Чтобы не усложнять этот анализ, я не сообщаю предыдущий фрагмент сновидения.

«Нет! — произносит она, — мне еще снилось, что я хотела пойти к Отче Фрейденрейху... или Гейденрейху (теперь уже не знаю), чтобы он оказал мне свое покровительство. Фрейлейн Минна (знакомая) сказала — идите по широкому залу, а затем вверх по лестнице¹. Я пошла назад в зал и услышала пение и какие-то звуки. Минна сказала, что я должна громко постучать в дверь: он поет целый день и не слышит ничего».

«Что же он пел?» — спросила я. «Он пел: “Звени, колокольчик, звени, приведи с собой девочку”. Потом он еще свистел». Я: «А пел ли на самом деле кто-нибудь?» Пациентка: «У Папагено² есть колокольчик. Такой же, как у маленьких детей, связанные вместе; у Тамино — дудочка... Для Папагено привели девочку; потом она стала ведьмой, которая превратилась в прекрасную юную девушку. У них должен был родиться ребенок; она баюкала ребенка под переливы — — —. Они пели: “Ты станешь папой, Папагено.”».

Тогда пациентка объяснила нам: отче Фрейденрейх был в сновидении олицетворением Папагено, который звуками и пением завоевывает свою девушку. Папагено — пожилой господин и на немецкий переводится «порождающий отец (Papa genos)³». Имя указывает на то, как сам поэт воспринимает этот образ. Пациентка также отмечает отцовское значение Папагено, между тем она упоминает песню о папе-Папагено, а также сравнивает его колокольчик с колокольчиком для маленьких детей. Девушка Папагено была некоторое время заколдована. В своих сновидениях и фантазиях во время анализа пациентка Лене обычно изображает себя ведьмой, соот[ветственно], сумасшедшей. Она — внебрачный ребенок и, как она утверждает, не была признана своим отцом-аристократом. В сновидении она разыскивает Papa genos с его колокольчиком, т. е. любовью: колокольчик Папагено — это не что иное, как инструмент любви.

В качестве кого выступал в первой части пожилой господин с весенними цветами, ландышами, выяснилось во второй части, это

¹ Здесь пациентка упоминает ряд известных символов, которые ради точности привожу ниже. Ей снятся спички (пламя любви), ее широкий разорванный карман (сравните с широким залом), растрепанные волосы, вестибюль, «который выглядел наполовину как монастырь, наполовину как казарма. В этом вестибюле солдаты занимаются строевой подготовкой. Они ездят верхом. Говорят, это игра в кадрили». Потом ей снова снится отец (смотри выше).

² [Речь идет о персонажах оперы В.А. Моцарта «Волшебная флейта». См. также статью «Вклад в познание детской души» — С. 165–166 наст. изд. — где упоминаются образы этой оперы.]

³ Stekel, W. Die Sprache des Traumes. [— Wiesbaden, 1911.]

был Папагено со своим любимым инструментом. В первой части господин ничего не хотел давать ей от своей любви (ландыши). Во второй части Минна говорит ей, что она должна лишь громко постучать, так как отче из-за постоянного пения (=продолжительное любовное заманивание) ничего не слышит. Таким образом, прежняя нелюбезность господина оправдывается, одновременно пациентка тешит себя надеждой, что она наконец-то будет услышана в своей тоске.

Почему в сновидении пациентка называет Папагено то «Фрейденрейхом», то «Гейденрейхом»? Эти имена что-то значат для нее? Откуда такая неуверенность в воспоминании, видимая по сильно-му эмоциональному, отвергнутому сознанием психическому содержанию?

«Что для вас значат эти фамилии: Фрейденрейх и Гейденрейх?» — спрашиваю я.

«Богатый радостью. Богатый язычником», — отвечает на это пациентка.

«Вы где-нибудь слышали похожие фамилии?»

Я была уверена, что в первую очередь пациентка назовет часто упоминаемую нами обеими схожую по звучанию фамилию «Фрейд», однако сопротивления не позволили ей прямым путем достичь запрашиваемого ответа, напротив, она должна пойти по отдаленному символическому пути. Она размышляет: *«Бальдрейх, кузен, кузина, тетя. Кто-то сказал — я больше не хочу носить такую фамилию, теперь я рада и счастлива».*

Пациентка не замечает, что она практически говорит «Зигмунд Фрейд», она цитирует слова *Зигмунда* из «Песни о Нибелунгах», который теперь рад.

«Откуда вы знаете эти слова?» — спрашиваю я. Пациентка отвечает: «Она спрашивает — как тебя зовут? — Меня зовут Вевальд, я Вельзунг, меня называют Вольфлинг. Теперь меня зовут Зигмунд¹».

¹ «Как тебя зовут?» — спрашивает Зиглинда (в «Песни о Нибелунгах») своего возлюбленного. Зигмунд отвечает: «Вевальд зовут меня, я Вельзунг, меня называют Вольфлинг. Теперь (так как он счастлив, у пац[иентки] — «рад») меня зовут Зигмунд»^[a].

^[a] [СШ здесь цитирует не текст «Песни о Нибелунгах», а, скорее, либретто оперы Р. Вагнера «Валькирия» из трилогии «Кольцо Нибелунгов».]

Пациентка восприняла мой вопрос, откуда она знает эти слова, как вопрос «Как тебя зовут?», потому что она еще некоторое время размышляла над тем, какое имя ему больше нравится.

«Кого зовут Зигмундом?» — спросила я. Пациентка: «Фрейда. Это род как асра (она снова думает о Вельзунге Зигмунде), которые умирают, когда они любят. Как же это происходит? Ведь тогда вымрет все племя?»

Некстати то, что я прервала здесь ассоциативную цепочку: «Кто же является язычником?» — осведомилась я (как уже упоминалось, пациентка ассоциировала «Гейденрейх» — «богатый язычник»).

Пациентка: «Я собственно тоже язычница, потому что я сомневаюсь в том, что я выучила во время обучения в школе».

Это «я тоже» указывает на идентификацию с кем-то, кто был настоящим язычником. С кем она идентифицирует себя? Пациентка сказала нам это косвенным образом: Зигмунд все-таки является язычником, и Зигмунд Фрейд, как еврей, также неверующий. Впрочем, это вытекает из фамилии Фрейдена-рейх, Гейдена-рейх¹. Общим для обеих фамилий является слог «рейх». Дифференцирующие части слов обнаруживают себя вместе: «язычник Фрейд» или, полностью, «богатый язычник Фрейд». Отче Фрейдена-рейх — это г-н профессор Фрейд. Чтобы походить на неверующего отца Фрейда (известная идентификация с возлюбленным), пациентка отмечает отсутствие собственной веры в школе. Позже мы увидим еще одну причину этого.

Перенос, как показывает опыт, — это всегда меч с двумя лезвиями: наряду с отношением любви переносится также и отношение ненависти. Здесь это тоже верно. «Безбожник» или «язычник» являются ругательствами в устах верующего христианина, особенно в бессознательном, это связано еще с прошлым. Но несмотря на сомнения, пациентка также осознанно верит в бога. Как ее богатый отец, богатый язычник Фрейд не дал ей ни денег, ни тем более своей любви. Он также не хотел сам лечить ее, а направил ее ко мне. В соответствии с этим пожилой господин в сновидении не дал

¹ Пациентка расчленяет слова на «богатый радостями» и «богатый язычник».

ей ничего из ландышей (любви). Враждебное отношение пациентки проявляется далее в представлении смерти: она отмечает, что Зигмунд должен был умереть. Непосредственно после фамилии Фрейд она говорит: «*И мой род — это тот самый асра, который умирает, когда любит*». Однако я поддерживаю точку зрения, что в сущности инстинкта бытия лежит разрушение: старое должно быть разрушено, чтобы возникло новое¹. У пациентки много как пассивных, так и активных деструктивных представлений. К активным у нее относятся, напр[имер], представления о кастрации мужчины при коитусе². В самой любви находится источник враждебности. Но обычно активные представления о смерти не выступают на первый план, особенно это бросается в глаза у более пассивно предрасположенной женщины и позволяет сделать вывод о сильном отношении мести, которое требует искупления.

«Ты должен впасть в любовь ко мне, которой ты хотел меня лишить», — это говорит сильно оскорбленная девочка своему любимому отцу и врачу.

Во время следующего анализа пациентка вспоминает, что ее любимого школьного пастора, который также симпатизировал ей и постоянно защищал ее, звали Гейденрейх. Этот новый факт не делает все предыдущие аналитические результаты недействительными. Чтобы образовать фамилию «Фрейденрейх», пациентка должна была: во-первых, располагать фамилией или словом «Freud» [Фрейд] или «Freude» [радость]; во-вторых, она должна была употреблять фамилию «Гейденрейх» не полностью, а разбить ее на «Heide» и «reich». Она использовала в сновидении хорошо знакомую ей фамилию «Гейденрейх», так как ее мысли были заняты богатым «отцом», «язычником», «Зигмундом Фрейдом». К тому же, фамилия Гейденрейх была чем-то большим, чем просто исполь-

¹ Spielrein, [S.] Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — [S. 465—503.] [Наст. изд. С. 109—154.]

² Я еще не упоминала: после того, как пациентка ответила мне: «Я тоже собственно язычница», ей приходит в голову мысль о «Самсоне и Далиле». Известно, что Самсон лишается своих сил, когда Далила (я думаю, во время сна) обрезает ему волосы (аналог кастрации)^[a].

^[a] [Далила, узнав, что непреодолимая сила скрывается в волосах Самсона, велела остричь их и затем передала его в руки филистимлян (Суд. 16, 4—22).]

зованием принадлежащей кому-либо из любимых персон, пастору, утешителю, как отец Фрейд. Идентификация обеих личностей заходит так далеко, что пациентка не может сказать, звали ли отца в сновидении Гейденайх или Фрейденайх. Сновидение прекрасным образом знакомит с хорошо известными каждому аналитику душевными процессами: отец и мать являются первыми объектами любви ребенка, которые также и в зрелом возрасте не могут исчезнуть. Каждый новый объект любви, по которому позже тоскуют, является лишь заменой предыдущего, который в окружении бессознательных фантазий никогда не был доступным.

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЕ ТРАВМЫ В «ПОЕДИНКЕ» КУПРИНА (1913d)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1913: Das unbewusste Träumen in Kuprins «Zweikampf» // Imago. — 1913. — Bd. 2. — S. 524—525.

Издания на русском:

1995: Бессознательные мечтания в «Поединке» Куприна // Архетип. — 1995. — № 1. — С. 23.

Заметка, основанная на психологически тонких описаниях терзаний молодого человека, которые дает в своей повести А.И. Куприн, раскрывает возможный механизм давлений на взрослого травм детства, наблюдаемых в повседневности в сменах настроения.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

В качестве интересного доказательства, очень близкого теории Фрейда по общему духу современности, я хотела бы привести следующую цитату из повести А. Куприна «Поединок». Следует отметить, что данное повествование известного русского писателя было написано примерно лет 20 назад¹, т. е. задолго до того момента, когда его родина познакомилась с Фрейдом:

«Подъезжая около пяти часов к дому, который занимали Николаевы, Ромашов с удивлением почувствовал, что его утренняя радостная уверенность в успехе нынешнего дня сменилась в нем каким-то странным, беспричинным беспокойством. Он чувствовал, что случилось это не вдруг, не сейчас, а когда-то гораздо раньше; очевидно, тревога нарастала в его душе постепен-

¹ [Неточность: повесть «Поединок» впервые была опубликована в 1905 году.]

но и незаметно, начиная с какого-то ускользнувшего момента. Что это могло быть? С ним происходили подобные явления и прежде, с самого раннего детства, и он знал, что, для того чтобы успокоиться, надо отыскать первоначальную причину этой смутной тревоги. Однажды, промучившись таким образом целый день, он только к вечеру вспомнил, что в полдень, переходя на станции через рельсы, он был оглушен неожиданным свистком паровоза, испугался и, сам этого не заметив, пришел в дурное настроение; но — вспомнил, и ему сразу стало легко и даже весело¹.

Этот анализ не является полным. Мы упустили объяснение, почему травма (гудок локомотива) была вытеснена из сознания, психологически незначительным это не было, иначе могло повлечь за собой сохраняющийся симптом «*плохого настроения*»; если же это было психологически значимым, то тогда должна была иметься причина этой забывчивости: одновременно с этим было пережито еще что-то негативное, что не могло проникнуть в сознание, так что вся ассоциативная цепочка вытеснения из сознания служит основой. Негативный аффект Ромашова не соответствует описанным событиям: он должен был радоваться тому, что его испуг оказался напрасным, и его жизнь не подверглась опасности.

Несмотря на неполноту анализа, симптом исчез. Опыт показывает, что такое случается. Индивидуум без вреда может «вытеснить» часть событий. Если происходит новое, подобное событие — оно ассимилируется предыдущим. Патогенные воздействия суммируются и приводят к симптомам. Так, гудок у Ромашова — вероятно, по причине какого-либо «мимолетного» сходства — сознательно или бессознательно был ассимилирован другим событием, беспокойный тон которого сохранил это. Ставшее травматическим событие (гудок), будучи таковым, было вытеснено, и теперь вытесненное получило необходимую силу, чтобы стать патогенным, т. е. в этом случае вызвать без видимых на то причин плохое настроение. При выяснении причины, из-за которой сначала отодвинулся чувственный тон, наступило облегчение: вытесненное сократилось до размеров ранее пережитого события. Но все-таки причина болезни не устранена и при любом новом подобного рода событии

¹ [Куприн, А.И. Поединок // Куприн, А.И. Собрание сочинений в 9 томах. — М.: Правда, 1964. — Т. 4. — С. 129.]

всегда может преобразоваться в патогенную. Ромашов дает нам доказательство этого: он говорит о частых случаях плохого настроения, о забытых берущих начало событиях (вытесненных). Вот и теперь у него произошла перемена настроения без сознательной причины, и он снова должен думать о травматическом событии детства, которое так долго хранится в его воспоминаниях.

ТЕЩА (1913е)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1913: Die Schwiegermutter // Imago. — 1913. — Bd. 2. — S. 589—592.

Издания на русском:

1995: Свекровь (теща) // Архетип. — 1995. — № 1. — С. 21—23.

СШ указывает на особый статус фигуры тещи в культуре. Она отмечает способность женщин прочувствовать жизнь других людей и за счет этих проективных переживаний реализовывать свои желания.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

Проблема тещи является одной из самых печальных и одновременно интереснейших проблем психологии. В статье «Боязнь инцеста у дикарей и невротиков»¹ Фрейд указывает на то, что и у дикарей есть сопротивления по отношению к теще, которые явились причиной создания ряда правил предосторожности по отношению к ней. Часть сопротивлений Фрейд сводит к тому, что теща, как старшая по возрасту, напоминает своему зятю о скором старении его молодой жены. Между тем, теща не все время была старой, страшной женщиной, какой ее с пристрастием рисует народ.

¹ [Freud, S. Über einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker: I. Die Inzestchen // Imago. — 1912. — Bd. 1. — Teil I. — S. 17—33.]. [Текст Фрейда представляет собой первую часть книги «Тотем и табу» (1912—13а).]

В особенности в современном мире это часто цветущие, элегантные женщины, которые желанны многими мужчинами. Кажется, что это не матери, а старшие сестры своих дочерей. Некоторые из них настолько бодры и властолюбивы, что хотят управлять молодой парой, как когда-то управляли собственными детьми, они вмешиваются во все, требуют послушания и особенно являются грузом для зятя, но эти случаи остаются в меньшинстве.

Прежде всего: почему так много говорят о злых тещах и так мало по отношению к злым тестям? В первую очередь, отвечая на этот вопрос, следует учитывать знание женской психологии: у женщины намного меньше возможностей пережить в действительности ее личные желания. В качестве возмещения за это она обладает лучшей возможностью проникнуться к другим людям и, таким образом, переживать вместе с ними их жизнь. Только подумайте, например, с каким удовольствием старые девы, которым не суждено испытать счастье любви, содействуют чужим бракам и т. п. В большом распространении этого дара проникновения я вижу причину того, почему женщины, которые ни в коем случае не уступают по способностям и силе фантазии мужчинам, все же долгое время не создавали никаких равнозначных продуктов искусства. Чтобы создать произведение искусства, нужно настолько объективировать собственное переживание или переживание других людей, чтобы оно, как безличное, могло ассимилироваться под все остальные события внешнего мира. Лишь после этого можно говорить о форме изображения, которая относится к сущности произведения искусства. Эта объективизация приносит художнику облегчение. Эта способность выражена у женщин в незначительной степени, как правило, здесь в значительной мере преобладает противоположный механизм: женщина чувствует переживания других людей, которые соответствуют ее желаниям, соответственно, опасениям, и превращает их в собственные, она устраняет аффекты, в то время, когда она сама заново переживает эти события психически и преобразует их в соответствии со своими желаниями¹. В возможности проникновения ле-

¹ В бессознательной жизни женщины любят гораздо больше объективировать, поэтому иногда совершенно неталантливые женщины оказываются в сновидениях или в состояниях сновидения поэтессами.

жит своеобразная большая социальная значимость женщины, и я не знаю, насколько возможно и насколько это разумно — приписать женщине мужские способы восприятия, как «более совершенные». В любом случае я не думаю, что это удалось бы полностью: у человеческого вида роль женщины — это роль матери и воспитательницы, такая роль настолько обращается к дару проникновения, что женщина, в соответствии своему собственному виду, может сбросить с себя относительно лишь малую часть своих чувств через объективизацию. В будущем появятся способные художники-женщины, которые всегда были, но мне кажется, что они всегда будут оставаться позади великих художников-мужчин. Конечно, при оценке таких важных вопросов следует соблюдать осторожность и все время принимать во внимание возможность заблуждений.

В первую очередь, мать проживает жизнь собственных детей, и она, наученная опытом, хотела бы управлять ею, как она управляла бы своей собственной жизнью. Дочь как женщина ближе всего находится к матери, поэтому в отношениях между матерью и дочерью присутствует проникновенность, а также постоянная конкуренция. Ласковая мать всегда любит мужчину, которого любит ребенок, еще больше она любит мужчину, который любит ее ребенка. При этом она снова переживает свою молодость, и по возможности сама хотела бы быть для своего зятя грациозной и приятной: поэтому тещи покупают новые платья, допускают небольшие погрешности в красоте, которые, однако, всегда остаются незамеченными, их оперативно устраняют и т. п. Чтобы оправдать это кокетство, мать убеждается, что она делает это во благо своей дочери: мужчина любит свою жену еще больше, если он не боится ужасного примера ее матери, да и мы аналитики можем добавить, что частичка любви осознанно помогает дочери, в бессознательном часто имеет значение для красивой тещи. И все же эти благородные причины не единственные: если она достаточно честна сама с собой — то теща должна признать, что стесняется показаться зятю ненавистной, как если бы она сама воспринималась им как объект любви¹. Так же

¹ Подобные знания, кажется, лежат в основе высказывания рабби Йошеа бен Леви: «Упаси тебя от твоей жены относительно ее первого зятя» (цит. по: Sex.-Probl. — 1913. — Nov.— P. 783.).

любящая мать не позволяет проникнуть в сознание зависти к молодой свежести дочери, она чувствует себя молодой и свежей, когда она видит такой свою дочь. Часто теща очень восприимчива и легко ранима; она не была бы такой, если бы думала только о благе своего ребенка. Сама она тоскует по тому, чтобы стать любимой и дорогой для своего нового «ребенка», как его собственная «мать». Так как она постоянно идентифицирует себя с дочкой, то она также проецирует на нее чувство собственного неудовлетворения; ей кажется, что ее ребенок недостаточно любим, нужно подготовить его ко всему и защитить словом и делом. Из таких чувственных установок можно придумать всевозможные комбинации действий, которые превращают больше всех желаемых мужчинами жен и нежных матерей в самых опасных тещ.

Современный мир практически занимается лишь тещами, хотя молодые женщины, особенно из менее предпочтительных слоев населения, также вынуждены немало терпеть от своих свекровей. В среднем, мать женщины больше радуется ее свадьбе, чем мать мужчины. Причина не только в социальной несамостоятельности женщины, а в том, что одна мать теряет своего сына, в то время как другая, живущая жизнью своей дочери, получает его. Как известно, отношение матери к сыну очень сильно отличается от отношения к дочери: оно более эротическое, менее интимное. Особенно в семьях без отцов мать привыкает видеть в сыне мужчину, советчика и защитника. В бессознательной жизни фантазий он является ее возлюбленным. Поэтому она не может так легко проникнуться к любви сына по отношению к другой женщине. Невестка остается соперницей до тех пор, пока материнская любовь не научится уважать счастье любви другой женщины. Это не просто и едва ли происходит в полной мере.

Идеальным браком для мужчины и женщины является полное освобождение от родительской семьи, так чтобы два существа полностью принадлежали друг другу. Этого мог бы потребовать лишь дилетант в психоанализе: если бы любовь мужчины и женщины существенно отличалась от любви к родителям, то тогда бы любовь по отношению к родственникам не мешала бы согласию в браке, в то время как в действительности это происходит на каждом шагу. Имеется большое число невротичных мужчин и женщин, которые

не умеют никого любить, потому что слишком сильно привязаны к собственной семье. Есть индивиды, которые любят свой объект только до тех пор, пока тот не вступит в отношения с родителями; и тогда объект сразу же теряет свою привлекательность.

Естественный импульс любящего человека — любить родственников возлюбленного, потому что они имеют к нему отношение, к этому импульсу присоединяется лишь темный, проникающий в область сознания противоположный импульс; эта черта ранее любимой собственной семьи, с которой в целом люди остаются связанными душой. Поэтому возникает чувство, что есть свой отец, — а у сына, — в особенности, мать, которую обманывают в любви и заботе, в то время как их дарят чужой матери, которая для ребенка все-таки никогда не сравнится с родной матерью. Сознательное отчасти, но в основном бессознательное сравнение все время принижает тещу [свекровь]. В глубине души собственная мать всегда остается молодой и красивой; поэтому любая другая женщина, которая не идентифицируется с образом матери, оказывается старой и страшной. Такое отношение к теще [свекрови] обостряется еще сильнее, если она по какой-то причине в жизни более счастлива, чем собственная мать. Ребенок воспринимает это так, как если бы теща [свекровь] присвоила себе принадлежащее его матери счастье. Восприимчивость может вырасти до патологии, так что сын — он как мужчина сильнее привязан к матери — становится мстительным противником тещи, в то время как в каждом ее слове он видит намек или принижение своей семьи, соответственно, его матери. Это происходит настолько легко, как будто он сам делает ее своим врагом, чтобы оправдать себя, приписать собственный образ действий теще.

Все проявления любви со стороны родителей партнера приносят здесь мало пользы, потому что любовь также требует в ответ любви, которую нельзя допустить. Единственное ясное аналитическое познание собственных душевных процессов может лишь помочь советом: оно учит нас, что для каждого маленького ребенка единственными богоподобными авторитетами являются сначала собственные родители; затем следует фаза освобождения от родительской власти, которая наступает с сильным противоречием и критикой всех родительских действий. Позже эти экстремальные

направления уравниваются. Люди учатся любить и ценить других людей, не обвиняя себя при этом в измене собственной семье, потому что они и для своих родителей сохраняют зарождающуюся в них любовь и благодарность. Если где-то такое развитие вследствие сильной привязанности осуществляется не без затруднений, то, значит, имеются предпосылки невроза; в таких случаях анализ может оказать помощь и превратить асоциального человека, который признает лишь себя и то, что относится к нему, в социального, который также любит и ценит других людей. Некоторые, однако, несмотря на все разумные доводы, не могут избавиться от внутреннего чувства, как будто они и их родители — это самые дорогие люди в мире. Чувство можно оставить в покое: это зависит только от того, как овладеть этим внутренним чувством настолько, чтобы не демонстрировать его, сохранение равновесия дается с трудом, и, скорее, оставляет превосходство противоположным влечениям, т. е. отношение к другим людям немного щадящее, как к своим родственникам.

ДВА СНОВИДЕНИЯ О МЕНСТРУАЦИИ (1914a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1914: *Zwei Mensträume* // I. Z. P. — 1914. — Bd. 2. — S. 32—34.

Это одна из самых ранних психоаналитических работ по анализу феномена менструации.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

:

Фрейд в своем «Толковании сновидений»¹ обращает внимание на сходство между сновидением и фольклором: как сновидец, так и народный поэт получают влеченческие силы из бессознательно-го, которое занимается инфантильными желаниями. Также мы понимаем и противоположное: почему однажды мы с удовольствием используем услышанные народные сказания и мифы в сновидениях. Существует известная детская народная фантазия: сын или дочь родителей-аристократов, с которыми они знакомятся намного позже и совершенно случайно, до этого момента считали родителей, воспитавших их, за настоящих. Во время менструации 13-летняя Эрнэ видит сновидение, что она танцует в разорванном красном платье.

¹ [Freud, S. Die Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

Без сомнения, представление менструальной крови вызвало в сновидении представление красного платьяца. Однако это не объясняет всего. Откуда сновидица взяла пример танцующей девочки? Если мы узнаем это — то тогда мы также узнаем, какие фантазии занимали ее во время создания сновидения. «*Вы уже видели кого-нибудь, кто так танцевал?*» — спросила я. Детские сновидения можно легко расшифровать. Тут же Эрна вспоминает, что в театре она видела «*Миньон*»¹. Миньон — это украденный цыганами ребенок аристократического происхождения. В один прекрасный день она решается послушаться приказа бедняка и танцует свой обычный танец. Ей могло бы стать плохо, лишь случай спасает ее: она находит защитников, один из которых оказывается давно разыскивающим ее отцом, а другой — молодым мужчиной-аристократом, который потом женится на спасенной девушке.

Эрна живет в совершенно скромных условиях с ее матерью и младшим братом. Она часто слушает тоскливые рассказы о ее давно отсутствующем отце. Отец должен любить детей больше всего. У Эрны большая потребность в любви, тем более к тому же мать гораздо больше балует младшего брата.

Теперь мы понимаем, почему девочка идентифицирует себя в сновидении с Миньон. Она также не хотела бы быть ребенком малообеспеченной матери, гораздо охотнее она хотела бы принадлежать богатым родителям. Она хотела бы найти своего отца, который принадлежал бы лишь ей одной, а также встретить героя, которому она могла бы посвятить свою любовь.

СНОВИДЕНИЕ II

Одна пациентка (фр[ейлейн] Х.) видит во сне святые образа. Среди других там изображена мать божья с младенцем. У нее расколота голова, и оттуда идет дым. Пациентка просыпается в онанистическом положении с позывом к мочеиспусканию и видит, что у нее началась менструация. Знатоку сон сразу понятен. Святые образа уже говорят о многом: мы всегда подчеркиваем

¹ [Миньон — героиня оперы Амбруаза Тома «Миньон» (1866).]

«святое», когда нужно бороться с «неблагочестивыми» желаниями нашего внутреннего. Тогда я анализировала фантазии больной Dementia praecox, которая утверждала, что у нее раскалывается голова, и оттуда выходит «дух»¹ животного, которое она мучила. Выяснилось, что здесь пациентка символически изображает процесс рождения. Она также думала о процессе рождения, когда говорила о расколе земли и, как выяснилось, о водах.

Также пациентка дает аналогичные ассоциативные ряды. Однажды она рассказывает под действием некоторого сопротивления, что во время родов у одной женщины произошел разрыв. Кто-то сказал, что при этом матка выглядела как печные трубы. На это я спрашиваю пациентку, не видела ли она уже когда-нибудь во сне печные трубы или дым. Я хотела воскресить в ее памяти сновидение о матери божьей, сама пациентка помнит лишь общее:

«О да, у меня часто были сновидения про дым. Это значит, что радость была не чистой. Огонь — это чистая радость. Однажды я видела во сне горящее здание, из которого шел дым».

Я должна отметить, что упомянутая больная Dementia praecox также говорила об огне, она видела сон, в котором загорело, запылало здание (домик ее родителей). Далее пациентка Х. рассказывает, что согласно сну она упала с кровати; однажды ей приснилось, что кто-то поднял ее. Это напоминает ей землетрясение, во время которого качалась лампа (снова ассоциация с огнем). Посредством представления разрыва во время рождения пациентка констатирует, производит ряд картин, который символически изображает разрыв, при этом подземные толчки, широкая щель, печные трубы, выглядят как широко зияющая «рана матки», здание, из которого идет дым, подземные толчки при подъеме, подземные толчки во время землетрясения. В своей работе «Конфликты детской души»²

¹ Выделение духовного в противоположность животному. «О психологическом содержании одного случая шизофрении» // J. — 1911. — Bd. 3. [— S. 329—400.] [Наст. изд. С. 3—85.]

² Там же. Юнг много пишет о значении раскола земли в мифологии в работе «Преобразования и символы либидо». Ежегодник; том IV. [Jung, C.G. Wandlungen und Symbole der Libido. // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227.]

Юнг описывал случай страха землетрясения. Землетрясение — это также символика рождения.

Пациентка Х. дает нам дальнейшие доказательства. Она рассказывает, как в детстве испытывала страх перед дьяволом, трубочистом и маленьким человечком (все они появляются из печи). Я не прекращаю ее ассоциации, а потом спрашиваю, может ли она вспомнить о похожем сновидении, в котором встречались печные трубы или дым. Теперь она сразу вспоминает о картине божьей матери, из головы которой шел дым. Тут ей приходит на ум сказание, которое мы уже давно ожидали услышать. Она говорит: *«Гера приходит к Зевсу из головы»*. До этого момента я не объяснила пациентке значение ее сновидения. Странно еще и то, что недавно пациентка уже обнаружила истинное содержание сновидения посредством таких объективных знаков, как онанистическое положение, позыв к мочеиспусканию, кровотечение. Представление о рождении, которое очень легко появляется при менструальном кровотечении, было для пациентки слишком ужасно, чтобы быть осознанно перенесенным. Она могла выразить это лишь символически, когда представляла кровь в качестве дыма, перемещала процесс вверх (в голову) и приписывала все «святой» Марии.

Ребенок, которого Мария держит в сновидении, также обозначает, что пациентка и во сне тоже думала о становлении матерью (продукт родов). То же самое нам дают ассоциации с дьяволом, трубочистом, маленьким человечком, которые (как и ребенок) выходят из «печи»¹.

¹ Ср., напр[имер], мою работу: «Вклад в познание детской души» // Zb. — 1912—1913. — Bd. 3. — S. 57[—72] [См. наст. изд. С. 155—178.] Валли в возрасте четырех с половиной лет видит во сне, а также и во время бодрствования и фантазирования, новорожденного в качестве «Гансворста», который выходит то из могилы, то из самовара, то изо рта.

СИМВОЛИКА ЖИВОТНЫХ И ФОБИЯ У ОДНОГО МАЛЬЧИКА (1914b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1914: Tiersymbolik und Phobie bei einem Knaben // I. Z. P. — 1914. — Bd. 2. — S. 375—377.

Издания на русском:

1995: Символика животных и фобия у одного мальчика // Архетип. — 1995. — № 1. — С. 20—21.

В статье описывается разворачивание эдиповой любви мальчика к матери и последующее возникновение на этой основе страха перед родительским персонажем.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

Маленький Миша был физически здоровым, веселым, совсем разбалованным матерью ребенком. Обычно мать называла его Муней или даже еще ласковей «*Муничка*». В русском языке это краткая форма от «*Мамуня*»¹, ласкательная форма слова «мама». Имя первого объекта любви «мама» или «матушка» между тем является употребительной ласкательной формой, и не только по отношению к женщинам, но к мужчинам². Образованные женщины используют эту ласкательную форму только по отношению к детям, но здесь есть еще одно психологическое обоснование. Так,

¹ [Имеется в виду: *мамуня* — *муня*, *мамуничка* — *муничка*.]

² Известный «*батушка*» в русских сказках в противоположность используется лишь по отношению к мужчинам.

например, мать просит своего мальчугана: *«Иди, матушка, сделай это для меня»*. Она настолько проникнута единением со своим ребенком, что не отделяет его от себя. Особенно четко этот процесс проявляется в сновидениях любящих матерей: в них ребенок регулярно является «желаемой личностью» матерей, т. е. символическим репрезентантом ее самой с ее собственными физическими и душевными печальми, желаниями и страхами.

Мишина мать также чувствует за своего сына, в то время как мальчик, отчасти по причине аналогичной чувственной установки матери, выдает мужские ласкательные имена. При этом следует учитывать иронию — *«Ты должен также быть мужчиной!»*! Какое-то время Миша с пристрастием называл мать то «серый зайчишка», то «воришка плут». Это характерные образы из мира русских сказок. «Серый зайчишка» — это маленькое, пугливое животное, которое много страдает от несправедливости сильных и нуждается в защите. «Пушистый ты, серый!» — часто говорил Миша своей матери. Обычно воспитательницы называют своих воспитанников «куцый зайчишка»¹, что означает то же самое, что и «маленький зайчик». У Миши тоже была воспитательница из простого народа, которая раньше была его кормилицей. Теперь он дает матери свое прежнее имя. В противоположность «серому зайцу» «воришка плут» — это самостоятельный хитрый индивидуум, которого давно следовало бы наказать, если бы его только смогли поймать. Эти два противоположных качества матери Миша, наконец, объединил в новом ласкательном имени для нее, а именно: «серый воришка».

Это все равно что, если бы он назвал ее:

«И все-таки ты маленький пугливый, пушистый зверек, но при этом и хитрый, так что с тобой нужно быть настороже; можно было бы подумать, что ты мужчина — ты такая хитрая — посмотрите только на этого мужчину! — но при этом ты все же маленький серый зайчишка!»²

¹ Аналитикам это напоминает о том, что у зайца короткий хвостик. Возможно, отсюда «куцый заяц». Я не знаю, является ли эта ассоциация всеобщей.

² Иногда Миша дает матери еще одно имя с составляющей «куцый». Имя не непостоянно, но ни мать, ни Миша не замечают этого.

«Ах, какой же он хитрый, этот серый», — иногда кричал мальчик в восторге, указывая на мать. Одним из любимых его занятий было обманывать мать. Когда она поймала его, он признался, смеясь:

«Я обманываю только тебя, ты, хитрый, ты, серый воришка, ты! Так забавно обманывать тебя!»

Окруженный материнской любовью, мальчик долгое время тосковал по отцу, к которому он был привязан нежной любовью. К другим людям, а именно к мужчинам, он ревновал. Он долгое время не мог показать этого матери до тех пор, пока она не спрашивала совета, например, куда можно пойти гулять, учитывала мнение какого-либо мужчины. Однажды в такой момент у него случилось сильное расстройство, он хотел искушать и исципать мать. Когда ему стало лучше, плача, он попросил у нее прощения — он сам не знал — почему у него появилось желание измучить любимую маму; она принесла ему горе, он знал, что поступает нехорошо, но не мог прекратить.

Миша был очень нервным ребенком, и чем дальше, тем сильнее повышалась его нервозность. В возрасте 10 лет он заболел фобией обезьян. Страх был настолько велик, что он не мог оставаться в комнате один, да — несколько раз он даже боялся идти в туалет, если мать не ждала его за дверью. Ему всегда казалось, как будто на него хотела прыгнуть обезьяна. Случайно я вспомнила, что раньше из любви к матери мальчик называл ее «злая мартышка»¹, а сейчас совсем забыл об этом. Чтобы вызвать это в его памяти, я спросила Мишу, не видел ли он где-нибудь похожую обезьяну. Да: он задумался, пожалуй, он видел одну в зоопарке. Это была мартышка. Я хотела знать, напоминает ли ему эта мартышка кого-нибудь. Правильно: он вспомнил, что однажды он был очень зол на свою мать; он думал, что она хочет прыгнуть на него, как сейчас эта обезьяна. С тех пор он называл ее «злая мартышка». Имеется рассказ на русском языке для маленьких детей об одном мальчишке, который, несмотря на строгий запрет, дразнил обезьяну, сидящую в клетке, и был наказан за это рассерженным живот-

¹ Порода обезьян. В русском языке «мартышка» женского рода.

ным¹. Теперь его фобия обезьян развивалась следующим образом: очевидно, он хотел сделать что-то такое, из-за чего мать сильно разозлилась. Мать пригрозила ему, а ребенок отнесся к этому, как к развлечению, в то время он идентифицировал свою любимую мать через смешное ласкательное имя наказывающей мартышки. Со временем отношение к матери как к животному вытеснилось в бессознательное: Мише необходимо много времени на размышление, чтобы вспомнить об ассоциации мартышка-мать. «*Мартышка*» стала символическим репрезентантом наказания для уже неосознанного, ранее отмеченного удовольствием прошлого, и, в соответствии с этим, превратило бывший аффект удовольствия в аффект страха. Что это было за прошлое, к сожалению, мне не удалось узнать, потому что я редко видела мальчика. Отец ребенка сообщил мне о похожем символизировании родителей в образе собак. Это было в сновидении: Миша видел котенка, которого затравили собаки, и ему было очень жаль животное. Отцу без труда удалось установить отношение сновидения к реальности: днем раньше Мише пришлось выслушать многочисленные упреки со стороны родителей, и ему также грозили наказанием. Теперь родители были в сновидении собаками, которые затравили его, маленького котенка. Во «Вкладах к толкованию сновидений»² Фрейд анализировал фобию волков у одного мальчика.

Мой маленький доклад, естественно, не является полным анализом. История Миши лишь показывает, что веселые и страшные животные, в соответствии с утверждениями Фрейда, являются символическими репрезентантами родителей, у мальчика — главным образом, репрезентантом матери.

В качестве сравнения мне в голову пришел забавный рассказ о детях одного знакомого мне врача, который я услышала случайно. Малыши, мальчик и девочка, с удовольствием играли в папу и маму. При этом роль отца была отдана кролику, в то время когда мать должна была изображать коза. Зверьки также получили имена обоих родителей, Лео и Мари. «Дурные привычки» были строго запрещены детям. Цель была достигнута, потому что теперь

¹ [Возможно, речь идет о рассказе Л.Н. Толстого «Прыжок».]

² [Скорее всего, речь идет о статье: «Материалы сказок в сновидениях» (*Freud, S. Märchenstoffe in Träumen* (1913d) // *G. W.* — Bd. 10. — S. 2—9).]

малыши звали своих любимцев не «Лео» и «Мари», а «дорогой—дорогая», как обычно называли друг друга отец и мать. Запрет относился лишь к именам, потому он для маленьких головок еще не стал очевидным, что отец и мать занимают в ряду животных более высокое положение, чем кролик и коза.

ЗАБЫТОЕ ИМЯ (1914с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1914: Die vergessene Name // I. Z. P. — 1914. — Bd. 2. — S. 383—384.

В короткой заметке СШ показывает связь забывания имени и идентификации с возлюбленным.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Одна знакомая дама никак не могла вспомнить имя героя только что прочитанного романа. «Леон? — Нет. Георг? — Нет. Мартин? — Нет. Как же его звали? Его фамилия Мендлин. А! Теперь я вспомнила! Курт Мендлин».

Я должна добавить, что дама хотела обратить мое внимание на сходство судеб героя и ее собственной. При этом она забыла о главном сходстве: ее возлюбленного звали так же, как и героя романа — «Курт»! Она хотела забыть имя возлюбленного, поэтому забыла имя героя романа.

БЕССОЗНАТЕЛЬНЫЙ СУДЕБНЫЙ ПРИГОВОР (1915a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1915: Ein unbewußter Richterspruch // I. Z. P. — 1915. — Bd. 3. — S. 350.

Это одна из коротких заметок, феноменологически иллюстрирующих функционирование бессознательного.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Одна немного боязливая дама сообщила мне следующее: она поднималась вверх по лестнице гостиницы, в которой проживала, и размышляла о том, как опасно постоянно находиться в пансионе с легочными больными; при этом она невольно держала у носа носовой платок. В этот момент ей навстречу шел молодой жилец гостиницы, страдающий легочным заболеванием, она упрекнула себя за такое бестактное поведение, которое мужчина должен был заметить. Дама ускорила шаг и думала, что входит в свою комнату, когда к своему удивлению обнаружила дверь комнаты запертой. Она постучала — никто не ответил. Тут она посмотрела на номер комнаты и увидела, что спутала этажи и стоит перед дверью только что упомянутого больного. «*Прошу прощения!*» — крикнула она смущенно и поспешила в свою комнату, которую теперь нашла безошибочно.

Ошибочное действие с точки зрения сознания детерминировано в бессознательной душевной жизни: дама упрекнула себя в бестактном поведении и, ускоряя шаг, старалась забыть случившееся, но оно продолжало работать подпольно, и оставленный без внимания судья объявил свой приговор: *«Пойди к господину, постучи в его дверь и попроси прощения»*, чему она и последовала, не осознавая этого.

ПРОЯВЛЕНИЯ ЭДИПОВА КОМПЛЕКСА В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ (1916a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1916: Die Äußerungen des Ödipuskomplexes im Kindesalter // I. Z. P. — 1916. — Bd. 4. — S. 44—48.

На примере наблюдений за невротичными детьми показывают особенности проявлений эдипова комплекса и эдиповых переживаний. Эдипов комплекс у детей обсуждается в связи с особенностями детской сексуальности. Обозначает связь сексуальности и особенности функционирования половых желез. Рассматривает роль эрогенных зон в детском эдиповом комплексе

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Проявления сексуальности в детском возрасте отличаются от проявлений сексуальности взрослых людей. Поэтому мне кажется целесообразным обсудить эдипов комплекс у детей во взаимосвязи с детской сексуальностью.

Люди всегда забывают, что так называемая «сексуальность» не остается локально ограниченной на наружных органах, и что различают иррадиацию сексуальности и вторичных половых признаков, которые находятся в теснейшей взаимосвязи с функцией половой железы. Отто Адлер записал сообщенный Андерсом случай о «полном» *Voluptas*¹ и либидо матки *rudimentarius duplex*² с полным

¹ [*Voluptas* (лат.) — наслаждение, сладострастие.]

² [*Rudimentarius duplex* (лат.) — рудиментарная аномалия развития — наличие двух обособленных однорогих маток.]

отсутствием вагины (*vagina solida*¹). Коитус осуществлялся через уретру². Э. Штайнах проводил очень интересные опыты по феминизации самцов и маскулинизации самок. Результаты опытов референт Отто Адлер коротко обобщает следующим образом³:

«До этого момента Штайнах показал, что самцы с заросшим *ovarium* отстают в мужском созревании, принимают феминные формы скелета, изящный волосяной покров, образуют женские грудные соски и молочные железы и уступают в храбрости, драчливости и мужском влечении до такой степени, что такие феминированные самцы даже признаются самками и оплодотворяются».

«Маскулированные самки в отношении строения тела, волосяного покрова и мужского сексуального влечения являются настоящими самцами. Они оплодотворяют пылкую самку и борются с другим, настоящим, самцом за обладание ею. У нее также прошла полная эротизация центральной нервной системы в обратном порядке. Из опытов Штайнах по праву сделал вывод о том, что характер пола не фиксируется, а задается так, чтобы предрасположенность эмбриона была ни однополой, ни двуполой, а асексуальной или индифферентной».

«В результате обмена желез половой зрелости у еще неполовозрелых индивидуумов можно полностью преобразовать характер пола».

Если теперь мужские или женские половые железы могут «эротизировать» центральную нервную систему соответствующим образом — тогда мы, наоборот, из «эротизации» нервной системы должны сделать вывод о деятельности соответствующих половых желез.

Еще в младенческом возрасте маленькие самцы и самки человека отличаются друг от друга вторичными половыми признаками. Науке известно, что в младенческом возрасте мальчики по размеру превосходят девочек. Внимательные матери и воспитательницы могут определить пол в таком возрасте по личику и крику. Личики девочек часто уже в этом возрасте гораздо приятнее, а голосочки выше более чем на одну октаву. Здесь я отчасти исхожу из собственного опыта, потому что вижу сейчас перед собой пятиме-

¹ [*Vagina solida* (лат.) — вагина без отверстия.]

² Zeitschr. f. Sexualwiss. — Bd. I. — Heft II. — Mai 1914. — S. 75.

³ Zeitschr. f. Sexualwiss. — Bd. I. — Heft I. — April 1914. — S. 39. Я цитирую только выбранные рефераты, которые были важны для нашей цели.

сячную девочку и четырехмесячного мальчика, этот бросающийся контраст личика и голоса удивил меня. С тех пор я замечала это еще много раз. Половая дифференциация, само собой разумеется, проявляется так рано и так четко не во всех случаях, потому что половые железы все-таки развиты не в такой мере как у взрослых; также, вероятно, пережитки половых желез противоположных полов в таком раннем возрасте обладают еще весьма значительным действием и, таким образом, парализуют действие доминирующих позже половых желез. Поэтому недостаточная дифференциация между мужским и женским типом в этом возрасте не позволяет делать выводы об асексуальности грудных детей, а наоборот: если мы в некоторых случаях уже можем отличить грудных детей по вторичным половым признакам, то также вправе и в других подобных случаях воспринимать деятельность половых желез, даже если они еще не так четко определены по половым признакам. Если над грудным возрастом правят разногласия, то это сомнение в наблюдениях детского возраста должно уменьшиться. Под детским возрастом, согласно предложениям некоторых педагогов, я понимаю возраст между двумя и шестью годами, в котором еще не должно быть «мальчиков» и «девочек».

Изо дня в день действительность дает нам сведения о различных играх малышей разного пола; изо дня в день мы слышим также, что самые маленькие мальчики гораздо непослушнее девочек, в то время как девочки значительно мягче и податливее. Одна воспитательница, которая внушает мне доверие, работающая в детском доме для грудных детей и детей в возрасте до трех лет, рассказывала мне много «забавного» о поведении детей. Мальчики были здесь также лидерами озорства. *«Что делает пара озорников, им тут же подражают остальные дети»*. Девочки были намного стеснительнее и полагались на свой материнский инстинкт, если думали, что за ними не наблюдали; были такие, которые потом все прибирали, укрепляли мир, утешали обиженных и т. п. При этом следует принять во внимание, что эти воспитанники детского дома не видели перед собой родительского окружения, благодаря которому они могли бы подражать отношениям отца и матери с общепринятым заданным тоном. Дети видели исключительно женщин, большинство из которых «не были замужем», и не знали своих отцов.

С некоторой предосторожностью я сообщаю случаи, на основе которых можно сделать вывод об эмансипированной влечением к пропитанию любви к персоне. Детским врачам хорошо известно рано начинающееся явление у маленьких детей — отказ от пищи, они часто сводят это к нервозности. Девочка двух с половиной лет, воспитанница детского дома, страдала тяжелой формой отказа от пищи, при этом она отказывалась от всего, кроме одного: если в этой же комнате находился маленький мальчуган. Это был очень добродушный ребенок; он подражал воспитательнице, он выпячивал глаза и говорил малышке «*Кара еш*» (Клара ешь); после этого Клара ела. Она всегда ела в его присутствии и только в его присутствии. Если здесь должен был быть страх в игре, то тогда она уже давно должна была страшиться кормления через зонд, которое безуспешно применялось уже несколько раз.

Другая девочка, примерно трех лет, живущая со своими родителями, была весела, здорова, шаловлива. Ей еще не было знакомо чувство стыда, и если она обнажалась, то требования родителей «*прикройся*» были безуспешны. Но стоило сказать: «Прикройся — идет Мотиа», как малышка начинала торопливо одеваться. Мотиа был служащим ее отца, славным, порядочным, добродушным человеком.

Двухлетняя девочка едва могла терпеть своего брата, старше ее на несколько месяцев, который стал центром внимания родительской заботы, и хотела выцарапать ему глаза. Помогло одно средство: когда ее заботе доверяли мальчика, малышка свободно сидела в своей колыбельке, и мать могла уйти, не страшась за судьбу своего мальчугана.

Я думаю, что случай очень хорошо демонстрирует борьбу между «эгоистическим» порывом ребенка, тоскующего по родительской любви, и «альтруистским» порывом, желанием самой быть матерью. В этом случае имеется «эдипов комплекс». При первом порыве малышка хочет прогнать брата, чтобы завоевать любовь родителей для себя; при втором порыве она хотела бы занять место матери, чтобы у нее был братик. В отношении к отцу в это время мать, неспециалист в области анализа не могла сообщить ничего. Позже сестра и брат сильно любили друг друга и играли в «папу и маму».

Я много раз наблюдала случаи предпочтения противоположного пола в детском возрасте, но остается нерешенным, развита ли сексуальность ребенка настолько, чтобы предпочитать объект противоположного пола, или следует ли искать причины в психологии родителей, когда отец предпочитает более нежную, послушную девочку, в то время как мать берет мальчика под свою опеку; также не следует оставлять без внимания тот факт, что воспитание и порывы влечений маленьких детей, скорее, сталкиваются с интересами одного пола, и тогда они становятся противниками. Например, в своих фантазиях мальчик, скорее, может победить своего отца и хотеть убить, потому что тот, например, намного лучше управляет лошадьми, чем маленький мечтатель.

Отец, «влюбившийся» в обеих своих дочерей, особенно в младшую, рассказывал, как страстно любила его старшая дочь; она угадывала его желания по глазам, по каждому из его движений, и так страстно целовала его, «как маленькая женщина» (выражение отца). Когда ребенок достиг пубертатного возраста, внешне она стала своенравной и трудно управляемой; сильнее всего она сопротивлялась отцу, малейшие выговоры которого она не могла сносить, не проявив невоспитанность; казалось, что она прямо ненавидит ранее чрезмерно любимого отца. Я знала девочку во время стадии любви. Нам хорошо известны эти преобразования любви в ненависть в эротических отношениях взрослых. Ненависть предполагает сильную любовь, которую нельзя допустить по какой-либо причине («вытеснение», согласно Фрейду). Именно в возрасте полового созревания, когда ребенок развивается в молодую девушку, нельзя иметь бывшие эротические отношения к отцу, и она ненавидела отца, потому что в глубине души она все еще по-прежнему любила его.

Теперь остается вопрос, какую роль в детском эдиповом комплексе играют так называемые «эрогенные зоны». Сексуальные перверсии взрослых показывают, что сексуальные ощущения удовольствия (соответственно, их эквиваленты) следует создавать из разных участков тела. Мне не хватает непосредственных наблюдений «эрогенных зон» у «здоровых» детей, но я должна добавить, что до настоящего момента мы не привыкли считать «здоровыми» детей, за которыми мы наблюдали что-либо такого рода. Данные

анализа здоровых и невротичных взрослых в этом отношении не-безупречны, когда нельзя с уверенностью исключить ложные воспоминания и вторичную инсценировку различных детских ощущений. Здесь нам иногда могут помочь дневники или особые детские записи наших пациентов. Недавно я получила отрывок таких записей одного мальчика. В нем символическим образом были представлены его молитвы и заклинания судьбы¹, которые по аналогии со взрослыми людьми, в большинстве случаев больными dem[entia] граесох, позволили мне думать об онанистических действиях ребенка.

Мое предположение оказалось правильным, так как мальчик без какого-либо намека с моей стороны объяснил мне свою символику, как символику защиты от совершаемого им онанизма. Мальчик не болен и никогда не был у меня на лечении; он нервозен, как большинство детей нашей эпохи. Если бы один раз его проанализировали как взрослого, то тогда бы какой-нибудь врач, не видевший отрывки детских записей, подумал бы об ощущении взрослого человека с проекцией в детство. Этот и другие случаи укрепили меня во мнении, что мы все-таки должны поверить реминисценциям детства. Опытный врач уже из символики сможет установить, что в «воспоминании» соответствует правде, а что выдуманно. Вряд ли я поверю тому, что у детей бывает эдипов комплекс в полной форме сексуально созревшего взрослого человека, напротив, между тем мне кажется возможным, что «здоровые» дети также получают удовольствие от какой-нибудь эрогенной зоны, не только аутоэротической; наличие объекта любви в этом случае, который возбуждает эрогенную зону, сразу бы объяснило осуществление эдипова комплекса (естественно, происходит уничтожение противника в представленном Фрейдом устраниении).

Мой материал богат информацией о нездоровых детях. Иногда встречаются по-настоящему выразительные случаи: я знала мальчика, еще не достигшего двух лет, родители которого были очень музыкальны. Ребенок жил у своей бабушки. Я не обнару-

¹ Ср. фрейдовские заметки о неврозе навязчивости и религии. [Вероятно, речь идет о статье: *Freud, S. Zwangshandlungen und Religionsübungen* (1907b) // G. W. — Bd. 7. — S. 129—139.]

жила в нем каких-либо отклонений с точки зрения физиологии, но вот в духовном плане; мальчик ничего не говорил спонтанно, хотя он умел хорошо говорить; особенно большое внимание он уделял шумам и тонам, которым он потом хорошо подражал. Он полностью поражал пением. При грустной мелодии его глаза наполнялись слезами, он гладил и целовал певичу (вокруг него были лишь женщины) и с мольбой просил ее петь дальше. Однажды у него случился припадок бешенства, он бил все вокруг себя, кричал, падал на пол и всеми жестами показывал, что его били; он не уступал до тех пор, пока не выполнили его просьбу. После чего он стал нежным и мягким. Теперь я подвожу итог: нельзя сделать выводы об отсутствии сексуальных ощущений, исходя из недостаточности развития наружных половых органов, потому что, как показывает случай, опубликованный Э. Андерсом, при скудно развитых наружных половых органах может появиться здоровое либидо. Опыты Штайнаха показали, каким образом полностью преобразуется характер молодых животных с изменением половых желез. Из этого следует, что мы должны предположить из определенных качеств характера соответствующую деятельность половы желез, естественно также и у детей; у нас совершенно нет причины отвергать эотику у ребенка, если она проявляется в играх и жестах мальчиков и девочек, так же мало у нас причин априори отвергать сексуальные ощущения у ребенка и любой духовный порыв, саму любовь, из которой образуются эти имеющиеся влечения пропитания, соот[ветственно], самосохранения.

Я так и не смогла пронаблюдать решительное пристрастие к противоположному полу у детей. Как правило, эдипов комплекс проявляется у детей таким образом, что одного человека, маму или папу, любят больше, хотят остаться только с ним и поэтому желают, чтобы других членов семьи не было.

Потребность больше не в аутоэротическом получении удовольствия какой-нибудь эрогенной зоны и исходящей из этого физической фиксации на людях окружения, что я наблюдала лишь на духовно больных детях, но я должна добавить, что мой материал наблюдения практически полностью состоит из нервных детей, и что именно этих детей, у которых наблюдаем эти феномены, мы как правило, объявляем нервными. Я верю, что между нервными

и здоровыми детьми, скорее, имеется лишь постепенное различие, также как и различие между здоровыми и невротичными взрослыми людьми лишь постепенно. Выше я кратко упоминала, почему избежала в этом докладе опыта, которым владею из анализов взрослых.

РЕНАТОЧКИНА ТЕОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА (1920a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Renatchens Menschenentstehungstheorie // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 155—157.

Можно заметить, что при интерпретации детской теории происхождения СШ находит в ней параллели и подтверждения взглядам, высказанным ею ранее, например, в статье «Деструкция как причина становления» (1912a).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Первая записанная мной теория возникновения человека Ренаточки относится к тому времени, когда ей было 4 с половиной года. Этим я не хочу сказать, что до этого момента у малышки не было других теорий, в любом случае она ничего не сообщает. Во время подготовительной стадии ребенок позволяет отметить многое, что могло бы явиться для знатока интенсивной обработкой проблемы. Малышка проявляла живой интерес к дыркам и ямам; если мы хотели рассказать ей захватывающую для нее историю, то речь в ней обязательно должна была идти о дырках или ямах; в сочиненных ею историях также говорилось об этом; ее игры также были обусловлены этим интересом. Копание в земле доставляло ей большое удовольствие, она непременно хотела сделать грядки из нашего паркетного пола, чтобы появилась дырка, через которую можно было бы

упасть к соседям; возможно, к этому же относится большое пристрастие к вырезанию. Едва проснувшись, ребенок просил ножницы и бумагу, после чего она оставалась спокойной на протяжении нескольких часов, т. е. бормотала про себя и вызывала мое неодобрение лишь тем, что также делала дырки в своем платье и постельном белье, соответственно, все охотно разрезала. В качестве другой дурной привычки выступало то, что ребенок в возрасте старше 4 лет привык к выбрасыванию и поломке предметов. Однажды между нами произошел следующий разговор:

Ренаточка: «Мама, если бы Ренаточка упала здесь, что бы появилось?» (*Qu' est ce que cela aurait donné?*¹)

Я: «Ты сделаешь себе очень больно».

Ренаточка: «Нет, что бы тогда появилось?»

Я: «Ренаточка разбилась бы».

Ренаточка (живо, нетерпеливо): «Нет, нет! Тогда появилось бы две Ренаточки. А что если бы каждая из этих двух Ренаточек упала? Что бы тогда появилось?»

Я: «Тогда из каждой Ренаточки появились бы еще две Ренаточки».

Ренаточка: «И что бы появилось, если бы каждая из этих двух Ренаточек снова упала?»

Я: «Тогда бы из каждой Ренаточки появились ещё две Ренаточки»

Ренаточка: «Тогда бы появилось много-много Ренаточек».

Теперь нам понятны интересы и дурные привычки ребенка. Задолго до этого момента она пыталась объяснить происхождение ребенка. Инстинктивно она исполняла старую символику копания ям (дыр); одновременно с этим она разрывала (разрезала) все, так как хотела иметь много Ренаточек; такой же смысл и у выбрасывания и дальнейшего намеренного разбивания предметов. «Инстинктивно» ребенок создал себе теорию возникновения, которая соответствует действительно существующей теории размножения у менее развитых существ. Как и следовало ожидать, в скором времени ребенок не удовлетворился этим; вскоре последовало огромное количество все более точно сформулированных вопросов, так что я около пяти лет объясняла Ренаточке, что ребенок появляется в матери из яичка, при этом отец добавляет свое «зернышко». Я не хотела останавливаться на деталях. На основании этого Ренатхен также образовала

¹ Мы говорим по-французски, потому что малышка выросла в Лозанне.

«каннибалическую» теорию оплодотворения и создания детей. Однажды она сказала мне: «Мама, проглоти меня, не жуя; потом ты умрешь, и я выйду из тебя». Эта фантазия одновременно содержит естественное возбуждение мести (убийство матери) в качестве негатива любви к матери, с которой малышка постоянно соперничает и чье место хочет занять даже в отсутствие отца. Малышка спрашивала меня не один раз, почему маленькая девочка появляется в матери, а не наоборот, мать — в маленькой девочке. В эти дни она рассуждает:

«Я бы хотела, чтобы мама (чья?) умерла, нет — чтобы она не жила и не умерла, я хотела бы, чтобы она снова стала маленькой девочкой».

Ребенок постоянно думает, насколько показывают мои наблюдения, что смерть — это возвращение к началу, возрождение, просто = акт оплодотворения. Это еще одно доказательство того, что в глубине души мы приравниваем возникновение к исчезновению. То, что сегодня является для нас нерадостным — завтра будет радостным, согласно закону амбивалентности¹ Блейлера².

¹ [О взглядах Блейлера на амбивалентность Шпильрейн упоминает в своем выступлении в Венском психоаналитическом обществе 13 марта 1912 года. См. наст. изд. С. 103.]

² Ср. Bleuler, E. Handbuch der Psychiatrie. [Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien. — Leipzig, Wien, 1911.]

Spielrein, [S.] Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — S. 465—503] [См. наст. изд. С. 109—154.].

Spielrein, S. Beiträge zur Kenntnis der kindlichen Seele // Zb. — 1912. — Bd. 2. — S. 57—72. — Анализ мальчика [См. наст. изд. С. 170—176.].

Jung, [C.G.] Die Analyse der kleinen Anna, welche sich die verstorbene Großmutter in ein Engelchen und kleines Kind verwandelt denkt [Анализ маленькой Анны, которая считает, что умершая бабушка превращается в ангелочка и маленького ребенка]. [Jung, C.G. Über Konflikte der kindlichen Seele // J. — 1910. — Bd. 2. — S. 33—58.]

ЧУВСТВО СТЫДА У ДЕТЕЙ (1920ь)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Das Schamgefühl bei Kindern // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 157—158.

В этой заметке интересны половые разграничения в переживаниях чувства стыда у детей.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Я посещаю госпожу Ф., которая просит меня пройти в детскую, где она хотела уложить в постель своего Клода 5 с половиной лет. Мальчик ни в коем случае не позволял раздевать его в моем присутствии.

«Будь же благоразумен, мой мальчик, — говорит госпожа Ф., — У госпожи Ш. у самой есть ребенок, и она знает, что такое ребенок». «Нет, — отвечает мальчик, — у госпожи Ш. девочка, и она не может знать, что такое мальчик».

Этот ответ удивил меня, потому что недавно точно такие же слова я услышала от своей такого же возраста Ренаточки. Я хотела оставить мою малышку на некоторое время у госпожи Ф. Тут моя Ренаточка сказала: «У госпожи Ф. мальчик, и она не знает,

что такое девочка». Тогда как маленький Клод знает настоящее чувство стыда, что указывает на более локализованное сексуальное развитие — Ренаточка еще ничего не известно о чувстве стыда, но, правда, в противоположность Клоду она больше «стесняется». Например, в обществе незнакомых людей она никогда бы не отважилась на то, что без раздумий делает Клод.

Известным фактом является то, что маленькие девочки гораздо больше «стесняются», чем мальчики того же возраста. Пожалуй, причина в том, что вытеснение сексуальности у женщин, как правило, более диффузное: больше вытесняются вторичные, служащие сексуальному влечению тенденции, например, кокетство¹. У мальчиков в этом возрасте либо совсем нет чувства стыда, либо оно уже по-настоящему локализовано; «стеснение» встречается гораздо реже и указывает на натуры с девичьим характером.

¹ Это не значит, что мальчики менее кокетливы, но кокетство у мальчиков вытесняется меньше.

СЛАБАЯ ЖЕНЩИНА (1920с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Das schwache Weib // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 158.

В определенном смысле эта заметка иллюстрирует то, что можно обозначить адлеровским термином «мужской протест», т. е. стремление женщины отказаться от своей женской социальной роли, и приобрести качества мужских ролей.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Маленький Клод (5 с половиной лет) очень мужественный, властолюбивый, и хотя он с удовольствием играет с Ренаточкой, но все же презирует девочек «с лентами в волосах»; ни за что на свете он не хотел бы быть девочкой.

В противоположность этому, Ренаточка неоднократно выражала желание быть мальчиком. Когда я спрашивала ее о причинах, то она отвечала мне, что она с удовольствием хотела бы стать отцом, потому что так здорово иметь жену и детей.

Является ли всеобщим явлением то, что маленькие девочки с удовольствием хотели бы быть мальчиками, в то время как мальчики держатся за их мужской приоритет?

**О ТРУДНО ВОСПРИНИМАЕМЫХ ЧИСЛАХ
И АРИФМЕТИЧЕСКИХ ЗАДАЧАХ**
Вклад Исаака Шпильрейна в прикладное учение о памяти
(1920d)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Über schwer zu merkende Zahlen und Rechenaufgaben // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 172—174.

Эта статья — один из немногих примеров сотрудничества СШ со своим братом Исааком.

Isaak Spielrein, Über schwer zu merkende Zahlen und Rechenaufgaben. Ein Beitrag zur angewandten Gedächtnislehre. (Zeitschrift für angewandte Psychologie, Band XIV, 1918, Heft 3/4.)

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Работа И. Шпильрейна¹ предлагает кое-что интересное для психоаналитиков. На основе многочисленных экспериментов по запоминанию шестизначных чисел автор приходит к выводу о том, что в припоминании чисел появляется существенное различие, поскольку трудные для вычисления числа, такие как 3, 7, 9 и т. д., обнаруживают частые ошибочные воспоминания. То же самое выясняется из проведенных ассоциативных экспериментов Яна и Исаака Шпильрейнов. Поучительно то, что числа, более трудные для запоминания, одновременно являются мифологически значимыми. И. Шпильрейн упоминает и отмечает, что предки придавали

¹ [Spielrein, I. Über schwer zu merkende Zahlen und Rechenaufgaben // Zeitschrift f. angewandte Psychol. — 1919. — Bd. 14. — Heft 3—4.]

сложным числам («трудным» числам) большее значение, чем мы; он заимствует у Фишера («Происхождение иудаизма в свете ветхозаветной символики чисел»¹), что

«иудейские имена богов и имена исторических личностей, если они не иностранного происхождения, почти всегда читаются как числа, которые часто образуют сложное число 7, 13, 17 или 19 (это все аффективно тормозящие числа). Это Иегова $26 = 2 \times 13$, Давид $14 = 2 \times 7$ и т. д.».

С усовершенствованием наших математических методов едва обнаруживается отличие в сложности чисел, а с уменьшением тона неудовольствия значимость этих чисел должна стать значительно меньше.

«Трудность задач и особенно отдельных чисел не является чем-то имманентным, а *priori* постулированным, а развивается в ходе преподавания арифметики. Отсюда именно для учителя арифметики появляется задача преподавать таким образом, чтобы препятствия не проявились или помогали устраняться там, где сегодняшний урок не дает помощи».

При чтении оригинала работа могла бы пробудить ошибочное впечатление, как будто автор придерживается противоположного мнения, чем наша точка зрения: согласно психоаналитическому опыту, в заключении можно было бы достичь того, что некоторые числа только вследствие их более сильного эмоционального тона, соответственно, их «сложного действия» являются причиной математических трудностей, например, 3, 7, 9, 13 и т. д. Но теперь контраст видится кажущимся, потому что число, «вследствие нашей математической формулы», представляет для осознанных операций относительные трудности — поэтому особенно охотно используется для бессознательных операций. В достаточной мере из учения о *Dementia praecox* и мифа и психологии сновидений мы знаем, насколько охотно труднодоступные и неопределенные понятия становятся символами бессознательных «желаний». Извлеченные однажды из контроля сознания эти числа, кроме того, что они находят применение в «бессознательной церебрации», лежат, согласно законам Фрейда об удовольствии-неудовольствии, в основе пере-

¹ [Fischer, Oskar. Der Ursprung des Judentums im Lichte alttestamentarischer Zahlen-symbolik. — Leipzig, 1917.]

работки; они образуются в результате соединений с эмоционально-окрашенными содержаниями «комплексных чисел». Если это число стало однажды «комплексным числом», то оно снова выполняет эти действия, как мы это знаем из «комплексных представлений»: оно легче забывается или дает повод для отсутствия воспоминания, оно укорачивает или удлиняет время реакции (в ассоциативном эксперименте), соот[ветственно], вызывает небольшую заминку в мыслительном акте; если же оно, наоборот, укорачивает время реакции, то оно показывает помехи последующих реакций, соот[ветственно], следующего мыслительного акта. Ассоциативные эксперименты, которые проводили Ян и Исаак Шпильрейны, чтобы проверить числа на их эмоциональную значимость, учитывают лишь удлиненное время реакций и репродукцию. Поэтому эксперименты не годятся для того, чтобы судить о комплексном значении числа. Математически трудное число 7 ведет к еще большему удлинению времени реакции, как числа 3 и 9, в распоряжении которых находятся некоторые поддержки (И. Шпильрейн); это не исключает того, что числа 3 и 9 также посредством других помех (возможно, помехи последующих реакций) выдают воздействие их комплекса. Предшествующий «критической реакции» (Юнг) и последующий стимул остается для нас совершенно неизвестным.

О более сложных местах работы мы письменно консультировались с И. Шпильрейном и единодушно пришли к следующему результату: отдельные числа становятся важными символами для нашего бессознательного мыслительного и чувственного мира вследствие математических трудностей, а не вследствие а priori приписанного эмоционального тона, кроме этого, они также становятся «эмоционально-окрашенными комплексами», которые, если мы действуем, согласно Фрейду, аналитически, следует сводить, в конечном счете, к «инфантильным желаниям». Это «качество комплекса», которое дополнительно затрудняет запоминание чисел и различных математических задач. Числа, доступные для математических операций (2, 4), могут действовать «комплексно-побуждающе», но не долговременно в степени и увеличении, как математически более сложные числа, которые вследствие этого качества больше подвергаются бессознательной переработке.

ВЫТЕСНЕННАЯ ЭРОТИКА РТА (1920е)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Verdrängte Munderotik // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 157—158.

В своей заметке СШ отмечает связь орального эротизма и инцестуозных переживаний. Отношение к пище и поцелуям являются отражением доверия индивида к внешнему миру, другому человеку.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Многие здоровые взрослые люди, возможно большинство, из «лучших сословий», привыкли есть и пить из собственных столовых приборов и чувствовали бы неприятие, если бы должны были делить эту же посуду с другим человеком. Как правило, эти защитные чувства незначительны по отношению к членам своей семьи, и мы не удивляемся, когда видим, что иногда родители, дети, братья и сестры пьют из одного стакана. Это также «естественно», как и тот факт, что люди охотно целуют своих родных, в то же время они как минимум испытывают равнодушие или откровенно неприятие к большому числу знакомых. Радость от поцелуев и совместного употребления пищи можно сравнить и связать с эротическим восприятием человека. Там, где нормальная эротика рта сопровождается защитными чувствами, что в большинстве случаев является

частичным явлением защиты от инцестуозных проявлений, мы обнаруживаем обратное соотношение. В качестве доказательства этого у меня есть два случая с молодыми девушками. Обе в обычном смысле считаются нормальными, но «нервными». У обеих присутствуют сильные вытесненные инцестуозные проявления по отношению к отцу. Обе не любили «поцелуи», а одна вообще не могла терпеть «нежности». Общим для девушек является то, что наибольшее отвращение они испытывают, когда речь идет о том, чтобы есть или пить из одной посуды с членами семьи, в особенности с отцом. Что касается поцелуев, то самые большие сопротивления направлены по отношению к отцу. В момент поцелуя отца больше присутствуют «странные» чувства «стеснения», которые выдают сопротивление и, «согласно вышеизложенному», инцестуозные проявления.

Одна из девушек нашла объект ее любовной тоски. Поцелуи и питье из одного стакана с любимым (также прием пищи) является для нее самым большим наслаждением.

Это доказательство того, насколько сильна эротика рта там, где она проявляется посредством негативного относительно объекта, отца, на который наложено «табу».

В то же время это один из многих случаев, на примере которого мы можем увидеть положительные или негативные эротические чувства в акте еды¹.

¹ Ср. напр[имер], Ференци «Отвращение перед завтраком» [*Ferenczi, S. Ekel vor dem Frühstück // I. Z. P. — 1919. — Bd. V. — S. 117.*] и другие.

К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ЯЗЫКА ЗВУКОВ (1920f)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1920: Zur Frage der Entstehung und Entwicklung der Lautsprache
// I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 401.

Издания на английском:

1920: On the Question of the Origin and Development of Speech,
in: Abstracts of the Proceedings of the Sixth International Psycho-
Analytical Congress—Held at the Hague, September 8th to 12th.,
1920 // I. J. P.A. — 1920. — Vol. 1. — P. {342—362} 360.

Тему происхождения ранних слов «мама» и «папа» СШ развивает также отдельно в работе «Возникновение у детей слов “папа” и “мама”» (1922d).

Здесь представлен отчет о ее выступлении на 6-м Международном психоаналитическом конгрессе в Гааге (8—12 сентября, 1920 г.). Речь, по мысли СШ, позволяет осуществить развитие гетеросексуальности. Идеи СШ об аутистических и социальных языках во многом предвещают дальнейшие разработки Жана Пиаже.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Референт различает аутистические языки, которые не преследуют такой цели как сообщение и понимание со стороны окружающих, и «социальные языки». Аутистические языки появились первыми. К социальным языкам, согласно их сути, референт относит пение и словесную речь, язык звуков. Также, согласно их сути, имеются «социальные» и «компанейские» виды искусства, такие как музыка и поэзия, что объясняет высокую популярность этих

видов искусства. На основании этого анализируются теории возникновения языков звуков. Референт особенным образом обращает внимание на вопрос, сам ли ребенок придумывает язык, и к чему сводятся детские «преобразования слов». Исследуются механизмы возникновения первых, как принято считать, слов, «мама» и «папа», референт, основываясь на собственных и чужих наблюдениях, отталкивается от процесса сосания. Слова — это носители удовольствия, которое ребенок испытывает во время процесса сосания, и им причисляется огромное значение первого исполнения желаний в фантазии, потому что здесь желание, направленное на внешний объект, не может быть удовлетворено наслаждением. Вследствие восприятия удовольствия во время сосания сначала при помощи другого живого существа ребенок получает смысл внешнего объекта, приносящего удовольствие, по которому тоскуют, и который мог бы повлечь за собой посредством вызывания слова желания, сопровождающего акт сосания. Таким образом, появляются первые образования социального словесного языка, который одновременно является признаком посредничества между Я и внешним миром, признаком выражения развивающейся гетероэротики.

Референт детально останавливается на связях словообразования и памяти с детской эмоциональной жизнью и в заключение указывает примеры того, что организация слова, соответственно, предложения, или их реорганизация могут быть объяснены среди прочего с точки зрения приспособляемости к новой психической фазе развития, ассимиляции старого и потери, которая соответствует подсознательной переработке.

БЫСТРЫЙ АНАЛИЗ ДЕТСКОЙ ФОБИИ¹ (1921a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1921: Schnellanalyse einer kindlichen Phobie // I. Z. P. — 1921. — Bd. 7. — S. 473—474.

В этом представлении случая интересно достаточно раннее описание использования игры в анализе ребенка. СШ высказывает также представления о фантазиях преследования в детско-родительских отношениях, что в определенном смысле предвещает идеи М. Кляйн.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Маленький Руди, 7 с половиной лет, хорошо развитый, бледный, несколько хрупко сложенный мальчик, единственный ребенок в семье рабочего. По словам матери, он хорошо развивался до двух лет; в период с 2 до 4 лет он перенес корь, скарлатину и коклюш с различными осложнениями. С этого момента он стал слабым, так что лишь в возрасте 7 лет 5 месяцев он впервые смог пойти в школу. С поступлением в школу ребенок стал очень нервным, не спал и кричал всю ночь.

При осмотре тела ничего не бросается в глаза кроме общей ослабленной конституции и увеличенных глотательных миндалин.

¹ Представление болезни в Женевском институте Руссо, лекция приват-доцента д-ра Ф. Навилля об аномальных детях.

Интеллектуальная проба по методу Бине—Симона показала, что ребенок отстает в развитии на 4 месяца. Мальш был передан мне господином профессором Клапаредом для психоаналитического исследования и возможного лечения.

Я спрашиваю мальчика, почему он не спит, на что он отвечает, что ему страшно, потому что он видит сон о воре. Сначала он думал, что это был его папа, но потом он увидел, что это страшный вор, который хотел воткнуть ему в живот свой нож.

Теперь я подробно спрашиваю Руди, спит ли он время от времени с кем-нибудь из родителей, был ли он когда-нибудь озорным или непослушным, не злил ли он когда-нибудь своих родителей, не наказывали ли его мама или папа. Чтобы не внушить ожидаемый эдипов комплекс, а наоборот, объективно проверить факты, я всегда спрашиваю одно и то же про папу и маму. Это происходит шутя, в разговоре с глазу на глаз. На все мои вопросы он отвечал категорически отрицательно: Руди всегда спит в своей кроватке, никогда не ходит к папе и маме, никогда не бывает непослушным, у него были по-настоящему любимая мать и любимый отец, и он никогда не злил их, они всегда приносили ему красивые вещи и никогда не наказывали его.

Через несколько дней Руди снова появляется на приеме и объявляет мне, что ему больше не страшно: теперь он тот, кто в своем сновидении убивает вора.

Инсценированная мной на следующий день игра раскрывает нам генезис образа вора в сновидении и показывает, к чему сведено быстрое исчезновение страха. Я вырезаю для ребенка из бумаги папу, маму и маленького Руди, при этом я вовлекаю их в игру.

Руди велит персонажам есть за столом. Я спрашиваю, что делает маленький Руди, послушен ли он. Он снова говорит, что маленький Руди всегда послушен.

«Это, пожалуй, совсем другой маленький мальчик, который совершает беспутные поступки, — *говорю я*, — давай разрежем этого плохого мальчишку».

Руди с радостью соглашается¹.

¹ Пожалуй, общеизвестным является факт, с какой радостью дети слушают рассказы об озорных детях. При этом они дают волю страстям, о которых никогда не думали.

«Что делает этот плохой мальчишка?» — спрашиваю я.

«Он груб с матерью, он говорит ей: исчезни! (va te cacher!)»

Я: «О, как ужасно! И что происходит потом?»

Руди: «Папа злится и избивает мальчика».

Я: «Как он его избивает?»

Руди показывает.

Я: «А что делает мальчик?»

Руди: «Он злит отца (chicane), он убивает его».

Я: «Как он его убивает?»

Руди: «Ножом».

Я: «Как выглядит нож?»

Руди: «Он такой изогнутый (как в сновидении у вора)».

Я вырезаю нож и передаю его Руди, при этом он убивает отца уколом в живот. Он велит прийти полицейскому:

«Теперь папа станет полицейским?» — спрашивает он. — Он хватает плохого мальчишку и бросает его в темную тюрьму. Руди и мама плачут по папе. Мама утешает послушного Руди, она берет его к себе в постель».

Я: «Мама берет Руди к себе в постель, когда он плачет?»

Руди: «Потом мама всегда берет Руди к себе в постель, чтобы утешить его. Теперь снова приходит полицейский и убивает плохого мальчишку. Ау! Он втыкает ему в живот нож!»

Я пытаюсь начать новую игру, чтобы посмотреть, какие еще злодеяния совершает плохой мальчишка, но сам Руди не отвлекается от фантазии убийства отца. Однажды он (конечно же, плохой мальчишка) выбрасывает отца в окно, бежит за ним с ножом; отец спасается бегством, мальчик наконец-то догоняет его и протыкает. При преследовании отца один раз Руди позволяет плохому мальчишке сломать ногу, после чего он потом хромот. Это наказание за преследование отца наряду с протыканием в качестве наказания за протыкание. Хромота — это именно то, что может препятствовать быстрому бегу, таким образом, преследованию отца. Хромота в неврозе и сновидении могла бы быть сведена, возможно, к этим инфантильным фантазиям преследования.

Случай говорит сам за себя. Абсолютно типично то, что эта игра в смерть не провоцирует у ребенка никаких новых приступов страха, и затем, как мне сообщили родственники ребенка, последовало дальнейшее состояние покоя. Мои вопросы в первые часы анализа вызвали у ребенка представления, которые он сначала не мог

признать. О том, что это были за представления, нам говорит описанная выше игра. Руди был тем, кто убил отца ножом, тем, кого утешала мать, с которой он хотел спать. Согласно принципу талиона¹, он стал отцом=вором (противоположность полицейскому), который хотел убить Руди в первоначальном сновидении. «Изживание» вытесненного враждебного побуждения по отношению к отцу, которое сначала было обнаружено нами в сновидении об убийстве вора, привело к исчезновению страха. Какая связь между образованием страха и посещением школы? Естественно, быстрый анализ не мог раскрыть этого. Физическое и духовное отставание ребенка могло бы подействовать здесь травматическим образом, тем временем как оно усиливало его чувство неполноценности и чувство соперничества с отцом.

Пожалуй, едва ли следует добавлять, что исчезновение симптома еще не означает исцеление. Для этого понадобился бы более длительный анализ.

¹ [Принцип талиона — принцип равновеликого возмездия.]

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА [ПО ПСИХОАНАЛИЗУ] (1921b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1921: Russische Literatur // Bericht über die Fortschritte der Psychoanalyse 1914—1919. — Leipzig; Wien; Zürich: Internationaler Psychoanalytischer Verlag, 1921. — Beiheft der Internationalen Zeitschrift für Psychoanalyse. — № 3. — S. 202—212.

Издания на русском:

1999: Русская литература. Отчет об успехах психоанализа (1914—1919) / Пер. с нем. М.И. Шпильрейн // Овчаренко, В. И., Лейбин, В.М. Антология российского психоанализа: В 2 т. — Т. 1. — М.: Московский психолого-социальный институт : Флинта, 1999. — С. 207—211.

Небольшая заметка — обзор русскоязычной психоаналитической литературы за период 1909—1920 гг.

Перевод с немецкого М.И. Шпильрейн.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Асатиани М.М. Понятие «условных рефлексов» в его применении к симптомам психоневроза // Психотерапия. — 1913. — IV/4.
2. Асатиани М.М. Психический механизм симптомов в одном случае истерического психоза // Психотерапия. — 1912. — № 3. — [С. 141—155.]
3. Бенни [В.И.] К методике психоанализа // Обзорение психиатрии и неврологии (Петербург). — [1911. — год] XVI. — [С. 257—384.]
4. Белобородов Л.Я. Психоанализ случая истерии // Психотерапия. — 1912. — № 2. — [С. 84—103]; № 6. — [С. 277—298.]
5. Бириштейн И.[А.] К психологии неврозов // Психотерапия. — 1913. — № 5. — С. 290—297.
6. Он же [Бириштейн И.А.]. К психологии курения // Психотерапия. — 1913. — № 6. — С. 366—377.

7. Дрознес Л.М. Биопсихологическая основа бреда душевнобольных // Терапевтическое обозрение. — Одесса, 1914. — № 4. — [С. 108—117.]

8. Он же [Дрознес Л.М.]. Об онанизме. [Попул. изложение взгляда психоанал. школы проф. Freud'a на сущность онанизма и его лечение]. — СПб., [1911. — 16 с.]

9. Фельцман О.Б. К вопросу о самоубийстве // Психотерапия. — 1910. — № 6. — [С. 227—243.]

10. Голоушев С.С. К казуистике психоанализа // Психотерапия. — 1913. — № 5. — [С. 287—290. Отдельный оттиск. М., 1913. — 4 с.]

11. Международный конгресс по презрению за душевнобольными [Москва 26—29. XII. 1913.] России. // Ref. Münchener med. Wochenschrift 1914. — Nr. 11.

12. Иоффе А.А. По поводу бессознательного в жизни индивидуума // Психотерапия. — 1913. — № 4. — [С. 234—238.]

13. Каннабих Ю.В. Эволюция психотерапевтических идей в XIX веке // Психотерапия. — 1910. — № 1. — [С. 1—10; № 3. — С. 106—116.]

14. Лихницкий В.Н. О современном положении психотерапии в Америке // Психотерапия. — 1913. — № 1. — [С. 35—42.]

15. Оршанский И.Г. Художественное творчество и психологический анализ // Вестник воспитания. — [1914. — год XXV. — май.] — № 5. — [С. 1—33.]

16. Осипов Н.Е. О психоанализе // Психотерапия. — 1910. — № 1. — [С. 11—28.]

17. Осипов Н.Е. Идеалистические настроения и психотерапия: [О книге профессора Яроцкого] // Психотерапия. — 1910. — № 6. — [С. 244—255.]

18. Осипов Н.Е. Мысли и сомнения по поводу одного случая «дегенеративной психопатии» // Психотерапия. — 1912. — [№ 4. — С. 189—215; № 6. — [С. 299—306. Отдельный оттиск. М., 1912. — 34 с.]

19. Осипов Н.Е. «Записки сумасшедшего», незаконченное произведение Л.Н. Толстого (к вопросу об эмоции боязни) // Психотерапия. — 1913. — № 1.¹ — [С. 141—158.]

19а. Осипов Н.Е. Психотерапия в литературных произведениях Л.Н. Толстого. [(Отрывок из работы «Толстой и медицина»)] // Психотерапия. — 1911.² — [№ 1. — С. 1—21.]

19б. Осипов Н.Е. О «пансексуализме» Freud'a // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. — 1911³. — [Кн. 5—6. — С. 749—760.]

¹ В нем. издании № 3.

² В нем. издании 1919 год.

³ В нем. изд. ошибочно указан 1912 год.

19с. *Осипов Н.Е.* О больной душе // Журнал невропатологии и психиатрии имени С.С. Корсакова. — 1913. — № 5—6. — С. 657—673.

20. *Д-р Татьяна Розенталь.* О Достоевском (1 часть) [*Розенталь Т.К.* Страдание и творчество Достоевского: Психогенетическое исследование // Вопросы изучения и воспитания личности. — 1919. — № 1. — Пг., 1920. — С. 88—107.]

21. *Захарченко, [М.А.]* К семиотике алкоголизма [(Об отвращении к вину у алкоголиков в период воздержания)] // Вопросы психиатрии и неврологии. — 1914. — [год 3. — май.] — № 5. — [С. 193—204.]

22. *Залкинд А.Б.* К вопросу о факторах, сущности и психотерапии неврозов // Психотерапия. — 1913. — № 1. — [С. 8—25.]

23. *Залкинд А.Б.* К вопросу о сущности психоневрозов // Психотерапия. — 1913. — № 3. — [С. 172—187.] — № 4. — [С. 214—221.]

24. *Шрейдер Н.Н.* Психотерапевтические наблюдения // Психотерапия. — 1912. — № 6. — [С. 269—277.]

25. *Тутышкин П.П.* Психоанализ как метод психологической диагностики и психотерапии (метод prof. Freud'a) // Обзорение психиатрии, неврологии и экспериментальной психологии. — 1912. — № 3. — С. 173—181.

26. *Вырубов Н.А.* К вопросу о генезе и лечении невроза тревоги комбинированным гипноаналитическим методом // Психотерапия. — 1910. — № 1. — [С. 29—41.]

27. *Вырубов Н.А.* К психопатологии обыденной жизни: Психоанализ из недавней борьбы за депутатские кресла // Психотерапия. — 1913. — № 1. — [С. 25—35.]

ПЕРЕВОДЫ ФРЕЙДОВСКИХ РАБОТ:

1. Три статьи о теории полового влечения / Пер. под ред. [Н.Е.] Осипова. — Первое изд. 1909; Второе изд. 1911.

2. Психопатология обыденной жизни (новое изд.). Пер. Медем. — М., 1910. [— 162 с.]

3. О психоанализе. Пять лекций, прочитанных в университете Кларка. / Пер. [Н.Е.] Осипова. — (Психотерапевтическая библиотека). — М., 1911. [— 67 с.]. Второе изд. 1912. [— 67 с.]. Третье изд. 1913. [— 67 с.].

4. Бред и сны в Градиве [/ / Йенсен В. Градива. Фантастическое приключение в Помпее.] — Одесса, 1912. — [С. 87—190.]

5. Одно детское воспоминание Леонардо да Винчи. — М., 1912. — [119 с.]

6. Формулировка двух принципов психического процесса // Психотерапия. — 1912. — № 3. — [С. 155—162.]

7. Толкование сновидений. — М., 1913. — [2, 448, VII с.]

8. Практическое применение снотолкования в психоанализе // Психотерапия. — 1913. — № 2. — [С. 79—84.]
9. Советы врачам при ведении психоаналитического лечения // Психотерапия. — 1913. — № 5. — [С. 297—306.]
10. О типах невротического заболевания // Там же [Психотерапия. — 1913. — № 5. — С. 306—313.]
11. Некоторые замечания относительно понятия бессознательного в психоанализе // Там же [Психотерапия. — 1913. — № 5. — С. 313—320.]
12. Фобии пятилетнего мальчика / Пер. О.Б. Фельцмана. — М., 1912. — (Психотерапевтическая библиотека № 9).
13. О сновидениях. — СПб, 1909.

Да не обидятся на меня русские коллеги, если этот отчет о русской литературе получится довольно неполным. Условия войны и ее последствия привели к тому, что мы здесь годами совершенно отрезаны от России.

В моем распоряжении только какое-то количество номеров¹ (из годов 1909—1914) московского журнала «Психотерапия», в которых появился ряд психоаналитических работ. Этот журнал был основан в 1909 г. и редактируется доктором Н. Вырубовым.

Уже имена сотрудников показывают, что журнал, во всяком случае до 1913 г., объединил психоаналитиков самых различных направлений. Здесь представлены и различные национальности, а именно — среди иностранцев — представители Вены, среди русских — москвичи (М. Асатиани, А. Бернштейн, Ю.В. Каннабих, Н.Е. Осипов, О.Б. Фельцман) и одесситы (И. А. Бирштейн², В. Лихницкий). В Москве, по-видимому, психоанализ попал на благоприятную почву. Когда зимой 1911—1912 гг. в Ростове-на-Дону я прочла доклад о психоанализе, то мое внимание также обратили на психоаналитическое движение в Москве, главными представителями которого были Осипов, Фельцман и Вырубов.

Осипов, первый ассистент Московской Психиатрической клиники, является, судя по доступным мне работам (16—19), верным приверженцем воззрений Фрейда, которые он мужественно

¹ Позже мне попались некоторые небольшие работы различных авторов, которые здесь еще отчасти могли бы быть рассмотрены.

² Работы Бирштейна написаны с точки зрения Альфреда Адлера.

но защищает от нападок; он приводит также интересные доказательства из своей врачебной практики. О детской сексуальности ничего не упоминается; возможно, оттого, что Осипов, как очень многие практики, не имеет возможности проводить чистый психоанализ, и ему приходится применять комбинированные системы лечения.

В № 19 Осипов указывает на то, что Толстой в упомянутой работе¹ описывает свое собственное душевное состояние. Далее следует анализ рисунков по принципам Фрейда. Автор показывает, как тонко наблюдается развитие патологических симптомов страха больных и представляются психиатрические или, соот[ветственно], психоаналитические опыты. Речь идет об истерии страха. В теоретической части Осипов борется с воззрениями Дюбуа и Оппенгейма, которые, на основе теории чувств Жанэ, нападают друг на друга. Осипов тоже находит теорию Жанэ недостаточной; со Штумпфом, Лосским и другими он подчеркивает, что сопровождающиеся телесные ощущения не составляют суть состояний страха, что мы можем, при случае (пример), наблюдать сопровождающие ощущения органов, принадлежавшие состоянию страха, без образования страха. Из этого Осипов делает вывод, что мы можем психотерапевтически повлиять на патологическое состояние страха, а именно — при посредстве психоанализа. Если бы мы приняли за основу «эмоции страха» органические ощущения, то было бы понятно развитие страха при нарушении сексуальной эмоции. Осипов не видел ни одного случая невроза страха без нарушений в области сексуальной жизни.

Чтобы не быть несправедливой к автору, я придерживалась его терминологии, с которой мы, при всей высокой оценке и теоретических истолкованиях, не всегда согласны.

Вырубов (26, 27) тоже оказывает нам хорошие услуги, хотя он тоже не чистый психоаналитик. Его небольшой анализ опечаток во время борьбы различных политических партий очень хорош. Ю.В. Каннабих (13) упоминает все больше растущий инте-

¹[Толстой, Л.Н. Записки сумасшедшего (1912) // Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 22-х томах. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 12. — С. 43—53.]

рес к психоанализу. О.Б. Фельцманн (9) подчеркивает большое значение психоаналитических опытов для понимания и избегания суицидальных тенденций. Он, правда, не хочет признать себя совершенным последователем Фрейда, но приводит некоторые наблюдавшиеся им случаи с тенденцией к самоубийству, причем он во всех случаях находит сексуальную этиологию. М.М. Асатиани (2) описывает случай истерии с сумеречным состоянием. Леченный психоанализом Л.Я. Белобородов (4) рассказывает о случае излечения психоанализом. К сожалению у меня есть только окончание этого интересного анализа. А.Б. Залкинд (22) поднимает вопрос, существуют ли врожденные неврозы, и есть ли специфические конституции, предрасполагающие к заболеванию определенной формой психоневроза. Он считает, что мы не можем установить предрасположение к определенному психоневрозу, при этом, однако, должны допустить общую врожденную психоневротическую основу, действующую, как предрасположение. Он неправильно критикует фрейдистов, якобы отрицающих каждый вид органического предрасположения. После этой критики он все же удостоивает уважения многие из «индивидуально-психологических» законов развития, найденных последователями Фрейда. Автор признает, что невроз основывается на конфликте, но отрицает, что этот конфликт всегда должен быть сексуальной природы. Одно из своеобразных воззрений заслуживает упоминания.

«Я даже считаю, — говорит он, — что в последнее время могло повыситься количество неврозов по сексуальным причинам уже от того, что школа Фрейда на эту область направляет все свое внимание; этим она повышает роль сексуальности в глазах незнающего общества, то есть повышает патогенное значение сексуальности».

Заключение в сочинении отсутствует, но я, однако, не думаю, что эта работа представляет особый интерес для нас, аналитиков, так как автор, как большинство несведущих, не приводит никакой собственной полемики, а дискутирует априори.

Воззрения Залкинда (23) можно резюмировать в следующих фразах:

«Невроз возникает за счет лишней, непотраченной аффективности, при еще незрелой психе, которая еще не сумела приспособиться».

«Невроз — это негармоничная, непланируемая, нерациональная суб-
 лимация аффективности, результат нестабильности, неполной, незрелой
 установки витальных комплексов в индивиде».

Судя по этой статье Залкинда, он принадлежит юнговско-
 му направлению. Он различает также два психологических типа —
 аналитический и синтетический, мыслящих дедуктивно и индуктив-
 но, последний не интуитивно, а медленно образует целую систему
 логических конструкций. Первый в патологических случаях дает ис-
 терическое состояние, второй — психоаналитическое состояние. Ни
 Фрейд, ни Юнг не упоминаются.

Н.Н. Шрейдер (24) исследует три метода психотерапии —
 гипноз, психоанализ и рациональная психотерапия (по Дюбуа), в
 их применении при различных случаях заболеваний. Он рекомен-
 дует гипноз там, где можно ясно видеть ход развития болезни без
 психоанализа, то есть где не находят ничего «вытесненного». Далее,
 у неинтеллигентных больных и, наконец, в случаях, где тяжелое бо-
 лезненное состояние делает необходимым быстрое вмешательство.
 При истерии всегда рекомендуется психоанализ. Здесь автор нахо-
 дит всевозможные причины заболевания — однако видит в сексу-
 альной травме главную основу заболевания. Правда, автор не верит
 в полное излечение психоанализом, так как у невротиков приходит-
 ся иметь дело с предрасполагающей патологической конституцией,
 но несмотря на это рекомендуется психоанализ, как гораздо более
 эффективное средство по сравнению с гипнозом. В некоторых слу-
 чаях рекомендуется комбинированный метод психоанализа и гипно-
 за. Рациональная психотерапия противопоставляется как метод, об-
 ращающийся к критике больного, гипнозу и психоанализу, методам,
 которые должны устранять критику.

Рациональная психотерапия должна быть применена при пси-
 хастении, а именно при психастенических состояниях пожилых лиц,
 которые мало пригодны для психоанализа.

А. Иоффе (12) обсуждает случай гомосексуализма у одного
 фельдшера, постоянно грозившего самоубийством для привлечения
 окружения в свою пользу. Когда ему, наконец, перестали доверять,
 он действительно выполнил свою угрозу: это производило также
 впечатление, будто он решился на это из тщеславия, чтобы над ним

не посмеялись. Гомосексуальность этого человека Иоффе выводит из его детских отношений к отцу, причем мальчик всегда идентифицировал себя с матерью. Дальнейшее, однако, непонятно:

«он любил мать и “ненавидел” отца, он постоянно думал, что мать знает все. Делает все лучше, чем отец, значительнее, чем отец. Так как он “играл роль своей матери”, то он знает все, делает все лучше, чем другие» и т. п. «Отец был деспот»; «мать всегда бывала им оскорбляема».

Так, якобы, объясняется чувствительность к оскорблениям у сына. Ненависть может быть воспринята, как реакция против гомосексуальной фиксации на отце, о которой Иоффе говорит. Поражает, что Иоффе ссылается на Юнга и Теллера, но не на Фрейда, хотя ведь он анализирует случай по Фрейду.

Голоушев (10) лечит интересный случай отвращения женатого мужчины к женским гениталиям, что годами делает невозможным нормальный коитус. Автор открыл, под гипнозом, детскую травму: на мальчика, в возрасте шести лет, набросились бесстыдные прачки, которые рассматривали его пенис и показывали ему свои половые органы; он заплакал, и няня его увела. Дальнейшие случаи автор узнал без гипноза. Когда больному было 9 лет, он и его приятель видели у маленькой девочки половой орган, когда она подняла свое платьице. Этот орган и в этот раз показался ему отвратительным, он почувствовал влечение мучить этот противный орган. Это чувство было перенесено на всю женщину, так что дети заставили девочку бегать босиком, с поднятым платьицем, по рассыпанным мелким гвоздям. После этого небольшого анализа Голоушев применил следующий метод: он пытался при гипнозе отделить у своего больного представления о женских гениталиях от представлений об этих органах у прачек. Когда это было достигнуто, он внушил больному, что женский орган — это нечто очень привлекательное, и коитус очень приятен. В две недели больной был настолько восстановлен, что хотел провести с женой нормальный коитус, но жена ему отказала. Тогда он это попробовал с другой женщиной, и это ему удалось. С тех пор он излечен.

Две брошюры д-ра Л.М. Дрознеса (Одесса) написаны ясным языком и очень достойны быть рекомендованными. Автор показывает (7), что ни новые теории обмена веществ, ни описательно-

клиническая психиатрия не могут объяснить суть и причины возникновения психического содержания душевной болезни. Отчего не все сифилитики заболевают прогрессивным параличом, а только 4,7%; это нам не может объяснить материалистически-монистическое воззрение. Теория наследственности также оказывается недоступной, так как, во-первых, не во всех случаях удастся — при всем желании — доказать наследственную отягощенность. И во-вторых, мы имеем довольно много наследственно отягощенных лиц, несмотря на это не болеющих психозом. Так, автор приходит к необычайному значению воспитания и переживаний в раннем детстве, сексуальных переживаний в смысле Фрейда, хотя понятие «гомосексуальная зависимость» у автора не совсем ясно и может привести к ошибке; хорошие примеры из психоаналитической практики достаточно компенсируют ошибку.

Вторая небольшая работа (8) — это популярное, легко усваиваемое изложение взглядов Фрейда о сути онанизма. Автор особо подчеркивает большой вред, могущий возникнуть из чрезмерного страха и упреков самому себе по поводу онанизма, которому в действительности предаются 95% нормальных людей длительное время.

Кроме оригинальных работ русских авторов, журнал «Психотерапия» приводит работы иностранных авторов в русском переводе, в том числе и работы Фрейда (см. № 6 и 11 переводной литературы). Далее реферируются работы из Международного журнала по психоанализу и другая психиатрическая литература, и отчеты о конгрессах.

Среди работ русских исследователей, реферированных в «Психотерапии», заинтересует работа д-ра медицины Неткачева «Симптомы и психотерапия заикания: Новый психологический метод лечения», 1913, VI и с. 126 (реф[ерат] Вырубова). Докладчик рассматривает заикание, как психоневроз, который он лечит на основе методов Дюбуа, Фрейда, Дежерина и других, а также гипнозом.

Далее: «Труды Психиатрической клиники императорского московского университета», под редакцией профессора Ф.Е. Рыбакова, № 1, 1913, с. 384 (реф[ерат] Вырубова).

Первый том содержит работы Ф.Е. Рыбакова: «Влияние пола и возраста на психические заболевания», «Влияние научных направлений в психиатрии на диагностику душевных заболеваний».

Д-р Ермаков: «Истерическая эпилепсия, патология эмотивности дыхания». Статьи Е. Петрова, Тарасевича, М.П. Кутанина, д-ра И.А. Азбукина возбуждают, вероятно, скорее общепсихиатрический интерес. Среди рефератов надо выделить реферат «О шизофрении» Блейлера (с. 60, реф[ерат] Кутанина).

Пятый международный конгресс по попечению о душевнобольных в России, Москва, 8—13 января 1914 (26—29 декабря 1913 г.) реферируют д-р И.Д. Мацкевич и д-р А.И. Прусенко в ежемесячнике «Вопросы психиатрии и неврологии», под редакцией М.И. Лахтина.

Д-ра Мария и Н.Н. Баженовы говорят о *dementia praecox* и дегенерации. Они упоминают различные воззрения на *dementia praecox* и критикуют, как понятие «дегенерации» французской школы, преувеличенное этиологическое значение, приписываемое наследованию, так и дифференциальную диагностику Крепелина, которая опирается на клинические и патолого-анатомические симптомы. Только учет всех симптомов (по их мнению) позволяет поставить правильный диагноз.

В дискуссиях выступает Розенбах (Петербург) против Маньяна. Вайгандт (Гамбург) считает, что трудно, даже при соматических заболеваниях, ставить диагноз на основании физических симптомов, и в психиатрии это особенно рискованно. Мы еще не можем по физическим признакам дегенерации диагностировать форму психоза.

С. Оршанский: «Вторичная психическая дегенерация как симптом некоторых хронических психозов». П.П. Тутьшкин: «Юридическая ответственность душевнобольных».

Гесс: «Повышение границы совершеннолетия для психопатов». При психопатии с моральными дефектами надо было бы удлинить время надзора и воспитания, которое должно быть психиатрически-педагогическим.

Карпов: «О рисунках душевнобольных».

1. Рисунки нормальных людей создаются по законам симметрии, то есть если часть рисунка отклоняется от образца, то и другие части подвергаются таким же отклонениям.

2. Среди рисунков душевнобольных по прилагаемому образцу мы находим такие, которые мало отличаются от рисунков здоровых.

3. В рисунках душевнобольных иногда видны симптомы болезни, которые могут быть не выявлены другими методами исследования.

4. При совместной с врачом работе над рисунками, отношения между врачом и больным становятся более сердечными, растет доверие к врачу.

Г. Россолимо: «Упрощенный метод исследования дефектов интеллекта».

С. Рабинович: «Результаты обследования детей по методу Россолимо».

Остальные доклады (по отчету в «Münch. Mediz. Wochenschrift, Jahrg. 1914, № 14).

Баженов: исходя из теории гения как гипертипичной формы человеческого духа при определенных патологических симптомах, как и из других теорий того, что художественное творчество подвержено влиянию подсознания, Баженов обсудил сначала Гете (циклотимия), затем Руссо, затем циклотимного Гоголя, депрессивные состояния Шиллера, Дж. Ст. Милля, Ньютона и т. д. Достоевский был эпилептиком, Мопассан страдал головными болями и артеризмом. Докладчик защищается от упрека, как будто бы врачи такими исследованиями стараются злонамеренно принизить великих людей.

Госпожа д-р Штрассер-Эппельбаум (Цюрих) говорила об аутистическом мышлении при *dementia praecox*. Чтобы понять шизофрению, не надо было бы упрощать исследование расчленением, а надо было бы проследживать улавливаемое в его связях с его развитием и пытаться понять генетически. Для понимания надо было бы интуитивно вчувствоваться в особый вид мышления. *Dementia praecox* — это, психологически, результат полной избыточной реакции человека на все восприятие мира, которое еще не привело к возврату к собственному Я и к отворачиванию от реального.

КТО АВТОР ПРЕСТУПЛЕНИЯ? (1922a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1922: Qui est l'auteur du crime? // Journal de Genève. — 1922. — т. 93. — (15 Janvier): 2. — P. 142—146.

Данная статья (ее можно было бы озаглавить: «Кто виноват?») на материале художественного произведения поднимает проблему ответственности психолога (психоаналитика) за действия по освобождению сил бессознательного. Мысли, высказываемые СШ, созвучны фрейдовской статье «О "диком" психоанализе»¹. Можно также найти здесь параллели сюжетной линии анализируемой пьесы с собственной судьбой СШ и ее отношениями с аналитиком.

Перевод с французского Т.И. Беловой.
На русском языке публикуется впервые.

Драма м[сье] Ленормана, премьера которой только что состоялась² в театре Питоефф³, заслуживает того, чтобы изучить ее с точки зрения поднятых в ней проблем психологического плана.

«Всевышний сказал своей дочери:
Иди в светлый непорочный сад
Ангелов, где блещут яблоки

¹ [Freud, S. Über «wilde» Psychoanalyse (1910k) // G. W. — Bd. 8. — S. 118—125.]

² [Премьера драмы «Le Mangeur de rêves» состоялась 11 января 1922 г.]

³ [Театр в Женеве (Theatre Pitoëff, Maison Communale de Plainpalais, 52 rue de Carouge, Geneva). Создан выходцем из России Жоржем Питоевым и его женой.]

И розы. Он твой. Это твое царство.
Но срывай только цветы;
Оставь плоды на ветвях,
Не вникай в счастье,
Не пытайся понять
Тайну земли
И загадку бытия.
Не слушай голос, который влечет
Под густую сень, голос, который соблазняет,
Голос змея или голоса сирен,
Или голоса страстных голубок
В тенистых рощах Любви.
Оставайся неискушенной.
Не думай; пой.
Любая наука тщетна,
Люби лишь красоту,
И пусть в ней будет для тебя вся истина».
(Шарль ван Лерберг. Песнь Евы).

Живите! Наслаждайтесь жизнью! Но нет! Нас всегда манит запретный плод, и, несмотря на все добрые советы, мы забываем слова бога-творца, мы забываем печальный опыт наших предков Адама и Евы. Снова и снова мы хотим вкушать плоды, растущие на дереве зла. Ах, эта человеческая душа, этот мятежный дух, полный страстного желания, вечно ищущий и никогда не удовлетворенный! Куда он ведет нас? Нам уже недостаточно познать законы движения планет; исследовать развитие растений и животных, окружающих нас, мы взялись за высшее творение, созданное по образу и подобию всемогущего, — за человека. Кроме того, мы более не можем удовольствоваться исследованием физической природы, мы хотим направить взгляд внутрь нас, овладеть нашей душой во всей ее полноте вплоть до бездны подсознательного. Так удивительно ли то, что Всемогуший, потеряв терпение, кричит дерзким «остановитесь!» и губит их, снедаемых страстями, воскресшими из глубин бессознательного?

Именно это открывает нам в художественной форме пьеса м[сье] Ленормана. Феарон, любовница Люка, являет образ его собственного бессознательного, его инстинктов во всей их распущенной наготы, которые он вызвал к жизни и которые ему больше неподвластны. Существо, которое ему удастся полюбить, Жаннин,

сдается, не выдержав разоблачения своих интимных стремлений. Также и Люк, после бесплодной борьбы, падает раздавленный своим собственным творением, своими собственными инстинктами, обернувшимися против него. Мы действительно правы, когда с опаской относимся ко всякого рода целителям, которые безосновательно называют себя психоаналитиками. К тому же мы читаем в программке к спектаклю следующее:

«Было бы ошибкой истолковать это произведение как иллюстрацию или опровержение знаменитой теории (*Психоанализа*). Если Люк и проповедует фрейдовские идеи, то это потому, что он современный психолог, отражающий взгляды своей эпохи. Развязка демонстрирует несостоятельность индивида, а не метода, который себя зарекомендовал».

Но тут возникает вопрос: кто является автором преступления? Кто стал причиной смерти Жаннин? Устами Феарон автор говорит нам, что это Люк, психолог. Феарон всего лишь создание последнего. Однако разве Жаннин не была мертва до своего реального самоубийства? Мы видим, как она блуждает со взглядом, устремленным в одну точку, всегда одетая в зеленое, ее тянет к воде, где однажды она уже совершила попытку самоубийства. Жаннин, преследуемая угрызаниями совести, которые она не может объяснить, не способна радоваться, она чувствует себя обязанной отказаться от всего, что составляет жизнь. Она не находит удовлетворения ни в чем; целыми днями ее снедает внутреннее беспокойство, она не может ничего не делать. Может быть она больна, серьезно больна? Умелый врач осторожно приблизился бы к этой хрупкой и страдающей душе. Если бы больной, под его руководством, удалось припомнить свои детские стремления, враждебность против матери, то он сказал бы ей:

«Не выносите себе столь суровый приговор. Достоинство человека заключено не в его бессознательном!»

«Все мы в нашем бессознательном являемся детьми и дикарями, все мы переживаем мощную трагедию Эдипа, но мы научились сопротивляться нашим элементарным стремлениям. Достоинство человека состоит в его умении управлять своими инстинктами, что позволяет нам высвободить энергию для деятельности высшего социального порядка».

Достоинство человека пропорционально его способности к «сублимации». Люк, напротив, открывает Жаннин тайну ее бессо-

знательного резко, не дожидаясь пока воспоминания всплывут сами, как сделал бы психоаналитик.

Но что особенно противоречит психоаналитическому методу лечения, так это то, что Люк, сам будучи слабым, неспособным управлять своими инстинктами человеком, присваивает себе право верховного судьи: «Я отпускаю вам грехи», — говорит он Жаннин; он позволяет себе выпустить зверя, он позволяет себе зайти так далеко, что становится любовником Жаннин. Как резко отличаются это грубое вторжение и деликатный метод, преподаваемый венским психологом.

Несмотря на все это, Жаннин вновь начинает жить, именно благодаря тому, что ей удастся чуть яснее увидеть то, что в ней происходит. Но это неполная перемена: Жаннин (она этого не осознает) преследует навязчивое убеждение в том, что она убила свою мать. Она бежит от этой мысли и ищет разъяснения. В самой грубой и циничной форме Феарон сообщает ей, что, будучи ребенком, она невольно стала причиной смерти своей матери. В то же время Феарон вкладывает в руку своей жертвы револьвер, провоцируя ее, таким образом, на самоубийство. Деликатная душа Жаннин не способна вынести этого внезапного открытия. Она не выдерживает. Психоаналитик, на высоте своей задачи, сумел бы ее спасти, смягчив эмоциональный шок; во всяком случае, он сам ничего не раскрыл бы больной; если бы ей самой вдруг удалось это выяснить, он бы поддержал ее и подбодрил в ее стремлении освободиться от этого. Жаннин убивает вовсе не преступление неразумного ребенка. Сколько людей должны были бы прийти к самоубийству, узнав о том, что при своем рождении они стали причиной смерти своей матери! Если Жаннин стала жертвой угрызений совести, так это потому, что ее поступок был отчасти более намеренным, чем она осмеливается себе признаться; именно поэтому она не может одеваться ни в какой другой цвет, кроме зеленого — цвет шарфа, которым она вызвала смерть своей матери. Очень может быть, что, даже не встретившись с Люком, Жаннин покончила бы жизнь самоубийством. Может быть Люк приложил руку к тому, чтобы ее добить, не Люк-ученый, а Люк в своей второй личности, в облике Феарон. Как бы Люк не интересовался психологией, он не является настоящим психоаналитиком, эта деликатная задача ему не по силам: пси-

хоаналитик должен, прежде всего, сам быть достаточно свободным, чтобы управлять своими инстинктами; Люк не прошел этот первый этап, вот почему его эгоистические инстинкты, распустившиеся в личности Феарон в конце концов убивают Жаннин.

«Было бы лучше интересоваться выздоровлением своих больных вместо того, чтобы подпитываться их сновидениями», — пишет м[сье] профессор Клапаред в своем введении. Если бы Люк сам прошел анализ и смог побороть свои инстинкты, то кто знает, может быть Жаннин удалось бы научиться жить счастливо, как многие наши больные, прошедшие курс психоанализа. Так мы ответили на наш вопрос? — Нет! Почему нет? — Люк никогда бы не убил Жаннин, если бы не было еще одного обстоятельства, если бы не было бы угрызений совести, преувеличенно болезненных, которые задолго до вмешательства Люка превратили ее в живой труп, в ходячую тень.

Зло укоренилось гораздо глубже, чем кажется на первый взгляд; у болезненной совести Жаннин и беспомощности Люка — общая причина. Та же причина, которая лежит у истоков нынешнего увеличения числа самоубийц, сумасшедших и преступников. Это дефицит любви в нашем обществе, ошибки в воспитании. Религия превратилась в мертвую букву. Мы слишком развиты, чтобы просто верить, нам все нужно знать. У детей предшествующих поколений было меньше возможностей для того, чтобы самим учиться у природы — наше поколение, напротив, с самого раннего детства задыхается под грузом лжи и социальных условностей. Нет сердца, нет понимания, естественной искренности в отношениях между родителями и детьми.

Мы, врачи и педагоги, совершенно разобщены в наших усилиях обрести поддержку родителей или хотя бы привлечь их внимание. Они обращаются к нам, когда бывает уже поздно, иногда слишком поздно. Я не утверждаю, что разумное воспитание всегда сможет защитить детей от душевных и нервных болезней, есть многое, что находится за пределами нашей власти — но это не повод усыпить нашу совесть и не пытаться ничего делать. Пример с Жаннин отчетливо это доказывает: нам удастся победить зло не тем, что мы будем его игнорировать, иначе бы Жаннин незнающая была бы самым счастливым существом на свете. Напротив, только глубокое

знание психологических законов со стороны родителей, полная откровенность между родителями и детьми — конечно в той мере, чтобы не мешать пониманию ребенка — только здоровое естественное воспитание, которое может внести вклад в формирование будущего человека, способного бороться со своими инстинктами, в которых он отдает себе отчет, которые он умеет осудить, не развивая при этом в качестве реакции чувства неполноценности, угрызений совести, глубоких настолько, что могут его погубить. Именно этому должна научить нас пьеса Ленормана, и за это мы ему благодарны.

ШВЕЙЦАРИЯ (1922b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1922: Schweiz // I. Z. P. — 1922. — Bd. 8. — S. 234—235.

Данный текст — сообщение в Международном психоаналитическом журнале, издаваемом в Вене, о деятельности недавно организованного Женевского психоаналитического общества, в которое СШ включилась по поручению Международной ассоциации.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Женевское психоаналитическое общество, основанное в сентябре 1920 года, считает своими членами как подготовленных психоаналитиков, так и любителей психоанализа. Председатель — профессор Клапаред. Вступление в общество, как и посещение заседаний не было ограничено. Вследствие различных сложностей проводилось малое число заседаний — в зимний семестр 1920/21 гг. только два заседания — и в общем собиралось с интервалом в 6 недель.

Наряду с этим обществом, образовалась более маленькая, строго научная группа, которая проводила заседания регулярно почти каждую неделю. К этой меньшей группе (*Groupe psychanalytique internationale*)¹ относятся также некоторые участники

¹ [Международная психоаналитическая группа (фр.).]

международного психоаналитического объединения, как, например, профессор Бове, доктор Бовен, приват-доцент Морель, доктор де Соссюр, доцент Пиаже и госпожа доктор Шпильрейн; далее среди прочих участников, кроме уже названного председателя, профессора Клапареда, еще доктор Анри Флурнуа, доктор Шарль Одье и другие. Большинство участников меньшей группы делали один или несколько докладов здесь или в обеих группах. Из участников большой группы (Женевская группа) следует отметить доклад господина доктора Навилля. Впрочем, последней зимой в качестве гостя обеих женевских групп присутствовал господин Дж. Флюгель из Лондона и делал доклад в каждой из них.

Позже маленькая группа была распущена из-за внутренних причин; ее последние заседания состоялись в декабре 1921 (доклад доктора Бовена об эдиповом комплексе Александра Великого), в январе 1922 (доклад доктора Мореля о психической мании к играм) и в феврале (доклад доктора Шпильрейн о вытеснении). Ко времени последнего заседания уже была созвана большая группа. В марте и апреле у еще существующей большой группы (женевская группа) не было заседаний.

Профессор Бове, директор Института Руссо, получил признание за то, что он одним из первых среди преподавателей высшей школы в университете прочитал курс лекций о сексуальном воспитании. Фрейлейн Малан читала в Институте Руссо курс лекций о психоанализе и воспитании. Приват-доцент Пиаже объяснил и в своих двух докладах в актовом зале университета, и во время своего курса лекций об аутистическом мышлении, что всеми нашими знаниями бессознательного и примитивных детских механизмов мышления мы обязаны психоанализу Фрейда. Госпожа доктор Шпильрейн прочитала в Институте Руссо восемь лекций о психоанализе и воспитании, кроме того, доклад о сновидении в объединении «*Vers l'unité*»¹ и в психологической лаборатории университета, наконец, несколько лекций вне общего курса в Институте Руссо, среди них «Принципы удовольствия и реальности в детской душевной жизни» и «Вредные привычки в детском возрасте». Кроме того, по желанию своих слушателей она основа-

¹ [*Vers l'unité* (фр.) — к единству.]

ла объединение тех, кто и сейчас в среднем один раз в неделю собираются на дискуссии.

В медицинском обществе доктор Одье сделал интересное сообщение об одном вылеченном им при помощи психоанализа случае агорафобии; среди прочих в дискуссии принимал участие доктор Флурнуа, выступавший в пользу психоаналитической точки зрения.

Женева, май 1922.

СНОВИДЕНИЕ О ПОЧТОВЫХ МАРКАХ (1922с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1922: Briefmarkentraum // I. Z. P. — 1922. — Bd. 8. — S. 342—343.

Представлено краткое наблюдение за символической деятельностью сновидения.

Вероятно, в основе сообщения автобиографический факт.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

Одна хорошо знакомая коллега по моему совету отправляется на анализ к врачу-мужчине. В скором времени она вынуждена прервать анализ из-за внешних обстоятельств, причем бурный амбивалентный перенос еще не мог быть прекращен. Из ее сновидения, доверенного мне благодаря дружеским отношениям, я сообщаю лишь фрагмент, который не дает никаких личных сведений. Я предоставляю даме возможность высказаться:

«Мне приносят письмо от моего брата. Марок на нем нет, поэтому я должна заплатить штраф 30 пфеннигов почтового сбора. В письмо вложены фотографии брата; они очень плохие, абсолютно блеклые; брата едва можно узнать».

Перед сном дама читала несколько писем, которые она получила от проводившего анализ врача. Обычно в своих сновидениях она

всегда представляет себе врача в качестве брата, это было ей известно.

Накануне вечером перед сновидением вместе со своим мужем она была на заседании медицинского общества. Там была представлена одна сифилитическая женщина. Коллега задается вопросом, объясняется ли процентным отношением большее число заражения сифилисом среди мужчин тем, что она не знает ни одной табической женщины, или женщины не так сильно предрасположены к заболеваниям табесом¹.

В сновидении она получает письмо от брата (врача) без марок (без марки). Вследствие этого у него атрофия спинного мозга или табес. Фотографии выглядят так бледно, что его едва можно узнать = его внешность поблекла для сновидицы², и она больше не печалится о том, что ей пишет этот Дон Жуан³ и сифилитик. Толкование, согласно мысли коллеги, не допускает сомнений, она также не отрицает этого. Немного раньше этого она видела сон, в котором она больше не могла вспомнить мужчину X. (имя аналитика). Она проснулась со словами Ницше: *«Я болела? Я выздоровела? А кто был моим врачом? — Только сейчас ты здорова, потому что здоров тот, кто не помнит»*.

¹ [Табес — сухотка спинного мозга.]

² Символика поблеклости; ср. Фрейд «Толкование сновидений». [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

³ Желание страха естественно, врач мог быть таким «Дон Жуаном», который мог бы совратить ее, замужнюю женщину. У короткого анализа был хороший терапевтический результат.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ДЕТСКИХ СЛОВ ПАПА И МАМА (1922d)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

1922: Die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama // Imago. — 1922. — Bd. 8. — S. 345—367.

Принципиальная статья СШ, показывающая истоки речи в целом, и первых слов, в частности. Результаты этого исследования во многом предвещают открытия Ж. Пиаже.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

НЕКОТОРЫЕ НАБЛЮДЕНИЯ ЗА РАЗЛИЧНЫМИ СТАДИЯМИ В ЯЗЫКОВОМ РАЗВИТИИ

I. Различные виды языков

Если мы, взрослые, говорим о языке, то мы имеем в виду словесное содержание и упускаем из виду то, какую роль в печатном тексте играют вспомогательные средства из области ритмически-мелодичных языков, такие, как восклицательный, вопросительный знаки и т. д. Эти мелодичные средства выражения еще больше учитываются в речи; к этому присоединяется еще и третий фактор, мимика и жесты, средства выражения, которые мы можем обозначить как визуальный язык, которые играют исключительную роль,

в особенности в сновидениях как в своеобразной образной речи. В соответствии с этим, наряду со словесным языком, мы должны различать еще и другие, такие, как язык мелодии, визуальный (образный) язык, язык касаний и т. п. В качестве языка взаимопонимания у людей гораздо более превосходящую роль играет акустически передаваемый язык (мелодия и, прежде всего, слово), отчего он среди всех других соответствует названию «социального языка». Лазарус по праву говорит, что посредством языка, под которым он понимает словесный язык, человек стал социальным существом:

«Весь мир не состоит теперь больше из не-Я и одного, а именно моего Я, а из не-Я и очень многих Я, настолько многих, когда говорят здесь, когда друг друга понимают, и это свидетельствует об общем и аналогичном сознании», —

немного дальше:

«Давайте вспомним, что язык дан лишь обществу, так человек оказывается в качестве Сам и Я лишь в то время, когда у него одновременно, наряду с собой, есть другой Сам и другой Я».

Сравнивают лишь, как правило, робкое, недоверчивое, злобное существо глухонемого с характером слепого, чтобы обозначить высокое социальное значение словесного языка по отношению к другому языку.

Словесный язык, наилучшим образом подходивший для социальных целей, скоро вытеснил все остальные языки на задний план, между тем они опустились до вспомогательных языков, бессознательных языков, соответственно, преобразовавшись в искусственные языки. Генетически словесный язык все же не является первым ни у людей, ни у животных. Мелодичный язык, музыка в ее самой примитивной форме ритма и расположения тона, предшествует словесному языку: если за долгое время перед этим встречаются первые знаки словесного языка, то крик является проверенным средством взаимопонимания между ребенком и воспитателем. Внимательная мать и воспитательница очень хорошо знают, что их воспитанник кричит по-разному, особенным образом, после того, когда он описался, голоден, когда ему больно, или просто желает быть с воспитательницей. Сначала грудной ребенок выражает — намеренно или нет — свое состояние или желание при помощи разного ритма,

высоты, интонации крика, стало быть примитивным мелодичным языком. Он также сначала понимает интонацию и гораздо позже речь. Также и животным в большинстве случаев в нашем языке доступен мелодический момент.

После этих размышлений понятна высокая популярность музыки, эта популярность, случайно замеченная, не является популярностью музыки как произведения искусства, которое совсем не так просто понять, а музыки как языка. Продукты пластического искусства первоначально были представлениями, которые, прежде всего, служили магическим целям¹. В качестве языка, кроме аутистического, т. е. определенного для себя самого или в качестве «магического»², пластическое выражение является гораздо более трудным и поэтому в этом смысле гораздо менее сохранным. Представления пластических искусств могут использоваться сами собой в тишине. Музыка, напротив, в самой примитивной форме песни, если также начинается в качестве самоудовлетворения, становится вскоре средством передачи *par excellence*, приманкой, мольбой, просьбой, направленной к богу или ближним, чье участие требуется. С образованием словесного языка встречаются главным образом оба родственных внутри акустических языка, осознанно объединенные, как в мольбе, в народных песнях, как позже в произведениях искусства (хорах, операх и др.). Но объединение слова и мелодии также показывает нам, что это два самостоятельных языка, каждый со своим собственным характером, каждый отчасти исключаящий другой: в большинстве случаев погибает либо мелодия, либо текст. Мелодия — это что-то общее, словесный язык — нечто более конкретное, согласованное с настоящим. В случае старой молитвы мелодия подгоняется к тексту и в самых старых молитвах уменьшается почти до чистой ритмики. В народных песнях часто встречается глупый, прямо-таки бесформенный текст с сильным ударением и дифференциацией мелодии. Как есть великие поэты, которые примитивны в музыкальном смысле и не могут даже напеть мелодию, то,

¹ См. Фрейд «Тотем и табу» [*Freud, S. Totem und Tabu (1912—13a) // G. W. — Bd. 9.*].

² Скоро мы будем говорить об этом, потому что первоначально язык определен сам для себя и затем развился до социального, предопределенного для окружающих людей, языка.

с другой стороны, есть творцы музыки, неспособные сочинить одну строфу к мелодии. Возможно, здесь также подтверждается типичное различие в характерологии народа.

У моего ребенка я обратила внимание на то, когда и в какой форме появляются первые музыкальные выражения. Несмотря на то, что мне не удалось сразу же записать первые. Но вскоре последовали многие, аналогичные по сути: это постоянно были попытки мелодизации речи, в смысле нашего тонального чувства это не было настоящей мелодией, скорее, ритмизированное растягивание слогов, так называемых «стихов без рифмы» сравнимых с мелодией, как ее поют дети «без слуха». Текст одной такой «песни» выглядит так:

«С подууушки иголка жалит,
Об игооолку уколешься ты»¹.

Часто мы с дочкой развлекаемся тем, что поем по очереди разные народные песни так, «как это приходит на ум». При этом мне бросилось в глаза, что следующая песня ассоциируется у меня по содержанию с предыдущей, в то время как у дочки, ей тогда было два с половиной—три года, — по мелодии. Это могло произойти по незнанию со стороны ребенка, так как она в любом случае знала тексты с точки зрения содержания и в значительной степени буквальности. Позже моя малышка начала ассоциировать по содержанию слов. У здоровых взрослых людей подавляющее большинство случаев ассоциаций преобладает в пользу буквального содержания.

II. ПАПА И МАМА

Далее нас занимает исключительно словесный язык, а именно первые, по народному мнению, детские слова «папа» и «мама»!

Кто изобрел словесный язык? Это был взрослый человек или ребенок? Способен ли ребенок к спонтанному творению в языке, или для этого годится лишь переданный взрослыми язык, соответственно, деформированный? Этот спорный вопрос до сих пор остается неразрешенным. В этом нам могут помочь психоаналитические опыты.

¹ Иголку с подушки (жалит). Ты уколешься об иголку.

Язык изобретается в бессознательном (правильнее в подсознательном), и это бессознательное постоянно приводит нас, как показывает Фрейд и его ученики, к инфантильным переживаниям и механизмам мышления.

Мы всегда думаем о том, что в ребенке таится прародитель, а в прародителе ребенок. Если ребенок должен был изобрести язык, то он имел его в первых истоках на детской стадии своей души. Создает ли язык ребенок сам или лишь получает его от взрослых? По моему мнению, этот вопрос следует сформулировать иначе, а именно: является ли ребенок согласно своим предрасположенностям социальным существом, обладающим потребностью передачи? Если он унаследовал потребность передачи и принадлежит к говорящим народам, то он также унаследовал потребность в языке, которая заставляет искать и находить¹. Само собой разумеется, что взрослые спешат на помощь детским душам в их борьбе, в то время как они стимулируют посредством своей речи и подражания наследственно зарождающиеся механизмы к развитию со стороны ребенка; при этом мать и кормилица инстинктивно приравниваются к языковым изобретенным формированиям ребенка: они вникают в маленькую душу и находят материал, подготовленный к этому в глубине их собственной души, в их собственной ранней стадии развития, которую они заставляют говорить бессознательным импульсом к ребенку. Один пример может объяснить взаимодействие ребенка и воспитателя: Штерн² сообщает, что его доченька в восемь месяцев спонтанно продемонстрировала губной звук *П*. Взрослые содействовали этому и учили ребенка произносить «*папа*». Сначала малышка повторяла за произносимым лишь звук «*п*»; спустя пятьдесят минут ребенок внезапно сказал «*па-па-па*», конечно, не понимая значение сказанного. Ребенок так быстро научился говорить слово «*папа*», потому что оно возникло из внезапного звука «*п*»; но она еще не повторяла «*папа*», а «*папапа*», потому что ограничение

¹ Я подразумеваю здесь «язык» в общепринятом значении, т. е. язык в качестве средства общения. Как мы сразу увидим, первоначально это не язык.

² [Вероятно, СШ имеет в виду книгу, изданную, в том числе, в русском переводе: Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

на двух слогах еще не соответствовало ее фазе развития, ей требовалось это слово «папа» лишь на время в качестве слогов для бормотания без какого-либо смысла.

Странно то, что, по мнению людей, одни и те же слова, *папа* и *мама*, всегда считаются первыми словами детей. Губной звук «п» в разных языках заменяется генетически родственными ему губными и зубными звуками. Так, в русском языке это «папа», во французском и немецком — «папа», в английском — «папа», в других славянских языках — «тате», «тятя», в греческом «баба»¹ и т. д.

Слово «мама» во всех языках остается достаточно похожим. В русском языке «мама», во французском — «маман», в немецком — «мама», в украинском — «мату», но также «мамо», в греческом — «мама» и т. п. Кажется, что губной звук *М* не меняется, разве что языки должны существовать там, где есть противоположное направление, т. е. где вместо «мама» — «амам»².

Действительно ли слова *папа* и *мама* являются первыми словами у всех детей? На этот вопрос очень трудно ответить, потому что к уже скудному материалу наблюдений присоединяется еще трудность различения между словом и бессмысленным звуком бормотания. Эта трудность различия имеет силу уже во время крика грудного ребенка. Этот крик мог быть первоначально рефлекторным феноменом, но это не навсегда. Все же мы не можем с точностью определить момент, когда это уже не рефлекторный феномен, когда ребенок в первый раз использует этот крик с определенным намерением сознательно или бессознательно. А ригид матери и отцы склонны существенно по-разному указывать этот момент, одна мать вообще недовольна гипотезой о рефлекторном феномене. Как и в случае с криком, он будет вести себя с волюнтаристским моментом при первых словах; мы называем «словом» этот продукт бормотания, как только он приобретает значение, которое мы понимаем или, по крайней мере, должны понимать, потому что оно произносится с определенным намерением.

¹ При всех более сложных словах, как, например, «бабка» и т. д., мы должны постоянно думать о том, что это не было первой формой, которую использует ребенок.

² Я принимаю во внимание фонетическую сторону в следующем отрывке.

Одна мать писала мне о своем грудном ребенке:

«Первое слово, которое Лили точно знает по значению, — это “а-а”¹, но она не говорит его; другие слова, которые она говорит, она не понимает», т. е. она понимает их не в том смысле, в котором их понимаем мы. Первое внезапно произнесенное слово и одновременно понятое слово Лили мать не записала.

Штерн² сообщает о *дида* (часах), первом слове своей дочки. Это слово появилось в результате произнесения его родителями, причем детская внимательность искусно направляется на предмет часов. Другой автор сообщает о *лулулу*, внезапно возникшем при звуке воды. Почему именно эти впечатления среди других многочисленных, присущих ребенку, приобретают приоритет и дают повод для первого образования слов, мы не можем говорить о недостаточном материале наблюдений. Если слова «папа» и «мама» также являются у этих детей пропущенными, если также не в настоящей образованной форме и значении? В чем причина того, что общераспространенное мнение людей приписывает им этот приоритет? В чем также причина того, что ребенок производит слова не точно, а в преобразованном виде? Сначала нас должен интересовать этот вопрос. Здесь выдвигались многие теории, из которых я хотела бы упомянуть: так называемый «*Loi du moindre effort*»³, согласно Аменту, следует свести к Мопертюи. Буффон применяет этот закон к артикуляции и считает, что легче всего произносить сонант А, под согласными П, Б, М. Поэтому первые детские слова состоят из этих гласных согласных звуков (баба, мама, папа). Шульце считает, что ребенок переходит от звуков, объединенных незначительным психологическим успехом, к более сложным и принимает следующий закон передвижения, коверканье, преобразование согласных в детском языке:

«Для звука (гласного или согласного), который ребенок еще не выговаривает, устанавливается то же самое, что и для звука, выговариваемого с незначительной психологической трудностью, родственного с этим трудным звуком, и если ребенок еще не в состоянии заметить это, то он просто устраняет его».

¹ Для потребности.

² [Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

³ Закон наименьшего усилия.

Гутцманн, Франке и Тоишер также говорят о различной степени психологического усилия с предпочтением более легкой степени. Гутцманн, как и Куссмауль, различает периоды языкового развития и считает, что во время второго периода ребенок производит звуки, которые похожи на звуки родного языка:

«Естественно, — считает он, — что эти первые звуки находятся в первой и второй артикуляционной системах: губы и кончик языка — это те части, которые были подготовлены к артикуляции в результате сосания. Поэтому почти во всех языках имена пап и мам похожи. Очень часто одинаковы».

Таким образом, по Гутцманну, процесс сосания — это процесс, который является подготовкой наших первых слов «папа», «мама», «баба» и т. д. Ошибка Гутцманна в том, что он также принимает принцип последовательности согласно незначительному психологическому усилию. Против этого принципа возвышаются обоснованные размышления. Прейер, Селли, Рженичек и др. не признают эту закономерность. Рженичек говорит о легком занятии с языковыми инструментами. Наконец, Амент подтверждает, что в монологах бормотания используются самые трудные звуки К, Г, Р и т. п. за долгое время до того, когда ребенок скажет первое слово.

Ирэна Д., в возрасте 288 дней, например, бормотала *ppp* (бурно), *эппау* (в нос), *абрррр* и подобное; Гертруда М., примерно 190 дней, *абрррр*, *абру*; Элизабет М., примерно 390 дней, *роллеволлегогу* и т. п. Поэтому Амент¹ заменяет старую теорию очередности согласно незначительному психологическому усилию, своей теорией психологического предпочтения. Хотя ребенок уже в состоянии выговаривать самые трудные звуки, К, Г, Р, он предпочитает заменять их губными, соответственно, зубными звуками; он предпочитает эти звуки, потому что они особенным образом поддерживались в процессе сосания во время их развития. В соответствии с этим теория Амента также является психологической. Абсолютно определенно психологическое предпочтение, по мнению Амента, играет большую роль в первых словах детей. К сожалению, здесь невозможно детально остановиться на интересной работе Ронже². Ронже

¹ [Вероятно, имеется в виду книга: *Ament, W. Die Entwicklung von Sprechen und Denken beim Kinde. — Leipzig, 1899.*]

² *Le développement du langage observé chez un enfant bilingue par Jules Ronjat, Docteur ès lettres. — Paris, 1913.*

считает законы, согласно которым ребенок преобразует общепринятые слова языка, это значит, например, в главе «Ассимиляция»¹:

«Au 15e mois j'ai pu donner en français et faire donner en allemand une série de mots qui permet d'établir les formules suivantes:

Occlusive ou nasale explosive² en syllable tonique³ assimile consonne implosive en syllable tonique ou consonne en position quelconque dans une syllable atone. En syllable posttonique Louis ne sait pas produire d'autre implosive qu'une r non vibrée qui est une sorte de résonance vocalique prolongeant un (s) posttonique; ce phénomène très effacé et de nature à peine consonantique reste tel quel.

En syllable prétonique je n'ai pas d'exemple de consonne implosive autre que Armband (ambam)⁴ où m rm⁵ est déjà de même organe que le b explosif de la syllable tonique.

Le phonème induit prend le point d'articulation du phonème inducteur, mais garde son mode d'articulation propre.

Ainsi une nasale labiale⁶ induite par une occlusive dentale⁷ devient une nasale dentale⁸, m x d = n, ex. fr. dame > (dam > dan), une occlusive dentale sonore (= d) induite par une occlusive labiale sourde (= p) devient une occlusive labiale sonore (= b), d x p = b, ex. allem. Puder > (puds > pubs)» usw.

¹ [«На 15 месяце я предъявил на французском языке и попросил предъявить на немецком ряд слов, что позволило вывести следующие формулы:

Окклюзивный или носовой взрывной² согласный в ударном³ слоге ассимилирует имплозивный согласный или согласный в любой позиции в безударном слоге. В заударном слоге Луи умеет произносить только недрожащий г, который представляет собой своего рода звуковой резонанс, продолжающий заударный согласный s; этот неявный феномен, почти не имеющий отношения к согласным звукам, сохраняется.

В предударном слоге у меня только один пример имплозивного согласного Armband (ambam)⁴, где m⁵, заменяющий rm, произносится усилиями того же органа, что и взрывной b в ударном слоге. Последующая фонема совпадает по месту артикуляции с предыдущей, сохраняя при этом свой способ артикуляции.

Так, губной носовой⁶ согласный, следующий за окклюзивным зубным согласным⁷, превращается в зубной носовой⁸, m x d = n, напр. фр. dame > (dam > dan), окклюзивный зубной звонкий (=d), следующий за окклюзивным губным глухим (=p), превращается в окклюзивный губной звонкий (=b), d x p = b, напр., нем. Puder > (puds > pubs)»].

² Взрывной (эксплозивный) — это звук в начале слога, имплозивный звук или звуки, следующие за гласным звуком слога.

³ На который падает акцент.

⁴ Это значит: Луи говорит вместо Armband — ambam. Для разъяснения знаков произношения, которые я привожу по Ронже, я ссылаюсь на оригинал.

⁵ Это значит: ou m remplace le rm = где m заменяет rm.

⁶ = м

⁷ = д

⁸ = н

Эти примеры показывают, что строгая закономерность сохраняется в детском преобразовании слов, которое на самом деле может объясняться психологическим предпочтением. Когда ребенок вместо *дам* говорит *дан*, тогда облегчается задача, в то время когда из следующего согласного, находящегося в той же артикуляционной системе, образуют звук, зубной согласный. Абсолютно точно, что при первых словах детей предпочтение отдается губным и зубным звукам, потому что эти звуки особым образом поддерживаются в процессе сосания во время его развития. Но при всей верности этой теории важные моменты остаются непонятными: откуда появляется то, что у детей всех народов можно обнаружить одинаковые, соответственно, похожие обозначения для отца и матери (папа и мама)? Откуда появилось то, что это первые слова детей или правильнее, что они таковыми считаются? Каким вообще образом происходит так, что звук, произнесенный ребенком, приобретает значение? Первые два вопроса еще не нашли решения, в области словообразования вообще нам известны многие теории, из которых, как мне кажется, наибольшего внимания заслуживают рефлексорная и ономато-поэтическая. Обе теории сходятся в том, что человек использует звуки, подслушанные у природы, которые он учится перенимать в определенном значении (значении слова).

Язык, согласно всем известным до сих пор теориям, не знает другой стадии, кроме той, что звук, заимствованный у природы, даже если рефлексорно возникший или бессмысленно повторяемый, как только становится словом, используется с намерением сообщить что-либо.

Теперь я хотела бы добавить к этой теории свое мнение о психологическом предпочтении. Хочу сразу предупредить, что в развитии языка я хотела бы различать три стадии: первую — аутистическую стадию, когда язык предопределен для себя самого; вторую — магическую, когда слово приобретает сверхзначение; третью — настоящую стадию социального, определенного для окружающих людей, языка.

Эти три стадии соответствуют знаменитой последовательности развития принципа реальности по Фрейду; у Фрейда аутистическая и магическая стадии объединяются, это одна и та же стадия, при которой желание превосходит реальность, фантазия

действительность, где главенствует могущество мыслей. Давайте последуем одному шагу Фрейда в его наблюдениях за «Анимизмом, магией и могуществом мыслей»¹:

«Нельзя предположить, — говорит Фрейд, — что люди добились создания их первой мировой системы из чистого спекулятивного любопытства. Поэтому, узнав об этом, мы не удивляемся, что вместе анимистической системой что-то другое идет рука об руку, наставление, как следует поступать, чтобы стать людьми, животными и вещами, соответственно».

(Это наставление, известное под названием стратегии анимизма, С. Райнах² хочет назвать стратегией анимизма; я бы предпочла сравнить ее с техникой Юбера и Мосса³.)

Принцип магии основывается на сходстве произведенного действия с ожидаемым событием. Отсюда выбранное Фрезером название «имитативная или гомеопатическая магия».

«Если я хочу, чтобы пошел дождь, мне нужно лишь сделать что-либо, что выглядит, как дождь или напоминает о нем»⁴.

«Мотивы, которые подталкивают к занятиям магией, — это желания. Возможно, первобытный человек выражает слишком большое доверие силе своих желаний. Желание для ребенка — это точно такое же переживание, как для первобытного человека в его магическом действии».

«Для ребенка, находящегося в аналогичных психических условиях, но еще не дееспособного с точки зрения моторики, в другом месте мы бы представили гипотезу о том, что сначала он действительно удовлетворяет свои желания галлюцинаторно, в то время как он производит удовлетворяющую ситуацию посредством центробежного возбуждения своих органов чувств» (ср. Фрейд⁵:

¹ Фрейд: Тотем и табу. 1913. [(1912—13a) Teil III. // Imago. — 1913. — Bd. 2. — S. 1—21.]

² [Вероятно, имеются в виду работы: Reinach, S. Code du totémisme. 1900; Reinach, S. Cultes, mythes, et religions. — Paris: E. Leroux, 1905—23.]

³ [Вероятно, имеются в виду работы: Hubert, H., Mauss, M. Essai sur la nature et la fonction du sacrifice // Année sociologique. — 1899. — 2; Hubert, H., Mauss, M. Esquisse d'une Théorie générale de la magie // Année sociologique. — 1904. — 7.]

⁴ Натирание оружия, которым поранили, может излечить рану. В случае так называемой «заразной магии» речь не идет о взаимосвязи в помещении, соприкосании, как минимум о представленном соприкосании. Но так как сходство и соприкосание являются важными принципами ассоциативного процесса, в качестве объяснения для всего помешательства магических предписаний выступает господство ассоциации идей.

⁵ [Freud, S. Formulierungen über die zwei prinzipien des psychischen Geschehens (1911b) // G. W. — Bd. 8. — S. 230—238.]

Формулировка двух принципов психической деятельности. Ежегодник, Т. III. — 1912. С. 2)¹.

Верующий в магию подобен ребенку, для которого

«вещи отходят против их представлений, что связывается с последним, должно происходить с первым. Связи, возникающие между представлениями, также предполагаются между вещами»². (Фрейд: Тотем и табу³.)

Этот вид магического верования встречается нам так часто в случае душевной болезни, так называемой «шизофрении» (Блейлер). Одна из моих пациенток, например, злится из-за различных плохих предположений, которые делали о ней. Я считаю, что ей не следовало волноваться об этом, так как это были пустые предположения, вслед за чем:

«предположение могло бы стать действительностью, чтобы объяснить ее право на существование»⁴.

Достаточно подумать о чем-либо, чтобы это произошло; но сама такая мысль — это постоянно выражение желания или опасения.

Если ребенок произносит свои первые звуки бормотания, то он делает это, потому что бормотание доставляет ему удовольствие по разным психологическим причинам дыхания, определенного мускульного напряжения и т. д. Например, мы читаем у Штерна:

«С седьмой недели насытившийся ребенок произносил иногда звуки удовольствия, примерно такие “кре-кре”; в два месяца он заставлял слушать звук удовольствия “эррэ-эррэ”. С одиннадцатого месяца ребенка записано: теперь бормотание продолжительно и всегда является знаком удовольствия»⁵.

¹ Дальнейший текст: «Для взрослых первобытных людей появляется другой путь. От его желания зависит двигательный импульс, воля, это — что позже в смысле удовлетворения желания изменит землю, — используется здесь для изображения удовлетворения, так что его можно испытать одновременно посредством двигательной галлюцинации. Такое представление удовлетворенного желания можно сравнить с игрой детей, которая заменяет им чисто сенсорную технику удовлетворения».

² Шпиттелер: Мои самые ранние переживания детства. [Spitteler, Carl. Meine frühesten erlebnisse. — Jena: E. Diederichs, 1920. — 156, [2] s.]

³ [Freud, S. Totem und Tabu (1912—13a) // G. W. — Bd. 9.]

⁴ Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // J. — 1911. — Bd. 3. — S. 329—400. [См. наст. изд. С. 3—85.]

⁵ [Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

По Штерну, развитие продвигается «от умеренного аффективно-волевого к объективно-интеллектуальному».

Давайте теперь обратимся к первым словам «папа» и «мама». Очень важно обратить внимание на то, как младенец говорит эти слова. Сначала он не говорит «мама», «папа», а «мё-мё-мё...», «пё-пё-пё...», очевидно, гласный звук при этом примерно ё и число слов сначала неограничено. Если мы живо представим маленький говорящий «мё-мё-мё» ротик и скопируем, возможно, его движения своей рукой, то мы увидим, что эти движения родственны движениям процесса сосания. В звуках «мё-мё-мё» представлен процесс сосания. У младенца, которого уложили в его кроватку после кормления, есть только иннервационный импульс, который также необходим ему во время процесса сосания, не сразу переводящий его в покой, чтобы движения продолжались, и вследствие этого образуется звук «мё-мё-мё». Эти движения, образующие «мё-мё-мё», должны доставлять ребенку удовольствие в высшей степени, это происходит в результате психологических причин, потому что они созданы по образцу процесса сосания и поэтому легко выполнимы, но еще больше в результате психологических причин: в то время как ребенок репродуцирует процесс сосания в движениях, он должен снова каким-то образом освежать ощущения, которыми наслаждался во время только что происходившего процесса. Я не хочу заходить так далеко, как Джеймс, чтобы высказать утверждение: «Мы плачем не потому что нам грустно, а нам грустно, потому что мы плачем»¹. Но, наверное, уже в самом раннем возрасте должны определяться связи определенных действий с движениями, сопровождающими ощущения. И поэтому здесь нет риска заключить, что предполагая, что, если ребенок сначала произносит «мё-мё-мё», звуки, которые связаны с определенными движениями в процессе сосания, то он переживает приятные ощущения процесса сосания.

При этом мы не нуждаемся в представлении четких картин в детской головке, это не обязательно должен быть образ матери, процесса сосания, это могли бы быть совершенно темные ощущения тепла, мягкости (при прикосновении к материнскому телу), влажности, сытости и т. п. Естественно, ребенок снова и снова

¹ [См.: Джеймс, У. Психология. — М.: Наука и школа, 1922. — С. 288.]

будет хотеть испытать эти ощущения; так, инстинктивно он будет приводить свой ротик в положение, которое производит только что упомянутые звуки. Связь между звуками «мё-мё» и соответствующими ощущениями становится все теснее, она становится постоянной; ребенок пытается произвести эти звуки, чтобы вызвать определенную, заранее знакомую группу ощущений. Так как теперь определенные звуки связываются с определенными психическими содержаниями, с ощущениями, возможно, уже с представлениями, то мы можем говорить здесь о «словах», которые указывают на эти содержания, соответственно, обозначают их.

Эти первые слова еще аутистичны, т. е. определены для самих себя. Эта первая аутистическая стадия в отношении дальнейшей «магической» отличается от того, как предполагает магия внешний мир, на который оказывают воздействие, в то время когда мы еще не нуждаемся в том, чтобы не считать в этой первой аутистической стадии еще отдельный от ребенка внешний мир. Но возникновение слова «мё-мё» объясняет нам в этой стадии начало магии, главным образом, веру во всемогущество слов, особенно имени.

Как известно, в магии имя выступает на месте человека. С именем это происходит, как с образом: если, например, нужно вызвать смерть врага, то берут свечу его размера и сжигают ее полностью; этого же можно достичь, если произнести имя данного врага со злостью¹.

Точно так же, как нельзя приближаться к святому животному или королю, нужно избегать предметов, прежде всего, пищи, кото-

¹ Из одной истории болезни, которую в мое распоряжение любезно предоставил господин доктор Пападаки (директор психиатрической клиники в Женеве), я взяла следующий фрагмент: «Apparition par l'ennui de certaines manies: si en travaillant p. ex. A la broderie, une idée de mort lui traversait l'esprit, elle était prise de scrupules que cela ne porte malheur à la personne, dont le nom pouvait en même temps traverser son esprit, et défaisait quelques points pour les refaire sur une autre idée moins désagréable. Si elle jugeait cela absurde et continuait son travail elle était prise par crainte de bouffées de chaleur, v'un malaise terrible, que la rendait malheureuse —.»

[«Появление от скуки некоторых маний: если, во время занятий вышивкой, ее посещала мысль о смерти, она, опасаясь, что это может принести несчастье человеку, чье имя приходило ей на ум одновременно с мыслью о смерти, она распускала несколько стежков, чтобы вышить их заново, с мыслью о чем-нибудь менее неприятном. Если она находила эту мысль глупой и продолжала свою работу, то ее охватывал страх и бросало в жар, ей становилось дурно, отчего она чувствовала себя несчастной.» (фр.)]

рой угощается человек, иначе умрешь на месте, также нельзя проносить его имя.

То же самое относится к именам духов, покойников и т. п. Это согласование имени и человека, слова и поступка Фрейд¹ объясняет точно таким же вышеупомянутым образом, что представление, мысль здесь, как и у ребенка, переоценивается по отношению к реальности; первоначально каждое желание удовлетворялось галлюцинаторным образом, сначала ребенок должен дополнительно научиться тому, что есть реальность, которая многое делает для него невозможным, которую сначала нужно завоевать.

Теперь возникновение первых детских слов показывает, что мы даже не нуждаемся в том, чтобы намеренно допускать вызванное галлюцинаторное удовлетворение желания при происхождении. Если ребенок кричит слово «мё-мё», то сначала он не делает это, потому что это слово напоминает ему о действии, связанном с приятными ощущениями: первоначально слово не обозначало действие², оно само было действием. Это факт, к которому сводится магия в ее вере: слово может заменить действие, так как первоначально слово было действием. Слово «мё-мё» в смысле отдельного объекта дифференцируется сначала дополнительно из определенной смутной группы ощущений, которая образуется в процессе сосания.

Произнесение и мысль о слове вызывает те же самые ощущения в жизни, как и само действие, как и движения рта в процессе сосания, потому что это слово как прямой результат этих движений действует с ними идентично. Когда со временем из непонятной группы ощущений при дальнейшем психическом развитии дифференцируется понятие объекта, матери, то остается первоначально образованная связь между действием=словом и образуется между действием=словом и теперь дифференцированным объектом «мама» (позже — мать), который обозначает это слово. Произнесением имени можно было бы однажды действительно вызвать в жизнь определенную группу ощущений, которая позже представляется человеком. Если меняют или портят каким-либо образом это имя, то при этом портится психическое содержание, связанное с ним (в на-

¹ [Freud, S. Totem und Tabu (1912—13a) // G. W. — Bd. 9.]

² Это означало группу ощущений, не действие.

шем случае = человека). Происходит так, что имя человека в магии представляет самого человека, и что происходит с его именем, то же случится и с человеком.

Отделение слова (имени) и события — вторичный процесс; первоначально это было единством. В магии это снова единство, в то время как имя заменяет человека, процесс, слово, действие.

В первой стадии развития, когда ребенок еще не знает отдельный от него и завоеванный мир, слово является особенным и само предназначено для самоудовольствия. Оно вызывает определенные группы ощущений, которые наконец-то «обозначает»¹. Дополнительно ребенок должен был еще заметить, что между «видимым удовлетворением», которое он получает при произнесении первых слов, и настоящим удовлетворением процесса сосания все-таки появляется существенное различие. Первый опыт в этом отношении должен быть благодарен чувству голода, которое не всегда можно утолить видимым путем. Здесь появляется один из факторов, который должен обратить внимание ребенка на контраст желания и сопротивления (препятствие); в этом зерно начала центрования Я по отношению к нечему, которое позже станет внешним миром. Второй момент находится в процессе сосания. Компайре говорит:

«C'est peut-être en pressant dans sa bouche le sein maternel que l'enfant acquiert la première notion confuse de l'extériorité»².

Это сопротивление со стороны материнского тела, сопротивление, которое противостоит любому движению, которое вообще позволяет нам ощущать движение. Но одновременно этот внешний мир, оказывающий сопротивление, нагружен самыми приятными ощущениями. Теперь родители снова инстинктивно приходят на помощь молодой душе. В соответствии с опытом из темных времен собственного детства они относят звуки «мё-мё» на счет кормящей женщины, эти звуки с любовью повторяются, одновременно с этим материнская грудь с желаемым напитком попадает в нетерпеливо ищущий маленький ротик. Таким образом, в маленькой голо-

¹ Указывается на него.

² [«Может быть, именно в тот момент, когда он сжимает во рту материнскую грудь, ребенок усваивает первое смутное понятие о внешнем» (фр.).]

вке образуется «идея», что при помощи видимого действия, как это было в словах «пё-пё» и «мё-мё», можно «вызвать» настоящую реальность¹. Достаточно сказать слово «мё-мё», чтобы вызвать соответствующую группу ощущений, которая теперь признается в качестве находящейся за пределами и не всегда имеющейся, чтобы доставить эту группу ощущений «мё-мё». Поэтому мы находимся во второй стадии словообразования, «магической стадии».

У первых детских слов в любом случае есть совершенно отличное от нашего общее значение. Паоло Ломброзо², например, сообщает о девочке, которая называет всевозможные вещи, которые она хотела иметь, «пелло» (= шляпа = шапка-пелло). Моя Ренаточка также предлагает прекрасный пример из относительно развитого возраста полутора лет. Тогда я записала:

«Большое удовольствие ей доставляет открывать и закрывать окна, двери, всевозможные предметы. Я сказала ей при этом “открой и закрой”. Теперь она часто говорит “открой”, когда это совсем не подходит, просто, когда она что-то хочет. Я не могу гарантировать, но я думаю, что у нее это просто вызов вещи, т. е. предмета, подразумевая звательный падеж».

Это было написано семь лет назад; теперь я исправлюсь, поскольку это был не вызов вещи, а более того вызов, соответственно, желания приятного ощущения, которое ребенок ассимилировал в вызове «открой» с первоначальным ощущением удовольствия при открытии и закрытии дверей. Это, если так сказать, «приятное происходит сейчас». В полтора года ребенок уже овладел отношением субъекта и объекта, но — давайте не будем заблуждаться, — далеко не с той остротой, как об этом думаем мы, взрослые! Еще в возрасте четырех с половиной лет Ренаточка задала мне вопрос:

«Если я закрою глаза, то я увижу темноту; почему, если я закрываю глаза, Луиза {девочка} не видит темноту?»

Ребенок не задал бы этот вопрос, если бы разграничение собственного Я от внешнего мира было для нее обычным, если бы она

¹ Ср.: Шпербер: Сексуальное начало языка. [Sperber, H. Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache // Imago. — 1912. — Bd. 1. — S. 405—488.]

² [Возможно, речь идет о работе: Lombroso, Paola. La vita à bunoa. — Milano, Fratelli Treves, 1910. — 244 p.]

могла видеть саму себя со стороны, с точки зрения внешнего мира (Луизы).

Слово «открывать», разумеется, не является прямым производным действия, как и слово «мё-мё», но первоначально полученный опыт слово=действие, который «вызывает» страстно желаемое, не может быть так быстро разрушен. К этому относится более длительный опыт. Для ребенка каждая мысль, каждое желание или каждое опасение сначала является фактом. На одной из своих лекций Пиаже говорил о различных установках ребенка по отношению к действительности¹; ребенок следует за ним, что, впрочем, соответствует нашему психоаналитическому опыту от абсолютного к относительному. Сомнение развивается гораздо позже. Очень интересна его мысль: если ребенок спрашивает, то это не для того, чтобы разъяснить себе реальное положение вещей, а чтобы ответить себе самому в желаемом смысле. Здесь моя дочка также предлагает мне хорошие доказательства. Сначала ей известно не прошлое, а исключительно настоящее. Если я говорю: «Славная Ренаточка, хорошо покушала», — то она сразу же хочет взять еду, даже если она абсолютно не голодна. О чем говорят, должно произойти сию минуту. Первые предложения ребенка аффективно-утвердительные (соответственно, насыщены междометиями), это соответствует наблюдениям Штерна за своей дочкой. Так он рассуждает о полуторагодовалом ребенке:

«Все еще преобладают аффективные образования предложений; из маленьких предложений с междометиями от предыдущего составления теперь стали выговариваться волициональные (предложения желания), которые выступают в многообразных формах. Наряду с этим находятся вопросительные предложения; они содержат не только вопросы с вопросительным словом "Что?", но также и вопросы с вопросительным словом "Где?" и вопросы удостоверения. Иногда она сама отвечает себе на эти вопросы»².

При помощи вопроса «Что это?» ребенок хочет знать название вещей, которое заменяет ему вещь. В противоположность это-

¹ La pensée autistique. Зимний семестр 1921 / 1922 (Женевская психологическая лаборатория).

² [Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

му вопрос с вопросительным словом «Где?» означает большой прогресс; здесь начинается активная стадия: вещь здесь не всегда в распоряжении; ее нужно сделать собственной, уметь понять ее. Здесь поиски также сначала являются лишь видимыми поисками, потому что представление стоит над действительностью. В возрасте двух лет и трех с половиной месяцев Ренаточка спрашивает, чтобы одновременно ответить себе в желаемом ею смысле: мы часто играли с ней «в прятки», при этом постоянно говорила «где?» и, в конце концов, «здесь». Теперь все предметы она называет «где? — здесь!» Например: «Где киска Митци? — Здесь киска Митци!», она отвечает «здесь», не печалась о том, соответствует это действительности или нет. Мир ребенка не такой, какой он есть, а такой, каким он должен быть (Шпиттелер: «Мои самые ранние детские переживания»¹). Она, вероятно, переняла от меня интеррогативную² форму предложения, но эти предложения обладают у нее аффирмативным³ характером, так что я записала:

«Она часто использует интеррогативные предложения и там, где они совсем неуместны, например, если она хочет сухарь: “Хочешь сухарик?” или “Хочешь есть?” и т. д.».

Несколько дней спустя я записала:

«Ходит вокруг, стучит: Слышишь шум? (значит, “Слушай, какой шум”). Мама должна тебя забрать? (вместо “мама должна тебя забрать” = “возьми меня, мама”). Ты хочешь закрыть книгу? — Книга закрыта (здесь разделение вопроса и сразу желаемое, завершенное действие “Книга закрыта”). Или положить на стол? (Положите предмет на стол). Или взять это? (Хлеб). Или не брать? Нет? (= я хочу взять хлеб; нет, я не хочу)».

Ренаточка, два года восемь месяцев: «Или на обеих машинах можно сейчас ехать. Если берут обе машины». Даже эта новая, начинающаяся с «если» форма предложения еще не является кондициональной: далее не следует предложение, которое объясняет это «если». Ребенок хотел сказать: «Теперь я хочу ехать на обеих машинах», или просто: «Теперь едут обе машины» (с которыми она

¹ [Spitteler, Carl. Meine frühesten erlebnisse. — Jena: E. Diederichs, 1920. — 156, [2] s.]

² [Интеррогативная форма — форма вопросов—ответов.]

³ [Аффирмативный характер — утвердительный характер высказывания.]

играет); возможно, что «если» должно означать здесь «то» или что-то похожее, но у него нет смысла условия. Интеррогативные и, наконец, кондициональные предложения, которые ребенок подслушал у меня, обладали соответствующим его психическому развитию смыслом. У Анатоля Франса мы читаем прекрасный фрагмент:

«Sachant un peu écrire, je pensais que rien ne m'empêchait de composer un livre. J'entrepris, sous les yeux de ma chère maman, un petit traité théologique et moral. Je le commençais en ces termes: Q'est ce que Dieu... et aussitôt je le portais à ma mere pour lui demander si cela était bien ainsi. Ma mère me répondit que c'était bien, mais qu'à la fin de cette phrase il fallait un point d'interrogation. Je demandais ce que c'était qu'un point d'interrogation.

C'est, dit ma mère, un signe qui marque qu'on interroge, qu'on demande quelque chose. Il se met après toute phrase interrogative. Tu dois mettre un signe d'interrogation, puisque tu demandes: "Qu'est ce que Dieu".

Ma réponse fut superbe: Je ne le demande pas. Je le sais. — Mais si, tu le demandes, mon enfant.

Je répétais vingt fois que je ne le demandais pas, puisque je le savais et je me refusais absolument à mettre ce point d'interrogation qui m'apparaissait comme un signe d'ignorance. Ma mere me reprocha vivement mon obstination et me dit que je n'étais qu'un sot. Mon amour proper en souffrit et je repliquai par je ne sais quelle impertinence pour laquelle je fus mis en penitence.

J'ai bien change depuis lors; je ne me refuse plus à placer des points d'interrogation à tous les endroits où c'est l'usage d'en mettre.

Je serais même tenté d'en tracer de très grands au bout de tout ce que j'écris, de tout ce que je dis et de tout ce que je pense. Ma pauvre mère, si elle vivait, me dirait peut-être que maintenant j'en mets trop»¹.

¹ [«Немного выучившись писать, я решил, что теперь ничто не мешает мне сочинить книгу. Под наблюдением моей дорогой мамы я взялся за небольшой морально-богословский трактат. Я начал его такими словами: «Что такое Бог...». И сейчас же понес показывать листок матушке, чтобы спросить, правильно ли я написал. Матушка ответила, что все правильно, но что в конце фразы следует поставить вопросительный знак. Я спросил, что это такое — вопросительный знак.

— Это, — сказала матушка, — такой знак, который обозначает, что мы задаем вопрос, что мы спрашиваем о чем-либо. Он ставится после всякого вопросительного предложения. И раз ты спрашиваешь, «Что такое бог?», значит ты должен поставить вопросительный знак.

Ответ мой был великолепен:

— Я не спрашиваю. Я это знаю.

— Да нет же! Ты спрашиваешь, мой мальчик.

Я двадцать раз повторил, что не спрашиваю об этом, потому что знаю, и наотрез отказался поставить вопросительный знак, казавшийся мне знаком невежества.

Матушка горячо упрекнула меня за упрямство и сказала, что я просто маленький дурачок.

Только когда, наряду с фантазией, признается реальность, когда, наряду с собственной личностью, замечаются окружающие люди, и слова приобретают не вынужденное, а факультативное значение, появляется то, что мы, взрослые, обычно понимаем под языком. Это третья стадия, стадия социального, предназначенного для окружающих людей, языка.

Я бы хотела еще раз обобщить сказанное:

первые слова детей, которые в подавляющем числе состоят из губных и зубных звуков, обязаны своим происхождением процессу сосания. Процесс сосания постоянно отделен от материнского тела, очень легко производит, прежде всего, звуки «мё-мё». Первоначально слово было действием. В то время, когда ребенок повторял действие, соответственно слово «мё-мё», бесчисленное количество раз, должна была появиться связь между этим словом (производящее его движение рта) и совершенно определенной, всегда одной и той же группой ощущений, а именно с группой ощущений, которые ребенок испытывает каждый раз в процессе сосания. В результате произнесения определенной группы звуков ребенок, наконец-то, часто мог создавать эту определенную группу ощущений.

Ощущения — это элементы более поздних восприятий и, наконец, представлений (возможно, на этой стадии у нас уже есть восприятия и представления). Ставшая постоянной связь звука с определенной группой интеллектуальных и аффективных элементов¹ позволяет нам говорить о том, что эта звуковая группа стала «словом». Здесь, конечно же, идет речь о терминологическом

Авторское самолюбие мое было задето, и я ответил какой-то дерзостью, за которую и был наказан.

С тех пор я сильно переменялся. Я больше не отказываюсь ставить вопросительные знаки во всех местах, где полагается их ставить. Я даже был бы не прочь ставить такие знаки — и притом очень большие — в конце всего, что я пишу, что говорю и что думаю. Бедная моя матушка, будь она еще жива, пожалуй, сказала бы, что теперь я их ставлю слишком много».

Франс, А. Маленький Пьер (1918) // Франс, А. Собрание сочинений в восьми томах. — М.: Худ. лит., 1959. — Т. 7. — С. 241.]

¹ Это значит: ощущения с эмоциональной реакцией, сопровождающей их и свойственной им. Идея вырастает благодаря абстракции существенного из ощущения. Я не хочу приводить здесь никакой точной дефиниции «идеи». Как осуществляется этот процесс, я скоро расскажу в моей следующей работе о создании символов^[a].

[^a] [Неизвестный текст.]

вопросе¹. Если мы хотим говорить о «слове» уже здесь или предпочтем другое обозначение, в любом случае эти происходящие от процесса сосания слова проходят эту стадию, где они репродуцируются исключительно с целью получения удовольствия, где их высказывание, так как при этом осуществляются движения, которые стимулируют ощущения в процессе сосания, доставляют непосредственное удовольствие. Эта стадия, когда еще не различается находящийся в окружении мир, когда язык предопределен сам для себя, — аутистическая стадия. Если однажды ребенок посредством приобретения опыта научится понимать разницу между настоящим удовлетворением в процессе сосания и видимым удовлетворением в процессе говорения первых слов, если появляется смутная идея о захватывающем окружающем мире, то это достигается на второй «магической» стадии, на стадии, когда желаемое вызывают через репродукцию действия=слова.

На этой стадии мы имеем дело с переоценкой желания, субъективного, психического по отношению к действительности, с верой в «силу мыслей». Сначала ребенок медленно учится отделяться от внешнего мира настолько, чтобы уметь видеть себя с точки зрения окружающих людей. Многие, если не все, никогда не могут овладеть этим в полной мере. Теперь учатся ограничивать желания и придавать словам факультативное значение. Вместе с осознанием недоступности и зависимости от окружающего мира всегда все скорее просыпается потребность в получении содействия окружающих людей, в общении, в чувстве взаимопонимания и, наконец, потребность в понимании окружающих людей. Так язык вступает в третью, «социальную» стадию.

До сих пор мы занимались исключительно возникновением слова «мё-мё». Как слово «мё-мё» получает теперь изменение значения, чтобы, наконец-то, обозначать близкую ребенку личность, мать, так и слово «пё-пё». Слово «папа» неоднократно выражает свое происхождение от процесса сосания. В русском языке кормилиц, например, слово «папа» значит хлеб. Христианская

¹ Я не настаиваю на обозначении «слово» на этой стадии. Здесь можно было бы говорить, например, о «зародыше слова». Но терминологические вопросы ничего не меняют в фактах.

вера, в которой в хлебе наслаждаются телом Иисуса, показывает, что речь идет не о рационализированной связи, папа = хлеб, потому что отец — это дающий хлеб, а о более долгой, более внутренней связи. Шутливое предложение «Человек является тем, что он ест» принимается всерьез первобытными людьми; овладевают качествами священного животного, которого потребляют в пищу. Самое тесное единство символизируется актом съедания. Эта вера кажется нам естественной, если мы верим в то, что однажды в жизни действительно съедают человека, человека, который дал нам жизнь, с которым однажды создали одного. Поэтому идентификация символизируется через акт съедания.

Русское слово «няня» является общеизвестным. В языке кормилиц в Ростовской области я часто слышала выражение для обозначения еды «ням-ням». Вероятно, оно возникло ономато-поэтическим путем; производное от акта съедания «няня» относилось тогда к человеку, дающему пищу¹.

Очень интересно, в каких случаях ребенок бормочет «мё-мё», а в каких — «пё-пё». Здесь, кажется, появляется совершенно характерное различие. «Завтра Ренаточке исполняется 10 месяцев», — написано в моем дневнике.

«Она все еще глупышка: у нее нет зубиков, она не встает сама, не понимает, что значит папа и мама, слова, которые она часто повторяет в течение дня. Я не знаю, записывала ли я уже это: если Ренаточка довольна, то говорит “папа”, если она недовольна или что-то хочет, то — “мама”»².

Штерн³, наблюдая за своей дочерью, сообщает о том, что папа выступает в качестве знака удовлетворенности, и мама — в качестве знака скорби, и я думаю, что Селли⁴ тоже пишет об этом. С тех

¹ В Донской области я также слышала «хам-хам», используемое детьми, для обозначения еды (*h aspiré*).

² Произнесение при этом всегда «пё-пё», «мё-мё». Еще в возрасте одного года ребенок говорил «пё-пё» вместо папа.

³ [Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

⁴ [Возможно, имеется в виду работа: Селли, Д. Очерки по психологии детства. — М., 1901.]

пор некоторые женщины сообщали мне это о своих детях. Госпожа доктор Гут-Гельмут, которая слушала мой доклад на конгрессе¹, думала, что я выхватила у нее эти факты изо рта. Так как временно на лицо отсутствуют противопоставленные знания, речь, пожалуй, пошла бы об общеизвестном факте. Каким образом следовало бы объяснить это явление? Когда записывала свои наблюдения, я еще не знала о похожих сведениях у Штерна и др., внушение в соответствии с этим исключалось бы: подробно записано, что малышка еще совсем не понимает слова папа и мама. Таким образом, слово «мама» как знак скорби не может происходить от идеи ребенка, которая сначала заставляет его искать защиты у матери. Мне кажется, причина в следующем: разные звуки, которые берутся в расчет, не берут свое начало в том же положении; они происходят из разных фаз в процессе сосания. Слово «мё-мё» самым точным образом репродуцирует сосание. «Пё-пё», «бё-бё» и т. д. будут, скорее всего, соответствовать тому моменту, когда насытившийся ребенок играет с грудью, то выпуская ее, то снова подхватывая. Если ребенок не слишком голоден и к тому же в хорошем настроении, то ему нравится продолжение движений, которые производят звуки «пё-пё», «бё-бё» и другие похожие. Но если чувство голода выражено властно, то движения сосания становятся более энергичными и ротик принимает положение, характерное для сосания, крепко обхватывая сосок. Это положение составляет звук «мё». Если чувство голода усиливается, тогда вообще прекращается любое «разумное» звукообразование. Состоящие из губных звуков выражения оставляют на всю жизнь единственный язык у различных млекопитающих. К другим это снова не относится. От чего же это зависит?

Что в этих случаях является решающим для звукообразования? Я не хочу подробно останавливаться на этом сложном вопросе. Я не ставила своей задачей принять во внимание все возможности, из которых могли бы образоваться различные виды языков. Я также не утверждала, что процесс сосания является единственным, что образует детский язык. Мы лишь видим, что в подавляющем большинс-

¹ [Вероятно, речь идет о выступлении СШ на 6-ом Международном психоаналитическом конгрессе, 8—12 сентября 1920 г. в Гааге — «К вопросу о происхождении и развитии речи» (См. наст. изд. С. 230—231.)]

тве случаев первые слова детей состоят из губных и зубных звуков. Поэтому они указывают на внутреннюю связь с процессом сосания.

Моей задачей было проследить за возникновением и развитием слов *папа* и *мама*. Это исследование проливает свет на целый ряд психологических проблем, прежде всего на проблему разных стадий в развитии языка (аутистическую, магическую и социальную стадии).

Слово «мама» (в детском говорении *мё-мё-мё...*) репродуцирует процесс сосания. Слово «папа» (= *пё-пё*) берет начало в фазе, когда насытившийся ребенок играет с грудью. Оба слова обязаны своим происхождением процессу сосания. Процесс сосания, как никакой другой, является основополагающим для самого важного жизненного опыта ребенка: здесь он познает наслаждение утоленного чувства голода, но он также учится тому, что это наслаждение заканчивается и должно завоевываться по-новому. Ребенок получает свой первый опыт, потому что есть окружающий мир; этому содействует и контакт с материнским телом, который оказывает сопротивление движениям ротика¹. В конце концов, маленькое существо узнает, что в этом окружающем мире есть место для укрытия, желаемое им, не только потому, что здесь утоляется голод, а также и потому, что здесь тепло, мягко, и оно защищено от всех опасностей. Если однажды в жизни изобрели: «Мгновение! О, как прекрасно ты, повremени»², то это точно было в то время. Здесь ребенок в первый раз учится в широком смысле любить, это значит, также испытывать контакт с другим существом независимо от питания как высочайшее наслаждение.

Из всех этих причин понятно, что словам, произошедшим от процесса сосания, приписывается совершенно особое значение.

¹ Конечно, я не утверждаю, что процесс сосания является единственным, при помощи чего ребенок познает окружающий мир. Я бы еще раз хотела подчеркнуть, что я говорю исключительно о словах детей «папа» и «мама». Обозначения, которые требуются взрослым для папы и мамы, могли бы быть заимствованы по разным причинам, а также из разных областей представления и не содержать больше ничего, что указывает на их взаимосвязь с процессом сосания.

² [Гете, И. В. Фауст // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1976. — С. 423.]

Если «папа» и «мама», что очень даже возможно, не являются первыми словами детей, то они все равно постоянно выступают в качестве таковых в народе.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВКЛАД В ПРОБЛЕМУ ВРЕМЕНИ (1922е)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1922: Psychologisches zum Zeitproblem // I. Z. P. — 1922. — Bd. 8. — S. 496—497.

Издания на английском:

1923: Psychological contribution to the problem of time, in: Report of the International Psycho-Analytical Congress in Berlin September 25—27, 1922 // Bul. I. P. A. — 1923. — Vol. 4. — P. {358—381} 378—379.

Данный текст — одна из версий реферата доклада СШ на 7-ом Международном психоаналитическом конгрессе в Берлине в 1922 г. Здесь дается резюме содержанию более обширной работы «Время в подпороговой душевной жизни» (1923g).

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.
На русском языке публикуется впервые.

Д-р ШПИЛЬРЕЙН предлагает исследовать природу и развитие особых функций мышления, принадлежащих предсознательному, взяв за основу своей проблемы наблюдения об интуитивном изобразительном языке, языке детей, открытия филологии и патологические нарушения речи. В данной лекции рассматривается формирование представления о времени. Лектор разграничивает длительность времени и порядок времени (т. е. поря-

док прошлого, настоящего и будущего). Делаются следующие выводы.

1. Из трех так называемых категорий мышления, являющихся представлениями, достигаемыми не *a priori*, но *a posteriori*, сначала развивается представление о пространстве, затем — причинности¹ и, наконец, времени.

2. Сперва ребенок знает только настоящее и ближайшее будущее, различаемые, вероятно, просто по длительности. Эта идея времени представляет собой идею существования, бытия-здесь. Позднее развивается идея небытия-здесь. Это небытие-здесь есть первое мышление с позиции пространства: «далеко, дальше, ушло». В идее небытия-здесь мы имеем зачаток дальнейшего представления о прошлом. Сначала развивается идея о длительности, чуть позднее за ней следует идея последовательности времени (прошлое, настоящее и будущее). Еще позднее приходит оценка длительности времени:

a. В сновидениях последовательность времени не может быть репрезентирована;

b. В сновидениях последовательность времени превращается в длительность времени;

c. Прошлое более независимо в своих средствах выражения и противостоит настоящему и будущему, как бы формирующих единый блок;

d. В сновидениях прошлое это не истинное прошлое, а небытие-здесь или бытие-уже-не-здесь;

e. Время репрезентируется с позиции пространства.

3. Предсознательное способно на весьма точную оценку длительности времени. Тем не менее, эта способность не выявляется в сновидениях, а встречается в наглядной форме мышления, идущей параллельно сознательному мышлению. В отношении определения длительности времени предсознательное мышление намного превосходит сознательное, это способность, которой наши предки владели в большей мере, чем мы, и которую мы, очевидно, утратили.

¹ Во всяком случае, в определенном смысле. Можно показать, что представление о причинности не является унитарным и в одном смысле формируется раньше представления о времени, а в другом — только после него. Мы должны принять эту оговорку.

В одном случае, в котором оценка длительности времени выражалась символически, это было сделано с позиции оценки пространства (т. е. длины дороги).

4. Открытия филологии обладают удивительной схожестью с открытиями исследований сновидений. Это указывает, в сущности, на интуитивный источник языка.

5. Недостаток представления о порядке времени соответствует неспособности разграничивать противоположности в этом отношении. Каждой новой психической функции приходится заново учиться различать направление (порядок) и исключать противоположности. (Был процитирован случай афазии, иллюстрирующий то, как пациент, способный довольно хорошо ориентироваться в проблемах времени и счета, терпел неудачу в вопросах пространства, ошибочно принимая заданное направление за его точную противоположность.)

Почему сновидцы и дети не различают никакие противоположности в порядке времени? Потому что и те, и другие заняты только финальным или будущим направлением. Можно сказать, что они заодно с этим направлением, они «живут» им, и поэтому оно избегает их внимания. Чего бы они ни пожелали, это немедленно появляется в действительности или фантазии. Реальность постепенно принуждает ребенка «жить» и противоположным направлением, а также учиться узнавать депривацию и деструкцию. С этим возникает идея некоего антагонистического, а с подавление этого антагонистического элемента возникает идея направления.

АВТОМОБИЛЬ КАК СИМВОЛ МУЖСКОЙ ПОТЕНЦИИ (1923a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1923: L'automobile symbole de la puissance male // International Journal of Psycho-Analysis. — 1923. — Vol. 4. — P. 128.

Это еще одна короткая заметка из анализа сновидений. Тема переживаний — принятие женщиной мужской сексуальности.

Перевод с французского Т.И. Беловой.

На русском языке публикуется впервые.

«Я хочу сообщить вам об одном сновидении, которое лишний раз подтверждает всю очевидность принятия символа автомобиля для обозначения мужской потенции.

Одна молодая женщина две ночи подряд видит сон о том, что она должна провести пустой автомобиль по самым узким и крутым улицам Женевы. Она идет рядом с автомобилем, и на спусках ей приходится удерживать машину движением плеча, как это делают мужчины, которые спускаются по улице с тачкой. В первую ночь это кажется ей очень сложным, она все время боится, что на опасных поворотах автомобиль может врезаться в стену, но ей все-таки удастся достичь своей цели. На следующую ночь, у нее возникает ощущение узнавания сложных участков пути, и она ведет машину более спокойно, будучи уверенной в том, что она доберется туда, куда она хочет добраться, а также избежит опасности, которая ее пугает.

Этой молодой женщине (38 лет), несмотря на многочисленные попытки, так и не удалось выйти замуж или отдаться мужчине. В то время как

она видела вышеупомянутое сновидение, она встретила мужчину, который ей очень понравился и который ее желал. Но она не хотела ему отдаться, и при этом ей хотелось любой ценой сохранить отношения на уровне интеллектуальной и духовной близости, границы которой она не хотела переступать. В сновидении ее борьба приняла символический образ борьбы с автомобилем, который ей нужно привести туда, куда она хочет. Друг, о котором идет речь, лишился своего состояния и пытался найти работу в качестве шофера.

Л. М.»

Короткое сообщение госпожи Л. М. довольно интересно. Без сомнения, автомобиль является образом («символом») мужской потенции. Однако необходимо решить еще один вопрос: хочет ли молодая женщина вести свой «автомобиль» в сновидении в том же направлении, что и в реальности? Хочет ли она в своем сновидении избежать сексуальных отношений? Опыт работы неоднократно показывал нам, что желания в сновидениях в большинстве случаев противоположны желаниям наяву. В сновидении молодая женщина боится того, что автомобиль может врезаться в стену. Если машина представляет мужскую потенцию — то стена может обозначать препятствие, противостоящее этой силе, то есть препятствие, которое заставляет ее бояться отношений, которых она бессознательно желает. В своем сновидении ей удастся преодолеть это препятствие, она может в дальнейшем соединиться с мужчиной, которого она любит.

СНОВИДЕНИЕ И ВИДЕНИЕ О ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗДАХ (1923б)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1923: *Reve et vision des etoiles filantes* // I. J. PA. — 1923. — Vol. 4. — P. 129—132.

Приводятся два наблюдения, в которых сила желания выражена мифологическим образом звездного дождя.

Перевод с французского Т.И. Беловой.
На русском языке публикуется впервые.

Эти два наблюдения интересны своей одинаковой структурой; оба случая принадлежат людям разных национальностей; один произошел с молодой здоровой девушкой; другой — с шизофреничкой. Несмотря на это, в обоих случаях перед нами образ золотого дождя, предваряющий образ личного желания или следующий за ним; в сновидении это плакат на небе, на котором огромными буквами написано слово «любовь», а в видении — любимый собственной персоной.

I. Сновидение о падающих звездах

Мадемуазель N. (она здорова), в небольшой компании рассказывает такой сон:

«Я сидела у окна в своей комнате; окно было закрыто, на небе было много звезд; я просто смотрела; вдруг я увидела множество падающих звезд. Это показалось мне великолепным, этому не было конца, оно продолжалось и продолжалось. Я не переставала восхищаться. Вдруг я увидела, что это были не падающие звезды, а дождь, это была дождевая вода, которая текла по ту сторону окна, холодный ветер прибивал ее к стеклу. Это было как отраженный свет звезд, постоянное движение, текущая вода, золотые ручейки, золотые нити, это текучее движение, ни одной линии».

Проснувшись, она удивилась. Ее поразило противоречие между звездами и водой, дождем, которые в сновидении существовали одновременно. Когда она поняла, что не было ничего особенного, что это была *«всего-навсего вода»*, она была разочарована, но утешала себя тем, что это все-таки было очень красиво. Нужно обязательно загадывать желание, когда падает звезда; но было уже поздно. На этот раз девушка сказала себе во сне: *«Если уже поздно для этой (звезды) — я загадаю, когда будет падать следующая»*.

Анализ (Несколько дней спустя.)

Падающие звезды вызывают одно детское воспоминание: она гуляла со своей тетей, когда вдруг упала звезда; это произошло так быстро, что у нее не было времени загадать что-нибудь; потом упала вторая; за ней еще миллион звезд. *«Ты, должно быть, загадала что-нибудь»*, — заметила тетя, на что девочка ей ответила, что она сделала это про себя. *«Какой я была глупой тогда, — сказала мне она, — сейчас я загадала бы совсем другое желание»*. — *«Что бы ты загадала?»* — *«Большую любовь»*. Затем она мне призналась, что не хотела говорить о своем желании перед всеми. Она скрыла это от нас; на плакате, который был в небе, огромными буквами было написано слово «любовь»; это были круглые черные буквы на красном фоне.

«Теперь я думаю об одном блюде (что-то вроде шоколадного пудинга, посыпанного сахарной пудрой); я думаю о фабрике, на которой его делают; буквы в небе были такими же круглыми, как на коробке от этого пудинга; я вижу золотые ручейки; я думаю о вчерашней прогулке (после сновидения), мы ходили в ресторан, пили чай; там была реклама со звездой-кометой, ее хвост был похож на золотые ручейки из моего сна». «Как-то мне рассказали,

что я, ударившись головой, увидела звезды. В детстве я любила смотреть на чудесные свечи с рождественской елки; однажды я обожглась. Во сне я тоже видела настоящий дождь; фейерверк; это чудесно, но так быстро проходит! Мы тратим деньги попусту!»

«Я мечтаю о большой любви, об огромной любви; я так боюсь, что она никогда не придет».

Золотой ручеек наводит ее на мысль о деньгах. *«Боже милостивый! — удивляется она, — я никогда не думаю о деньгах, то есть я довольна, что могу учиться, но деньги не играют для меня никакой роли. Я думаю о золоте, о Мадам Олль и золотом дожде; елка хотела бы иметь золотые иголки. Я думаю о печальной истории, которая произошла на днях с одной девушкой. Она, как и я, все время искала свой идеал. Она любила одного юношу и боролась со своим чувством; она думала, что победила его. Этот молодой человек только что сделал ей предложение. Но он не любит ее, его интересуют деньги. Бедняжка, напротив, очень любит его и чувствует себя разочарованной».*

Мадемуазель N. тоже сильно разочарована. Что если однажды с ней случится тоже самое? В эти дни она все время думает о той молодой девушке. Мадемуазель N. в жизни не испытывала такой *«мерзости»*. Она признается, что впервые *«влюблена»* в одного молодого человека. На днях она должна уехать, она сумеет победить эту любовь, но она чувствует, что изменилась с этого момента, она чувствует: что-то новое, незнакомое доселе, с чем ей придется все время бороться, поселилось в ее душе. Ей предложили хорошее место в R. Ее будущий начальник очень богат (золотой дождь, золотые ручейки в ее сне и ассоциации с деньгами); но говорят, что он не очень приятный человек (*«его изображают в черном цвете»*, по ее выражению). Наверное, он ленив, скуп, несмотря на свое богатство, должно быть, он очень любит пудинг. *«После всего этого я сказала себе, что в глубине души он может оказаться лучше, чем он нам думают. Ему нравится пудинг, как мне».*

Я думаю, что это сновидение понятно без всяких объяснений: эта девушка ищет рай на земле, небо любви, огромной и чистой. И в то же время она сомневается, существует ли оно на самом деле. Печальная история с ее подружкой усиливает эти сомнения. В послед-

нее время она сама познакомилась с любовными переживаниями. Он спасается, сохранив в глубине души тайное, неизвестное ей самой желание найти эту идеализированную любовь в лице своего будущего начальника. Буквы на плакате черные, но он позитивен — поскольку фон — красный (=цвет страсти); буквы круглые, как на упаковке от пудинга — он любит пудинг, как она. Есть еще впечатления последних дней, которые составляют часть образа на плакате. Черные буквы наводят ее на мысль об афише комедии, это, должно быть, представление (она сомневается в этом) «*Дама из Максима*»¹. Афишу этой пьесы она путает с какой-то другой, которая была написана черными буквами по красному фону. У этих двух афиш есть одна общая черта: обе они объявляют о пьесах весьма легкого содержания «не слишком приличных». Мысли о «небе на земле», сомнение («*ненастоящая вспышка, которая так быстро проходит*»), образ начальника, который богат (=золото) вызывают образ падающих звезд из сновидения; еще одна мысль, которая основывается на простонародной вере в то, что падающая звезда может принести счастье. Для Мадемуазель N. образы звезд с детства играют большую роль. Поскольку свободная ассоциация показывает нам, как они трансформируются в образы золотого дождя. Две сказки «Госпожа Олень» и «Елочка» известны: госпожа Олень одаривает красивую и добрую девушку, проливая над ней золотой дождь: этот дождь делает ее еще красивее, приносит ей богатство и, в конце концов, приводит ее к прекрасному принцу. Она слышала эту сказку в возрасте 4—5 лет и просила, чтобы ее рассказывали снова и снова. Сказка о елочке произвел на нее еще более сильное впечатление: маленькая елочка была недовольна своими иголками; она хотела иметь хрустальные иголки; как только ее желание исполнилось — иголки разбил ветер; потом елочке захотелось иметь золотые иголки — но дети сорвали с нее этот наряд; третье превращение было таким же неудачным, как и первые два: на этот раз прекрасные зеленые иголки, которыми она обзавелась, были съедены лесными зверями. Так что она была счастлива вернуть себе свои прежние обычные иголки. Можно решить, что сновидение выражает идею нравственного порядка, поскольку эти сказки вносят

¹ [Пьеса Жоржа Фейдо «*La Dame de chez Maxime*» (1899).]

свой вклад в создание этих образов. Объективное наблюдение не подтверждает этого предположения; во время сна мы видим только пересечение желания и его противоположности, сомнения; желанию удастся победить: плакат в небе — это образ исполненного желания. Даже падающие звезды, открывающие простор множеству сомнительных ассоциаций, в конце концов, доставляют сновидице огромное наслаждение: большая любовь оказывается всего-навсего фейерверком; который быстро проходит. Она понимает, что это была *«всего-навсего вода»*, и в то же время она чувствует, что, несмотря ни на что, это было *«очень красиво»*.

II. ВИДЕНИЕ О ПАДАЮЩИХ ЗВЕЗДАХ

Больная (шизофренией) вычитала в Библии, что в день последнего суда на Землю прольется дождь из падающих звезд и уничтожит весь мир¹. В ее бреду в дождливый день ей казалось, что шел дождь из падающих звезд; за ним следовали ангелы, одетые в голубое; они вели к больной господина К., в которого она была влюблена. Она наблюдала все это из окна своей палаты.

Сама больная рассказывала мне:

«Ну да, в моем бреду дождь из падающих звезд обозначал нечто совсем иное, чем в Библии! Напротив, это было такое наслаждение! Такая мощь! Такое возбуждение чувств. Я испытываю то же самое, когда думаю об этом!»

В то же время она ощущала приятное тепло.

Таким образом, здесь, как и в предыдущем сновидении, символ звездного дождя стал образом личного желания, которое, как мы говорили, должно быть подготовлено или представлено, подчеркнуто и в то же время скрыто посредством этого символа.

¹ [См. “И вдруг, после скорби дней тех, солнце померкнет, и луна не даст света своего, и звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются” (От Матфея 24:29). “И звезды спадут с неба, и силы небесные поколеблются” (От Марка 13:25.)]

ТРИ ВОПРОСА (1923с)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1923: Die drei Fragen // Imago. — 1923. — Bd. 9. — S. 260—263.

Издания на русском:

б.г.: Тест «3 вопроса» [Электронный ресурс] / Автор сайта В.И. Николаев. — Электрон. дан. — Режим доступа: <http://psychoanalyse.narod.ru>

Проведенный СШ эксперимент проиллюстрировал, что сознательно формулируемые «предельные» вопросы в большей части социально ориентированны, спонтанные же вопросы по преимуществу эгоцентричны.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

Иногда интересно видеть психоаналитические знания подтвержденными другими психологическими методами. Во время зимнего семестра 1922/23 г.г. вместе с 14 моими учениками в Институте Руссо я проводила эксперимент:

«Представьте себе, — *просила я*, — что вы можете задать три вопроса богу, судьбе или назовите это, как хотите, на которые вы обязательно хотите получить ответ. Вы можете спросить обо всем, что касается мира земного и потустороннего; разрешены все вопросы; выберите три вопроса, которые больше всего вас интересуют».

Вопросы были составлены учениками на том уроке в письменном виде.

Через неделю я снова хотела получить также ни чем неограниченные три вопроса. Но на этот раз я просила учеников посидеть

1—2 минуты с закрытыми глазами; лишь после этого они должны были написать три вопроса, которые пришли им на ум.

Лишь после того, как были получены ответы на это второе задание с вопросами, я объявила ученикам цель и результаты этого эксперимента.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

СОЗНАТЕЛЬНО ОБДУМАННАЯ ПОСТАНОВКА ВОПРОСОВ¹

Цель жизни

1. Что является смыслом жизни? (1)
2. Что является целью человеческой жизни? (1)
5. Что является значением жизни? (2)
6. Что является истинной целью человеческого существа на этой земле? (1)
14. Что является настоящим назначением человека? (3)

Земного мира или потустороннего?

10. Заглянуть в будущее! (2)

Будущее после этой жизни

2. Что такое смерть? (2)
4. Чего недостает вселенная? (2)
9. Есть ли жизнь после этой жизни, и как следует представлять себе эту жизнь? (2)
14. Во что мы превратимся после смерти? (1)

Личное будущее на этой земле

3. Достигну я своей цели? (3)
5. Что является моим будущим? (3)
10. Познать тайну жизни (чтобы создать жизнь)! (1)
13. Стану ли я матерью? (1)

Война

3. Будет ли еще война среди европейских государств и когда? (2)
7. Могут ли люди избежать смертоносных форм войны, какие сейчас ведутся? (2)
11. Удастся ли отменить войну? (3)

¹ Число перед каждым вопросом означает номер испытуемого; число после вопроса означает какое место занимает этот вопрос у испытуемого: 1, 2 или 3 место. Тематическое подразделение вопросов было осуществлено мной позже.

13. Люди вечно будут убивать друг друга, или когда-нибудь наступит мир?
(2)

Другая борьба

(императивные вопросы)

8. Устранить деньги!
8. Устранить силу притяжения земли!
8. Достичь счастья без борьбы и боли!

Религия и мораль

а) будущее

3. Существует ли будущая жизнь с религиозной точки зрения? (1)
7. Осуществится ли когда-нибудь то, что между людьми наступит абсолютная и истинная гармония? (3)
11. Если после смерти состоится суд, то какое различие будет между теми людьми, которые без какого-либо усилия творят добро, и теми, которые поступают добросовестно, сильно стараются и все же своими действиями приносят человечеству вред? (1)
12. Будет ли жить в мире совершенной жизни каждое рожденное существо? (1)
14. Победит ли, в конце концов, добро или зло? (2)

б) причины и средства

6. Законы природы не содержат ничего определенного, из чего можно было бы создать общую для всех религию? (2)
7. Чем являются влияния, которые обуславливают сублимацию, которая делает их возможными и точными? (6)
12. Создадут они когда-нибудь существа на этой земле совершенство? (2)

в) размышления относительно религии и морали

4. Обладает ли религия абсолютной или относительной ценностью? (3)
5. Существует бог? (1)
6. Является ли любовь сутью — *de élan vital* — жизни? (3)
7. Для чего существует зло? (1)
11. Почему живут существа, которые страдают или причиняют страдания другим... иногда очень долго, в то время как другие, полные моральных и духовных сил, часто умирают молодыми? (2)
13. Может ли человеческое существо жить без эмоций? (3)

Продолжительность во времени / пространстве

1. Человеческий дух бессмертен? (3)
7. Конечна или бесконечна вселенная? (5)
12. Продлится ли вечно совершенное бытие? (3)

Абсолютная и относительная правда

1. Что такое настоящая действительность? (2)
9. Является ли наука или моральная совесть тем, что содержит настоящую правду? (1)

Я и другие люди

2. Кто я? (3)
7. Есть ли человеческие существа на других планетах? (4)
9. Что находится за пределами нашего космоса? (3)
10. Уметь читать мысли других людей. (3)

Исторические вопросы

4. Как образовалась вселенная? (1)

Результаты опроса интересны с разных точек зрения. В целом, четырнадцать человек задали 45 вопросов, так как один из испытуемых задал вместо 3 вопросов 6. Среди этих 45 вопросов 29 касаются будущего (среди них три вопроса относятся к продолжительности и 4 — к цели), 15 — настоящего (напр[имер], что такое настоящая действительность?) и лишь один единственный вопрос — прошлого (возникновение вселенной). Это показывает, как наш дух ориентирован на цель, по крайней мере, в молодости. Вопросы о религии и морали, всего 14, составляют одну треть всех вопросов, чему, возможно, способствует особое кальвинистское окружение Женевы. Что является странным, несмотря на то, что я много раз подчеркивала, вопросы также могли относиться к потустороннему миру — лишь 9 вопросов, которые переступают продолжительность нашей жизни на этой земле, т. е. одна пятая из всех вопросов. Два вопроса выступают за пределы земли. Вместе с предыдущими 9 вопросами в целом 11, таким образом, лишь одна четвертая всех вопросов выходит за пределы нашего земного бытия в пространственном или временном отношении.

Спонтанные вопросы после того, как я попросила закрыть глаза, отчетливо отличаются от сознательно обдуманых вопросов. В задании с закрытыми глазами участвовало всего лишь 6 человек, общее число вопросов 17 (один человек не хотел раскрывать содержание одного из трех вопросов, поэтому написал лишь два). Все 17 вопросов без исключения касаются будущего, а именно: непосредственного личного будущего на этой земле. Все вопросы относятся

к ближайшему будущему, в рамках 1 года. Ни в одном из спонтанных вопросов не встречаются религиозные, моральные, философские, научные вопросы — это является доказательством того, что насколько наши проблемы становятся более узкими, личностными, если мы отдаемся от сознательно направленного мышления и насколько более «социальное» научное стремление становится более отчетливым подходящим моменту эгоцентричным любопытством.

НЕКОТОРЫЕ ПРИМЕРЫ ВТОРОЙ ЧАСТИ (СПОНТАННЫЕ ВОПРОСЫ ПОСЛЕ ЗАКРЫТИЯ ГЛАЗ)

Что могут написать другие?

Какого мнения о нас придерживается госпожа доктор Ш.?

Что может случиться этим летом?

Что делают дома?

Где моя сестра Мари?

Идут ли Мари и Генри к И.?

Где я буду в следующем году?

Появится у меня фортепиано?

Я хочу, чтобы сейчас был уже следующий год.

Уже¹ знать.

Время рисовать.

Последние три вопроса одновременно являются выражениями желания или императивными вопросами. Такие императивные вопросы или вопросы желания испытуемый под номером 8 написал в сознательно обдуманных вопросах. При всей схожести двух типов вопросов и здесь спонтанные вопросы также являются гораздо более узкими, личностными и охватывают незначительный период времени.

¹ Почерк слишком неразборчивый; но из того, что видно, понятно, что этот вопрос в качестве второго является личным и остается в пределах земли.

ЗРИТЕЛЬНЫЙ ТИП (1923d)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1923: Ein Zuschauertypus // I. Z. P. — 1923. — Bd. 9. — S. 210—211.

В этой статье СШ показывает на клинических наблюдениях, как может осуществляться переход от генитальной мастурбации к стыдливости и пассивному наблюдению. Выстраивается следующая цепочка преобразований: генитальная мастурбация — агрессия руки — стыдливость руки — отказ от действий руки — подглядывание.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Аналитикам давно знакома взаимосвязь садизма и анальной эротики. В большинстве случаев садизм выражается в качестве удовольствия от избиения, при этом рука перенимает роль ударяющего сексуального органа. Из некоторых случаев такого рода, которые я проанализировала, мне кажется справедливым объяснение, что здесь находится переход (вытеснение) генитальной мастурбации «со смещением на руку». Рука представляет половой орган, причем часто, но не во всех случаях, перенимает роль мести отцу или самонаказания в других случаях. Процесс происходит так: сначала детский интерес обращается к анальной сфере (подглядывание, прикосновение, игра с экскрементами и т. п.). Главенство генитальной зоны с попытками мастурбации посредством строгого воспитания или других причин испытывает затруднения в развитии.

Рука, которая хотела совершить попытку мастурбации, и возможно, совершила, перенимает теперь под сохранением (данной регрессии) первоначальной анальной эротики роль мужского полового органа, который не должен существовать. Мои наблюдения распространяются на случаи мужской агрессии руки. Я не могла наблюдать этот вид агрессии руки у женщин; если бы это случилось хотя бы один раз, то речь шла бы о каком-либо обходе, о гомосексуальных представлениях пениса. К границам здоровой психологии эстетически сознательных индивидуумов обоих полов относится забота о красоте руки. Она должна быть белой, чистой, ногти должны быть красиво оформленными и блестящими. К женскому идеалу относится мягкая, маленькая, нежная ручка, одновременно намек, рудимент мужского. Такая ручка мужчины действовала бы отталкивающе, но у мужчины «из хорошего общества» рука не должна быть слишком большой, грубой, и особенно красной. Как ни странно, эритрофобию¹, локализованную на руке, аналитическим образом я могла наблюдать лишь два раза, у одной дамы и одного господина. Господин полностью отдавал себе отчет в том, что он воспринимал свою руку в качестве пениса. Рукой и стопой он совершал бессознательные движения в виде 8; это были такие же движения, как и те, которые он совершал со своим пенисом во время мочеиспускания однажды детстве в присутствии одного мальчика. При этом дети веселились, подражая положению четвероногих.

Почти у всех невротиков мы находим чувство стыда своих рук и очень часто у так называемых «робких людей», которые, находясь в каком-либо обществе, не знают, куда деть свои руки. В одном отправленном в свое время на публикацию докладе «Действия, обозначающие кастрацию в детском возрасте»² я писала о мальчишке, который разрушал различные растения палкой, «не живи, не расти», — говорил он при этом. Действие симптома было направлено у него, как и многих других, против протеста отца, против влечения к себе и одновременно являлось актом садистической природы в совершенной форме против неживой природы. Теперь у меня есть интересный случай, в котором агрессия руки не может быть названа

¹ [Эритрофобия — боязнь покраснения.]

² [Неизвестная работа.]

садистической и все-таки не может пониматься в качестве замены для подавленной генитальной сексуальности, при этом рука действует в качестве пениса. Случай касается одного очень умного, чуткого мужчины, который позволил мне анализировать его из научного интереса и был настолько любезным, что позволил мне указать здесь следующие строки:

«Я еще точно помню, как в возрасте 4—5 лет я уединялся с моей кухней такого же возраста в тайном месте, чтобы умерить мое влечение в рассмотрении органа другого пола и производить манипуляции (прослушивать врачом?), такие, как прикосновение, окрашивание травами, смазывание разноцветными «лекарствами», изготовленными для этой цели. Мне пришло в голову, что хотя у меня есть хорошие картины в памяти, я не могу представить себе половые органы, наоборот, я совершенно отчетливо вижу нежную, белую кожу бедра, пронизанную темно-фиолетовыми жилками. Это восприятие и различные ощущения запаха вводили меня в состояние поразительно любопытства, также мне было понятно, что я не обладаю такими качествами. При последующих действиях у меня не только была потребность в обеспечении того, чтобы не удивлять других людей, а также создать со своей подругой детства со всей тщательностью удобную постель, набитую соломой и мхом. У меня не было никакого понятия об участии моего органа, оно и позже было для меня непонятным, когда меня обучали товарищи».

Игра с кухней была раскрыта строгим отцом, а мальчик наказан. В результате давления отца, а позже особенно жестких самоупреков — мальчик признавал руку в качестве пениса. Как следствие этого отказа развилась сверхчувствительность в области кишечника с переносом вверх и различными невротическими нарушениями. Также само собой разумеется, что все больше выделялась оральная зона, которая была подчеркнута с детства, так что, в конце концов, он стал страстным любителем поцелуев, которые продолжал без всякой необходимости. Одновременно с этим он стал зрителем или типом зрителя, который удовлетворял свою страсть к зрелищам во время подглядывания непристойных вещей без какого-либо участия. После анализа, длившегося три месяца, его сущность полностью изменилась; он снова завоевал свое самоуважение и способность работать.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС У РЕБЕНКА ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ЛЕТ (1923е)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1923: Der Gedankengang bei einem zweieinhalbjährigen Kinde. // I. Z. P. — 1923. — Bd. 9. — S. 251—252.

Текст является авторефератом доклада СШ на заседании 27 января 1923 года в Швейцарском психоаналитическом обществе. Здесь в краткой форме представлены ее идеи, касающиеся особенностей афазического мышления и его этиологии, которые найдут последующее развитие в статье: «Несколько аналогий между детским, афазическим и подсознательным мышлением» (1923f).

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Собственно доклад должен был называться: «Некоторые соответствия в механизме мышления маленьких детей, людей, страдающих афазией, и во время сновидения». Во всех этих случаях речь идет о формах мышления, которые соответствуют подпороговому мышлению здорового взрослого человека: согласно Фрейду, нам известно, что в подпороговом мышлении взрослого человека мы находим детские механизмы мышления. Как нам показывает язык механизма мышления, то «сознательное» мышление людей, страдающих афазией, в некотором отношении похоже на детское мышление; соответствие проявляется как в области словесного языка, так и в области рисунков, напр<имер,> также в образной речи. Слово и образная речь дают одинаковые механизмы, как они обычно присутствуют детскому мышлению. Джексон первым указал на регрессив-

ный характер афазийных расстройств: согласно ему, больной афазией отступает к генетически более раннему способу мышления, а вследствие этого, также и манере говорить. Мои наблюдения, кажется, подтверждают правоту Джексона, Монакова и других. При всем этом я не могу отвергнуть, по-видимому, антагонистичные теории, которые возлагают ответственность за потерю языковых, двигательных образов для явлений моторной афазии. Здесь я должна заранее внести объяснение, которое я пытаюсь подтвердить в моей вскоре последующей работе о создании символов¹: наше сознательное мышление является преобладающе словесно-языковым; наше подпороговое мышление является преобладающе кинестетически-визуальным. Сознательное мышление постоянно сопровождается параллельно протекающим подпороговым «органическим» образным мышлением, как мы это можем видеть в гипнагогических состояниях, но также и во многих других случаях. Без этого сопровождающего органического мышления наше абстрактное сознательное мышление быстро стало бы опустошенным и истощенным. Языковые, двигательные образы (Вебер, Клапаред и другие) являются подпорогово-кинестетическими (не визуальными) образами, которые соответствуют нашей словесной речи в ее периферийной части; каждому словесному представлению соответствует языковой двигательный образ. При моторной афазии речь не идет о потере языковых, двигательных образов, а о потере или, правильнее, об ослаблении связи между словесным представлением и его языковым двигательным образом. В результате ослабления этой связи словесная речь, а вместе с ней также и словесное мышление лишается своей остроты и силы; оно разрушается, т. е. постепенно будет «раздифференцироваться»; оно «отступает» и во многих отношениях становится похоже на более раннее кинестетически-визуальное мышление. Еще недостаточно дифференцированное детское мышление следует к началу словесно-языкового состояния, некоторое время — законам доязыкового, кинестетически-визуального мышления. В этом схожи маленький ребенок, сновидец и человек, страдающий афазией. Расстройство в области словесного мышления означает расстройство в области почти всего сознательного мышления.

¹ [Неизвестная работа.]

Подпороговое мышление способно к интеллектуальным результатам, иногда также к большим достижениям — но оно следует другим законам, которые стали известны нам лишь с момента их открытия Фрейдом.

НЕСКОЛЬКО АНАЛОГИЙ МЕЖДУ ДЕТСКИМ, АФАЗИЧЕСКИМ И ПОДСОЗНАТЕЛЬНЫМ МЫШЛЕНИЕМ (1923f)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на французском:

1923: Quelques analogies entre la pensee de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensee subconsciente // Archives de psychologie. — 1923. — Т. XVIII. — Р. 305—322.

Принципиальная статья СШ — ее вклад в психологию афазии. Она показывает, что афазия — как расстройство — является аналогом естественной стадии развития мышления ребенка и отражает доминирование примитивных механизмов бессознательного.

Перевод с французского Т.И. Беловой.
На русском языке публикуется впервые.

I

Мы различаем направленную мысль, цель которой мы осознаем, и мысль ненаправленную, спонтанную, цель которой нами не осознается. Эта классификация, как, впрочем, и все другие классификации, является условной; не существует четкой границы между направленной и спонтанной мыслью, как не существует границы между сознательным и бессознательным. Тем не менее, это различие имеет практическую ценность, и в тех конкретных случаях, которые мы наблюдаем ежедневно, мы можем без труда определить, идет ли речь о направленной, сознательной мысли или нет. В ходе психоанализа мы просим пациента оставить сознательные усилия, руководящие его мышлением; он должен рассказывать нам все, «что придет ему в голову», без всякого участия сознательной критики. Я говорю «сознательная направленность»

или «сознательная критика», потому что любая мысль так или иначе направляется тем или иным принципом: если бы отсутствовал какой бы то ни было принцип, какое бы то ни было направление, если бы все мысли возникали у нас одновременно — мы не могли бы отчетливо сформулировать ни одну из них, у нас было бы состояние типичной «пустоты» или «белого листа», как мы наблюдаем в ассоциативном эксперименте, когда мы приходим к группе аффективных идей. Всегда должен присутствовать некий принцип, который способствует появлению одной мысли и заставляет исчезнуть другую. Этот принцип отличается в сознательном мышлении или, точнее, в сознательной части нашего мышления и в его бессознательной части. Среди психологов особенно сосредоточены на изучении закономерностей сознательного мышления логики: мы же, психоаналитики, занимаемся закономерностями спонтанной подсознательной мысли. Это мышление является нам наиболее отчетливо в свободных ассоциациях наших пациентов, возникающих во время сеансов, в сновидениях, в случае различных психических расстройств и у маленьких детей в целом. Все эти примеры более или менее спонтанного мышления не идентичны; степень адаптации к реальности, опыт, приобретенный мысленно или в вербальном выражении, аффективная жизнь — все здесь в той или иной мере различается; но, не будучи идентичными, все эти различающиеся формы мышления, тем не менее, раскрывают нам общие закономерности спонтанного мышления. Изучение каждой из этих форм имеет свои трудности и преимущества.

Мышление ребенка в возрасте 2-х с половиной лет еще не достигло сознательной, логической ступени. Следовательно, для ребенка не представляет ни малейшей трудности говорить все, что ему приходит в голову, как мы просим у наших пациентов во время психоаналитического сеанса. Абсолютная спонтанность является естественным состоянием для ребенка. Целый день он разговаривает сам с собой, не заботясь о нашем присутствии или отсутствии. Тем не менее, изучение детского мышления имеет свой недостаток: для изучения последовательности мыслей у наших пациентов мы стараемся, насколько это возможно, исключить раздражения, идущие извне. Мы просим нашего пациента сосредоточиться на время сеанса; возбуждения, идущие извне, практически не влияют на

его ассоциации. Точно так же во сне внешние раздражения крайне редко играют какую-либо роль. В спонтанном мышлении ребенка, напротив, эти возбуждения достигают значимого уровня. Считается, что в мышлении ребенка одни идеи постоянно сменяются другими под влиянием внешних впечатлений. Однако это не так, точнее, это встречается не так часто, как думают *a priori*. Я бы сказала, что мышление ребенка носит «липнувший» характер; предоставленный самому себе, ребенок не может легко перейти от одной мысли к другой. Естественно, нет ничего легче, чем поменять ход мысли ребенка. Он плачет, потому что не может достать игрушку, тогда мы привлекаем его внимание к другой игрушке, и вот он уже доволен: он забыл о своем огорчении. Но не будем забывать, что в этом случае мы вторгаемся со своим авторитетом и навязываем ему нашу волю в его выборе. Таким образом, ничто не говорит в пользу того, что ребенок оставляет объект своего желания, оставляет окружающие его мысли, что эти мысли не продолжают присутствовать в нем, ассимилированные в новом объекте. Ребенок быстро утешился, это правда, но разве вы не замечали, что ребенок, поплакав, еще довольно продолжительное время не перестает всхлипывать. Иногда он плачет всю ночь. Это доказывает тот факт, что у ребенка иннервация вследствие определенной мысли не исчезает так легко, как мы привыкли думать в соответствии с общепринятым мнением о детском отвлечении, *Ablenkbarkeit*¹. Предоставленный своим занятиям, без нашего вмешательства, ребенок ведет себя по-другому. Элементы действительности находятся в его распоряжении.

Что он с ними делает? Есть два типа отношения к явлениям реальности: либо мы адаптируемся к реальности, либо мы адаптируем реальность к себе. Среди впечатлений окружающей его реальности ребенок выберет те, которые входят в группу известных ему понятий; он будет действовать так же, как мы в сновидениях, заимствуя из реальности то, что нам подходит, и деформируя реальность в соответствии с нашими мечтами. Гипотеза для ребенка равна реальности. Даже детский вопрос не выполняет функцию собственно вопроса, который является точкой отсчета в исследовании, в адаптации к неизвестному. Если ребенок спрашивает «где барашек?»»,

¹ [*Ablenkbarkeit* (нем.) — отвлекаемость; способность переключаться.]

то это вовсе не потому что он замечает, что барашек исчез; ребенок сам себе отвечает «*вот он*» или «*он ушел*», ничуть не заботясь, отвечает ли это реальности. Ребенок «играет», говорим мы, но он «играет» всегда. В душе ребенка существует любопытный дуализм: с одной стороны, он понимает, что мал и беспомощен перед лицом реальности; он опирается на авторитет родителей, которые все знают и все умеют. (Г-н Обергольцер, например, упоминает случай с маленькой девочкой, которая верила, что ее тетя может все, и просила, чтобы она вызвала дождь.) В то же время, с другой стороны, ему неведомо сомнение; это он все знает и все может. Сколько раз я слышала, как учительница ритмики спрашивает малышей: «*Вы поняли?*» — «*Да, Мадемуазель*». — «*Вы уверены?*» — «*Да, Мадемуазель*». — «*Вы точно поняли?*» — «*Да, Мадемуазель*». — «*Вы сможете это сделать?*» — «*Да, да, Мадемуазель*». Ответ был всегда уверенным и единодушным, несмотря на то, что в большинстве случаев дети ничего не понимали. Ребенок не осознает трудностей реальности, потому что он слишком привык реализовывать в своей фантазии то, что ему не удастся в реальности. Все это доказывает, что опасность внешних раздражений, которые могли бы повлиять на спонтанное мышление ребенка, не так уж велика. Мышление маленького ребенка является медленным, оно «липнет», как мы сказали. Это значит, что группа идей сохраняется в течение долгого времени; объекты, которые ребенок заимствует из внешнего мира, не подвергаются большим изменениям и постоянно возвращаются в неизменном виде. Я наблюдала за одним ребенком в разные периоды его жизни, записывая дословно все, что он говорил; я отмечала, насколько это было возможно, все его жесты и занятия. Я повторяла эти наблюдения несколько раз. Вот одно из наблюдений, сделанных, когда ему было 2 года 4 $\frac{1}{2}$ месяца. Чтобы облегчить чтение, я разделила слова и жесты ребенка, выражающие его мысль, на четыре группы, каждую из которых я обозначила специальным символом. Каждая строка представляет одну фразу. Фразы расположены в том порядке, в котором ребенок их произносил. Ребенок говорил на смеси немецкого и швейцарско-немецкого, которую я перевела на французский в дополнение к оригиналу. По значкам на странице 310 вы видите, что ребенок высказывал одну и ту же мысль несколько раз; одна и та же мысль постоянно возвра-

щается и, что характерно, возвращается примерно в одной и той же вербальной форме. Она «липнет» или «застревает», как говорится в психиатрии.

Еще одним любопытнейшим феноменом является то, что я называю *скрещивание*. В результате исследований Менделя стало известно, что скрещивание растений с красными цветами и растений с белыми цветами приводит к возникновению нового вида, в потомстве которого могут появиться как розовые, так и красные или белые цветы. Розовые цветы представляют собой мнимо однородные по цвету экземпляры, получившиеся в результате скрещивания и содержащие отцовские и материнские признаки, красные и белые. Достаточно совершенный микроскоп или химическая реакция может показать нам эти красные и белые элементы в цветке, который кажется нам однородно розовым.

Детский лепет изобилует предложениями, одна часть которых принадлежит к одной группе понятий, а другая — к другой; это не конденсация простых предложений, когда одно из них пересекается, продолжая или предшествуя, с другими простыми предложениями, заимствованными то из одной, то из другой группы понятий. Такую конденсацию двух групп понятий в одном предложении, следующей или предшествующей их диссоциации в последующих предложениях, я назвала бы *скрещиванием*. Мышление ребенка изобилует такими скрещенными предложениями. Ригидность вербального выражения позволяет нам легко определить, какую группу понятий представляет то или иное высказывание. Рассмотрим детские ассоциации. Я разделила все ассоциации на 4 группы более или менее отличающихся и постоянно повторяющихся понятий; это, конечно же, не исключает того, что, возможно, здесь присутствует еще какая-нибудь группа понятий, также выраженная в высказывании ребенка или определяющая появление этого высказывания. Я отметила каждую группу понятий специальным значком. Там, где я не могла точно определить, к какой группе относится та или иная фраза, я не ставила никакого значка.

Мы никогда не сможем выделить все группы понятий, которые участвовали в выборе элементов определенного высказывания, точно так же, как мы не сможем отследить те понятия, которые не выражены при помощи жестов или слов. Таким образом, я

ограничилась выявлением тех идей, которые показались мне основными, поскольку они постоянно возникали в речи, их было легко проследить. Конечно, такая классификация идей по группам является в большей или меньшей степени условной; она является всего лишь средством, которое упрощает нам процесс наблюдения. Эти 4 группы таковы: 1 группа объединена центральным понятием «есть» (символ +); 2 группа объединена вокруг идеи «Анна» (●); 3 группа с идеей «спать» в центре (—); и 4 группа с идеей «Дитя—Мама» (*) (см. список ассоциаций).

СПИСОК АССОЦИАЦИЙ

Есть +; Анна ●; спать —; дитя-мама *

	1.	<i>поздоровайся</i>
	2.	<i>у него воротничок</i>
+	3.	<i>медведь</i>
+	4.	<i>кошка голодная</i>
+	5.	<i>хочет есть</i>
	6.	<i>должна я взять кошечку?</i>
	7.	<i>должна собаку</i>
	8.	<i>радуется</i>
*+	9.	<i>посесть ребенку</i>
*+	10.	<i>мама голодная</i>
*+	11.	<i>она хочет есть</i>
(Малышка хочет взять мои часы — я не разрешаю; она делает вид, что плачет и через минуту обращается сама к себе:)
*	12.	<i>хватит плакать</i>
— *	13.	<i>должно, ничего случиться с ребенком</i>
(Зекает, изображает зевок)
• —	14.	<i>еще одна тетя</i>
• —	15.	<i>В сумку (положила)</i>
•	16.	<i>ленточки</i>
•	17.	<i>дядины брюки (надела)</i>
•	18.	<i>дядины брюки надела</i>
	19.	<i>книжка красивая</i>
*	20.	<i>не то?</i>
—	21.	<i>кукла...(спит)?</i>
—	22.	<i>спит в своей кровати</i>
—	23.	<i>книжка тоже спит?</i>
•	24.	<i>где тетя?</i>
•	25.	<i>она играет в прятки</i>

- 26. где барашек?
- 27. где кошечка?
- 28. вот кошечка
- * • 29. где малыш?
- 30. в сумку (положили)
- 31. вот мячик
- 32. вот мальчик в штанишках
- 33. вот мальчик в штанишках
- * • 34. показывает мама ботинок
- 35. Анна сделала мальчика в штанишках
- 36. Лиза сделала мальчика в штанишках
- * 37. болит живот у Сьюка¹
- 38. ложиться
- * -- 39. подходит к малышу
- 40. это мазины
- 41. ошадка, ошадка спит
- 42. о, малыш спит в книжке
- 43. о, книжка спать
- 44. книжка спит
- 45. ааа книжка
- * -- 46. хм, пойду к маме
- 47. читать
- 48. читать книжку
- 49. книжка
- 50. читать книжку
- («книжка» ассоциируется с понятием «спать»; это объясняет следующую ассоциацию, т. е. ассоциацию с «мамой» и затем ассоциации с колыбельными, которыми мама ее убаюкивает)
- 51. баю, баю, баю, бай (поет)
- 52. у Сьюка больше нет зайцев
- 53. это зайцы в книжке
- 54. это зайцы в книжке
- 55. это черные зайцы
- 56. заяц закрывает глазки
- 57. заяц закрывает глазки
- 58. длинные ушки у барашка
- 59. заяц закрывает глазки
- 60. спать
- 61. и-и-и, и-и-и (поет)
- 62. смотри, девочка играет с мячиком

¹ Это имя, которое малышка задала сама себе.

- 63. *бедный медвежонок*
- 64. *Джек (жалобно вздыхает)*
- 65. *веди себя хорошо (жалобно вздыхает)*
- 66. *веди себя хорошо (жалобно вздыхает)*
- 67. *Ааа, у, у-хм, хм-хм*
- 68. *медведь*
- 69. *на медведе*
- 70. *на медведе*
- 71. *медведь устал*
- 72. *хочет лечь на полу (поет)*
- 73. *просто смотрит, смотрит (поет)*

Ребенок рассматривает книжку с картинками. «Поздоровайся» — первая фраза, сказанная девочкой (в книжке с картинками нарисован кот, который ходит в гости). Во второй фразе «У него воротничок» (надел) внимание сосредоточено на персонаже кота, который надел воротничок; слово «кот» еще не появилось ни в первой, ни во второй фразе: «кот» является «латентной» ассоциацией, которая появится позже, в связи с другой группой понятий, которая окажется наиболее сильной. Эта группа строится вокруг идеи «есть». Во фразе 3 «медведь» возникает в неправильной грамматической форме (den), которую на французский можно было бы перевести предлогом à¹; в немецком языке два падежа, дательный и винительный, имеют почти одинаковый артикль (dem и den). Ребенок с легкостью ошибается в их употреблении. Новая грамматическая форма возвещает о появлении новой группы понятий. К сожалению, я не смогла уловить всю фразу, которую она произнесла слишком неразборчиво. У девочки есть привычка кормить всех животных, когда ест сама; прежде всего своего медвежонка, именно поэтому я предположила, что во фразе латентно представлено понятие «есть», или эта мысль выражена в остальной части фразы, которую я упустила.

Понятие «есть» отчетливо проявляется во фразе 4, где снова возникает «кошка», на этот раз обозначенное как — «кошка голодная»; понятие «есть» развивается во фразе 5 «хочет есть». Оно исчезает во фразах 6, 7, 8, чтобы вновь появиться во фразах

¹ [По-русски это дательный беспредложный падеж — «медведю». — Прим. перев.]

9, 10, 11 в ряду идентичных грамматических форм «*поесть ребенку*», «*мама голодная*», «*она хочет есть*». Фразы 6 и 7 любопытны. Новая форма «нужно мне» не является вопросом, как можно было бы подумать. По моим многочисленным наблюдениям, это оптативный императив¹. Напр[имер], дети часто говорят «*ты хочешь zwieback²?*», они также добавляют «или, может, ты не хочешь?» вместо того, чтобы сказать «*я хочу zwieback*», «*я не хочу*». Мы можем рассматривать фразу 6 и особенно фразу 7, как скрещенные фразы. Особенно фразу 7 — «*нужно (мне) собаке*» (*Soll den Hund*), которая еще содержит концепт «есть», вновь появляющийся в соседних фразах 9, 10, 11. В то же время новая форма оптатива-императива «нужно» ведет за собой новую группу понятий «*дитя—мама*». Я несколько раз объяснила девочке: «*Собака следит, чтобы с малышом ничего не случилось*» (*Der Hund wacht, dass dem Bebi nichts passiert*). Представление о собаке связано с представлением о малыше. Выражение «нужно» из фразы 6 повторяется во фразе 7, где оно ассоциируется с «собакой»; поэтому фраза 7 содержит латентное понятие «ребенок» (ассоциирующееся с собакой). Действительно, этот «ребенок» появляется уже во фразе 9 (*поесть ребенку*) и появляется вновь через посредство мамы (фразы 10, 11, 12) во фразе 13, на этот раз в тесной связи с понятием «должно», «[не] должно ничего случиться с ребенком». Эта грамматическая форма также неправильна как в немецком, так и во французском языке, и в любом случае представляет конденсацию понятия «ребенок» и более неопределенного и обширного понятия, выраженного оптативным императивом, который независимо появился во фразе 6.

Фраза 13 определенно является скрещенной, поскольку два составляющих ее понятия «должен» и чтобы «ничего не случилось с ребенком» независимо сосуществуют в одном и том же монологе или, точнее, связаны с другими группами понятий; так, «должен» появляется во фразе 6, т. е. до явно скрещенной фразы 13, а «случилось с ребенком» — во фразе 39, т. е. после фразы 13. Фраза 13, как мы сказали, вводится опосредованными ассоциация-

¹ [Имеется в виду: желаемое повелительное наклонение.]

² [Zwieback (нем.) — сухарик.]

ми с «собакой», «ребенком» и «мамой», также связанными с понятием «есть» (фразы 9, 10, 11, «*поесть ребенку*», «*мама голодная*», «*она хочет есть*»); идея «мама» начинает его побеждать: внимание девочки переносится на мамины часы; девочка притворяется плачущей и повторяет мамины слова, которые она часто слышала в подобной ситуации: «*хватит плакать*» (фраза 12). Поскольку малышка хочет взять часы, стоит еще раз отметить, что «должен» в следующей фразе появляется под влиянием этого желания, которое застревает и выражается в форме оптативного императива. Девочка хотела сказать: «*чтобы ничего не случилось с ребенком*», но застрявший оптативный императив «должна» прививается к предложению и участвует в образовании скрещенной фразы с неправильной грамматической формой.

После произнесения фразы 13 идея «спать» (поскольку малыш спит) становится доминирующей, даже будучи переданная жестами: девочка начинает зевать, а потом изображать зевание. Сначала это доминирование кратковременно. Ассоциация «тетя» кажется более сильной (фразы 14, 15, «*еще одна тетя*», «*положила сумку*».) Идея «спать» вновь появляется, на сей раз в двух высказываниях: «*спит в своей кроватке*» (22) и «*книжка тоже спит*» (23), но ассоциация с «тетей» снова вытесняет группу «спать». Эта идея снова появляется во фразах 38, 39, 41, 42 и т. д., чтобы достичь своего полного расцвета. Тетя существует в книжке с картинками. Ее сумка возбуждает детское любопытство: «*в сумку (положила)*» (15) и «*в карман (положила)*» (30).

Идея «тетя» влечет за собой две группы различных ассоциаций, исключаящих одна другую. Одна касается предметов гардероба, вслед за фразой «*положила в сумку*» (15) с центральной идеей «*мальчик в штанишках*» (*Hosenbuebe*), а другая — выявляет понятие игры в прятки (фраза 24): «*где? — вот*». Эти две группы ассоциаций объединены одним понятием или лицом, если хотите, «Анной». Анна часто пела малышке «*она надела красивые штанишки с красивыми кружевами. Ах, ты, ах, ты, мой дорогой малыш!*» (На швейцарском немецком: *Hat schöne Höseli an, schöne Spitzelili dran, Oh, du mein, ja du mein, lieber*). В то же время Анна называла малышку «*мальчик в штанишках*» (*Hosenbuebe*). Фразы 15 и 16 на немецком языке содержат грамматические фор-

мы, в которых уже присутствует мысль о мальчике в штанишках (я перевела это на французский при помощи глагола «надеть» (надела). У тети есть карман (*Hat Taze an*) «с ленточками», а у мальчика — штанишки (надел). Возможно, что в самой песенке речь идет о «ленточках», также возможно, что одевая малышку, Анна говорила о них. Во фразах 17 и 18 — «надел штаны дядя» — мысль о штанах выражена. «Красивый» во фразе 19 также принадлежит к группе «штаны» (хорошенькие штанишки).

Идея «Анна» тесно связана с идеей «мама», а идея «одевать» с легкостью неизменно вызывает противоположную идею «раздевать», а затем «спать». Фраза 20 одновременно содержит идеи «Анна» и «мама»: «*He так?*» — часто спрашивали и та, и другая. Идея «мама—дитя» вызывает вслед за фразой 14 идею «спать» (21, 22, 23); с другой стороны, вопросительная форма связана с игрой в прятки. Вслед за идеей «спать» (после фраз 13—14) возникает идея «тетя» (23—24), но вопросительная форма, исчезнувшая ненадолго, вновь появляется в связи с ней: «*где тетя?*» — «*Она играет в прятки*» (25, 26). Идея «прятки» представлена вплоть до фразы 34. Она мало-помалу стирается, уступая место идее «мальчик в штанишках». На этот раз в качестве центральной идеи появляется Анна («*Анна нарисовала мальчика в штанишках*», фраза 35). Во фразе 36 «Анна» заменена на «Лиза», девушка, которая раньше присматривала за ребенком. Затем ассоциация снова возвращается к группе понятий «мама—дитя», где на этот раз идея «спать» достигает своего полного расцвета. Все остальное связано с мыслью о сне и пребывании рядом с мамой, убаюкивающей своими колыбельными, напр[имер], черный заяц и барашек с длинными ушами — это две фразы со скрещенными элементами, взятыми из колыбельных, которые пела мама и т. д.¹

Анализ этого маленького монолога, на мой взгляд, выявляет следующее:

¹ Колыбельная песня, которую поет мама, называется «Спи моя малышка, спи, в саду есть две овечки, одна черная и одна белая». В детской книге присутствуют два зайца, которых ребенок связывает с представлением овец из колыбельной песни.

1) у маленького ребенка понятия не возникают изолированно; они нанизываются одно на другое и следуют ассоциативным законам;

2) мысль ребенка медлительна и бедна ассоциациями, иначе говоря, понятия и ассоциации не слишком разнообразны;

3) ребенок не выражает мысль целиком, например, суждение «собака следит, чтобы с ребенком ничего не случилось». Сначала мысль появляется «по крошкам», в связи с другими мыслями; прежде, чем мысль будет выражена цельным высказыванием, мы видим, что ее части (крошки) появляются изолированно, иногда несколько неуклюже, в нескольких фразах, в связи с другими мыслями. Это объясняется фактом, который мы рассмотрим более подробно в ходе изучения того, как больные афазией и дети рисуют, факт этот состоит в следующем:

4) мышление ребенка не обязательно является однонаправленным. Мы можем найти в нем два противоположных направления одновременно. Когда ребенок обращается к новой мысли, его мышление возвращается к предыдущей, которая прививается к этой новой идее. Следствием этого является то, что

5) прежняя идея постоянно возвращается, она сохраняется или застревает;

6) будучи привита к новой мысли, она порождает феномен скрещивания;

7) при беглом взгляде на лист ассоциаций мы можем заметить, что некоторые значки занимают довольно сжатое пространство, тогда как другие широко распространены. Значок + довольно быстро исчезает. Это значок, относящийся к группе идей «есть». Среди четырех действий, занимавших ребенка во время нашего наблюдения, присутствуют следующие: есть, одевать, прятать, спать. Почему же идея еды исчезает так быстро, когда остальные упорно продолжают присутствовать? Случайно ли это?

Под значком • мы различаем две основные идеи, объединенные личностью Анны: о «мальчике в штанишках» и о «прятках». Каждый раз, когда девочка говорит о штанишках, она повторяет свою фразу дважды. Таким образом, фразы 17 и 18 оказываются идентичными «у дяди штаны». То же самое происходит во фразах 32 и 33 «Вот мальчик в штанишках!», во фразах

35 и 36 «*Анна нарисовала мальчика в штанишках*» и «*Лиза нарисовала мальчика в штанишках*», в них меняется только субъект. Штаны появляются трижды, и во всех случаях фраза дублируется. Однако, еще Штерн¹ настаивает на том, что если ребенок дважды повторяет одно слово (или фразу), то это значит, что он хочет подчеркнуть нечто важное для него. Мы зачастую используем то же средство, говоря так: «*Это очень-очень красиво*». Здесь наблюдается значимая в психическом, а не биологическом смысле связь, аффективное отношение. Вслед за фразой 18 следует эмоциональная фраза «*книжка красивая*». Ассоциации становятся все более эмоциональными. В группе идей «спать», присутствующей в речи в течение длительного времени, преобладает радость. Фраза 41: «*лошадка, лошадка спит*». 42: «*О, ребенок в книжке спит!*» Восторг идет по нарастающей и достигает кульминационной точки, когда книжка должна отправиться спать к Маме. Здесь вспыхивают воспоминания, тесно сгруппированные вокруг одной и той же идеи: желание спать у мамы под убаюкивание колыбельной песни.

Таким образом, мы видим, что именно аффективные движения удерживают ту или иную группу идей в спонтанном мышлении.

II

Может возникнуть два возражения против нашего анализа детского мышления. Первое — более общего порядка: мы изучаем средства выражения мысли, а делаем выводы о самом мышлении. Имеем ли мы на это право? — в общем, этот тот вопрос, который возникает по поводу отношения между объектами как таковыми и тем, как мы их воспринимаем. Не нужно путать мышление с тем, что существует в нас в качестве приобретенного, автоматизированного, устоявшегося, «органического», я бы сказала, опыта, как в том случае, когда речь идет об инстинктах. Мышление не существует для нас иначе, как в своем выражении. Это выражение, или язык, не должно быть обязательно языком слов. Мышление мо-

¹ [Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922.]

жет быть переведено на язык мелодии, движений (жестов, например), изображений и т. п. Речь, выражающая нашу мысль, может быть обращена к нам самим, в сновидениях, например — так называемый *аутистический язык*, или может быть обращена к другим, так называемый *социализированный язык*. Но, так или иначе, это язык, представляющий для нас саму мысль; именно исходя из его выражения на каком бы то ни было языке, мы делаем выводы о механизме мышления.

Второе возражение носит частный характер (и относится к рассмотренному нами случаю): возможно, что обозначенный нами механизм детского мышления объясняется исключительно неспособностью ребенка изъясняться словами? Возможно, его механизм мышления предстал бы перед нами в ином свете, если бы ребенок выражал свои мысли не на языке слов, если бы мы, например, узнали, как он думает про себя? Здесь возникает та же проблема, что и в случае с афазией.

Далее мы увидим, что то, что мы называем механизмом детского мышления, во многом похоже на механизм мышления в наших сновидениях и у афазика. «Афазия» — это неспособность говорить, церебрально обусловленная. Слух находится в сохранности. Моторные пути свободны; иначе говоря, нервы, мышцы, все органы речи не поражены; в большинстве случаев больной не способен повторить то, что ему говорят. Обоснованно или нет, но различают три вида афазии: сенсорная, амнезическая и моторная. В случае сенсорной афазии больной может говорить сам, но не понимает того, что говорят ему; больной амнезической афазией не помнит названий предметов; если ему удастся их вспомнить, он начинает все понимать и может все сказать. В третьем случае больной помнит названия предметов, все понимает, но не может ничего сказать.

В объяснении проявлений афазии ученые далеки от согласия. Одни еще различают мозговые центры, каждый из которых отвечает за отдельную функцию. Поражение одного из таких центров, по их мнению, является причиной нарушения соответствующей функции, локализованной в соответствующем центре. То есть существует один или несколько речевых центров, поражение которых вызывает различные формы афазии.

Не так давно широко была признана теория, объясняющая, что потеря речи в случае афазии не зависит от интеллекта; интеллект, как утверждают, например, господа Вебер, Клапаред, Невилль и другие, может остаться в сохранности при невозможности вербального выражения; в моторной афазии речь идет лишь о нарушении речевых путей, которые соединяют ментальную идею с ее моторным выражением; следовательно, речь здесь идет только об утрате вербально-моторных образов: мы можем иметь в голове идею, обозначаемую словом, слышать про себя его звуковую форму и утратить его произносительный моторный облик.

Джексон был, наверное, первым, кто дал совершенно отличное объяснение феномену афазии. Его мысль состояла в том, что поражение некоторых участков мозга приводит к распаду высших психических функций, которые заменяются низшими. Вот цитата из выступления Джексона, где речь идет об афазии¹:

«Утрата интеллектуальной (наиболее произвольной) речи при сохранении эмоциональной (наиболее автоматизированной). Больной не может говорить, и его мимика очень проста (бедна), вдруг он улыбается, хмурит брови, изменяет высоту голоса (может даже запеть), жестикулирует, так же хорошо, как обычно. Жестикуляцию, являющуюся эмоциональным проявлением, нужно отличать от мимики, составляющей часть интеллектуальной речи» и т. д.

Монаков, независимо от Джексона (с трудами которого он не был знаком), приходит к своей теории локализации хроногенов функций. Английский ученый Хид, П. Мари и другие также не признают существования речевого центра. Для них расстройство речи при афазии является не чем иным, как собственно интеллектуальным расстройством особой природы. Афазия, по их мнению, представляет собой, главным образом, утрату способности соотносить понятия с символическими знаками, репрезентирующими их. Наблюдения доктора Салоша, описанные доктором Невиллем, с этой точки зрения очень любопытны. Больной моторной афазией был способен рукой показать место на голове, где, вероят-

¹ [Jackson, Hughlings. Croonian Lectures on the evolution and dissolution of the nervous system // Lancet. — March 1884. Idem // Selected writings. — Bd. II. — New York, 1958.]

но, был расположен очаг мозгового поражения; когда его состояние улучшилось, и он вновь обрел способность письменной и устной речи, у него сохранялись воля, представления, точная память о предметах, равно как и моторный механизм речи, но ему не хватало связности между идеей и словом, способности использовать слово в качестве символа объекта. Слово как символ, точнее, как знак, ребенок, подобно примитивному человеку, приобретает в ходе своего развития. Первые слова — рефлекторные феномены или ономотопеи. Следовательно, неспособность использовать вербальные знаки является дефектом интеллектуальной способности. Этот недостаток интеллекта еще более отчетливо предстает в случаях афазии, которые мы обычно рассматриваем; здесь перед нами не чистая афазия, о существовании которой пишут некоторые авторы, но афазия вместе с алексией (неспособностью читать церебрального происхождения), аграфией (неспособностью писать церебрального происхождения) и т. п. Мы обнаруживаем в этих случаях те же нарушения, что и в области устной речи. Так считают Джексон, Монаков, Хид и их единомышленники. Мои личные наблюдения также говорят в пользу правоты этих авторов. Вот несколько наблюдений за 55-летним мужчиной, больным моторной афазией.

Вместе с больным мы пытаемся произнести: стол, стул, комната¹. Он несколько раз повторяет эти три слова вслед за мной, в одном и том же порядке; одновременно он показывает на соответствующие предметы; затем я касаюсь стола, и больной должен назвать этот предмет. «Марка» [Timbre (tẽmbr)], — произносит он. Откуда взялось это слово? Больной хотел сказать «стол» [tabl'], но ему предшествовало слово «комната» [jãmbr], которое осталось в его восприятии; оно «персеверировало», если можно так сказать; как у ребенка, предшествующая идея прививается к последующей — и возникает скрещенное слово, состоящее из [tabl'] и [jãmbr] (стол и комната); поскольку слово [tãmbr] не существует, больной заменяет его другим известным словом, которое всплывает в его памяти; это слово [tẽmbr] (марка).

¹ [По-французски эти слова произносятся так: стол [tabl'], стул [ez], комната [jãmbr]. — Прим. перевод.]

Если я прошу больного дать мне букву R из алфавитного набора — он часто дает мне букву S ; то же самое происходит, когда я прошу дать мне другие буквы алфавита.

Феномены персеверации и скрещивания объясняются неспособностью больного придерживаться выбранного направления мысли. Такой вывод следует из следующих наблюдений: больной, хороший художник, должен по памяти нарисовать сначала круг, а затем треугольник. Он прекрасно находит эти формы на разных плоскостях. Он правильно рисует круг $\rightarrow \bigcirc$, а вместо треугольника он рисует вот такую форму $\rightarrow \triangleleft$. Что произошло? Сначала мысль больного двигается в направлении от круга к треугольнику $\bigcirc \rightarrow \triangleleft$ (обозначенное верхней стрелочкой); какое-то время он сохраняет это направление, рисуя часть треугольника $b \leq_a^c$; здесь его мысль снова меняет направление, и он возвращается к оставленной ранее идее круга (направление обозначено нижней стрелочкой); эта предыдущая заново ожившая идея прививается к мысли о треугольнике, приводя к странному скрещиванию.

Следующий пример в чем-то еще более поучителен: больной должен нарисовать квадрат. Вместо этого он сначала рисует вертикальный прямоугольник (рис. 1); затем горизонтальный прямоугольник (рис. 2), и, в конце концов, получается смесь этих двух форм (рис. 3); 3 рисунок представляет собой скрещивание 1 и 2; идея начинает двигаться от 2 идеи к 1 . Больной начинает рисовать первый вертикальный прямоугольник; затем меняет направление мысли, возвращаясь к оставленному рисунку горизонтального прямоугольника, который «персеверировал» и прививается к образу рисунка 1, проявившемуся в определенный момент.

Не нужно смешивать скрещивание и рядоположение, о котором говорит м[сье] Пиаже¹. Ребенок располагает рядом детали, не заботясь об их взаимосвязи с целым; это бесспорно, доказательством служат детские рисунки, на которых мы видим дома с окнами, вместо стен или людей, у которых один глаз находится на своем месте, а другой — в совершенно другом, на независимой плоскости. М[сье] Пиаже попросил одного из детей срисовать ромб \diamond ; ребенок, по словам м[сье] Пиаже, без сомнения счел этот ромб

¹ Jean Piaget, Psychologischer Laboratoriumskurs in Genf, Winter 1921/22.

квадратом с одной вершиной. Отсюда возникла необычная смесь из этих двух форм .

Это так, но каким образом ребенок видит в ромбе квадрат с одной вершиной? Здесь встречаются две различных идеи: о четырехугольной форме и форме острого угла. Эти две идеи были бы объединены в форме ромба, если бы детское мышление могло бы фиксироваться исключительно на сиюминутной задаче — нарисовать ромб. Однако эта четырехугольная форма напомнила ему более знакомую четырехугольную форму — а именно прямоугольник. Мысль обращается к этому более знакомому представлению и фиксируется на нем; идея прямоугольника «персеверировать» и скрещивается с новой идеей об остром угле, характерном для ромба. Таким образом, в области рисунка мы встречаем тот же феномен, что и в случае с только что рассмотренной нами афазией.

Мы находим еще одно сходство между ребенком и афазиком — оно заключается в том, насколько большое значение имеют для них аффективные моменты. Мои собственные наблюдения подтверждают наблюдения других авторов: больному легче удается вспомнить забытые слова там, где речь идет об эмоциональной связи¹.

В заключение я должна сказать следующее: у ребенка так же, как и у афазика, недостаточность или расстройство речи не являются изолированным недостатком, независимым от интеллекта; у обоих, у ребенка и у афазика, мы обнаруживаем одни и те же особенности (в области рисунка, например). Мы не можем рассматривать речь как нечто изолированное, независимое от интеллекта. Устная речь является, прежде всего, социализированной речью; благодаря речи наша мысль приобретает логический характер, адаптируясь к требованиям реальности. Ребенок овладевает речью в тот момент, когда он начинает выходить из аутистической стадии, отказываясь мало-помалу от механизмов примитивного мышления, которое становится все менее осознаваемым. Устная речь, будучи

¹ Д-р Брум и д-р Менковский также указывали на значение эффективных моментов, которые они могли подтвердить на основе своих наблюдений за афазиками.

логической и социализированной, опережает в развитии все другие виды речи, но они эволюционируют в том же направлении, что и она: детская устная речь и язык рисунка проходят в своем развитии одинаковые стадии — сначала развивается устная речь, а затем язык рисунка.

Мы обнаруживаем эти первичные стадии в подсознании, где, как показал Фрейд¹, принцип наслаждения² доминирует над принципом реальности. Если ход направленной мысли нарушается по какой-либо причине, она «деразвивается»³, в некотором роде возвращаясь к примитивному мышлению ребенка. Именно это мы наблюдаем в случае афазии, как в области речи, так и в других областях. Признавая правоту Джексона, Монакова и других ученых, которые считают, что афазия представляет собой феномен «деразвития» в области интеллекта — я, в свою очередь, хочу обратить внимание на то, какую роль в этом интеллектуальном «регрессе» играют вербально-моторные образы.

Вербально-моторные образы представляют собой одну из групп кинестетических образов, которые, как я показываю в моей работе об истоках символизма (скоро выходящей)⁴, лежат у истоков и в основе нашего мышления. Наше сознательное мышление это, главным образом, вербальное мышление; наше подсознательное мышление сохранило свой примитивный характер, в том смысле, что оно является по преимуществу кинестетико-визуальным мышлением. Наше сознательное мышление всегда сопровождается параллельным, органическим, галлюцинаторным⁵ мышлением, которое переводит сознательную мысль в образы; это параллельное мышление и есть мышление подсознательное. Мы отмечаем всплески этого мышления в проявлениях синопсий, изученных Т. Флурнуа, но особенно отчетливо оно наблюдается в гипнагогических состояниях

¹[См. напр. «Формулировка двух принципов психической деятельности» (1911b) // G.W. — Bd. 8. — S. 230—238.]

²[В переводах с нем.: принцип удовольствия (Lustprinzip). СШ использует французское слово *jouissance* — наслаждение.]

³[Имеется в виду — «обратное развитие», регрессия.]

⁴[Текст неизвестен.]

⁵Э. Фрейд, Тотем и табу [Freud, S. Totem und Tabu (1912—1913a) // G. W. — Bd. 9].

(А. Мори¹, Г. Зильберер²), т. е. в состоянии тяжелого переутомления, когда мышление не является настолько направленным, чтобы устранить подсознательные образы, что позволяет нам увидеть одновременно и вербальное мышление, и его образное выражение³.

Вот два примера: молодой человек оказывается перед необходимостью решить, предаваться ли ему свободной любви или следовать строгим принципам своего отца, пастора. Думая о своих проблемах, он входит в гипнагогическое состояние, которое не нужно путать с собственно сном. В этом состоянии он видит себя стоящим на площади, от которой отходят две дороги. На следующий день он рассказывает мне об увиденном. Я спросила его, что напоминает ему площадь из сновидения — оказалось, что это место, где он разговаривал с той девушкой, которая предложила возможность свободной любви. Одна из дорог вела туда, где живет его отец, вторая напоминала дорогу туда, где его ждали всякого рода эротические воспоминания. Следовательно, подсознательная мысль при помощи образов выражает то, что сознательное мышление высказало бы при помощи слов. Нечто другое: одна дама думает: *«Не стоит труда бороться в этой жизни; как только ты оказываешься наверху, так случается что-нибудь, и ты кубарем катишься вниз, чтобы снова приниматься за работу»*. В этом депрессивном состоянии она ложится спать; засыпая, она видит, как майский жук карабкается вверх по решетке. В тот момент, когда он достигает верха, девочка задевает его ногой, и он скатывается вниз, чтобы снова начать восхождение. Эта дама не сразу поняла, что этот образ в гипнагогическом состоянии выражал образ ее вчерашнего сознательного размышления. Когда ее попросили подумать, что первое приходит ей в голову в связи с этим образом, она сказала: *«Ты мо-*

¹ [Maury, A. De certains faits observés dans les rêves et dans l'état intermédiaire entre le sommeil et la veille // Ann. Médico-Psychologiques. — 1857. — T. III. — P. 157—176.]

² [Silberer, H. Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // J. — 1909. — Bd. 1.]

³ S. Spielrein, Die Destruktion als Ursache des Werdens // Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen. — Band 4. — S. 486. [Ders.] Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben (Mitteilung beim Internationalen Psychoanalytischen Kongreß, Berlin, September 1922). [См. наст. изд. С. 109—154.]

жешь двигаться вперед, а дьявол потянет тебя за ногу вниз». Так к ней вернулось воспоминание о ее размышлениях.

Кинестетико-визуальные подсознательные образы дают пищу нашему сознательному мышлению. Без них оно оказалось бы лишенным корней, «подвергнутым декорткации», по выражению Доктора Салоша, излечившегося от своей афазии. В случае с моторной афазией, речь идет не столько об утрате вербально-моторных образов, но, скорее, по ощущениям Салоша, об «утрате сцепления идеи со словом», иначе говоря, об утрате сцепления или, точнее, ослаблении сцепления мысли с ее кинестетическим образом. Так, будучи лишенной пищи, вербальное мышление чахнет в том смысле, что оно испытывает «деразвитие» (Джексон) и вновь становится примитивным мышлением, то есть становится частью детского мышления. То, что мы наблюдаем в области языка слов, происходит и с другими языками¹, например, с рисунком. В этих языках мы также отмечаем влияние диссоциации между сознательной мыслью и ее, большей частью, бессознательным кинестетическим выражением, в частности, в случае с моторной афазией это проявляется в ослаблении сцепления между словом и его вербально-моторным образом. Я никоим образом не претендую на то, чтобы сказать последнее слово в столь сложной области исследования, какой является афазия. Я просто хотела привлечь внимание к возможности объединить две кажущиеся антагонистическими теории, рассматривая кинестетические образы в качестве источников нашего мышления, постоянно сопровождающих нашу вербальную, сознательную мысль. Утрата или ослабление их привязки к нашей сознательной мысли как следствие может привести к расстройствам, состоящим в «деразвитии», о которых пишет Джексон: мысль, в некотором роде, становится более примитивной, похожей, как я показала, на мышление ребенка. Это не исключает того, что мышление афазика во многом превосходит детское мышление. Взрослый обладает богатым опытом, которого ребенок еще не мог приобрести; у афазика толь-

¹ Язык слов — это не единственный наш язык. Для выражения мысли сновидение прежде всего использует, нап[ример], визуальный (образный) язык. Есть язык жестов, язык мелодии и т. п. См. *Spielrein, [S.] Über die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama // Imago. — 1922. — Bd. VIII. [См. наст. изд. С. 258—283.]*

ко механизм мышления становится примитивным так же, как в нашем подсознательном мышлении, которое одновременно является детским мышлением. В целом, подсознательное мышление является нашим основным мышлением, мы сознаем лишь начало и конец нашей мысли; все остальное разворачивается в области подсознания. Многочисленные примеры убеждают нас, что подсознательное мышление может превосходить сознательное — в тех случаях, когда мы используем способности подсознания для решения проблем осознанной реальности, в сотрудничестве с сознательным мышлением. Предоставленное самому себе подсознательное мышление оказывается достаточным для определенной адаптации к жизни, но оно может утратить свой характер креативного мышления, поскольку ему не достает стремления создать что-нибудь, сделать что-то в этой жизни, абсолютной направленности и концентрации на функциях реальности, оно, как мы видели, не является по определению направленным мышлением, оно предназначено работать, скорее, для себя, нежели для других. Это объясняет тот факт, что афазик, на примере доктора Салоша, сохраняет свой приобретенный интеллект на довольно высоком уровне, достаточном, чтобы показать на голове место локализации церебрального поражения, в то время как окружающие отмечают ригидность его мышления и неспособность сформулировать оригинальную мысль.

Только в сотрудничестве с сознательным мышлением подсознательная мысль может породить творческое произведение: сознательное мышление должно уловить то, что предлагает подсознание, и использовать это.

ВРЕМЯ В ПОДПОРОГОВОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ (1923g)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1923: Die Zeit im unterschwelligem Seelenleben // Imago. — 1923. — Bd. 9. — S. 300—317.

Статья отражает интерес СШ к исследованию процессов мышления. Она проводит аналогию между механизмами сновидения и функционированием языка. Представление о времени связывается с бессознательным представлением о пространственности.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Дамы и господа! Психоанализ сожалеет об отсутствии взаимосвязи, которая объединяет предсознательное и подсознательное. Я хотела бы предложить вам взаимосвязь «подпороговой душевной жизни».

Не ждите, что я предложу вам решенную сложную проблему времени. Речь, скорее, идет о ряде методично проведенных исследований. Фрейд был тем, кто также положил им начало. В своем труде «Толкование сновидений»¹, как ни в каком другом из более поздних, он занимается структурой сновидческого мышления, т. е. предсознательным мышлением. Кроме обычных для всех нас общих законов образования образов сновидения (смещение, сгуще-

¹ [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 3—4.]

ние, «pars pro toto»¹ и т. д.), мы находим здесь специальные наблюдения о предсознательном языке; так, Фрейд дает нам примеры, каким образом в сновидении представляется «если», «почему» и все прочее такого рода. Этот предсознательный язык как выражение мыслительной механики всегда сильно интересовал меня. Здесь, согласно Фрейду, действуют такие же законы, которые господствуют в первобытном и детском мышлении. Так я посвятила себя систематичному изучению предсознательного и детского мышления. На этом пути я встретила достойного исследователя из Женевского Института Руссо, доц[ента] Пиаже, психоаналитика, который поставил перед собой цель — изучение детского или «аутистического» мышления, как он называл его по Блейлеру. С тех пор мы работаем, хотя и каждый за себя, но, главным образом, в одной области.

Наше сознательно направленное мышление связано с тремя условиями, временем, пространством и каузальностью. Мы давно знаем, что это не категории мышления или понятия а priori, как считал Кант, а понятия а posteriori, которые мы добывали медленно в процессе развития. Понятие пространства сначала кажется нам знакомым, затем следует понятие каузальности² и лишь в конце понятие времени. У самого понятия времени мы должны различать длительность и направление. Действие, событие может быть кратко проходящим или длительным; кроме того, мы можем придать ему направление будущего или противоположного направления прошлого, или среднего положения, что является тогда настоящим. Когда говорят о времени, обычно имеют в виду направление времени, но мы будем вынуждены принимать во внимание оба.

Я получила следующие наблюдения от доченьки Ренаточки, когда ей было 2 года и полтора месяца:

«С понятием времени у Ренаточки дела обстоят хуже всего, если ее обследовать на три основных понятия пространства, времени и каузальности. Вопрос “Где?” она понимает очень хорошо. Выражения «под кроватью, ковром, подушкой и т. д.» также, как и вышеупомянутые выражения, являются

¹ [Pars pro toto (лат.) — часть вместо целого.]

² Не исключено, что то, что мы осознаем под понятием каузальности, не является единым понятием, что лишь часть этого понятия развилась раньше, а другая позже. Я этого не знаю. Но из приведенных примеров читатель увидит, что я имею в виду.

совершенно обычными. Она вообще интересуется местным отдалением. Она знает, что что-то приходит и идет, знает, что это может быть далеко, далеко-далеко.

Она также понимает “внутри”, “снаружи”, “внутрь”, “наружу”, также отличает круглые формы от других. Так, она называла яблоки или похожие по форме предметы: мяч. Она также отличает большой и маленький.

Также она понимает вопрос “Почему?”. Так, напр[имер], вчера вечером она говорила: “*Бедная, бедная вечка*”. Я спрашиваю ее: “*Почему овечка бедная?*” — “*Сломаны ноги*”, — ответила малышка.

Вопрос “Когда?” Ренаточка точно не понимает. Для нее все происходит в настоящем. Сейчас я научила ее “после того”, “скоро”, “позже”, “вскоре” она понимает как сразу, это не может длиться долгое время. Я часто говорю ей (во время умывания): “*Сначала личико — потом ручки*”. Я не помню, чтобы она повторяла это, потому что, если она интересуется тут же проходящим, то для нее нет ничего прошедшего. Она всегда использует глагол в настоящем времени. Я часто говорю ей: “*Славная Ренаточка, так хорошо покушала*”, — это значит: “*Кушать хорошо*”, иногда “*Кушать! Сейчас!*”, — при этом она совершенно не голодна».

Наблюдения, очевидно, затрагивают время как направление. Предпочтение настоящего и будущего по отношению к прошедшему понятно: сначала ребенок ведет себя волюнтаристски и, прежде всего, интересуется тем, чем он уже обладает или чего может достичь; чтобы все на свете было подвластно изменениям и было прошлым, сначала ничего не говорит ему и ускользает от него. Другой вопрос, как ребенок представляет себе будущее, и насколько он отличает будущее от прошлого. На это нам дает несколько намеков учение о сновидениях и наука о языке.

Известно ли сновидению настоящее, прошедшее или будущее? Нет и да! Нам известно, каким образом совершенно произвольно сновидение смешивает бывшее, существующее и будущее, как будто это разделение на три части для него вообще не существует! И все-таки это не совсем так: если мы видим нежеланного человека не мертвым, а умирающим — дается идея перемены в смысле становления. Каждое действие — собственно становление. В качестве становления оно указывает на будущее — но одновременно оно длительное, таким образом, постоянно изменяющееся настоящее. Идею будущего мы усматриваем в том, что мы так часто ожидаем в сновидении или чего мы боимся. Однако, мы никогда не видим будущее представленным самостоятельно,

скорее, эта идея внушается нам исключительно продолжительностью действия, так что с таким же успехом можно говорить о настоящем. Возможно ли вообще самостоятельное представление будущего в сновидении?

По отношению к будущему, понимаемому в этом смысле, представления прошлого в сновидении являются гораздо более редкими, но более самостоятельными: в сновидении одной дамы, например, которая видела блеклое изображение своего аналитика, эта блеклость сразу же производит впечатление чего-то, что было и чего сейчас нет¹. Один господин, который принял решение расстаться со своей возлюбленной, отчего очень сильно страдает, видит во сне даму в виде поросшего мхом предмета. Изображение выражает его тогдашнее желание преодолеть мучительный час расставания, превратить его в старое, поросшее мхом дело. Этот сновидец вообще охотно использует в сновидении прошлое, чтобы освободиться от мучительных впечатлений.

Также и прошлое в сновидении понимается не в этом смысле, как мы понимаем его сейчас: акцент ставится не на том, что было, а на том, чего нет, возможно, на том, чего больше нет².

Итак, маленький ребенок представляет прошлое, потому что идея прошлого должна бы внушаться ему через констатацию исчезновения. Сначала ребенок представляет себе исчезновение как пространственное отдаление: предмет или человек *«далеко, далеко-далеко»*, *«дальше»*. Теперь нам понятны упомянутые Фрейдом сновидения о путешествии в качестве представления смерти: это представление временного путем пространственного. Фрейд отмечает здесь, что сновидение действует как ребенок, который не знает никакого уничтожения и представляет себе смерть как отъезд³. Еще отчетливее пространственным является другое сновидение недавно

¹ [См. наст. изд. С. 257.]

² Можно было бы сравнить это с «Perfektum» некоторых более поздних языков. Эта грамматическая форма соответствует немецкому «он мертв». Например, «он умер» уже не являлось бы «Perfektum». «Perfektum» переносит нас в прошлое; это состояние, которое сохраняется, длится. Если говорят «он мертв» — то еще думают о смерти, в то время как «умер» подчеркивает момент бывшего, в чем мы больше не принимаем участие.

³ [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 3—4.]

упомянутого господина, который видит мучительное для него положение уменьшающимся,двигающимся вдаль ландшафтом. Этим он говорит, как и в своем более раннем сновидении: *«Это относится к далекому прошлому»*, точнее, *«скоро это будет относиться к далекому прошлому»*. Это снова становление, которое с таким же успехом является длящимся настоящим, как будущее.

А теперь еще интересный пример представления оценки продолжительности времени в предсознательном мышлении. Я обязана этим одному молодому учителю: однажды он просыпается в 5 утра; он говорит себе, что еще слишком рано, он может спать еще два часа. Он действительно снова засыпает и просыпается в 7 часов, как хотел. В течение этих двух часов он переживает следующее:

«Я вижу сон, — пишет он мне, — я нахожусь на большой белой асфальтовой площади. Улицы расходятся в различных направлениях. Восточная улица вела к озеру. Я иду на запад и говорю себе, через два часа я должен проснуться. Улица на запад идет немного в гору и два раза пересекается под прямым углом прямыми улицами. Я думаю: это первый час, а это второй».

Дальше воспоминание прерывается.

Представлено ли здесь действительно сновидение? Сновидение и еще что-то. Мы можем непосредственно наблюдать, как сознательное намерение, а именно, пробуждение через два часа, облекается в предсознательный язык образов, переживается и перерабатывается: два временных пространства (два часа) становятся двумя участками пути; этот образ используется с его стороны, как материал сновидения.

Если однажды временное пространство стало в предсознательном участке пути, то вместе с этим оно получает значение жизненного пути, благодаря чему начинается собственное образование сновидения. Это два жизненных пути, между которыми должен выбирать погруженный в сон человек: восточный, как он говорит во время анализа, — это путь свободной любви, западный означает отказ от этой любви и возврат к отцу, священнослужителю. Белая асфальтированная площадь определена многими эротическими желаниями. Поэтому именно здесь начинается проблема двух жизненных путей.

Дальнейший анализ, который я не привожу из личной тактичности, показывает, что западный путь означает лишь мнимый

отказ. Желание умеет настаивать на своих правах, применяя знаменитый механизм представления через негатив.

Многие из наших сновидений действуют таким же образом, в то время как они используют представление настоящего положения сновидца сразу же в пользу сновидца и, соответственно, дают иное толкование. Но есть еще случаи, когда образное мышление ограничивается простой переработкой нашего настоящего положения без подтверждения малейшей активности желания. В тяжелом состоянии утомления господин «видит сон» о корабле, который тащит тяжелый груз. Проснувшись, он испытывает чувство, что он сам был этим кораблем. Должны ли мы говорить в таких случаях о сновидениях? Фрейд придерживается мнения, что лишь при наличии образующей желание деятельности можно говорить о сновидении. Это должно быть *definition sine qua non*¹. Очень трудно разрешить этот вопрос. Что-то могло бы говорить в пользу этого определения. Я, например, наблюдала, что эти, скажем, «несовершенные» сновидения, в которых перестает действовать преобразующая деятельность желания, проявляются в состоянии сильного утомления. Например, одна дама видит себя в сновидении повешенной на крючке и не решается прыгнуть на землю. Сомневаясь, она осматривается в поисках помощи. Она говорит себе: *«Я неоднократно нуждалась в том, чтобы мне действительно помогли; если бы я только была уверена в том, что при необходимости мне помогут, я отважилась бы на прыжок»*. У женщины был страх перед жизнью. Она чувствует себя одинокой и считает, что ей необходима помощь². После того, как сознательное мышление судит о силе, оно все больше позволяет проявляться предсознательному образному мышлению. Я не вижу здесь никакого принципиального различия гипнагогических феноменов. После таких несовершенных сновидений чувствуют себя очень утомленными. Можно было бы сказать, здесь нам не хватает отдыха, который дает нам сновидение в результате

¹ [Definition sine qua non (лат.) — определение, без которого не может быть.]

² Я не знаю, предлагал ли ей кто-либо в сновидении помощь или нет. В первом случае это было исполнение желания, во втором — простое представление ситуации. Также в последнем случае мы не должны исключать переработку в смысле желания — но мы и не должны говорить об исполнении желания, пока не сможем доказать это желание.

его исполняющей желания деятельности, так же как и в страшных сновидениях, напр[имер], где сопротивление распределяет осуществление желания. Представляющая желаемое деятельность, возможно, вступает в действие уже в гипнагогическом состоянии, которое постепенно переходит в состояние сна точно так же, как гипнагогические галлюцинации переходят в сновидение. Эта представляющая желаемое деятельность, как показывает опыт, теперь может быть выражена разной силой. Если она достаточно сильная, чтобы отстаивать свои права, то сновидение совершенно. Если же она слишком слабая, как в состояниях утомления, страха и тяжелых депрессий, слишком неуверенная, то сновидения несовершенны до состояний, являющихся чистыми или почти чистыми гипнагогическими ситуативными представлениями.

Результаты языкового исследования удивительным образом в некоторой степени похожи на результаты исследования сновидений. Интересно следующее: в соответствии с результатами исследований детей и языка, я предположила, что, возможно, есть языки, которые не различают никакой временной направленности, также как и никакого настоящего, прошлого и будущего. Это предположение утвердилось в моем вопросе к известному языковеду профессору Балли в Женеве.

Балли сообщает мне, что есть языки, которым не известно время как направление, а исключительно как длительность в смысле, как, например, имперфект и перфект различаются друг от друга по продолжительности (сравните французское *je parlais et je parlai*¹). Сама длительность часто заменяется различием однократного, соот[ветственно], многократного действия. Конечно, это не значит, что у этих народов нет никакого понятия направления времени; речь идет лишь о языковом выражении. Язык всегда архаичнее мышления, он волочится за видами мышления, которые мы давно преодолели. Необходимы столетия, чтобы избавиться от языковой глупости, которую осознанно понимаем. Аналитикам это сразу же понятно: язык образуется не сознательно, а преимущественно в предсознательном: кроме того, он не должен соответствовать

¹ [Je parlais et je parlai (фр.) — Я говорил (и не закончил говорить), я говорил (и закончил говорить).]

исключительно требованиям только сознательного мышления, но также и предсознательного (которое, со своей стороны, естественно, подвергается влиянию бессознательного).

Как и сновидческое мышление, язык прошлого сильнее отделен от языка настоящего, чем будущего; Балли говорит следующее:

«В индоевропейских языках, как в более старых, так и в более новых, прошлое, скорее, является настоящим и будущим. Выражение для будущего имеет новое происхождение. Можно даже усомниться, есть ли в индоевропейских языках настоящий футурум: каждый индоевропейский язык создал себе футурм на свой лад, это временная форма, которая с трудом укореняется и поэтому постоянно колеблется, в любой новой языковой группе образуется иначе; образование “*amo, amabo*” в латинском языке совершенно самостоятельное, чего не находят в других индоевропейских языках. Романские языки (французский, итальянский и др.) образуют футурум через описание, например, латинское “*amare habeo*” (дословный перевод “я должен любить”) в переводе на французский будет звучать как: “*j’ ai (a) aimer*”. Вместо этого, у нас есть противоположная конструкция: “*(je) aimer ai*”, которая позже объединилась в “*j’aimerai*”. Мы встречаем глагол “должен” как выражение футурума в английском языке, это значит, например, “*I shall like*” — “Я буду любить” (должен любить); также англичане используют “*I will*” = я хочу “*I will like*”. При помощи вспомогательного слова “*will*” они первоначально подчеркивают намерение, и это дает идею развивающегося действия, таким образом, футурума. В немецком языке присутствует футурум в отношении сновидения, длительного настоящего, становления. Сейчас это становление больше не чувствуют, но по своему происхождению это именно оно. Язык ставит во главе идею действия, например, действие письма. Включенная таким образом продолжительность должна дать нам идею будущего: “*Ich werde schreiben*”. Немцы говорят также “*Ich will schreiben*”».

Действительно своеобразным и поучительным является русский язык. Он обладает так называемыми имперфективными или постоянными формами (соответственно, формами для многократных действий) и перфектными или совершенными формами (соответственно, для однократных действий). Таким образом, существуют две формы инфинитива, претеритум и футурум. Для настоящего же, напротив, используется исключительно имперфективная, т. е. длительная форма. Язык различает в этой имперфективной форме краткую, более непрерывную и продолжительную, более прерывную продолжительность, например, «я пишу» и «я пописываю». Эти нюансы продолжительности и частотности действия в русском

языке так четко отличаются, что было бы невозможно передать их все здесь. Внутри одной временной формы изменение продолжительности достигается при помощи как суффиксов, так и приставок. Так, например, из имперфективной или длительной формы *я писал* посредством прибавления приставки «на» образуется перфектная форма: *я написал* = *я писал* (однажды). Имперфективный или длительный футур образуется так же как в немецком языке, при помощи вспомогательного глагола «werden» (в русском «буду»). Для перфективного футура, можно сказать, нет никакой специальной формы: это перфективный, т. е. совершенный или однократный презенс; потому что, как мы видели, в русском языке нет перфективного презенса. Перфективный футур образовался из имперфективного презенса в результате добавления суффикса. Так, «*я пишу*» и «*я напишу*» в будущем образуется точно также, как и перфектум из имперфекта в прошедшем — исключительно посредством прибавления приставки, устраняющей длительность (сравните, «*я писал*» (длительное) и «*я написал*» (однократное)). В соответствии с этим, перфективный футур — это несамостоятельная грамматическая форма, она может рассматриваться в качестве перфективного презенса и отличается от «настоящего» презенса лишь подавлением длительности.

Следует отметить еще дальнейшую аналогию с языком сновидений: Балли показывает мне, что все суффиксы, как и наречия времени заимствованы у пространственных представлений: например, французское «*après*» образуется из «*près*» = «близко», «у» (в пространственном отношении); «*tard*» = «поздно» из латинского «*tar-dus*» = «медленно» (как движение в пространстве) и т. п.

Теперь я хотела бы, на собственный страх и риск, осмелиться на одно объяснение. Балли предостерегает меня именно от искушений такого рода. И поэтому я хочу представить мое утверждение не как гарантию, а как возможность, которая, однако, кажется мне более чем вероятной.

Мы представляем себе, что язык образуется в предсознательном. Если словесный язык образовался бы сознательно, то почему он так мало приспособлен к нашему сознательному мышлению и показывает так много общего с образной речью сновидения? Почему понятие направления времени во многих языках также вы-

ражено не полностью, соответственно, почти не существует? Почему, как и в сновидении, длительность выступает на месте направления? Почему прошедшее более состоятельно по отношению к настоящему и будущему, как это четко видится в русском языке? Потому что словесный язык в этих случаях создает свое представление, как и сновидение, из предсознательного материала. Если это случайно, что Балли признает сразу же, почему язык также не должен предъявлять механизм представления времени посредством пространственного? Если сам Балли говорит, что все приставки, равно как и наречия времени, заимствованы у пространственного представления! Среди приставок, обозначающих в русском языке будущее время, наиболее часто мы встречаем «на», «по» и «с». Дословно «на» означает поверх; «по» означает распространение над чем-либо. Русское «*напишу*» (*ich werde schreiben*) дословно означает «пишу на чем-либо»; «*я напишу*» (*ich will ein wenig schreiben*) означает «пишу над чем-то». Теперь я утверждаю, что и в языке в основе представления о направлении времени лежит подсознательное пространственное представление: если мы понимаем действие написания в нашем примере как линейное, распространяющееся в высоту движение, то это движение подавляется или заглушается чем-то, что приносится «сверху» или «над». Предсознание понимает, как мы раньше видели (пример представления двух часов посредством двух участков пути), эту линию движения как расстояние в пространстве. Как такой пространственный путь мы представляем себе длительность или имперфект, из которого посредством подавления длительности мы образуем перфект. В моем предположении я укрепились еще и тем, что приставка «на» не во всех случаях действует с подавлением длительности: мы связываем с действием идею множества, если «на» понимается как нагромождение: «*я говорю глупости*» значит просто «я говорю глупости», «*я наговорю глупости*» значит «я буду говорить много глупостей». Это не единственный случай, где «на» имеет это дополнительное значение: имеется весьма много случаев, когда «на» одновременно действует с подавлением длительности и размножительным образом. Для пространственного представления при образовании временного направления мне также характерным кажется немецкое обозначение «будущего времени» — то, что добавляется к существующему. В то время как русские свя-

зывают с идеей будущего времени представление подавления длительности — немцы, скорее, получили представление продления длительности. Эти представления едва ли сознаются нами. Их причина в первоначальных, происходящих из предсознательного, представлений длительности как пространственного пути.

Языковеды принимают закон инертности или инерции более старых языковых форм. Но что такое инерция? Природа не знает состояния покоя. Инерция, которая противостоит любому развитию, поэтому является силой, действующей в нас в противоположном направлении стремлением уподобить все новое существовавшему, порывом переживать произошедшее все снова и снова. Если мы динамично воспринимаем инерцию, как уже упоминалось, то можно без труда объединить знания лингвистов с нашими.

Прекрасным для нас доказательством является следующий пример: Балли подчеркивает, что при переходе из одной грамматической категории в другую во многих языках слово приобретает не только признак новой категории, а также признак, который говорит о его принадлежности к прежней категории. Пример: давайте возьмем глагол «обращать внимание». Если этот глагол станет существительным, то он приобретет именной суффикс «-ung». Из глагола «обращать внимание» образовалось существительное «внимание». Именной суффикс «-ung» указывает на новую категорию, категорию существительного. Но одновременно этот суффикс указывает на прежнюю глагольную категорию, потому что суффикс «-ung» приобретают только существительные глагольного происхождения.

Недостаточно сказать, что сновидение, которое является образным мышлением, не может представлять абстрактное понятие направления времени. Если бы сновидению требовалось это понятие — оно также смогло бы представлять его. Это прямо-таки критерий нашего сознания, что он живет в нашей жизни, т. е. из длительного временного пути мы вынимаем определенную, постоянно меняющуюся длительность, которую мы называем настоящим временем, и по отношению к этому настоящему мы различаем в одном направлении прошедшее, в другом — грядущее. Хороший пример здесь снова дает язык. На одной из своих лекций Балли использовал парадокс, что время у *Consecutio temporum* (*concor-*

dance des temps)¹ совсем не является временем. Так, французы говорят: «*Paul m'annonce qu'il viendra demain*» и «*Paul m'a annoncé qu'il viendrait demain*»². При этом Поль в обоих случаях придет в один и тот же день! Для других языков, например, русского, здесь правильны другие факты. Они в обоих случаях говорят, «что он придет».

В то время, когда мы ищем статичную точку в струящемся времени, к которому относим все, — мы совершаем в предсознательном именно противоположное — все, что мы сейчас переживаем, уподобляем пережитому ранее. Но это ранее пережитое мы переживаем в настоящем, и поскольку настоящее является постоянно изменяющейся длительностью, переживаем его как будущее, как становление. Предсознательное осознает общую длительность, которая для него, как мы объясняли ранее, является настоящим и будущим. Это «быть здесь». Лишь со временем ребенок узнает, что то, что он желает, также может быть «не здесь». Так образуется идея настоящего и будущего с одной стороны = «быть здесь» и идея прошлого с другой = «не быть здесь». Так же сновидению не нужно знать больше о прошлом.

Отсюда еще одна значительная часть к тому, что мы понимаем под понятием времени, т. е. к абстрактному понятию направления времени. Чтобы осуществить идею времени, мы должны суметь отличить противоположности. По Фрейду, в сновидении, как и у ребенка, противоположности не исключают друг друга. Мы не должны понимать предложение абсолютно. При полной неспособности к исключению противоположности было бы совершенно невозможно образование представления. Я думаю, что каждый раз мы заново изучаем овладение противоположностей при каждой новой психической операции. При каждом импульсе вытесняется противоположный импульс, при каждом представлении — противоположное представление, которое мы должны подавлять. При одной психической операции мы умеем овладевать противоположностями, при другой — снова нет. Ребенок как предсознательное мышление

¹ [Consecutio temporum (лат.) — последовательность времени.]

² [«Поль мне сообщает, что придет завтра» (будущее время). «Поль мне сообщил, что придет завтра» (прошлое время).]

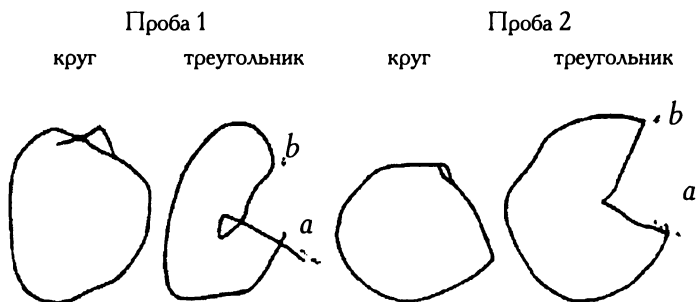
овладевает противоположными представлениями очень несовершенно. Часто направление представлено наоборот, в сновидении или во время одного и того же сновидения. Я собрала многие примеры того, как одна мысль, которая появляется в одном фрагменте сновидения в символике воды, выступает в другом фрагменте в символике огня. Это, чтобы найти пример, можно было бы пронаблюдать в статье Флурнуа¹, в которой речь символически идет о воде и огне. В последнее время я изучала эти факты обращения в противоположность на случае мотонической афазии с алексией, аграфией и т. д.²

Я хотела бы привести лишь совсем странный пример этого: данный больной, которого ко мне по старой дружбе направил господин профессор Клапаред, испытал апоплексический удар. Пациент парализован наполовину. Речевой аппарат в хорошем состоянии. Он понимает все, что ему говорят, понимает также читаемое, но сам не может ни говорить, ни писать. Я прошу моего пациента нарисовать круг, а после этого треугольник. Он постоянно правильно находит обе формы в так называемой игре на поверхности. Прилагающаяся таблица показывает, как он рисует обе эти формы. Опыт был повторен спустя некоторое время в тот же день (см. таблицу). После того как больной нарисовал угол, вероятно, ему пришла в голову мысль, что оба конца *a* и *b* должны быть соединены. Нам бы показалось само собой разумеющимся, что это можно было бы сделать посредством прямой, тянущейся от *a* к *b*. Вероятно, больному это не казалось таким естественным; вместо этого он меняет направление, объединяя оба конца полукругом. Плохому результату способствовала предшествующая задача, согласно которой он должен был нарисовать круг. Он начинал рисовать совершенно правильно; только когда задача усложнялась, и ему было необходимо объединить идею трех сторон и треугольника, он сомневался в направлении и впадал

¹ *Flournoy, H.* Quelques rêves au sujet de la signification symbolique de l'eau et du feu // *I. Z. P.* — 1920. — Bd. VI. — [S. 328—336.]

² Эта работа проводилась в 1922 году в зимнем семестре. С тех пор я дальше прорабатывала упомянутую здесь мысль и расширенно представила ее, снабженную более подробными доказательствами, в недавно появившейся работе. См. *Spielrein, S.* Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // *Archives de psychologie.* — 1923. — T. XVIII. — [P. 305—322.] [См. наст. изд. С. 305—326.]

в противоположность, не умея переключать предшествующие представления движения в отношении круга. Странно то, что этот человек с такой сильно нарушенной основной душевной функцией очень хорошо понимал вычисление. Он мог сам вести бухгалтерию, потому что запомнил написание чисел, все четыре операции вычисления, дату. Он мог различать сегодня, завтра, вчера и т. д. Но каждый раз он забывал всякое направление, если речь шла об образовании слов, распределении тонов или букв в пространстве.

Ребенку, который долго может заменять реальность фантазией, долгое время не требуется представление направления времени и поэтому возвращается в своем развитии.

Если я предположу, опираясь на наблюдения, что в онтогенетическом развитии мы раньше познакомились со временем, чем с длительностью, и лишь потом с направлением — я имею в виду лишь обнаружение этим длительности, а не ее оценку. Оценка длительности времени является очень сложной операцией, которую я не рассматриваю из-за недостатка времени. Я хотела бы лишь коротко упомянуть, что оценка длительности времени предъявляет общие механизмы с ритмом и способностью вычисления. Об этом в своей работе об афазии говорит Верком. Пиаже провел у детей разного возраста интересные исследования о действии с умножением. Исаак Шпильрейн¹ для исследования механизма мышления при операциях вычисления проводил их

¹ [Spielrein, I. Über schwer zu merkende Zahlen und Rechenaufgaben // Zeitschrift f. angewandte Psychol. — 1919. — Bd. 14. — Heft 3—4.]

в эмнеадической системе с различными испытуемыми людьми. Этим я хотела бы сравнить наши операции со сновидческим мышлением и поэтому была бы благодарна коллегам, которые смогли бы предоставить в мое распоряжение сновидение с вычислительными операциями.

Обобщая: своей задачей я ставила проследить отдельные функции мышления предсознательного в их сути и развитии, а именно на основе наблюдений подсознательного образного языка, детской речи, лингвистических результатов и патологических нарушений речи. В этом докладе речь идет об образовании понятия времени. Исследование выявило следующее:

1. От так называемых категорий мышления, которые не являются априорными, а апостериорными, сначала развивается понятие пространства, потом понятие каузальности и лишь в конце понятие времени.

2. Ребенок сначала узнает исключительно настоящее и непосредственно будущее, которое он, возможно, отделяет только посредством длительности! Это — быть «здесь». Со временем развивается представление быть «не здесь». Это нахождение «не здесь» сначала подразумевается в отношении пространства, «далеко, далеко-далеко». В представлении нахождения «не здесь» лежит зерно для более позднего понятия прошедшего. Сначала развивается идея о длительности; идея направления следует лишь после этого. Оценка длительности времени появляется еще позднее.

3. а) сновидение не может представлять время как направление¹;

б) направление в сновидении превращается в длительность;

в) прошедшее время более самостоятельно в своих средствах выражения и противопоставляется настоящему и будущему, которые образуют больше одного блока;

¹ Лишь в исключительных случаях, когда желание должно зависеть от временной преемственности. Я допускаю эту возможность, но не имею в своем распоряжении примера.

г) прошедшее в сновидении не является по-настоящему прошедшим, а «бытием-не-здесь», соответственно, «бытием-уже-не-здесь»;

д) временное представляется посредством пространственного.

4. Предсознательное способно к очень точной оценке длительности времени. Но эта оценка длительности времени осуществляется не в сновидении, а происходит в образном мышлении, которое проходит параллельно с сознательным мышлением; это такое образное мышление, которое еще не является сновидением, которое мы обычно не замечаем вне гипнагогических состояний, даже если оно сопровождает все наши сознательные мысли и помещается в его своеобразный язык, возможно, эти мысли и дальше обрабатываются.

Предсознательное мышление относительно способности оценки длительности времени обдумывается сознательным мышлением. Здесь речь идет о способности, которой наши предки владеют лучше нас, которую мы, очевидно, утратили. Происходит ли это потому, что мы более сознательны и думаем узконаправленно? В одном случае, когда оценка длительности времени символизировалась, это произошло посредством оценки пространства (оценка длины пути).

5. Лингвистические знания выявляют результаты, поразительно похожие на выводы исследований сновидения.

6. Недостающее понятие направления времени соответствует неспособности различать контрасты. Для каждой новой психической функции заново должны изучаться удержание направления и исключение контрастов. На примере вышеупомянутого случая афазии мы увидели, как больной, который так хорошо ориентировался во временных задачах вычисления, оказывался несостоятельным при пространственной ориентации определенного рода и выпадал в противоположное направление.

Почему сновидение и ребенок не различают контрасты при направлении времени? Потому что оба сначала нуждаются исключительно в заключительном или будущем направлении, они переживают их, поэтому не замечают. Что желают — именно тут, в действительности, или в фантазии. Реальность постепенно вынуждает ребенка жить в противоположном направлении, а также зна-

комиться с неспособностью и разрушением. Поэтому образуется идея антагониста и посредством подавления этого антагониста — понятие направления.

Подводя итог, я хотела бы выполнить приятную обязанность и выразить господину профессору Балли мою сердечную благодарность за ценный интерес, который он проявил к этой маленькой работе.

АФАЗИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ И ИНФАНТИЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ (1924a [1923])

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на английском:

1924: Aphasic thinking and infantile thinking, in : *Luria, A. Russian Psycho-Analytical Society* [реферат доклада от третьего лица] // *Bul. I. P. A.* — 1924. — Vol. 5. — P. 261 {258—261}.

Текст — краткое сообщение о выступлении СШ на заседании Русского психоаналитического общества, представленное секретарем в Международное психоаналитическое объединение.

Перевод с английского М.Л. Мельниковой.
На русском языке публикуется впервые.

При афазическом и инфантильном мышлении обнаруживается ряд сходных симптомов. К примеру, при первом типе существуют указания на конденсацию и латентное существование идей, точно так же, как при свободном воображении у детей. Опять же оба типа мышления тесно связаны с развитием речи.

НЕСКОЛЬКО МАЛЕНЬКИХ СООБЩЕНИЙ ИЗ ЖИЗНИ ДЕТЕЙ (1927—28a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1927—28: Einege kleine Mitteilungen aus dem Kinderleben // Z. P.s. P. — 1927—1928. — Bd. 2. — S. 95—99.

Данные феноменологические описания показывают обширную практику СШ по наблюдению и работе с детьми. Она также использует сообщения отца одной девочки¹ о переживании у нее ревности по поводу рождения младшей сестры. В этой статье также упомянута деятельность СШ в ростовской школьной амбулатории.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

I. ОТКАЗ ОТ ЖЕЛАНИЯ С НАЧИНАЮЩЕЙСЯ СУБЛИМАЦИЕЙ

Олечке двух с половиной лет не разрешалось есть шоколад из соображений здоровья. Чтобы ребенок заранее научился овладевать своими желаниями, мать настаивала на том, чтобы, как и раньше, запретное лакомство ели в присутствии ребенка. Олечка покорилась: она не просила шоколад для себя, но вместо этого постоянно держала свою ручку в кармане своей матери рядом

¹ [Анализ проявлений ребенка на основе сообщений родителей можно найти также в работе Юнга «Конфликты детской души». А до того — у Фрейда в «Фобии пятилетнего мальчика» (Freud, S. Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b) // G.W. — Bd. 7. — S. 241—377.).]

с шоколадом (у матери была привычка класть шоколад в карман пальто). Кроме того, малышке нужен был шоколад не для еды, а лишь для игр, при этом она месила и разрезала на части завидный кусок. С упаковочной бумагой от шоколада ребенок обходился с большой нежностью и особенно охотно играл с ней.

В то время как она сама должна была отказаться от удовольствия, она хотела пережить это удовольствие в других людях. Так, она потребовала, чтобы мать съела шоколад; в то время когда мать ела, ребенок широко раскрывал свой ротик и подражал жевательным движениям.

II. ДУРНАЯ ПРИВЫЧКА КАШЛЯТЬ

Старшая (на шесть месяцев) сестра Олечки Кося кашляет. Отец в шутку показывает им страшный звук «О!», малышка смеется и намеренно кашляет еще пару раз. Удивившись, родители повторяют несколько раз попытку кашля, либо в тот же день, либо несколько дней позже. Результат остается тем же. Спустя один год Кося сохраняет дурную привычку: к случающемуся иногда кашлю она всегда добавляет намеренно несколько приступов кашля; теперь это происходит без какой-либо инициативы родителей; каждый раз малышка смотрит на родителей и задорно смеется. Сама Олечка в возрасте 2—3 лет и еще долгое время после этого страдала закоренелыми приступами кашля, которые большей частью были «нервного» происхождения. *«Почему ты так кашляешь?»* — спросила я однажды ребенка. Ответ: *«Если маленькая Олечка кашляет, тогда мама боится, тогда приходит врач»* и т. п. *«Что делает твой папа?»* — спросила я девочку при другой возможности. — *«Мой папа врач»*. — *«Что же он все-таки делает?»* — *«Он лечит маленьких девочек, делает ток-ток на маленьких животиках»*. Отец на самом деле врач, иногда лечил Олечку. Когда Олечке исполнился один год, папа уехал на несколько лет.

III. ПРИМИТИВНЫЕ ВРАЖДЕБНЫЕ ПОРЫВЫ И ИХ ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ КОМПЕНСАЦИЯ

1. Письма отца и его дочери Виры четырех с половиной лет

Эти письма появились во время ожидания и вскоре после рождения маленькой сестренки. После каждого письма отца маленькая Вира диктовала ему свое письмо, которое отец записывал дословно.

Письмо отца:

«С большим волнением Вира ждет “братика”, но мы не можем тому воспрепятствовать, чтобы она не проявляла обычной глупости, не клала сахар перед окном и не пела “аист, добрый аист, принеси мне братика”, иначе она бы уже сейчас беспокоилась об определенных преимуществах, чтобы защититься от брата, например, толкать коляску, купать и т. д.».

Письмо Виры (к ее кузине Оле):

«Дорогая Оля, как у тебя дела?»

Ты знаешь — завтра Рождество, я получу дерево и пойду в город».

(Вира имеет в виду, *«сейчас время идет, но оно тянется для меня слишком медленно»*.)

Письмо отца (после рождения второго ребенка):

«Во время первого посещения Вира была сильно разочарована, так как рождение сестренки {вместо брата} совсем не соответствовало ее ожиданиям. Фрейлин {воспитательница} напоминает ей о ребенке, пока она не сказала: “Сейчас я возьму нож и разрежу сестренку на маленькие кусочки”, — но потом подумала об этом и проговорила, что было бы жаль, и она сама плакала бы из-за этого».

Письмо Виры к Оле:

«Дорогая, добрая, прекрасная маленькая Оля! Ты все еще болееешь? А чем занимается твоя тетя У. {Мать Оли}? Я получила стол и стул, и т. д., и сестренку, у нее есть белая маленькая коляска, я навещала ее уже два раза, я очень славная и временами озорная, и я получила красивый подарок от Марии {сестренки}, из которого можно строить картинки. Привет и прощай. Вира».

Отец Виры не врач и далек от анализа. Тем больше нас интересует, когда он выяснил вещи, очень хорошо известные аналитикам: первоначальное «разочарование» при рождении маленькой сестренки

ки, при этом примитивные враждебные порывы поднялись до сознательной ненависти, следующее за этим разочарование («*все-таки жаль*» и т. д.), следующая избыточная компенсация: Вира пытается любить свою сестренку, в то время как она представляет себе все преимущества, которые приносит собой рождение сестренки. Бурное чувство любви выявляется в чрезмерных выражениях. («*Дорогая, добрая, прекрасная маленькая Оля*». Вира почти не знает свою кузину Олю, которая младше ее на три с половиной года, видела ее всего лишь один раз.) После любовного приветствия сразу же следуют перечисления имущества, к которому также причисляется и сестренка. Перед наиболее эмоционально выделенным словом «*сестренка*» следует маленькая заминка, которую нам выдают слова «и т. д.» («*я получила стол и стул, и т. д., и сестренку*»). О самой сестренке маленькая Вира сохранила в воспоминаниях лишь то, что у нее «*красивая маленькая коляска*».

С точки зрения психологии, у родителей возникла правильная идея сделать дочурке красивый подарок «от лица новорожденной» Марии.

2. Соперничество с матерью

В пять с половиной лет Олечка уже знала, что ребенок образуется из отцовского и материнского «зернышка», причем отец дает свое «зернышко» матери. На дальнейших анатомических деталях мать не останавливалась подробно. Малышка также знала, что яичко, из которого появляется ребенок, развивается в матери. Дочка постоянно соперничает с матерью и часто задает вопрос, почему она не может быть матерью своей матери, и почему не мать развивается в маленькой девочке.

На днях я слышу, как она рассказывает в своей кроватке:

«Она {кто?} сказала мальчику и девочке, что “как только вы заговорите, из вашего рта выйдут мужчины, которые убивают матерей”. Когда дети заговорили, из их ртов вышли мужчины и убили их матерей. Тогда дети заплакали, и девочка {или мальчик?} сказала: “Не плачь, как только ты заговоришь, из твоего рта выйдет мама”».

Дальнейшая болтовня была прервана чьим-то приходом. Несмотря на то, что Олечка хорошо знает, что ребенок появляется

лишь в матери и что мальчик никогда не может стать матерью, она все-таки фантазирует, как если бы она этого не знала, что мужчины, потом матери не появляются ни в мальчике, ни в девочке. Пожалуй, пример образного представления она должна была позаимствовать в сказках, которые, например, превращают каждое слово героини в розы.

Олечка преданно привязана к матери, но также постоянно соперничает с ней, она хочет быть точной копией своей матери, такой же большой, как мама, чтобы она не больше, не меньше *«могла взять свою мать за талию»*.

IV. НЕСКОЛЬКО СНОВИДИНИЙ ДЕТЕЙ, ОНАНИСТОВ И МОЧАЩИХСЯ В КРОВАТЬ

Пара случаев из моей практики в ростовской профилактической школьной амбулатории. Там я предпринимала так называемые «педологические», точнее «психологические» исследования ряда детей, расположенных к патологии. Каждого из исследуемых детей я спрашивала об их сновидениях. Я не могла проводить какой-либо анализ. Таким образом, отменяется любая возможность предположения какого-нибудь внушенного воздействия а priori. Эта пара детей была направлена ко мне для психологического исследования из-за установленного Enuresis nocturna¹ и сильного онанизма.

Случай 1: Вася, 10 лет. Мочится в кровать.

Сновидение: «Я вижу во сне дядю и дедушку, мы шли в сад, плыли на лодке, ловили рыбу. Я почти захлебнулся, меня спасли» (это происходило в действительности).

Случай 2: Федя, 9 лет. Мочится в кровать.

Отец ребенка умер, он был сапожником.

Сновидение: «Я писаю в кровать. Мне снится, как будто я лечу. Все мчится за мной, а я лечу».

Случай 3: Володя, 12 лет. Мочится в кровать.

Отец умер, был слесарем.

¹ [Enuresis nocturna (лат.) — ночное недержание мочи.]

Сон: «Я сплю очень крепко; можно сколько угодно стучать — я не просыпаюсь; необходимо ломать двери». Ложится спать в 9 часов вечера, просыпается в 6.30.

Сновидение: «Я редко вижу сны. Иногда, как будто я еду зимой на санках или как будто я иду на лечение; я должен купаться в море, я купался в море».

Случай 4: Лиза, 13 лет. Мочится в кровать.

Сновидение: «Сновидения редки. Сегодня я видела сновидение, как будто я несу много умерших людей к месту захоронения. Я касаюсь одного. Священник кричит: “Не трогай его, он заражен”».

(Девочка вообще сильно боится различных заболеваний, хочет стать врачом, чтобы знать, какие есть заболевания, «может быть, кто-то приносит себе вред и не знает, что приносит вред, а что нет».)

Случай 5: Ваня, 8 лет, отец погиб на войне.

Сон — хороший.

Сновидения: «Я видел сон, что прилетает птица и съедает меня». (Тут малыш начинает онанировать в моем присутствии.) «Мне страшно».

V. СНОВИДЕНИЕ МАЗОХИСТА

Эти сновидения принадлежат мальчику Георгу из детского сада. Я должна была проводить психологическое исследование в этом саду со всеми детьми. Сначала я не заметила у малыша ничего отклоняющегося от нормы. Лишь проведенное мной психологическое исследование раскрыло нам мазохистические склонности ребенка. С тех пор воспитательницы Георга часто сообщали мне, что у Георга нет веры в свои силы, он всегда берет вторые роли, позволяет своим товарищам избивать себя и т. д. Георгу 8 лет, немного маленький, рыжеволосый, болезненный, средней успеваемости ученик. Его отец — рабочий фабрики.

Сновидение: «Иногда мне снится, что приходит черный дядя, хватается за рубашку и тащит. Он обрезает мне ноги. Иногда мне снится, что ползут медведи».

В другом месте (при таком же исследовании) я обращаю к Георгу три вопроса по Бине—Симону¹.

Первый вопрос: *Что ты делаешь, если опаздываешь на поезд?*

Ответ: *Мне хочется зарезаться.*

Второй вопрос: *Что ты делаешь, если случайно разбиваешь чужую вещь?*

Ответ: *Я отрезаю себе руки.*

Третий вопрос: *Что ты делаешь, если твой товарищ ненамеренно причиняет тебе боль?*

Ответ: *Я хочу рассказать (показать).*

Все это ребенок рассказывает шепотом, ерзает туда-сюда на скамье и жует ластик.

Воспитательницы не могут наблюдать генитальный онанизм. Также и здесь факты говорят сами за себя. Исключена любая возможность внушения: все психологическое исследование проводилось в один и тот же день, длилось полчаса. Сопровождение с воспитательницами состоялось после исследования в отсутствии детей.

Обобщая, следует упомянуть, что детские сновидения, связанные с уринированием и онанизмом (вероятно, в большинстве случаев недержание мочи — это следствие онанизма), по большей части являются случаями сновидений страха. Также здесь у нас есть известная символика воды, купания, ловли рыбы, катания по снегу и прочее. (Сравните с работой д-ра Федерна «О сновидениях полета»².)

¹ [См. сноску на С. 233 наст. изд.]

² [Federn, P. Über zwei typische Traumsensationen // J. — 1914. — Bd. 6. — S. 89—134.]

К ДОКЛАДУ Д-РА СКАЛЬКОВСКОГО (1929а)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на русском:

1929: К докладу доктора Г.А. Скальковского // Труды 1-го совещания психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края. — Вопросы социальной психоневрологии. — Вып. 1. / Издано С.-К. Крайздравом и С.-К. Ассоциацией научно-исслед. институтов). — Ростов-на-Дону, 1929. — С. 95—97.

Эта статья фактически единственная известная публикация СШ, подготовленная ею на русском языке. Здесь текст воспроизводится с особенностями употребления личных имен, психоаналитической терминологии и орфографии оригинала.

Практически докладчик¹ применяет при лечении больных ту же самую методику, которую проводит Фрейд. Как все фрейдовцы, докладчик рекомендует вначале вскрыть вытесненные инфантильно-сексуальные переживания. Это существенно, потому что независимо от дальнейших терапевтических приемов, по учению Фрейда, успех терапии в неврозах перенесения² (как, напр., истерия) зависит исключительно от возможно полного вскрытия вытесненных

¹ [Скальковский, Г.А. Теория гомофункции и методика гомофункционального перевоспитания личности // Труды 1-го совещания психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края. — Вопросы социальной психоневрологии. — Вып. 1. / Издано С.-К. Крайздравом и С.-К. Ассоциацией научно-исслед. институтов). — Ростов-на-Дону, 1929. — С. 88—92.]

² [По современной терминологии: неврозы переноса.]

переживаний. И фрейдовцы указывают больному на бессознательный протест или на положительную его зависимость от отца или матери. Это делается на основании того, что говорит сам больной. Если больной, вспоминая свои враждебные настроения против отца или враждебно-критическое отношение к отцу, не вспоминает при этом ни о каких инфантильно-сексуальных переживаниях — опытный аналитик и не станет больному внушать эти переживания. Обычно, сами больные, говоря о своей фиксации к одному из родителей (зависимость или протест), прямо или символически связывают зависимость с инфантильно-сексуальными переживаниями. В этом нас особенно убедили произведенные в большом количестве научные психоанализы, при которых в продолжении многих часов аналитик не проронил ни одного слова, за исключением: «а теперь что вы видите?» Сказанное анализируемым при этом фиксировалось дословно и могло быть контролируемо много времени спустя. Фрейдовцы, как и докладчик, указывают больному, как воспитание и среда способствуют созданию в нем патологической зависимости или отпора. Докладчик при этом объясняет больному свою теорию зависимости с остановкой на различных фазах развития. При всем теоретическом интересе практически эти объяснения ничего не дают, потому что эффект лечения заключается в изживании вытесненного. К одинаковым результатам приводят поэтому часто анализы, особенно детские, при которых аналитик вообще ни слова не говорит и дает возможность больному в своем присутствии разыграть, например, вытесненные враждебные импульсы против отца или матери. Это разыгрывание вытесненного кладется в основу методики анализа дошкольного возраста. Такая методика доложена и описана впервые Хуг-Хельмут¹. Мы все, имеющие дело с дошкольным возрастом, ее применяем. При этом, я лично, расходясь с мнениями Хуг-Хельмут и Мелани Клейн, не нахожу нужным давать ребенку, как мы это делаем у взрослых, сознательно проработать вытесненное. В детских анализах это бывает необходимо лишь в исключительных случаях. Часто терапев-

¹ [Хуг-Гельмут, Г. Новые пути к познанию детского возраста: Психоаналитические лекции для родителей, учителей, воспитателей, школьных врачей, заведующих детскими домами и яслями. — Л., 1926. — 218 с.]

тический эффект, как в одном случае, описанном мною, наступает исключительно под влиянием разыгрывания вытесненного без единого слова объяснения со стороны аналитиков.

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ЧАСТЬ

Учение Фрейда шире учений всех его врагов и приверженцев. Десятки лет тому назад Фрейд определил невроз, как социальную неприспособленность и неудачную попытку контакта с окружающей средой. Фрейд неоднократно говорил о том, что многих можно было бы предохранить от невроза, если бы можно было изменить социальную обстановку, стимулирующую вытеснение. Первоначальными импульсами нашего поведения являются, по Фрейду, влечения (не только сексуальные, как это всегда выставляют противники фрейдизма). Но судьба влечения, та форма, в которую облекается влечение, т. е. то, что в конце концов является для нас самым важным, зависит по Фрейду не только от био- и физиогенных, а также от социогенных факторов. Сам Фрейд изучением био- и физиогенных факторов не занимается. Весь акцент он перекладывает на факторы социогенные, стимулируя изучение влияния социально-бытовых условий на семейное окружение ребенка и таким образом на самого ребенка. Значение, придаваемое аналитиками Фрейдовской школы явлениям зависимости или протеста, видно, например, из книги Юнга (тогда еще чистого фрейдовца) «О значении отца для судьбы ребенка»¹. Если Юнг при этом говорит о значении для личной жизни, то в других случаях и он сам и другие аналитики объясняют этим влиянием отца или матери (зависимость или протест) неприспособленность к работе, асоциальные, антисоциальные проявления и т. д. Невротическую зависимость от родителей со знаком плюс или минус фрейдовцы объясняют неправильным воспитанием, усугубляющим первоначальное чувство беспомощности у ребенка (защитный рефлекс), воспитанием, извращающим также нормальное чувство привязанности к родителям. И в патологическом про-

¹ [Jung, C.G. Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1.]

тесте фрейдовцы усматривают результат неправильного воспитания, не давшего ребенку возможности выявить свою личность в форме естественной для каждого ребенка борьбы или протеста в отношении первоначального авторитета отца или матери. И в том и в другом случае фрейдовцы говорят о патологической «фиксации». Интересной в докладе д-ра Скальковского является попытка связать явления зависимости и протеста с определенной формой развития ребенка. Действительно, идеологам хорошо известна первоначальная фаза зависимости у ребенка раннего возраста, опирающаяся на могущественнейший «инстинкт подражания». Подражание вначале автоматическое выдвигает, в конце концов, идеал, которому мы желали бы уподобиться. С другой стороны, по мере того, как развивается личность ребенка, развивается и всем нам хорошо известный протест, сначала в форме общего негативизма, затем самоутверждение ребенка требует критического низвержения вначале безграничного родительского авторитета. Правда, эти фазы разработаны у Скальковского не совсем правильно: зависимость и протест развиваются не прямолинейно, а скачкообразно, причем в период отрочества, представляющий в то же время период полового созревания, наступает вновь сильнейшая борьба за самоутверждение, путем срыва в первую очередь родительского авторитета. Педагоги хорошо знают, как труден ребенок этого возраста. На смену авторитета родителей выдвигается авторитет товарищеской среды. Только с наступлением юношеского периода наступает у нормального человека приблизительное равновесие в привязанности к критической оценке родителей с одной стороны, в выработке продуманного социального и научно-философского мерила с другой стороны.

Для аналитика-фрейдовца вполне приемлемо утверждение, что воспитание и среда могут или стимулировать правильное развитие того, что д-р Скальковский называет гомофункцией, или, напротив, затормозить это развитие, создав явления «застоя» или «регресса» (по терминологии фрейдовцев) на более примитивной фазе развития. Влияет ли при этом гомофункция на влечения или влечения на гомофункцию, — вопрос неправильно поставленный, потому что одно влияет на другое, и все зависит от того, с какой стороны мы будем рассматривать явление. На языке мате-

матика это значит, что мы формулу «в» можем выразить посредством «а» и формулу «а» посредством «в». Гомофункция, конечно, не является единственной стороной выявления личности. Нейштательский профессор педологии, психоаналитик Пиажэ проследил, например, развитие «плана реальности» по возрастам. План реальности у взрослого человека и у ребенка, естественно неодинаков: и тут мы наблюдаем под влиянием био-, физио- и социогенных факторов застой или регрессирование на более примитивные фазы развития. Мы могли бы точно также все явления объяснить с точки зрения «плана реальности». И это было бы точно также односторонне, как попытка объяснить все Адлеровским «мужским протестом» или «гомофункцией» по Скальковскому. Именно компромисс (Фрейд) или взаимодействие между отдельными сторонами личности и влечениями дает ту результирующую, которая управляет нашими поступками, при этом, как наши основные влечения, так и различные другие проявления нашей личности («гомофункция», «план реальности» и т. д., и т. д.) находятся как под посредственным, так и под непосредственным влиянием био-, физио- и социогенных факторов, из которых гл[авным] предметом изучения для психоаналитика является влияние факторов социогенных.

РАБОТА ЛЕЧЕБНАЯ В АМБУЛАТОРИИ

(на основании учения Фрейда и личного опыта).

Требование Фрейда лечить больных, по возможности не меняя до конца анализа той обстановки, которая вызвала заболевание, вполне удовлетворяется как раз при амбулаторном лечении.

1. При лечении так наз[ываемых] «неврозов перенесения» у взрослого, как сказано, терапевтический результат достигается нами исключительно путем вскрывания вытесненного. Смешанная терапия здесь диктуется лишь неопытностью аналитика или недостатком времени. Результат лечения будет тем прочнее, чем полнее произведен анализ.

2. При психастении мы комбинируем психоанализ с «активной терапией» Ференци.

3. При неврозах нарцисстических¹ мы пока об определенных результатах говорить не можем (исключение составляют лишь легкие невротики нарцисстического типа). Классический психоанализ тут может быть даже опасен, особенно там, где мы имеем рассматриваемые нами как защитные симптомы навязчивости или психастении.

4. При психоанализе детским применяется особая техника, о которой за недостатком времени невозможно тут доложить.

5. Желательно было бы иметь возможность уделять каждому взрослому больному в продолжении нескольких месяцев каждый день академический час. У нас это возможно лишь в исключительных случаях. Мы поэтому должны в подавляющем большинстве случаев ограничиться психоанализом, который я называю «абортивным». При этом вскрываются некоторые группы вытесненных представлений, являющиеся в данный момент для больного «существенными». Остальное дополняется воспитанием воли. Такой анализ длится в среднем 6 недель, 2 месяца по 1/2 часа сеанс 3 раза в неделю. Так как при «абортивном» психоанализе, за недостатком времени, определение «существенного» предоставляется врачу, — то здесь, конечно, не исключается субъективизм, и субъективизм будет тем больший, чем менее опытен будет врач. Поэтому при психоанализе абортивном в еще большей степени требуется не только знакомство врача с новейшей техникой психоанализа, но также достаточный психоаналитический опыт.

6. За 5-часовой рабочий день в амбулатории, по-моему, следует 3 часа уделить на прием лечебный и 2 часа на консультативный. За 3 лечебных часа врач-аналитик может принять в среднем 7 чел., считая на 1 больного 3/4 часа и на остальных по 1/2 часа и по неск[олько] минут перерыва между больными. Количество больных, которое таким образом может охватить аналитик на лечебном приеме — около 15 чел. в 6 недель. Если к этому присоединить 4 консультативных случая в день — мы будем иметь пропускную способность кабинета около 100 человек в месяц. Нужно добавить, что психоанализ утомляет врача, как ни один из видов психотерапии. Опытные врачи-психоаналитики сообщают, что нередко засыпают во время приема. Отсюда следует, что врач-психо-

¹ [В современном написании: невроз нарциссический.]

аналитик нуждается в длительном отдыхе, пожалуй, большем, чем педагог, которому дается $2\frac{1}{2}$ месяца летнего перерыва.

Учитывая все это, мы приходим к заключению, что психоанализ, терапия хотя дорогая, но зато наиболее предохраняющая от дальнейших расходов на лечение больного, т. к. при этой терапии, даже при абортивном психоанализе, рецидивы реже, чем при других видах терапии. Мы, кроме того, экономим расходы на содержание больных в санаториях, больницах, на водолечении, электризации и т. д. Обо всем этом следует подумать.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ ПРИ ОТКРЫТЫХ И ЗАКРЫТЫХ ГЛАЗАХ (1931a)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1931: Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen // Imago. — 1931. — Bd. 16. — S. 359—391.

Раскрывается идея — кинестетические образные представления как символическое мышление. Знание о форме и движении создается из форм и движения собственного тела. Рисунок позволяет выразить конституцию, показывает «жизненный ритм» рисующего. В связи с этим, выполнение рисунка без зрительного контроля на основе кинестетических переживаний приравнивается к рисунку раннего детства. Схематизация в рисунках у детей связана с особенностями их мышления.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

ИССЛЕДОВАНИЯ ПОДПОРОГОВЫХ КИНЕСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ

Прежде чем мы приступим к исследованию влияния кинестетических знаний на структуру нашего мышления, я хотела бы дать короткий обзор существующих до этого момента размышлений о формах мышления. При этом я хочу придерживаться употребляющейся в психологии терминологии, хотя она не является исчерпывающей. Но, по моему мнению, она в любом случае более оправдана, чем «рефлексологическая» терминология рефлексологических школ, основанных Павловым и Бехтеревым.

Каким образом мы мыслим? Если этот вопрос задавать большому числу людей, то большинство отвечает на основе их собствен-

ных самонаблюдений: «Я мыслю словами, в языковой форме». Но некоторые из них скажут, что скорее мышление происходит в визуальных образных представлениях. Некоторые исследователи, как, например, профессор Висильчиков, утверждают, что дети мыслят образами, а взрослые — в языковой форме (ср. также исследования «эйдетической» школы Марбурга¹, также рассуждения Фрейда о вероятно органически-галлюцинаторном характере мышления в раннем детском возрасте). Различие мнений объясняется тем, что взрослые одновременно мыслят как языковым, так и образным способом, преимущественно зрительно-кинестетическими образами. При самонаблюдениях мы замечаем, согласно нашей конституции и условиям данного момента, то языковую, то образную часть мыслительного процесса.

Доказательства для одновременной кооперации как языковой, так и образной деятельности мышления представляются как теоретическим, так и экспериментальным путем².

1) если мы хотим дать имя какому-либо предмету или понятию, будь оно звуко-имитирующего или символического вида, то мы связываем приписывание имени с представлением, которое состоит из ощущений движения, цвета, запаха и других (ощущений). Из этого выясняется, что данное имя основывается у нас на ощущениях движения, цвета и других (ощущениях) и вызывает в нас эти образные представления, будь это сознательные или предсознательные представления или вообще «готовность к представлениям».

¹ Jaensch, E.R. Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt [und die Grundlagen der menschlichen Erkenntnis.] — 2. Aufl. — Leipzig, 1927; [Ders.] Über Eidetick und die typologische Forschungsmethode // Zeitschr. Psychol. — 1927. — 102.

— Henning: Das Urbild // Ztschr. f. Psychologie. — 1924. — 94; [Ders.] Neue Typen der Vorstellungsbilder und die Entwicklung des Vorstellens // Ztschr. f. angew. Psych. — 1923. — 22.

— Krager: Der eidetische Anlage der Jugendlichen in ihrer Bedeutung für die Klinik und die Schulleistungen // Klin. Wochenschr. — 1925. — Nr. 47.

² Ср. Spielrein, S. Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // Archives de Psychologie. — Tome XVIII. Mai 1923 [Наст. изд. С. 305—326.]; [Ders.] Die Zeit im unterschwelligigen Seelenleben // Imago. — 1923. — Bd. IX. — Heft 3 [Наст. изд. С. 321—337.]; [Ders.] Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. [Наст. изд. С. 109—154.]

Ср. также Varendonck [J.]: Über das vorbewußte phantasierende Denken. — [Leipzig:] Int. PsA. Verlag. [1922. — 171 s.]

II) если мы хотим сделать наш язык более понятным, то приводим «конкретные примеры», в качестве вспомогательного средства мы используем «образные сравнения», т. е. мы преобразуем абстрактно-словесную форму нашего языка в образный язык, который возник из первобытных ощущений и ощущений органов и тесно связан с ними, и поэтому называется также «языком органов»¹.

III) образный язык или язык органов мы явно находим в наших сновидениях. Здесь языковое мышление выступает полностью на заднем плане. На его место передвигается образное мышление, соот[ветственно], зрительное мышление (зрительно-образное мышление) или, правильное, зрительно-образное кинестетическое или символическое мышление. Проблема символизации на данный момент не решена в полной мере, хотя многие исследователи пытались сделать это. Психоанализ считает зрительные образы, преобладающие в сновидениях, повторным появлением стадии предъязыкового, по Фрейду, образно-галлюцинаторного, органического мышления маленького ребенка. Если эту дефиницию понять правильно, то она появляется неопровержимо. Потому что ни Фрейд, ни его последователи не понимают наше сновидческое мышление как способ мышления маленьких детей. Наоборот, наше сновидческое мышление в значительной мере предшествует периоду раннего детского возраста, в то время как мы используем все сложные знания всех областей нашего временного сознания. Это неопровержимо. Фрейд лишь считает, что в сновидениях взрослых элементы предсознательного мышления их раннего детского возраста упорядочиваются элементам мышления их теперешнего возраста. Анатомически-физиологическим путем мы можем объяснить этот факт на основе объективных наблюдений тем, что функция коры головного мозга во сне хотя и не полностью сохраняется, но в любом случае понижается. В соответствии с этим во сне прорываются онтогенетически более ранние элементы мышления маленьких детей к мышлению нашего возраста. Прорвавшиеся элементы подкоркового мышления соответствуют именно составным частям зрительно-

¹Фрейд: Толкование сновидений. Собр. сочинений. Т. II и III. [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

галлюцинаторного мышления предъязыкового мышления раннего детского возраста. Такой же характерный галлюцинаторный способ мышления мы встречаем при наркозе, при различных психозах и в так называемом гипнагогическом состоянии, которое впервые было описано психоаналитиком Зильберером¹. Все это состояния, при которых функция коры головного мозга частично уступает свое преобладание интенсифицированным подкорковым функциям. Однако я не знаю, в какой мере психоанализ присоединится к этой, как я думаю, бесспорной предпосылке, что в сновидении мы имеем дело с ослабленной деятельностью коры головного мозга. Как известно, процесс символизации в сновидении Фрейд объясняет регрессией и действием цензуры². К сожалению, здесь мы не можем вдаваться в подробные детали этой теории. И все же одно является несомненным: признанный Фрейдом факт, что в сновидении мы воспринимаем переживания, желания и механизмы мышления нашего раннего детства. Далее мы хотели бы предположить, что в сновидении у нас раздражаются те части мозга, которые в свое время играли важную роль во время онтогенетического процесса развития. В конце концов, если Фрейд говорит об «органическом», образно-галлюцинаторном предъязыковом мышлении раннего детского возраста, пожалуй, нельзя не признать, что в этом случае мы имеем дело с деятельностью с точки зрения онтогенетики более старших областей мозга, согласно всей вероятности с деятельностью подкорковой области.

IV) гипнагогическое мышление представляет для нас большой интерес тем, что здесь мы можем представить как языковую символическую форму, так и их переход на образы, преимущественно на образно-кинестетический язык. Я хочу объяснить это на одном примере: один студент засыпает со следующими мыслями: *«Нет никакого смысла стремиться к чему-либо. Едва я приближусь к цели, как происходит что-то, из-за чего я снова должен начинать все сначала»*. Постепенно погружаясь в сон, студент видит жука, который поднимается вверх по решетке, но едва он немно-

¹ Silberer, H. Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // J. — 1909. — Bd. I.

² [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

го пройдет вперед, как девочка трогает его лапку, и он снова шлепается вниз. Спящий просыпается со словами: «*Ты поднимаешься на гору — черт тянет тебя за ноги вниз*». После этого студент вспоминает о своем сне и о мыслях перед сном, которые были посвящены суете жизненной борьбы¹.

V) одновременное использование языкового и образно-галлюцинаторного мышления мы часто находим в параноидных формах шизофрении, когда у пациента случаются громкие галлюцинации, и тут же он сам объясняет их. Такие случаи подтверждают, что первоначально ненаблюдаемые, происходящие синхронно с обычным мышлением ряды образов проявляются после сильных волнений довольно резко, я бы сказала, автономно.

VI) в пользу синхронно сосуществующих рядов образов также говорит закон иррадиации. Как известно, этот закон гласит, что в случае возбуждения определенной области головного мозга это возбуждение не локализуется, а распространяется на связанные с первоначальной областью возбуждения области головного мозга. Это значит, что если возбуждается определенная область головного мозга при создании языкового символа, то это возбуждение иррадирует и вызывает деятельность соответствующих областей головного мозга, которые находятся в какой-либо взаимосвязи с образным мышлением. Блейлер и Фрейд² обозначают образное мышление как «органическое», потому что, наконец, любое образное представление исходит от определенных ощущений, но ощущение связано с возбуждением не только центробежной, но и центростремительной части нашей центральной и вегетативной нервной системы. Поэтому действие ощущения перемещается на наш организм. Ощущения воздействуют на наш организм, поскольку в том же самом организме посредством образных представлений они оправдывают имя «органическое мышление».

Я уже говорила ранее, что при изучении образного мышления Фрейд дал ему название «зрительно-галлюцинаторное мышле-

¹ Spielrein, S. Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // Archives de Psychologie. — Tome XVIII. Mai 1923. [См. наст. изд. С. 305—326.]

² [Freud, S. (Zusammen mit: Breuer, J.) Studien über Hysterie (1895d) // G. W. — Bd. I. — S. 75—312.]

ние»¹. Поэтому он и его ученики понимают это мышление главным образом как зрительно-образное мышление. Это не совсем верно. В нашем образном мышлении мы, без сомнения, лучше всего понимаем зрительные образы, потому что зрительные ощущения, которые лежат в основе этих образов, четче всего объективированы. Например, ощущения тепла и холода мы постоянно локализуем отдельно от нашего организма, также ощущения мускулов. Также ощущения запаха и вкуса. Напротив, зрительные ощущения четко проявляются как расположенные вне организма. Зрительные ощущения вообще являются не ощущениями, а впечатлениями, которые мы связываем с объективным производящим их предметом. Мы можем ощущать движение, но синий или красный цвет не вызывает в нас сознательных ощущений тела.

Кинестетические образы абсорбируются, скорее, как все другие, посредством зрительных образов, потому что именно зрительные образы самым тесным образом связаны с кинестетическими. В акте видения мы различаем представления света и формы. При образовании представлений формы наряду с ощущениями света кинестетические ощущения также не играют ни малейшей роли. (Я намеренно не принимаю здесь в расчет слепых). Я хотела бы объяснить почти неразделимое у зрячих людей слияние зрительных представлений с примитивными кинестетическими представлениями отчасти при помощи кинестетического характера, что мы называем актом видения. В результате этого слияния мы не воспринимаем кинестетический момент. Лучше всего можно констатировать это слияние зрительных элементов с кинестетическими при помощи простейшего схематического линейного рисунка. Линию мы можем рассматривать как самый простой зрительный кинестетический образ. Она является зрительным образом, поскольку мы представляем ее себе в стационарном состоянии как черту; с другой стороны она становится для нас кинестетическим образом, если мы представляем ее себе как линию, как она возникает из движения определенной длительности и направления. В качестве примера такого кинестетического линейного образа выступает следующая гипнагогическая галлюцинация: засыпая, студентка физико-математического факультета

¹ [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

размышляет о разных вещах, что она должна сделать. В последующей за этим гипнагогической галлюцинации она думает, что двигается на периферию многоугольника. В одном из углов многоугольника она испытывает неприятное колющее чувство и просыпается. Она снова закрывает глаза и старается возобновить прежнее движение на прерванной линии, но в противоположном направлении. Достигнув исходного пункта на линии, она вспоминает, что во время своих размышлений перед сном о том, что она сделала и куда должна была идти, каждый раз мысленно она представляла линию, которая, исходя из ее комнаты, постоянно приводила к данному замыслу. Так появилась прерванная линия (незаконченный многоугольник). Точка многоугольника, в которой она испытывала неприятное колющее чувство, соответствовала именно неприятному замыслу, который она должна была выполнить¹. Этот случай отчетливо показывает, что изображение прерванной линии в гипнагогической галлюцинации студентки происходило из представления движения, представления ее собственного движения. Таким образом, чисто кинестетическое представление производит четкий образ, образ прерванной линии.

Возможно, наши сновидения в процессе возникновения носят кинестетический характер, но при пробуждении мы преобразуем эти сновидения в зрительно-образную форму. Цитируемая гипнагогическая галлюцинация, по сути дела, является схематическим изображением действий, которые студентка намеревалась совершить. Схематичный образ мышления свойственен математикам. Поэтому не надо удивляться, что образ чисто кинестетического, схематического характера был произведен студенткой именно физико-математического факультета.

Также легко объяснимым является то, что чисто кинестетические образы я постоянно могла устанавливать у шизоидных типов, т. е. у таких типов, которые, как известно, склонны к абстрактному типу мышления. В отдельных случаях даже одежда не обязательно выступала в зрительно-образной форме. Так, например, один слу-

¹ Spielrein, S. Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // Archives de Psychologie. — Tome XVIII. Mai 1923. [См. наст. изд. С. 305—326.]

шатель в Институте Руссо в Женеве рассказывал мне, что видел сон, который пробудил в нем сильное чувство страха: сновидение не состояло из зрительных образов, лишь из ощущения надвигающегося на него движения. Еще один врач говорит, что он испытал в сновидении чувство увеличения, не воспринимая при этом зрительного образа. Он видел этот сон несколько раз. Я вспомнила лишь несколько случаев таких чисто кинестетических изображений сновидений. Во всех случаях речь идет о шизоидных типах.

Многие психологи, которые занимались изучением понятия формы и пространства, безусловно, должны были столкнуться с проблемой кинестетических ощущений. Стэнли Холл, Бьюнис и другие считают кинестетические ощущения, а именно ощущения мускулов, сухожилий, суставных поверхностей, основой наших представлений формы и пространства. Об этом имеется много литературы. До сих пор вопрос приоритета зрительных или кинестетических ощущений при представлениях формы и пространства остается еще не решенным. Я сама отдаю предпочтение кинестетическим ощущениям, потому что они, с точки зрения онтогенетики, должны были проявиться раньше. Кинестетический опыт, предшественник последующих кинестетических ощущений, мы приобретаем уже в материнском чреве. Нет никаких причин для предположения, что кинестетические ощущения у зрячих не обусловлены позже вступающими представлениями формы и пространства, лишь потому что мы при помощи одного лишь зрения, уже после распределения света и тени, можем определить взаимное отношение формы и пространства. Несмотря на ощущения (я имею здесь в виду также «готовность ощущений»), которые непрерывно сопровождают движения наших глазных яблок, у нас есть еще некоторые доказательства того, что положение и форма различных органов и частей нашего тела признается в нас даже при полном отсутствии зрения. Я вспоминаю здесь о касающихся этого записках Шребера¹. Об этом также блестяще говорят сообщенные Катцем интересные наблюдения, которые он сделал при наблюдении больного с фантомом

¹ Шребер: Мемуары нервнобольного. [Schreber, D.P. Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken. — Leipzig, 1903.]

частей тела, перенесшего ампутацию¹. Выяснилось, что оперированный больной совершенно безошибочно мог указать форму и положение фантома своей руки как в положении покоя, так и в движении. Фантомы частей тела указывались лишь удлинёнными или укороченными в свои размеры. Если больной находился вблизи какого-нибудь предмета, он ощущал фантом своей руки внутри этого предмета. Фантом постоянно ощущался в таком положении, в котором находилась неампутированная часть тела. В этом содержится новое доказательство того, что также и мы, зрячие, получаем представления формы и положения в состоянии покоя или движения кинестетическим путем. Кинестетические представления формы выделяются здесь через незначительную точность в передаче отдельных размеров (удлинение или укорочение во всех направлениях), в результате чего возникают диспропорции. Кроме того, мы констатируем значительную независимость отдельных частей тела в их отношении взаимности и локализации в пространстве. Эта независимость распространяется настолько, что представляемая форма (фантом руки), может возникать в полном противоречии к закону непроницаемости, внутри какого-либо предмета.

В моих работах над проблемой кинестетических образных представлений в связи с проблемой символического мышления я старалась представить основные качества этих образов экспериментальным путем. Так как мы, предположительно, заимствовали понятия формы и движения у форм и движений нашего собственного тела, то в соответствии с этой целью форма человеческого тела показалась мне самой подходящей. Для начала я произвела исследование человеческих рисунков. В качестве руководства к которым я позаимствовала слова Леонардо да Винчи², согласно ко-

¹ *Katz: Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4.*

² По Мережковскому: «Леонардо да Винчи».

[Возможно, речь идет о следующем месте: «Мастер, у которого руки узловатые, костлявые, охотно изображает людей с такими же узловатыми, костлявыми руками, и это повторяется для каждой части тела, ибо всякому человеку нравятся лица и тела, сходные с его собственным лицом и телом. Вот почему, если художник некрасив, он выбирает для своих изображений лица тоже некрасивые, и наоборот. Берегитесь, чтобы женщины и мужчины, тобой изображаемые, не казались сестрами и братьями-близнецами, ни по красоте, ни по уродству — не-

торым рука человека во время рисования всегда инстинктивно старается представить формы и движения собственного тела. Все знания о форме и движении, если мы приобретаем их кинестетическим путем, мы создаем из формы и движения собственного тела. Согласно этой гипотезе, репродукции собственных рисунков, выполненных по памяти, в некоторой степени должны быть более правдоподобными, если они выполняются на основе кинестетических переживаний без зрительного контроля.

Исследования рисунков, выполненных при открытых и закрытых глазах, подтверждают это удивительным образом.

Я исследовала примерно 20 рисунков взрослых людей и несколько сотен рисунков детей в возрасте от 5 до 14 лет. Большая часть выполнена детьми школьного возраста, от 8 до 13 лет, пролетарского происхождения за немногим исключением. Испытуемые были подразделены мной на четыре группы. Каждый испытуемый был отделен от других, подвергался проверке наедине и мог принимать участие только в одной группе. Во всех четырех группах испытуемые рисовали человека сначала по собственному желанию. В первой группе сначала рисовали при зрительном контроле, с открытыми глазами. Затем им говорили: *«Сейчас закрой глаза и попытайся по памяти нарисовать того же самого человека»*. Во второй группе сначала рисовали с закрытыми глазами. Затем полученные рисунки показывали испытуемому, ему предлагалось нарисовать при открытых глазах без использования оригинала человека, каким он хотел представить его при рисовании с закрытыми глазами. В третьей группе оба раза рисовали с закрытыми глазами. И, наконец, в четвертой группе один раз рисовали с открытыми глазами; после этого испытуемые должны были

достаток, свойственный многим итальянским художникам. Ибо в живописи нет более опасной и предательской ошибки, как подражание собственному телу. Я думаю, что это происходит оттого, что душа есть художница своего тела: некогда создала она и вылепила его, по образу и подобию своему; и теперь, когда опять ей нужно при помощи кисти и красок создать новое тело, всего охотнее повторяет образ, в котором уже раз воплотилась».

Мережковский, Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) (1902) // Мережковский, Д.С. Собрание сочинений в четырех томах. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — С. 454.]

повторно нарисовать по памяти тот же самый рисунок, так же с открытыми глазами на новом листе бумаге.

Результаты очень поучительны, как это видно из ряда представленных здесь детских рисунков. Каждый опыт сопровождается короткой, данной педагогом характеристикой ребенка, показаниями школьного врача и, наконец, выставленным мной лично диагнозом, основаным на общей педогогической проверке.

Случай 1. Двенадцатилетний ученик, сын переплетчика. Ведет себя нервно, беспокойно. Диагноз: истерия. Умный, способный мальчик. Задание второй группы: рисует сначала с закрытыми, затем с открытыми глазами. Сначала мальчик хотел рисовать в соответствии с предписаниями, но не удержался и открыл глаза. После этого снова последовало предписание закрыть глаза и по собственному желанию нарисовать человека. Таким образом, мы получили три рисунка: один начатый с закрытыми глазами, но незаконченный, затем завершенную репродукцию предыдущего рисунка, выполненную по памяти, и репродукцию, выполненную с открытыми глазами (рис. 1). Для выполнения последнего варианта мальчику давались для просмотра его первые две работы, а затем прятались. Совершенно неожиданно эти три рисунка убеждают в том, что в любом случае при помощи пре-

Рисунок 1

имушественно кинестетического воспоминания можно нарисовать человека при закрытых глазах. При этом первая, назовем ее «слепой», репродукция по памяти показывает, как свидетельствует Катц¹ при наблюдаемых представлениях больного с ампутированной рукой, следующее: в общих чертах в произведенной по памяти репродукции, сохранились очертания и некоторые характерные штрихи, даже направление движения. Некоторые части в наших слепых рисунках удлинены, укорочены или дислоцированы по отношению к остальным. Удивительно, как точно совпадает очертание лица второго слепого рисунка с очертанием первого. Они не идентичны по длине, но угол между лбом и носом, длина носа, угол верхней губы, вся линия нижней челюсти, все это почти полностью одинаково на обоих слепых рисунках.

Таким образом, мы видим, что слепой рисунок отличается от обычного рисунка, выполненного при зрительном контроле. Различие выступает лишь в тех качествах, в которых они совпадают с представлениями больного с ампутированными частями тела. Эти различия на одной стороне с одновременным совпадением на другой доказывают, что характерные моменты слепых рисунков можно свести к общим моментам слепых рисунков и галлюцинаций ампутированного больного. Теперь нам ясно, что при слепых рисунках, как и при галлюцинациях ампутированных больных, мы, похоже, имеем дело с образами, которые получаем на основе кинестетических знаний.

Третий рисунок этого мальчика, выполненный при открытых глазах по памяти, едва ли убедителен. Во-первых, задание звучало по-другому, чем в начале: нарисуй человека, как ты думал нарисовать его при закрытых глазах. Во-вторых, трудно определить, какая часть рисунка действительно сводится к зрительной памяти, а какая к механической реконструкции, основанной на предшествующем кинестетическом опыте. Установлено лишь одно: когда испытуемые четвертой группы рисуют сначала глядя и после этого «точно такого же» человека рисуют еще раз снова глядя, то мы получаем изображение, которое уступает относительно точности отдельных форм и движений слепым рисункам, выполненным по памяти. В этом нас также убеждает третий рисунок нашего случая.

¹ [Katz: Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4.]

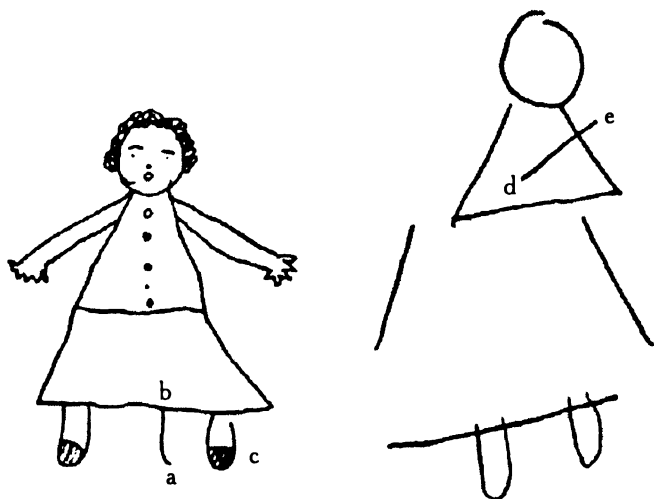

Рисунок 2

Случай 2. Девочка, одиннадцать лет, жалуется на нервное отсутствие аппетита и запор. Истерия — запоры истерического происхождения. Ребенок эгоцентричен, жеманен. Умственные способности средние. Зрительная продукция по Бине—Симону средняя. Первый рисунок выполнен при открытых глазах, второй — при закрытых (рис. 2). Линию а—b девочка нарисовала самостоятельно, потому что первоначально она хотела нарисовать здесь стопу. Линия d—e должна означать в слепой репродукции руку. Также мы видим здесь особенности слепой репродукции: очертания отдельных частей тела соблюдены очень приблизительно, даже если удлинены или укорочены в различных направлениях. Некоторые детали по отношению друг к другу дислоцированы; линии юбки расходятся, ноги входят в туловище (сравните, фантом руки, всунутой в стол у Катца¹) и т. д. Направление ног относительно нижней линии, положение головы, угол, образованный линией головы и линией руки d—e, — все это изображено относительно правильно.

¹[Katz: Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4.]

Случай 3. Во время урока ведет себя беспокойно. Неуместный вопрос, типа: «Как можно превратить корабль в живое существо?» или «Человек — это живое существо?» Великий драчун, с удовольствием избивает девочек. Отец погиб на войне, он был бухгалтером. Матери нет, живет у очень пожилых бабушки и дедушки. Педологическое исследование выявляет истерический тип в период полового созревания. Социально запущен. Сильно агрессивный, подвижный. Хорошие умственные способности. Заметно, что рисунок мальчика агрессивны и подвижны (рис. 3). Этот случай выделяется благодаря хорошей слепой репродукции направления движения, а именно, ширины движения. Угол dac и $d'a'c'$ идентичен в слепом и зрительном рисунке. (Пунктирные линии ac и $a'c'$ я сама дополнительно провела параллельно к краю листа.) Необычно хорошо также репродуцировано положение ног, даже легкий сгиб в колене. Сохранились отдельные части тела, даже отдельные характерные очертания, хотя диспропорции статичных форм выражены здесь более выразительно, чем в предыдущих слепых репродукциях. Здесь есть движение, которое сохранено и передано самым лучшим образом.

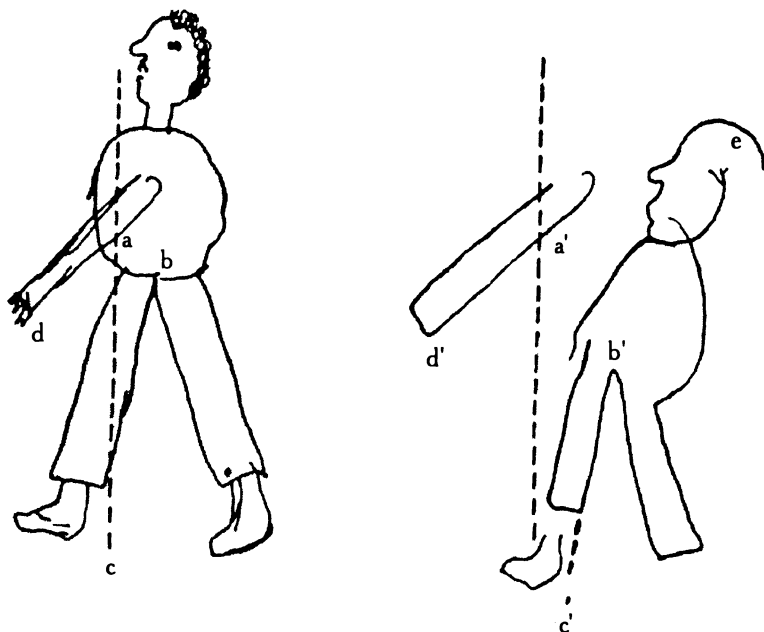

Рисунок 3

Случай 4. Девочка, десять с половиной лет. Способна. Со стороны школьного контроля нет никаких жалоб. Считается «нормальным» ребенком. Но более подробное исследование выявляет оживленную игру аффектов и чувствительность, которые являются типичными для маленьких невротиков истеричного типа. Отец — врач. К сожалению, я сохранила лишь один слепой рисунок этой девочки (рис. 4). Он является доказательством того, что между слепыми рисунками так называемых «нормальных» и выраженных истеричных детей не следует отмечать никакой существенной разницы. В данном случае, между тем, неплохо передаются как отдельные формы, так и общие очертания. При этом соотношения отдельных фрагментов тела также деформированы: глаза находятся за пределами головы, ноги находятся в верхней части туловища и т. д.

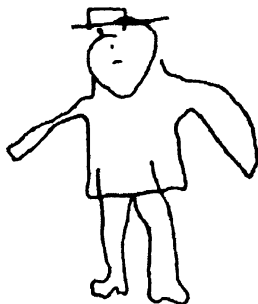

Рисунок 4

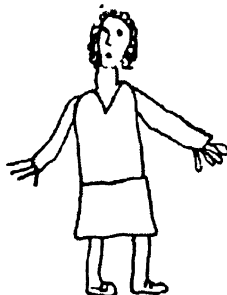

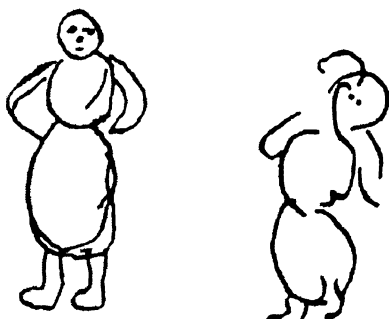
Рисунок 5

Случай 5. (Рис. 5). Это рисунок восьмилетней девочки. Слегка невротична, предположительно истерична, внешне скромная, с точки зрения педагогики запущена. Особенно интересный случай: примерно в середине выполнения слепой репродукции у ребенка произошел приступ застенчивости, и она низко опустила голову на грудь. Как видно на рисунке, ребенок точно передал это положение головы. Слепая репродукция в этом случае является не особенно удачной. На первый взгляд, у нас есть совершенно новый, независимый от рисунка при открытых глазах, рисунок со всеми характерными качествами слепого рисунка. При подробном рассмотрении все же кажется странным, что направление движений рук, которые направлены как к друг к другу, так и к линии ног, находящейся у нижней линии юбки, совпадает с рисунком при открытых глазах. Даже расстояние между ногами такое же. Перед нами испытуемая, которая передает движения и положения отдельных частей тела лучше, чем их форму. Хорошая способность к репродук-

ции движений дает, пожалуй, объяснение фиксации положения головы рисующего при слепом рисовании или, наоборот: хорошая репродукция движения свидетельствует о сильной восприимчивости ребенка к положению своей головы. Благодаря этому случаю моим вниманием овладели похожие явления, и я собрала множество таких репродукций с изображением положения головы испытуемых во время рисования.

Случай 6 показывает нам такой зрительный рисунок ребенка с парализованными правой рукой и правой ногой, выполненный при открытых глазах, а также его слепую репродукцию (рис. 6). Легкий наклон вправо всего зрительного рисунка особенно четко выражен в слепой репродукции.

Рисунок 6

Случай 7. Рисунок ребенка (рис. 7), который во время рисования подпирал голову левой рукой.

Случай 8. Работа взрослого легкоатлета. В рисунке (рис. 8) мне бросилось в глаза выраже... ой стороны с накло-

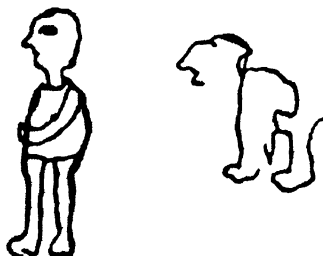

Рисунок 7

ном влево. Подробный опрос выявил: специализация — преимущественно прыжки. Правая нога сильная. Левая малая берцовая кость слабее, тоньше правой. Также большие берцовые мышцы. Если прыжок всегда начинается с правой стороны с правой ноги, в то время как 95 процентов всех профессиональных прыгунов и вообще всех людей, по мнению испытуемого, всегда начинают с левой стороны с левой ноги. Мужчина ловок в стрельбе по мишеням, но начинает всегда справа. Чтобы избежать этого правостороннего начала, при стрельбе он всегда намеренно разворачивает туловище в левую сторону¹. Все размеры левой руки немного меньше, чем размеры правой.

Я также пыталась — пока что лишь взрослым испытуемым, — намеренно дать здесь вам искусственное положение тела во время

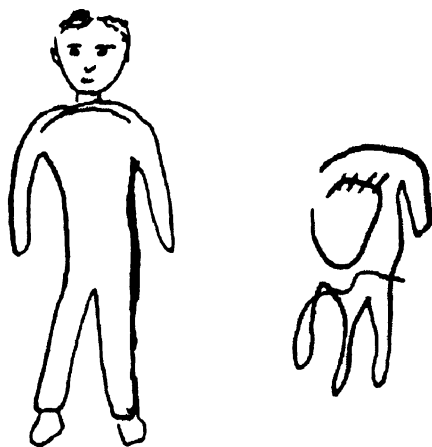

Рисунок 8

рисования, например, сильно свесив голову в левую сторону, опираясь на левую руку. Большинство испытуемых репродуцировало свое искусственно сохраненное положение тела при слепом рисунке, но разным образом: у некоторых рисунок приобрел в общем

¹ В эти дни я получила совершенно аналогичные слепые рисунки одного хирурга. Коллега также искусен в стрельбе по мишеням и также показывает склонность в правую сторону, которую он компенсирует посредством намеренного наклона влево (рис. 8а).

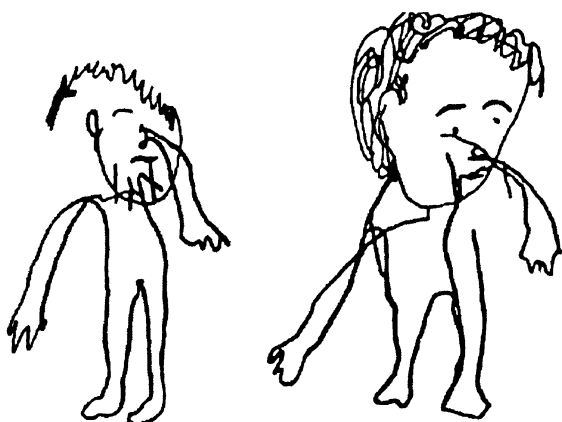

Рисунок 8а

поворот влево или вправо, в соответствии с наклоном собственного тела, прежде всего, головы, или, наоборот, некоторые поворачивали лишь одну часть нарисованного тела в ту или иную сторону, некоторые, наконец, рисовали лишь голову наклоненной в сторону искусственно приобретенного положения или отклоненной в противоположную сторону. В последнем случае фиксация экспериментально произведенного положения тела, кажется, удалась точнее всего. Но возможно, что причиной этих различий в репродукциях являются разные экспериментальные условия: один поворачивает голову влево, согласно предписанию, в то время как у другого вслед за развернутым согласно предписанию положению головы движется еще и верхняя часть туловища. Но за экспериментально задуманными движениями могут последовать непредвиденные движения, которые, возможно, объясняют противоположно-направленные повороты головы, туловища и других частей тела в слепых репродукциях. Это требует еще более тщательной экспериментальной обработки. Несмотря на это, при этих незаконченных опытах у нас есть неизбежные ошибки тех — в связи с исследованиями о слепых рисунках при неэкспериментально произведенных изменениях в положении тела — потому что это еще одно доказательство кинестетического характера рисунков, а именно слепых работ.

Поскольку мы получили опыт из кинестетических восприятий тела, мы бессознательно будем стараться представлять это положение в кинестетических рисунках при отсутствии зрительного контроля. Кинестетические рисунки должны находиться в тесной взаимосвязи со строением нашего тела, с нашей конституцией и отражать их характерные качества каким-либо образом. Это дает нам право задать вопрос о ценности кинестетических рисунков для исследования конституции. К сожалению, у меня затерялся один из самых интересных рисунков ребенка с диспластической конституцией, но при помощи следующих двух рисунков я могу в достаточной степени продемонстрировать типы таких детей.

Случай 9. Рисунок принадлежит мальчику атлетического типа. Диагноз конституции выставлялся ассистенткой психиатрической клиники профессора Ющенко госпожой доктором Вороновой. Отец ребенка служит в милиции. Заслуживает внимания близкая к квадратной форме голова на зрительном рисунке, ярко выраженная нижняя челюсть, большой рот, огромные зубы, нарисованные жирными линиями, колющий взгляд, поднятые руки, пальцы ладоней как будто сжаты в кулак. Так же неуклюже выглядят уши. Слепая репродукция сохранила все существенное: толстые,

Рисунок 9

энергично прорисованные линии, тяжеловесные формы отдельных частей, каждая из которых здесь смотрится еще более неуклюжей, толстой, сильной, чем на зрительном рисунке. Движения широкие и сильные, направления движений в целом представлены хорошо, например, линия *a* на руке. Линия *b* на руке вышла хуже. Прямые части зрительного рисунка также сохранились прямыми на слепом рисунке, это голова, туловище, ноги. Заслуживает внимания угол *H* как на зрительном, так и на слепом рисунке. Мальчик хотел представить фигуру сбоку, но потом подумал и продолжил рисовать вид спереди. Несмотря на уже принятое решение при зрительном рисунке, он вновь возвращается в слепом рисунке к первоначальной мысли и выдает здесь так же смесь вида спереди и сбоку. Далее я ссылаюсь на явления персеверации, как мы обсудили их раньше по поводу эксперимента с искусственными изменениями положения тела при рисовании. В качестве контраста к только что проанализированному типу конституции служат следующие характеристики.

Случай 10. Рисунок (рис. 10) с растянутыми формами, мягкими, неуверенными линиями, нарисовал мальчик респираторного типа. Здесь также, в слепой репродукции остро выраженных особенностей, мы находим, например, резкий поворот направо. Сначала я совсем не обращала внимание на положение туловища рисующего, поэтому я могу выразить лишь предположения. Я не могу сказать точно, имеем ли мы здесь дело с легким

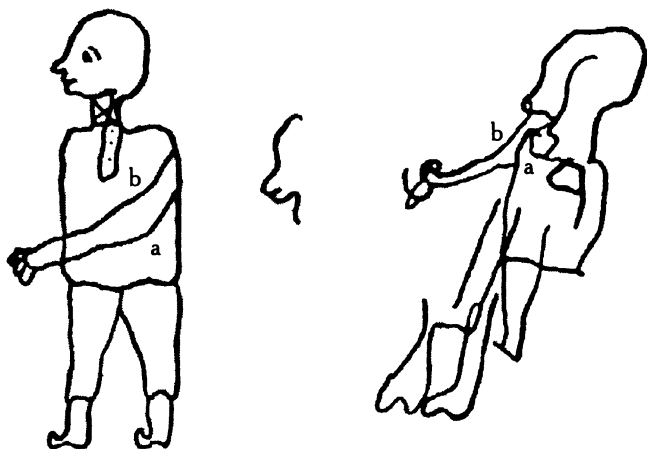

Рисунок 10

несогласованием в развитии правой и левой половины тела, примерно как вследствие искривленного позвоночника, или идет ли здесь речь о простой привычке ребенка сидеть в школе, склонившись в определенную сторону, или, в конце концов, принял ли ребенок это развернутое положение «случайно» в ходе исследования.

Против стремления выразить собственную конституцию в рисунке можно было бы упомянуть, например, творения Микеланджело, болезненного Анджело, который создавал такие могущественные образы бога и человека. Это все же не должно сбивать нас с толку: в случае Микеланджело речь идет о продуманных, компенсирующих свои слабости изображениях имаго-отца. Напротив, при наших слепых рисунках мы имеем дело с «инстинктивным» копированием. Также не исключено, что один из наших испытуемых детей, возможно, выдает при зрительном рисунке тип, противоположный собственному. Интересно было бы пронаблюдать, сохранится ли в слепом рисунке зрительный тип, или изменяется ли здесь также этот тип в смысле конституции рисующего.

Учение о конституции еще неполно. То, что мы подчеркиваем в классификации, возможно, между тем является не таким и важным, и лишь позже выяснится, по каким принципам должна осуществляться классификация. Но в любом случае мы должны обязательно использовать такие чрезвычайно важные моменты, как изображение движений и форм в кинестетических образах с целью исследования конституции.

Исследование кинестетических рисунков при известных обстоятельствах до сих пор получает неожиданно большое значение при определениях «болезней личностей» (по Ющенко)¹, также как и в нейропатологии. Мы видели, что параличи и непропорциональное развитие отдельных частей тела рисующего проявляются в его рисунках. Также положение тела и направление движения, как и характерные особенности рисующего наглядным образом отображаются в слепых рисунках. Относительно силы движения в сравнении с зрительным образом в слепом образе увеличиваются или уменьшаются, линии становятся либо энергичнее, либо наоборот, скром-

¹ [Возможно, имеется в виду работа: Ющенко, А.И. К учению о конституциях с эволюционно-генетической точки зрения // Совр. психоневрология. — 1927.]

нее, более дрожащими, расколотыми. Такие различия можно было бы использовать в диагностических целях, что я также отчасти пыталась сделать. По моему мнению, было бы целесообразно начать такое изучение серьезных повреждений в психиатрической клинике и клинике для лечения нервных заболеваний. Мой материал из профилактической детской амбулатории Ростова-на-Дону указывает на случаи с большей частью незначительными повреждениями нервной системы. Я уже показывала, что истеричные дети производят рисунки, по которым я до сих пор не выявила существенное отличие от рисунков так называемых «нормальных» детей. Шизофренические дети встречаются не так часто, и поэтому временно я их не обрабатывала относительно кинестетических рисунков. Кинестетические рисунки шизофреников не представляют никакой возможности для определенных высказываний. Иногда они похожи на рисунки диспластической конституции, часто отсутствует выдержка, мы наблюдаем забывчивость, невнимательность, упущения, повторы и беспокойство, которые мы объединяем под диагнозом «эмоциональная волевая неустойчивость».

Этот диагноз выведен из классификации профессора Бельского¹, Ленинград, и используется при педологических исследованиях в нашей школьной амбулатории. И хотя диагноз оставляет желать лучшего, он, прежде всего, дифференцирован в недостаточной степени, мы используем его лишь из практических соображений, а также, чтобы по возможности избежать различий классификаций. Под названием «эмоциональная волевая неустойчивость» подразумеваются подвижные, легко возбудимые, шумные, беспокойные дети, чья воля и внимание быстро утомляются. Их аффекты поверхностны, кажется, не проникают вглубь. У таких детей одно воодушевление быстро следует за другим, они легко подвергаются влиянию со стороны друзей и уговорам на различные проделки. В результате своей волевой слабости и возбудимости они легко сбиваются на ложный путь и берут на себя всякого рода пороки, такие как, курение, азартные игры, алкоголизм, ложь, воровство. У таких детей мы

¹ [Бельский, П.Г. Типология этически-дефективных несовершеннолетних // Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка / Под ред. А.С. Грибоедова. — М.; Л., 1925. — С. 82—175.]

констатируем, кроме общих наследственных влияний, еще следствия невыносимых социальных отношений, как социального, так и педагогического пренебрежения. Естественно, за этой эмоциональной волевой неустойчивостью следует торможение в школьном развитии. Часто мы видим взаимосвязь с умственной отсталостью, но еще чаще, наоборот: эмоциональная волевая неустойчивость присоединяется к умственной недостаточности. Дети с эмоциональной волевой неустойчивостью, рисунки которых мы сейчас будем обсуждать, относятся еще к сносным в социальной жизни.

Случай 11 (рисунок 11) показывает нам работу мальчика одиннадцати с половиной лет, который считается в школе «неспособным». Его слепой рисунок достаточно хорошо репродуцирует отдельные формы и направления движения (размеры частей тела), но, согласно моим ранним представлениям, отличается посредством беспорядка частей и многократных повторений так, что за головой и ушами следует туловище, но потом опять одни уши, потом вновь следует туловище и в конце — руки и ноги. Легкий наклон головы резко выделяется в репродукции.

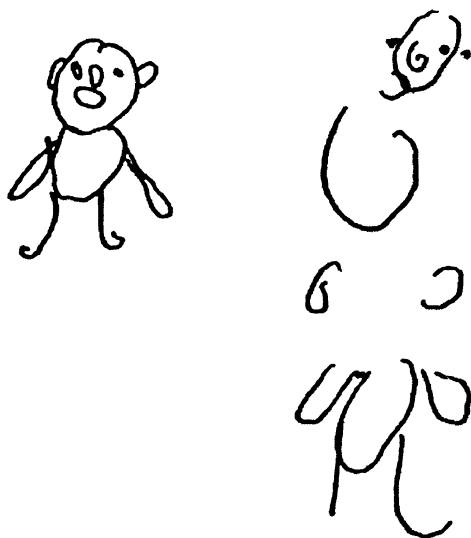

Рисунок 11

Случай 12. Это рисунок (рисунок 12) умственно отсталого ребенка, который, однако, с точки зрения эмоциональной волевой неустойчивости считается вполне нормальным, давайте сравним с предыдущим случаем. Здесь мы четко видим, что беспорядок и повтор различных частей тела в слепом рисунке не свидетельствует об умственной отсталости, а скорее указывает на возбудимость, рассеянность, беспокойство и как на аффективное, так и волевое расстройство ребенка, и исключительно симптомы эмоциональной волевой неустойчивости.

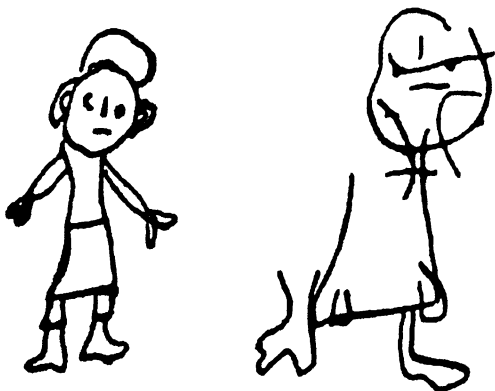

Рисунок 12

Случай 13. Здесь (рисунок 13) мы поясняем работу одного умственно отсталого мальчика, страдающего эмоциональной волевой неустойчивостью. Это сын еврейского портного, десяти с половиной лет, в аффективной жизни инфантильный, врет, все время пытается вывернуться, ненадежный, шумный, любит «ссориться», в постоянном движении. По зрительному рисунку можно говорить лишь об инфантильности. Но в слепом рисунке мы видим уже представленной, свидетельствующей об умственной отсталости, неуклюжую смесь линий, напоминающую кучу хвороста, которая вообще мало что говорит о форме. Кроме этого, уже известно, что для характера ребенка с эмоциональной волевой неустойчивостью определяющим является беспорядок, повтор и также упущение отдельных частей тела, что также указывает на забывчивость: глаза за пределами головы, нос, небольшой фрагмент очертания головы, затем очертание головы, снова глаза, нос и еще неопределенный крючочек, затем туловище с неплохо переданной для слепого рисунка ногой, вторая нога осталась забытой.

Под конец — руки (кисти). Бросается в глаза то, что как в зрительном рисунке, так и в слепой репродукции на одной руке находится три пальца, в то время как на другой нарисованы все пять. Направление движения рук изображено достаточно хорошо.

Рисунок 13

Случай 14. Одиннадцатилетний мальчик из четвертой группы. Раньше часто случались жалобы на грязную работу, теперь это происходит реже. Раньше по всем предметам у него было неудовлетворительно, теперь время от времени не ладится с арифметикой. Педологическая проверка показывает, что размышление мальчику дается с трудом, но между тем он не является умственно отсталым. В характере он проявляет некоторую надежность, практический разум, хитрость и педантичность, но одновременно подозрение, беспокойство, неловкие движения. Эта поверхностная диагностика эмоционально-волевой неустойчивости, которую мы должны были установить на основе нашей договоренности, мало соответственна. Но для наших настоящих целей многое зависит не столько от точного диагноза, как от правильной характеристики ребенка. Мне не удалось установить, что означает странный зигзаг на голове (рисунок 14), соответственно, рядом с головой. Может быть, сначала ребенок намеревался нарисовать нос и брови? На примерную надежность в характере ребенка должны были бы указать хорошо сохранившиеся в слепой репродукции формы, даже их примерное определение параметров. Никакого особенного

беспорядка, никаких повторов. Некоторые части тела хорошо соединены между собой. Также направление движения передано удовлетворительно. Все же уже в зрительном рисунке имеется некоторое беспокойство движений, которое усиливается в слепом рисунке. Также присутствует рассеянность — нет глаз. Средняя линия соответствует, но отдельные дополнительные линии беспорядочно расходятся друг от друга в стороны. Движение на слепом рисунке отчасти переходит в противоположное направление. Одна нога, которая стояла ниже, поднята высоко вверх, вторая отделена от туловища, опущена. Правая рука была опущена, здесь она поднята вверх. Беспокойство пальцев в слепом рисунке существенно усилилось. Создается впечатление, как будто при заполнении беспорядочно напирających на него движений ребенок полностью растерялся.

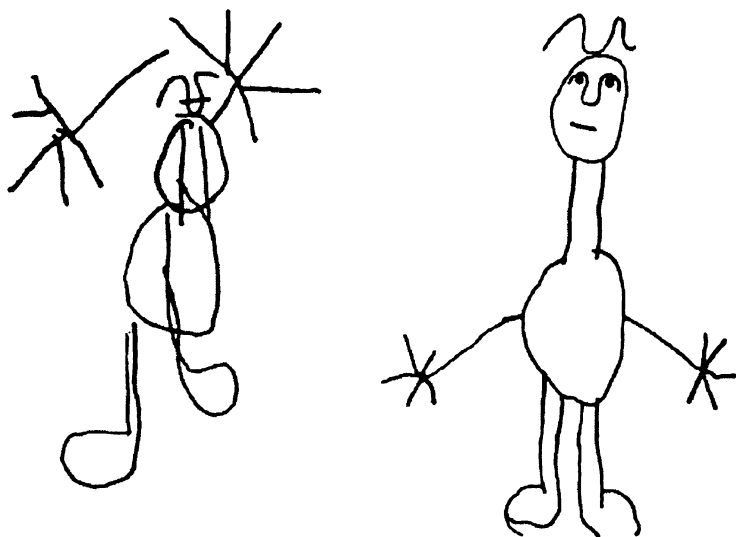

Рисунок 14

Случай 15. Мальчик восьми с половиной лет, сын врача железной дороги, которого переехал поезд. После смерти отца у матери началась душевная болезнь. Педагог прислал мне ребенка с диагнозом: «подозрение на психическую неустойчивость и невроз». Исследование показало: эмоциональная волевая неустойчивость плюс истерия. Состояния страха по ночам, двигательное беспокойство, рассеянность, невнимательность, легкая возбудимость, плохая выносливость, нет терпения. Быстрая утомляемость. Интеллектуальные процессы средние. Зрительные продукты по Бине—Симону выше средних. Анамнез показал: мальчик любит ремесло, чтение, рисование, выражает желание к шитью.

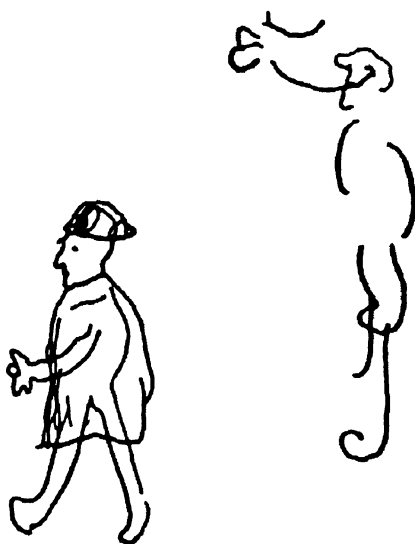

Рисунок 15

Кинестетический рисунок (рисунок 15) показывает подвижность, но движения нечетки. Формы головы мягкие, немассивные, окружены дрожащими, неуверенными линиями. Несмотря на хорошую зрительную продукцию по Бине—Симону, мальчик рисует как маленькие дети, одежда прозрачная, а в слепом рисунке вообще никакой одежды нет, линии еще более слабые, дрожащие, неуверенные, формы еще более нечеткие. Направление движений нигде не сохранилось. Весь рисунок вытянут в длину, одна нога сильно уходит вниз, голова и рука подняты вверх. Число пальцев не указано. Над рукой проходит линия, которая одинаково хорошо может изображать как линию руки, так и край шляпы.

Во время этих предварительных сообщений я решила, так сказать, не создавать четкие диагностические критерии. Я хотела лишь в общем показать, насколько важным является слепой рисунок для анализа маленьких личностей. Через формы и движения слепого рисунка ребенок показывает нам свой «жизненный ритм». Несомненно, что при помощи дальнейших исследований таких рисунков при различных заболеваниях людей («психических заболеваниях») мы выясним многое, что внесет вклад в характеристику данной патологии. Особенно важным исследование слепых рисунков было бы тогда, когда речь идет о расстройствах центрального начала в сенсорной или моторной области.

Случай 16 (рисунок 16). Это в моем присутствии нарисовал нормальный мальчик двух с половиной лет при открытых глазах. Родители — врачи. Дядя художник. Для ребенка двух с половиной лет рисунок выполнен выше нормы, но все-таки соответствует раннему детскому возрасту, который, как мы считаем, длится до четырех лет. Этот рисунок непосредственно ведет к обсуждаемым нами слепым рисункам. И хотя мы видим некоторую рассеянность и неуверенность линий, что легко объясняется возрастом ребенка и недостатком соответствующей моторной привычки, в остальном правильно переданы в общих чертах очертания как всей фигуры, так и от-

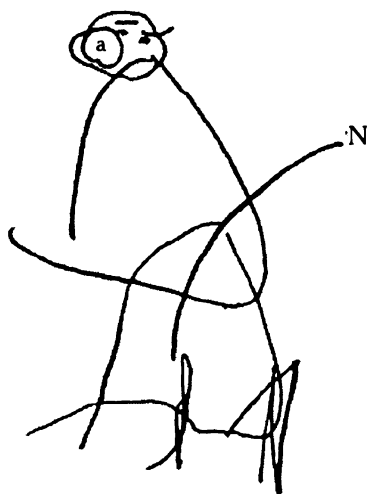

Рисунок 16

дельных фрагментов частей тела. При этом также наблюдается сравнительно небольшая дислокация отдельных частей тела относительно друг друга: туловище входит в голову, нижняя часть в среднюю, рука направлена вниз, брови за пределами головы, ноги отделены от туловища.

Этот случай дает нам право на следующее заключение: в раннем детском возрасте мы скорее рисуем на основе нашего кинестетического опыта, чем на основе увиденного. Во время рисования при закрытых глазах взрослый человек в большинстве случаев приближается к этой стадии. Я говорю — в большинстве случаев, потому что еще в дошкольном возрасте (в период между четырьмя и восьмью годами) ребенок проявляет особенности в зрительных рисунках, которые обычно характерны для слепых рисунков. Большинство тех, кто уже занимался такими рисунками, заметили, что часто дети рисуют человеческое лицо лишь с одним глазом, второй находится за пределами головы, части тела отделены от туловища; если там есть шапка, то она удалена от головы. Если рисуется дом, то мы находим окна не на стене, а в стороне, в воздухе. Эти факты также хорошо известны из литературы (Кершенштейнер, Левинштейн, Риччи, Селли и др.)¹. Пространственные отклонения отдельных частей встречаются не только при свободном рисовании, а также при рисовании по образцу или модели. Бюллов² подтверждает это своими исследованиями и цитирует Кершенштейнера: «На протяжении всей истории народной школы рисунок по памяти качественно уступает рисунку по модели. Только в старших классах мальчики правильно используют представленные модели, а девочки — нет». Это подтверждает, считает Бюллов, что модели не приносят существенной пользы детям, это же относится и к более младшим детям в еще большей степени, чем к школьникам. Рисование по схеме едва ли является достойным упоминания изменением рисунка по памяти. Это не мешает тому, чтобы некоторые второстепенные черты модели были выполнены на рисунке

¹ Kerschensteiner, [G.] Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung. [— München: Verlag Carl Weber.] 1905.

— Levinstein: Kinderzeichnungen bis zum vierzehnten Lebensjahr. 1905.

— Sölli: (Angef.: Die Psychologie der Kindheit.)

— Ricci, [C.] L'arte dei bambini. [— Bologna: N. Zanichelli.] 1887.

² Bülow: Die geistige Entwicklung des Kindes (russische Übersetzung).

четко; да, опыт учит, что в детских рисунках представляются моменты, которые совсем не проявляются на схеме. Некоторые исследователи объясняют эти явления влиянием «знаний». Ребенок знает, что у человека есть два глаза, два уха, две руки, две ноги. Теперь он рисует то, что он знает, не проверяя, имеются ли у этой модели все эти части. Именно в этот момент я вспоминаю, как моя трехлетняя доченька держит в руках рисунок женщины, представленной сбоку, и спрашивает: «Здесь у тети один глаз, а где другой?» Это также подтверждает, что ребенок опирается не на увиденный образец, а судит по своим знаниям. Теперь под «знанием» мы понимаем опыт, достигший сознания. Если ребенок рисует, отклоняясь от образца, два глаза, два уха, две руки, две ноги, если он правильно представляет пять пальцев и т. п., то мы полноправно говорим о «знании». Совсем другое дело, если ребенок рисует глаза на животе, шапку — на потолке вместо головы, шею втискивает в голову и т. п. Тогда мы, естественно, не можем говорить о сознательном опыте, соответственно, о знании, а должны найти другое объяснение. На основе всего сказанного до этого момента мы сначала вернемся к влиянию кинестетических знаний. О кинестетическом рисунке, а именно слепом рисунке и рисунке раннего детства, свидетельствует также схематизация этих рисунков в большей или меньшей степени. Селли говорит следующее:

«Мы все же не должны думать, что трех-четырёхлетний ребенок лучше представляет себе лицо человека, чем рисует его. Это кажется бессмысленным. Фактом является то, что детские рисунки людей без волос, ушей, туловища и рук долгое время уступают знанию. По моему мнению, это основывается на том, что маленький художник просто символизирует. Он не является натуралистом и не заботится о полном и точном совпадении; он делает лишь поверхностные намеки»¹.

Бюлер видит взаимосвязь между схематизацией в рисунках и абстрактно-логическим мышлением, которое действует не конкретными представлениями, а понятийными схемами. Он считает:

«Если развитие конкретного мышления у обычных, душевно здоровых людей останавливается каким-то образом или по какой-либо причине, то это

¹ [Вероятно, речь идет о книге: Селли, Д. Очерки по психологии детства. — М., 1901.]

же с этой точки зрения у неполноценных людей находит выражение в их рисунках. У идиотов, о которых мы думаем здесь в первую очередь, мы не можем ожидать ни отрицания сказанного, ни подтверждения, потому что они признаны неспособными как к рисованию, так и вообще ко всему, что относится к жизни представлений. Как обстоит дело с глухонемыми, перед тем как они получают какую-либо возможность говорения или какую-нибудь замену? Мы также можем спросить наоборот: "Проявляют ли дети с выраженным талантом к абстрактному, математическому или философскому мышлению уже в раннем возрасте особенную склонность к схематическому или символическому мышлению?" После соответствующего опроса, я думаю, можно собрать некоторые основания для утвердительного ответа на этот вопрос»¹.

В свое время я занималась аналогичными вопросами, а именно: во-первых: не свидетельствует ли особенно сильно выраженная схематизация в рисунке, особенно если ребенок уже перешагнул возраст схематизации, о склонности к абстрактно-логическому мышлению и наоборот?

во-вторых: не становится ли явной у ребенка с абстрактно-логическим мышлением склонность к четко схематическим рисункам?

Для ответа на второй вопрос я надеюсь сумею собрать достаточное количество материала за короткое время. Пока что я вспоминаю о своих сообщениях о студентке физико-математического факультета, которая проявляла четкие галлюцинации схематично-кинестетического характера. Кроме этого, я еще рассказывала о чисто кинестетических галлюцинациях, которые я непосредственно наблюдала у шизоидных людей, т. е. у таких людей, которые особенно склонны к абстрактно-логическому мышлению.

Что касается моего первого вопроса, то я ссылаюсь на результаты моих исследований, а именно: как умственно отсталые дети, так и дети с абстрактно-логическим мышлением предлагают нам рисунки, которые относительно схематизации больше не соответствуют возрасту этих детей. Это кажущееся парадоксальным сходство имеет свое основание. Ибо что мы понимаем под схематизацией? Это такой процесс, при котором мы представляем общее положение явления в его основных очертаниях, т. е. мы замечаем лишь существенное в нем, в то время как все остальное оставляем в сторо-

¹ [Вероятно, речь идет о книге: Бюллер, К. Духовное развитие ребенка. — М., 1924.]

не. В соответствии с этим схематизация должна идти рука об руку с абстрактно-логическим мышлением. Но так мыслит маленький ребенок, даже если не логично, то все же широко, сначала он постигает одну вещь равным образом как целостность и лишь постепенно привыкает к разложению этого целого на его составные части. Мы знаем, например, что первые слова ребенка носят общий характер. На этом основываются различные исследовательские методы, как, например, урок чтения по Декроли, при котором мы, исходя от целых предложений, постепенно переходим к деталям. Поэтому не удивительно, что рисунки детей в период их раннего развития также склоняются к схематизации.

Но каким образом мы можем согласовать общий схематический характер детского мышления с известной конкретизацией детских представлений? Одно никоим образом не исключает другое. Самыми конкретными представлениями, связанными самым тесным образом с органическими, субъективными ощущениями, являются именно те, что лежат в основе нашего абстрактно-логического мышления. Это и есть кинестетические представления. Поскольку мы имеем дело с рисунками, то мы будем говорить о взаимосвязи кинестетических знаний с зрительными знаниями. Однако, трудно сказать, сколько мы при этом должны уделить кинестетическим представлениям, а сколько зрительным. Все же установлено одно: видимый элемент рисунка лишает его абстрактных качеств. Это следует понимать так, что все нарисованное в определенной мере отражает конкретную реальность. Даже нарисованная линия имеет свою ширину, толщину, цвет, имеет свои атрибуты объективно существующего, реального предмета. Таким образом, и нарисованная картинка при любой схематизации будет выдвигать предметы, которые напоминают о чем-то определенном, реально существующем. Чисто абстрактной остается только та линия или та картинка, которую мы представляем себе кинестетическим образом, т. е. в форме движения, длительности, направления, другими словами, в форме линии, как мы ее себе рисуем с точки зрения математики с опущением субъективных моментов. Таким образом, абстракция в отделении от субъективного будет продолжаться прямо в области субъективных кинестетических элементов. Абстракция может быть более или менее полной в нашем мышлении, самая полная абстракция — это мате-

матическая абстракция. Не все области нашего мышления подходят для абстракции. Поэтому абстрактное субъективируется где-нибудь в глубине сознания, как например, при образовании гипнагогической галлюцинации или лишь в детском мышлении. Теперь нам понятно, что глобальное или схематичное мышление, несмотря на наличие общих черт, между тем не должно совпадать с абстрактным мышлением. Маленький ребенок, который мыслит глобально или схематично, тем временем в своем сознании субъективен и конкретен.

Как уже упоминалось, любому абстрактному ряду нашего мышления соответствует протекающий синхронно образно-кинестетический ряд. Это значит, что абстрактно мыслимая линия не является больше абстрактной, не остается она и чисто кинестетической линией, а становится образно-кинестетической. Образные представления, как уже подчеркивалось не один раз, будут доминировать при объединении с кинестетическими представлениями. Таким образом, в случае с взрослыми людьми, которые мыслят абстрактно-логически, наряду с абстрактными, «математическими» представлениями мы получаем конкретные визуальные представления. Так мы получаем здесь, например, вместо математически-геометрического представления линию, черту, вместо схематически мыслимой группировки линий, мы видим перед собой видимую, схематическую картинку этой связи. В дальнейшем самое абстрактное математическое мышление также должно выявить видимые схематические картинки. Теперь очень даже возможно, что индивиды, которые располагают большим числом таких схематических картинок, будут выражать наклонности к схематизации и в рисунках. Кажущееся на первый взгляд парадоксальным совпадение между склонностями к схематизации в рисунках как умственно отсталых, так и людей, прекрасно мыслящих абстрактно-логически, кажется нам совершенно естественным. Схематичные рисунки умственно отсталых детей отличаются при этом, как уже упоминалось много раз, во-первых, беспомощностью ведения линий, затем мы также находим в зрительных рисунках умственно отсталых детей старшего возраста явления, которые признаем характерными для слепых рисунков и рисунков маленьких детей вообще, например, размещение отдельных частей тела, пространственная независимость и т. п. И, в конце концов, наряду со схематизацией, обнаруживается детский

субъективизм и конкретизация у отстающих через одновременное накопление ненужных второстепенных деталей в рисунке. В качестве противоположности бросаются в глаза схематичные рисунки способных детей благодаря их ясности, определенности проведения линий и отсутствию всех ненужных деталей. Рисунки способных детей обычно не отличаются от рисунков их сверстников. При слепых рисунках у нас наряду со схематизацией, есть остальные атрибуты, которые характеризуют кинестетические картинки.

Но я также наблюдала склонность к схематизации у нескольких других детей, чья образная репродукция не была ниже нормы. Эти дети также показали хорошее абстрактно-логическое мышление. Но далеко не все дети с хорошо развитым абстрактно-логическим мышлением в рисунках показали склонность к схематизации. Как это можно объяснить? Является ли это определенным видом абстрактно-логического мышления, видом мышления, который, например, склоняется к геометрическим конструкциям, главным образом дающим схематические рисунки? Или здесь имеют значение другие, до этого момента в недостаточной мере учитываемые обстоятельства? Это нам покажут дальнейшие исследования.

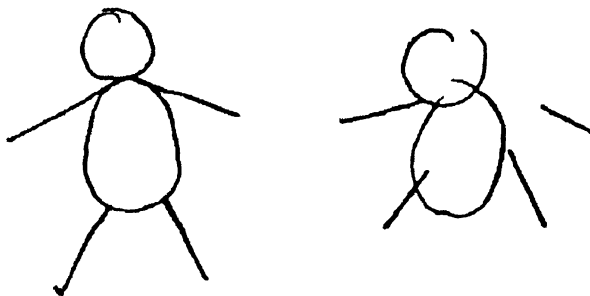

Рисунок 17

Случай 17 (рисунок 17) показывает нам сказанное в зрительном и слепом рисунках двенадцатилетнего мальчика с особенно четким абстрактно-логическим мышлением. Типичная истерия в период полового созревания. Сексуальные трудности. Самосознательность. Точная восприимчивость.

Образная репродукция по Бине—Симону ниже средней. В музыкальном плане способный. Туберкулезная инфекция.

В свое время Пиаже¹ также был поражен «глобальным» характером детских рисунков с расходящимися отдельными частями без двусторонней взаимосвязи. Это расхождение Пиаже называл «соположением» и объяснял его особенностями детского мышления. Ребенок, как считает Пиаже, воспринимает явления в их целостности. Лишь позже он замечает различные детали, каждую из которых он снова рассматривает как особенное целое, между тем он еще не понимает, что они подчиняются общему. Раньше Фрейд указывал в своем «Толковании сновидений»² на явления «соположения» в галлюцинаторном языке сновидения, не давая этому явлению специального названия. Как известно, Фрейд воспринимает эти мыслительные механизмы сновидца как механизмы раннего детства.

Без сомнения, детское мышление обладает своими собственными механизмами, которые мы встречаем как в его рисунках, так и в словесном языке, а также в творениях и состояниях взрослых людей, которые каким-либо образом имеют дело с мыслительными механизмами раннего детства. Остается нерешенным, должны ли мы объяснять своеобразный характер детских продуктов, в особенности детских рисунков, специальными детскими мыслительными механизмами и не более того, или наоборот, а именно: так как наше мышление в самом раннем детском возрасте сначала исключительно, но позже главным образом возникло из кинестетических знаний, то, возможно, мы должны объяснять своеобразие детских мыслительных механизмов своеобразием кинестетического знания. Лично я придерживаюсь второй точки зрения. «Бытие обуславливает сознание» (Маркс): характерными своеобразиями раннего детского мышления мы обязаны, с точки зрения онтогенетики, самым ранним кинестетическим знаниям. Мне можно ответить: но ребенок, который должен демонстрировать механизмы раннего детского кинестетического мышления, уже давно использует свои зрительные, слу-

¹ Jean Piaget: I. Le langage et entre la pensée chez l'enfant 1924; II. Le jugement et le raisonnement chez l'enfant; III. La representation du monde chez l'enfant; IV. La causalité physique chez l'enfant; Une forme verbale de la comparaison chez l'enfant. // Arch. de Psychologie. Tome XVIII, Nr. 69—70. Mai—Oktober 1921.

² [Freud, S. Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3.]

ховые и другие знания. Однако влияние мыслительных механизмов посредством зрительных, слуховых и других знаний для самого раннего детского возраста неоспоримо, но для этого требуется много-много времени, чтобы изменить основные представления, понятия всего мыслительного механизма, который был построен на основе глубоко укоренившихся, берущих свое начало задолго до рождения знаниях. Если мы не знаем, как трудно дается взрослым освобождение от определенных сильно закоренелых понятийных категорий, даже если мы логически и всем сознанием понимаем, что должны отречься от завета более раннего знания, потому что это мешает нам понять что-то новое? Тем больше влияние первоначального знания у ребенка. Кроме того, мы, возможно, переоцениваем у ребенка, как, пожалуй, и у взрослого, уровень зрительного знания не в пользу кинестетического. Возможно, в случае с ребенком речь совсем не идет только о «зрении», как думаем (как известно, тремя четвертями всех своих знаний взрослые обязаны зрительным знаниям), потому что мы, наконец-то, получаем даже при зрительном процессе одновременно кинестетические впечатления. А детские рисунки, соответственно, детское срисовывание и копирование, должны научить нас также, в конце концов, что между тем, что мы называем глаголом «видеть», и действительным использованием полученных образных впечатлений появляется еще одно большое различие. Отсюда мы выведем два дидактических заключения:

1) ребенку нужно преподавать не только видение, а учить его использовать увиденное, т. е. мы должны дать ребенку настоящие, специфические образные знания, которые он может сохранить и в случае необходимости правильно репродуцировать. Это требование было уже заявлено многими педагогами, которые подчеркивают преимущество рисования по памяти перед срисовыванием;

2) остается только желать, чтобы кинестетические знания заняли более значительное место в планомерном занятии, чем это было. Обучение кинестетическим ощущениям имеет большое значение не только для физической культуры, гимнастики, ритмической гимнастики, отчасти для урока музыки, а также в целях обучения специальным качествам нашего интеллекта. Везде, где мы сначала думаем об упражнениях на остроту зрения, как при глазомерном определении дистанции и величины, при ориентации в про-

странстве, при определении времени, культура кинестетических ощущений могла бы сделать некоторый вклад. Кроме того, я считаю необходимым, особенно для развития абстрактно-логического мышления, главным образом, может быть, на уроке геометрии, пытаться рисовать эскизы с закрытыми глазами. Мы знаем, как трудно сначала дается школьнику, который привык к конкретному, зрительному восприятию математического учения, овладеть абстрактными представлениями. С алгеброй дело обстоит еще сносно. Но редко школьник может представить в голове планиметрический набросок и совсем не думает о решении какой-нибудь геометрической задачи. При рисовании планиметрических набросков с закрытыми глазами мы фиксируем наше внимание больше на кинестетической картинке, благодаря этому мы приближаемся к упомянутой ранее полной математической абстракции, которая со своей стороны, как мы знаем, ведет к соответствующим виденным схемам.

Этим мы устанавливаем отсутствующий мост между ничего не говорящим ребенку нарисованным планиметрическим наброском и абстрактно-математическим содержанием, который должен представлять этот набросок.

Рисование с закрытыми глазами могло бы, наконец, найти применение на планомерном уроке рисования.

Все вышесказанное позволяет сделать следующие выводы:

1) нашему абстрактно-логическому, в большинстве случаев выраженному в языковом отношении мышлению соответствует синхронно протекающее с ним «образно-галлюцинаторное» или «органическое» мышление. Фрагмент этого мышления мы можем наблюдать в тех случаях, когда по какой-то причине острота нашей сознательной мыслительной деятельности отнимается, как в сновидениях, при состояниях сильной усталости, психических заболеваниях, отравлениях и т. п.;

2) характерное для самого раннего детства, здесь еще только появляющееся, образно-галлюцинаторное мышление берет свое начало, прежде всего, в кинестетическом знании. В процессе онтогенетического развития кинестетические знания объединяются с более поздними знаниями, которые происходят из других областей чувств, прежде всего с образными знаниями. Этим тесным объединением кинестетических впечатлений с образными впечатлениями объясня-

ется доминирующий зрительно-кинестетический характер образно-галлюцинаторного мышления;

3) кинестетические образы до сих пор не находили в литературе достаточного признания. Мы слышали только об образно-галлюцинаторном мышлении. Поэтому произошло так, что, как правило, кинестетические образы поглощаются более сильными объективированными образными картинками;

4) из точных наблюдений все-таки выясняется, что эта абсорбция является лишь кажущаяся: наше бессознательное мышление сохранило много характерных свойств, которые происходят от кинестетического знания;

5) характерные черты кинестетических картин встречаются при наблюдениях детских рисунков; это те же самые рисунки, что и в экспериментах Катца¹ в случае больного с фантомом ампутированных частей тела. Точно также, как и в фантомах больного после ампутации, в детских слепых репродукциях мы видим: а) приблизительно сохраненную форму отдельных частей тела; б) удлинение или укорочение отдельных частей тела в различных направлениях; в) частичное сохранение направления движения, соответственно, положение отдельных частей часто передано с удивительной точностью; г) сохранение взаимных отношений между отдельными частями в общих чертах. При этом большая независимость (соположение Пиаже) отдельных частей, которые могут идти так далеко, что больше не принимаются в учет законом непроницаемости;

6) упомянутые характерные свойства слепых рисунков старших детей являются типичными для зрительных рисунков младших детей. Выясняется, что а) рисунки младших детей так же при открытых глазах являются больше кинестетическими, чем зрительно-образными, и что б) в слепых рисунках мы приближаемся к рисункам периода раннего детства;

7) многие описанные разными исследователями характерные свойства мышления раннего детства, как, например, схематизация, соположение, объясняются кинестетическим характером наших первобытных знаний, а именно: детские рисунки схематичны не потому,

¹[Katz: Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4.]

что схематично детское мышление, а наоборот: детское мышление схематично, потому что оно больше, чем сознательное мышление взрослых, основано на научном знании, от которого, как мы увидели, происходит склонность к схематизации, соположению и т. п.;

8) кинестетический рисунок репродуцирует иногда чрезвычайно точно положение тела рисующего. Правильное или неправильное по размерам развитие отдельных частей тела, всего «ритма движения» индивида гораздо четче проявляется в слепом, чем в зрительном рисунке. А так как форма тела, как и движение тела, образует прямое выражение нашей «конституции», то смысл кинестетических рисунков для исследования конституции лежит, как на ладони. Большое преимущество именно изучения рисунков в этом случае состоит в фиксации исследующего всегда на одной и той же форме, которую мы по желанию снова и снова можем спокойно исследовать;

9) кинестетические рисунки представляют нам также недостатки строения тела и движений, которые обусловлены заболеванием центральной нервной системы, как, например, при церебральном детском параличе, энцефалите и т. п. Это дает нам право сделать предположение о возможной диагностической значимости кинестетических рисунков при заболеваниях центральной нервной системы;

10) в кинестетических рисунках отражаются особенности характера ребенка, включая остро патологические изменения личности. Таким образом, мы усматриваем важность кинестетических рисунков для исследования здоровых и нездоровых людей;

11) специальной частью исследования личности относительно профессиональных способностей занимается психотехника. Наряду с соматическим и общепсихологическим образом личности кинестетический рисунок мог бы предоставить нам возможность благоприятно отзываться о специальных способностях;

12) кинестетические рисунки, таким образом, также должны использоваться в дидактических целях для развития абстрактно-логического мышления, как, например, в математике, особенно в изучении геометрии. Также на уроке черчения оценка всего вышесказанного должна была бы сопровождаться недооцененным следствием. В конце концов, во всех случаях, когда мы хотим раз-

вить у школьников точность, образность, острый глазомер и возможно, оценку времени, следовало бы порекомендовать опыт специальных упражнений кинестетических ощущений, в особенности схематическое рисование при закрытых глазах.

ДЕТСКИЕ РИСУНКИ ПРИ ОТКРЫТЫХ И ЗАКРЫТЫХ ГЛАЗАХ [II] (1931b)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издания на немецком:

1931: Kinderzeichnungen bei offenen und geschlossenen Augen // Z. Ps. P. — 1931. — Bd. V. — S. 446—459.

Данный текст — существенно сокращенная форма статьи, которая публиковалась в журнале «Imago» под таким же названием. Из представленных и проиллюстрированных там 17 случаев здесь приведены лишь 5.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.
На русском языке публикуется впервые.

Мышление в языковой форме, словесное мышление взрослых людей — это, конечно же, не древняя форма нашего мышления. У всех детей, а также у отдельных взрослых мы обнаруживаем мышление в образах, что является для нас определяющим согласно исследованиям Фрейда, также для сновидения. Образное мышление также обозначается Фрейдом и Блейлером как «органическое» мышление, так как любое образное представление в конце концов исходит из определенных ощущений, но ощущение связано с возбуждением не только центробежной, но также и центростремительной частью нашей центральной и вегетативной нервной системы. Поэтому появляется действие ощущения на наш организм. Ощущения настолько влияют на наш организм, насколько мы вызываем в нем соответствующие изменения и ре-

акции. Это косвенное влияние организма посредством образного представления оправдывает название «органическое мышление».

В нашем образном мышлении мы, без сомнения, лучше всего понимаем зрительные образы, потому что зрительные ощущения, которые лежат в основе этих образов, отчетливее всего объективированы. Например, ощущения тепла и холода мы постоянно локализуем неотделимо от нашего организма, также ощущения мускулов. Также ощущения запаха и вкуса. Напротив, зрительные ощущения четко проявляются как расположенные вне организма. Зрительные ощущения вообще являются не ощущениями, а впечатлениями, которые мы связываем с объективным производящим их предметом. Мы можем ощущать движение, но синий или красный цвет не вызывает в нас сознательных движений тела.

Кинестетические образы абсорбируются скорее, чем все другие, посредством зрительных образов, потому что именно зрительные образы самым тесным образом связаны с кинестетическими. В акте видения мы различаем представления света и формы. При образовании представлений формы, наряду с ощущениями света, кинестетические ощущения также не играют ни малейшей роли. (Я намеренно не принимаю здесь в расчет слепых). Я хотела бы объяснить почти неразделимое у зрячих людей объединение зрительных представлений с примитивными кинестетическими представлениями отчасти при помощи кинестетического характера, что мы называем актом видения. В результате этого объединения мы не воспринимаем кинестетический момент. Лучше всего можно констатировать это объединение зрительных элементов с кинестетическими при помощи простого схематического линейного рисунка. Линию мы можем рассматривать как самый простой зрительный кинестетический образ. Она является зрительным образом, поскольку мы представляем ее себе в стационарном состоянии как черту; с другой стороны, она становится для нас кинестетическим образом, если мы представляем ее себе как линию, как она возникает из движения определенной длительности и направления. В качестве примера такого кинестетического линейного образа выступает следующая гипнагогическая галлюцинация: засыпая, студентка физико-математического факультета размышляет о разных вещах, что ей нужно сделать.

В последующей за этим гипнагогической галлюцинации она *думает, что движется на периферию многоугольника. В одном из углов многоугольника она испытывает колющее неприятное чувство* и просыпается. Она снова закрывает глаза и старается возобновить прежнее движение на прерванной линии, но в противоположном направлении. Достигнув исходного пункта на линии, она вспоминает, что во время своих размышлений перед сном о том, что она должна сделать и куда идти, каждый раз мысленно она представляла линию, которая, исходя из ее комнаты, каждый раз приводила к данному замыслу. Так появилась прерванная линия (незаконченный многоугольник). Точка многоугольника, в которой она испытывала колющее неприятное чувство, соответствовала именно неприятному замыслу, который она должна была выполнить. Этот случай отчетливо показывает, что изображение прерванной линии в гипнагогической галлюцинации студентки происходило из представления движения, представления ее собственного движения. Таким образом, чисто кинестетическое представление производит четкий образ, образ прерванной линии.

Возможно, наши сновидения в процессе их возникновения носят кинестетический характер, но при пробуждении мы преобразуем эти сновидения в зрительно-образную форму. Процитированная гипнагогическая галлюцинация, по сути дела, является схематическим изображением действий, которые студентка намеревалась совершить. Схематичный образ мышления свойственен математикам. Поэтому не надо удивляться, что образ чисто кинестетического, схематического характера был произведен студенткой именно физико-математического факультета.

Многие психологи, которые занимались изучением понятий формы и пространства, безусловно, должны были столкнуться с проблемой кинестетических ощущений. Стэнли Холл, Бьюнис и другие считают кинестетические ощущения, а именно ощущения мускулов, сухожилий, суставных поверхностей, основой наших представлений формы и пространства. Об этом имеется много литературы. До сих пор вопрос приоритета зрительных или кинестетических ощущений при представлениях формы и пространства остается не решенным. Я сама отдаю предпочтение кинестетическим ощущениям, потому что они, с точки зрения он-

тогенетики, должны были проявиться раньше. Кинестетические знания, предшественники последующих кинестетических ощущений, мы получаем уже в материнском чреве. Нет никаких причин для предположения, что кинестетические ощущения у зрячих не обусловлены вступающими позже представлениями формы и пространства, лишь по причине того, что мы при помощи одного лишь зрения уже после распределения света и тени можем определить взаимное отношение формы и пространства. Несмотря на ощущения (здесь я постоянно имею в виду также «готовность ощущений»), которые постоянно сопровождают движения наших глазных яблок, у нас есть еще некоторые доказательства того, что положение и форма различных органов и частей нашего тела признается в нас даже при полном отсутствии зрения. Об этом также блестяще говорят сообщенные Катцем интересные наблюдения, которые он сделал при наблюдении больных с фантомом частей тела, перенесших ампутацию. Выяснилось, что прооперированные больные совершенно безошибочно могли указать форму и положение фантома своей руки, как в положении покоя, так и в состоянии движения. Фантомы частей тела указывались лишь удлиненными в своих размерах или укороченными. Если больной находился вблизи какого-нибудь предмета, он ощущал фантом своей руки, словно вставленный в этот предмет. Фантом постоянно ощущался в таком положении, какое занимала неампутированная часть тела. В этом содержится новое доказательство того, что также и мы, зрячие, получаем представления формы и положения в состоянии покоя или движения кинестетическим путем. Кинестетические представления формы выделяются здесь через незначительную точность в передаче отдельных размеров (удлинение или укорочение во всех направлениях), в результате чего возникают диспропорции. Кроме того, мы констатируем значительную независимость отдельных частей тела в их отношении взаимности и локализации в пространстве. Эта независимость распространяется настолько, что представляемая форма (фантом руки) может возникать в полном противоречии к закону непроницаемости, всунутой в какой-либо предмет.

В моих работах над проблемой кинестетических образных представлений в связи с проблемой символического мышления

я старалась представить основные качества этих образов экспериментальным путем. Так как мы, предположительно, заимствовали понятия формы и движения у форм и движений нашего собственного тела, то в соответствии с этой целью форма человеческого тела показалась мне самой подходящей. Для начала я произвела исследование рисунков, изображающих человека. Руководство к этому я позаимствовала у Леонардо да Винчи, согласно его словам, рука человека во время рисования всегда инстинктивно старается представить формы и движения собственного тела. Все знания о форме и движении, если мы приобретаем их кинестетическим путем, мы создаем на основе формы и движения собственного тела. Согласно этой гипотезе, репродукции собственных рисунков по памяти в некоторой связи должны быть более правдоподобными, если они выполняются на основе кинестетических переживаний без зрительного контроля.

Исследования рисунков, выполненных при открытых и закрытых глазах, подтверждают это удивительным образом.

Я проверила примерно 20 рисунков взрослых людей и несколько сотен рисунков детей в возрасте от 5 до 14 лет. Большая часть выполнена детьми школьного возраста, от 8 до 13 лет, пролетарского происхождения за немногим исключением. Испытуемые были подразделены мной на четыре группы. Каждый испытуемый был отделен, подвергался проверке в одиночестве и мог принимать участие только в одной группе. Во всех четырех группах испытуемые рисовали человека сначала по собственному желанию. В первой группе сначала рисовали при зрительном контроле, при открытых глазах. Затем им говорили: «Сейчас закрой глаза и попытайся по памяти нарисовать того же самого человека». Во второй группе сначала рисовали при закрытых глазах. Затем полученные рисунки показывали испытуемому, ему предлагалось нарисовать с открытыми глазами без использования оригинала рисунка того человека, каким он хотел представить его с закрытыми глазами. В третьей группе оба раза рисовали с закрытыми глазами. И, наконец, в четвертой группе один раз рисовали с открытыми глазами; после этого испытуемые должны были повторить по памяти тот же самый рисунок, так же с открытыми глазами на новом листе бумаги.

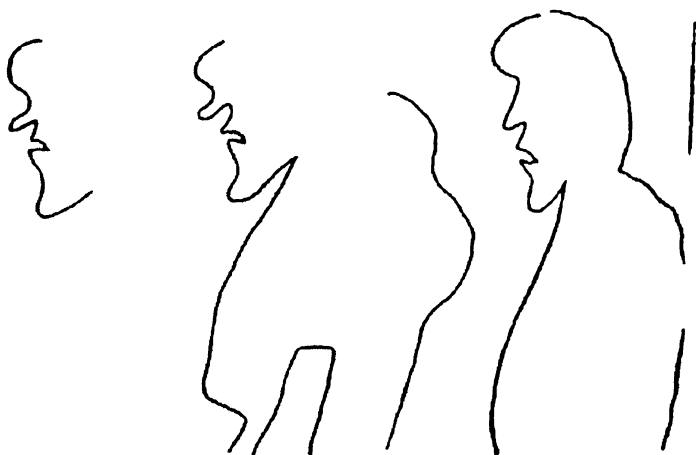

Рисунок 1

Результаты очень поучительны, как это видно из ряда представленных здесь детских рисунков. Каждый опыт сопровождается короткой, данной педагогом характеристикой ребенка, показаниями школьного врача и, наконец, выставленным мной лично диагнозом, опирается на общую педологическую проверку.

Случай 1. Двенадцатилетний ученик, сын переплетчика. Ведет себя нервно, беспокойно. Диагноз: истерия. Умный, способный мальчик. Задавание второй группы: рисует сначала с закрытыми, затем с открытыми глазами. Сначала мальчик хотел рисовать в соответствии с предписаниями, но не удержался и открыл глаза. После этого снова последовало предписание закрыть глаза и по собственному желанию нарисовать человека. Таким образом, мы получили три рисунка: один начатый с закрытыми глазами, но незаконченный, затем завершленную репродукцию предыдущего рисунка, выполненную по памяти, и репродукцию, выполненную с открытыми глазами (рис. 1). Для выполнения последнего варианта для просмотра давались первые две его работы, а затем прятались. Совершенно неожиданно эти три рисунка убеждают в том, что в любом случае при помощи преимущественно кинестетического воспоминания можно нарисовать человека закрытыми глазами. При этом первая, назовем ее «слепой», репродукция по памяти показывает, как свидетельствует Катц при наблюдаемых представлениях больного с ампутированной рукой, следующее: в общих чертах, в произведенной по памяти репродукции сохранились очертания и некоторые характерные штрихи, даже направление движения. Некоторые члены в наших слепых рисун-

как удлинены, укорочены или дислоцированы по отношению к остальным. Удивительно, как точно совпадает очертание лица второго слепого рисунка с очертанием первого. Они не идентичны по длине, но угол между лбом и носом, длина носа, угол верхней губы, вся линия нижней челюсти, все это почти абсолютно одинаково на обоих слепых рисунках.

Таким образом, мы видим, что слепой рисунок отличается от обычного рисунка, выполненного при самоконтроле. Различие выступает лишь в тех качествах, в которых они совпадают с представлениями больного с ампутированными частями тела. Эти различия с одной стороны с одновременным совпадением на другой доказывают, что характерные моменты слепых рисунков можно свести к общим моментам слепых рисунков и галлюцинаций ампутированного больного. Теперь нам ясно, что при слепых рисунках, как и при галлюцинациях ампутированных больных, мы, похоже, имеем дело с образами, которые получаем на основе кинестетических знаний.

Третий рисунок этого мальчика, выполненный с открытыми глазами по памяти, едва ли убедителен. Во-первых, задание звучало иначе, чем в начале: нарисуй человека, как ты думал нарисовать его с закрытыми глазами. Во-вторых, трудно решить, какая часть рисунка действительно сводится к зрительной памяти, а какая к механической реконструкции, основанной в результате предшествующего кинестетического опыта.

Случай 5. (Рис. 5). Нарисовано восьмилетней девочкой. Слегка невротична, предположительно истерична, внешне скромная, с точки зрения педагогики запущена. Особенно интересный случай: примерно в середине слепой репродукции у ребенка произошел припадок скромности, и она низко опустила голову на грудь. Как видно на рисунке, ребенок точно передал это положение головы на рисунке. Слепая репродукция в этом случае является не особенно удачной. На первый взгляд, у нас есть совершенно новый, независимый от рисования с открытыми глазами, рисунок со всеми характерными качествами слепого рисунка. При подробном рассмотрении все же кажется странным, как совпадает направление движений рук, которые направлены как к друг к другу, так и к находящейся у нижней линии юбки линии ног, с рисунком при открытых глазах. Даже расстояние между ногами такое же. Перед нами испытываемая, которая лучше передает движения и положения отдельных частей тела, чем их форму. Хорошая способность к репродукции движений дает, пожалуй, объяснение фиксации положения головы рисующего при слепом рисовании, или наоборот: хорошая репродукция движения свидетельствует о сильной восприимчивости к положению своей

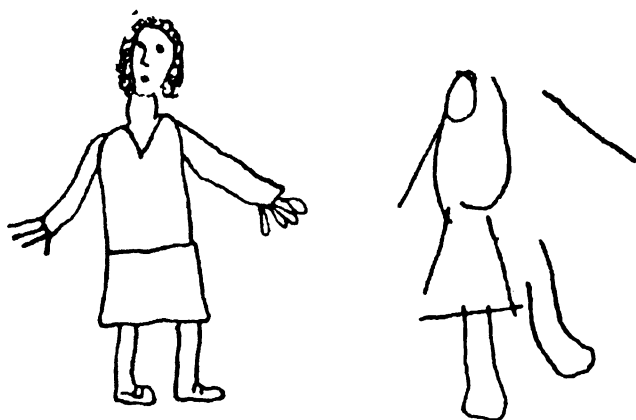

Рисунок 5

головы у ребенка. В результате этого случая мое внимание особенно сильно было привлечено к похожим явлениям, и я собрала множество таких репродукций положения головы испытуемых во время рисования.

Я также пыталась — пока что лишь у взрослых испытуемых, — намеренно дать здесь им искусственное положение тела во время рисования, например, сильно свесив голову в левую сторону, опираясь на левую руку. Большинство испытуемых репродуцировало свое искусственно сохраненное положение тела при слепом рисунке, но разным образом: у некоторых рисунок в целом развернулся влево или вправо, в соответствии с наклоном собственного тела, прежде всего, головы, или наоборот, другие поворачивали лишь одну часть нарисованного тела в ту или другую сторону, другие, наконец, рисовали лишь голову в сторону искусственно приобретенного положения или отклоненной в противоположную сторону. В последнем случае фиксация экспериментально произведенного положения тела, кажется, удалась точнее всего. Но возможно, в этих различиях репродукций виноваты разные экспериментальные условия: один поворачивает голову влево согласно предписанию, в то время как у другого за повернутой согласно предписанию головой следует и верхняя часть тела. Но за экспериментально задуманными движениями могут последовать встречные движения, которые,

возможно, объясняют противоположно направленные повороты головы, туловища и других частей тела слепых репродукций. Это требует еще более тщательной экспериментальной обработки. Несмотря на это, при этих несовершенных опытах у нас есть неизбежные ошибки тех — в связи с исследованиями о слепых рисунках при не экспериментально произведенных изменениях в положении тела — потому что дальнейшим доказательством представляется для кинестетического характера рисунков, а именно слепых работ.

Поскольку мы получили опыт из кинестетических восприятий тела, мы бессознательно будем стараться представлять это положение в кинестетических рисунках при отсутствии зрительного контроля. Кинестетические рисунки должны находиться в тесной взаимосвязи со строением нашего тела, с нашей конституцией и каким-либо образом отражать их характерные качества. Это дает нам право задать вопрос о значимости кинестетических рисунков для исследования конституции. К сожалению, у меня затерялся один из самых интересных рисунков ребенка с диспластической конституцией, но при помощи следующих двух рисунков я в достаточной степени могу продемонстрировать типы данных детей.

Против стремления выразить собственную конституцию в рисунке можно было бы упомянуть, например, творения Микеланджело, болезненного Анджело, который создавал такие могущественные образы бога и человека. Это все же не должно вводить нас в заблуждение: в случае Микеланджело речь идет о продуманных, компенсирующих свои слабости изображениях имаго-отца. Напротив, в наших слепых рисунках мы имеем дело с «инстинктивным» копированием. Также не исключено, что один из наших испытуемых, возможно, выдает при зрительном рисунке тип, противоположный собственному. Интересно было бы пронаблюдать, сохранится ли в слепом рисунке зрительный тип, или изменяется ли здесь и этот тип в смысле конституции рисующего.

Учение о конституции еще неполно. То, что мы подчеркиваем в классификации, возможно, между тем является не таким и важным, и лишь позже выяснится, по каким принципам должна осуществляться классификация. Но в любом случае мы должны

обязательно использовать такие чрезвычайно важные моменты, как изображение движений и форм в кинестетических образах с целью исследования конституции.

Исследование кинестетических рисунков при известных обстоятельствах получает до сих пор неожиданно большое значение при определениях «болезней личностей», также как и в невропатологии. Мы видели, что параличи и непропорциональное развитие отдельных частей тела рисующего проявляются в его рисунках. Также положение тела и направление движения, как и характерные особенности рисующего, наглядным образом отображаются в слепых рисунках. Относительно силы движения в сравнении с зрительным образом в слепом образе увеличиваются или уменьшаются, линии становятся либо энергичнее, либо наоборот скромнее, более дрожащими, расколотыми. Такие различия можно было бы использовать в диагностических целях, что я также отчасти пыталась сделать. По моему мнению, было бы целесообразно начать такое изучение сильных повреждений в психиатрической клинике и клинике для лечения нервных заболеваний. Мой материал из профилактической детской амбулатории Ростова-на-Дону указывает на случаи большей частью незначительных повреждений нервной системы. Я уже указывала, что истеричные дети создают рисунки, по которым я до сих пор не выявила существенное различие от рисунков так называемых «нормальных» детей. Шизофреничные дети встречаются не так часто, поэтому временно я не прорабатывала их относительно кинестетических рисунков. Кинестетические рисунки шизофреников не представляют никакой возможности для определенных высказываний. Иногда они похожи на рисунки людей с диспластической конституцией, часто в них отсутствует выдержка, мы наблюдаем забывчивость, невнимательность, упущения, повторы и беспокойство, которые мы объединяем под диагнозом «эмоциональная волевая неустойчивость». Этот диагноз выведен из классификации проф. Бельского, Ленинград, и используется при педологических исследованиях в нашей школьной амбулатории. И хотя диагноз оставляет желать лучшего, он, прежде всего, дифференцирован в недостаточной степени, мы исполь-

зуем его лишь из практических соображений, а также чтобы по возможности избежать различий классификаций. Под названием «эмоциональная волевая неустойчивость» подразумеваются подвижные, легко возбудимые, шумные, беспокойные дети, воля и внимание которых быстро утомляются. Их аффекты поверхностны, кажется, не проникают вглубь. У таких детей одно воодушевление быстро следует за другим, они легко подвергаются влиянию со стороны друзей и уговорам на различные проделки. В результате своей волевой слабости и возбудимости они легко сбиваются на ложный путь и берут на себя всякого рода грехи, такие как курение, азартные игры, алкоголизм, ложь, воровство. У таких детей мы констатируем, кроме общих наследственных влияний, еще следствия невыносимых социальных отношений, как социальной, так и педагогической запущенности. Естественно, за этой эмоциональной волевой неустойчивостью следует торможение в школьном развитии. Часто мы видим взаимосвязь с умственным отставанием, но еще чаще, наоборот: эмоциональная волевая неустойчивость присоединяется к умственной недостаточности. Дети с эмоциональной волевой неустойчивостью, рисунки которых мы сейчас будем обсуждать, относятся к еще сносным в социальной жизни.

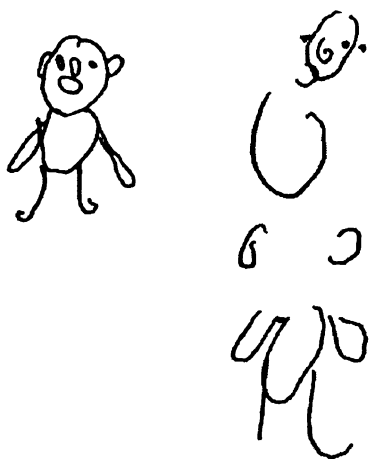

Рисунок 11

Случай 11 (рисунок 11) показывает нам работу ребенка одиннадцати с половиной лет, который относится в школе к «неспособным». Его слепой рисунок репродуцирует достаточно хорошо отдельные формы и направления движения (размеры членов тела), но по моим ранним представлениям отличается беспорядком частей и многократными повторениями, так, за головой и ушами следует туловище, но потом опять одни уши, потом вновь следует туловище и в конце — руки и ноги. Легкий наклон головы резко выделяется в репродукции.

Случай 13. Здесь (рисунок 13) мы поясняем работу одного умственно отсталого мальчика, страдающего эмоциональной волевой неустойчивостью. Это сын еврейского портного, десяти с половиной лет, в аффективной жизни инфантильный, врет, все время пытается вывернуться, ненадежный, шумный, любит «ссориться», в постоянном движении. По зрительному рисунку можно говорить лишь об инфантильности. Но в слепом рисунке мы видим уже представленную, свидетельствующую об умственной отсталости, напоминающую кучу хвороста, неуклюжую смесь линий, мало напоминающую форму. Кроме этого, уже известно, что для характера ребенка с эмоциональной волевой неустойчивостью определяющим является беспорядок, повтор и упущение отдельных частей тела, что также указывает на забывчивость: глаза за пределами головы, нос, небольшие части очертания головы, затем очертания головы, снова глаза, нос и еще неопределенный крючок, затем туловище с неплохо переданной для слепого рисунка ногой, второй ноги нет. Под конец — руки (кисти). Бросается в глаза то, что как в зрительном рисунке, так и в слепой репродукции на одной руке находится три пальца, в то время как на другой нарисованы все пять. Направление движения рук изображено достаточно хорошо.

Рисунок 13

Во время этих предварительных сообщений я решила, так сказать, не создавать четкие диагностические критерии. Я хотела лишь в общем показать, насколько важным является слепой рисунок для определения маленьких личностей. Через формы и движения слепого рисунка ребенок показывает нам свой «жизненный ритм». Несомненно, что при помощи дальнейших исследований таких рисунков при различных заболеваниях людей («психическом заболевании») мы выясним многое, что внесет вклад в характеристику данной патологии. Особенно важным исследование слепых рисунков было бы тогда, когда речь идет о расстройствах центрального источника в сенсорной или моторной области.

В раннем детском возрасте мы скорее рисуем на основе нашего кинестетического опыта, чем на основе увиденного. При рисовании с закрытыми глазами взрослый человек в большинстве случаев приближается к этой стадии. Я говорю — в большинстве случаев, потому что еще в дошкольном возрасте (в период между 4—8 годами) ребенок проявляет особенности в зрительных рисунках, которые обычно характерны для слепых рисунков. Большинство, кто уже занимался такими рисунками, должны заметить, что часто дети рисуют человеческое лицо лишь с одним глазом, второй находится за пределами головы, части тела отделены от туловища; если там есть шапка, то она удалена от головы. Если рисуется дом, то мы находим окна не на стене, а в стороне, в воздухе. Эти факты также хорошо известны из литературы. Пространственные отклонения отдельных частей встречаются не только при свободном рисовании, а также при рисовании по образцу или модели. Бюлов подтверждает это своими исследованиями и цитирует Кершенштейнера: «На протяжении всей истории народной школы рисунок по памяти качественно уступает рисунку по модели. Только в старших классах мальчики правильно используют представленные модели, а девочки — нет». Это подтверждает, считает Бюлов, что модели не приносят существенной пользы детям, это же относится и к более младшим детям в еще большей степени, чем к школьникам. Рисование по схеме едва ли является достойным упоминания изменением рисунка по памяти. Это не мешает тому, чтобы некоторые второстепенные черты мо-

дели были выполнены на рисунке четко; да, опыт учит, что в детских рисунках представлены моменты, которые совсем не проявляются на схеме. Некоторые исследователи объясняют эти явления влиянием «знаний». Ребенок знает, что у человека есть два глаза, два уха, две руки, две ноги. Теперь он рисует то, что он знает, не проверяя, имеются ли у этой модели все эти части. Именно здесь я вспоминаю, как моя трехлетняя дочурка держит в руках рисунок женщины, представленной сбоку, и спрашивает: «Здесь у тети один глаз, а где другой?» Это также подтверждает, что ребенок опирается не на увиденный образец, а судит согласно своим знаниям. Теперь под «знанием» мы понимаем опыт, достигший сознания. Если ребенок рисует, отклоняясь от образца, два глаза, два уха, две руки, две ноги, если он правильно представляет пять пальцев и т. п., то мы полноправно говорим о «знании». Совсем другое дело, если ребенок рисует глаза на животе, шапку — на потолке вместо головы, шею втискивает в голову и т. п. Тогда мы, естественно, не можем говорить о сознательном опыте, соответственно о знании, мы должны найти другое объяснение. На основе всего сказанного до этого момента мы сначала вернемся к влиянию кинестетических знаний. О кинестетическом характере детского рисунка, а именно слепом рисунке и рисунке раннего детства, свидетельствуют также схематизация этих рисунков в большей или меньшей степени.

Как умственно отстающие дети, так и дети с абстрактно-логическим мышлением предлагают нам рисунки, которые относительно схематизации не соответствуют их возрасту. Это кажущееся парадоксальным сходство имеет свое основание. Ибо что мы понимаем под схематизацией? Это такой процесс, при котором мы представляем общее положение явления в его основных очертаниях, т. е. мы замечаем лишь существенное в нем, в то время как все остальное оставляем в стороне. В соответствии с этим, схематизация должна идти рука об руку с абстрактно-логическим мышлением. Но так мыслит маленький ребенок, даже если нелогично, то все же широко, сначала он постигает одну вещь равным образом как целостность и лишь постепенно привыкает к разложению этого целого на его составные части. Мы знаем, например, что первые слова ребенка носят общий характер. На этом

основываются различные исследовательские методы, как, например, урок чтения по Декроли, при котором мы, исходя от целых предложений, постепенно переходим к деталям. Поэтому не удивительно, что и рисунки детей в период их раннего развития склоняются к схематизации. Но каким образом мы можем согласовать общий схематический характер детского мышления с известной конкретизацией детских представлений? Одно никоим образом не исключает другое. Самыми конкретными представлениями, связанными самым тесным образом с органическими, субъективными ощущениями, являются именно те, что лежат в основе нашего абстрактно-логического мышления. Это и есть кинестетические представления. Поскольку мы имеем дело с рисунками, мы будем говорить о взаимосвязи кинестетических знаний со зрительными знаниями. Однако трудно сказать, сколько мы при этом должны распределить на кинестетические представления и сколько на зрительные. Все же установлено одно: видимый элемент рисунка лишает его абстрактных качеств. Это следует понимать так, что все нарисованное в определенной мере отражает конкретную реальность. Даже нарисованная линия имеет свою ширину, толщину, цвет, имеет свои атрибуты объективно существующего, реального предмета. Таким образом, нарисованная картинка при любой схематизации будет выдвигать предметы, которые напоминают о чем-то определенном, реально существующем. Чисто абстрактной остается только та линия или та картинка, которую мы представляем себе кинестетическим образом, т. е. в форме движения, длительности, направления, другими словами, в форме линии, как мы ее себе представляем с точки зрения математики с опущением субъективных моментов. Таким образом, абстракция в отделении от субъективного будет продолжаться прямо в области субъективных кинестетических элементов. Абстракция может быть более или менее полной в нашем мышлении, самая полная абстракция — это математическая абстракция. Не все области нашего мышления подходят для абстракции. Поэтому абстрактное приобретает своеобразие одновременно где-нибудь в глубине сознания, как, например, при образовании гипнотической галлюцинации или лишь в детском мышлении. Теперь нам понятно, что глобальное или схематичное мышление, несмотр-

ря на наличие общих черт, между тем не должно совпадать с абстрактным мышлением. Маленький ребенок, который мыслит глобально или схематично, между тем в своем сознании субъективен и конкретен.

Как уже упоминалось, любому абстрактному ряду нашего мышления соответствует протекающий синхронно образно-кинестетический ряд. Это значит, что абстрактно мыслимая линия не является больше абстрактной, не остается она и чисто кинестетической линией, а становится образно-кинестетической. Образные представления, как уже подчеркивалось не один раз, будут доминировать при объединении с кинестетическими представлениями. Таким образом, в случае с взрослыми людьми, которые мыслят абстрактно-логически, наряду с абстрактными, «математическими» представлениями мы получаем конкретные визуальные представления. Так мы получаем здесь, например, вместо математически-геометрического представления, линию, черту, вместо схематически мыслимой группировки линий, мы видим перед собой видимую схематическую картинку этого отношения. В дальнейшем абстрактное математическое мышление также должно выявить видимые схематические картинки. Теперь очень даже возможно, что индивиды, которые располагают большим числом таких схематических картинок, будут выражать склонности к схематизации и в рисунках. Кажущееся на первый взгляд парадоксальным совпадение между склонностями к схематизации в рисунках как умственно отсталых, так и людей, прекрасно мыслящих абстрактно-логически, кажется нам совершенно естественным. Схематичные рисунки умственно отсталых детей отличаются при этом, как уже упоминалось много раз, во-первых, беспомощностью ведения линий, затем мы также находим в зрительных рисунках умственно отсталых детей старшего возраста явления, которые признаем характерными для слепых рисунков и рисунков маленьких детей вообще, например, размещение отдельных частей тела, пространственная независимость и т. п. И, в конце концов, наряду со схематизацией обнаруживается детский субъективизм и конкретизация у отстающих через одновременное накопление ненужных второстепенных деталей в рисунке. В качестве противоположности бросаются в глаза схе-

матичные рисунки способных детей благодаря их ясности, определенности проведения линий и отсутствию всех ненужных деталей. Рисунки способных детей обычно не отличаются от рисунков их сверстников. При слепых рисунках у нас наряду со схематизацией есть остальные атрибуты, которые характеризуют кинестетические картинки.

Но я также наблюдала склонность к схематизации у нескольких других детей, образная репродукция которых была не ниже нормы. Эти дети также показали хорошее абстрактно-логическое мышление. Но далеко не все дети с хорошим абстрактно-логическим мышлением показали склонность к схематизации в рисунках. Как это можно объяснить? Является ли это определенным видом абстрактно-логического мышления, видом мышления, например, который склоняется к геометрическим конструкциям, которые, главным образом, дают схематические рисунки? Или здесь имеют значение другие, до этого момента в недостаточной мере учитываемые обстоятельства? Это нам покажут дальнейшие исследования.

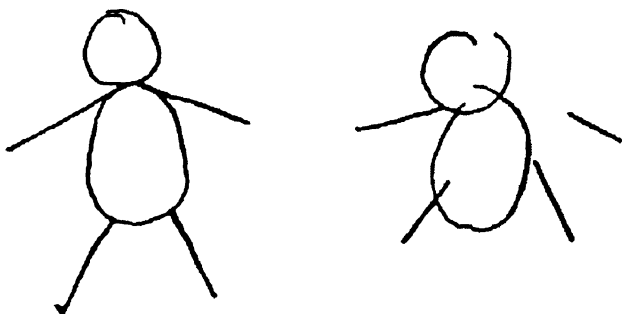

Рисунок 17

Случай 17 (рисунок 17) показывает нам сказанное в зрительном и слепом рисунках двенадцатилетнего мальчика с особенно четким абстрактно-логическим мышлением. Типичная истерия пубертата. Сексуальные трудности. Самосознатель. Точная восприимчивость. Образная репродукция по Бине—Симону ниже средней. В музыкальном плане способный. Туберкулезная инфекция.

Без сомнения, детское мышление обладает своими собственными механизмами, которые мы встречаем как в его рисунках, так и в словесном языке, а также в творениях и состояниях взрослых людей, которые каким-либо образом имеют дело с мыслительными механизмами раннего детства. Характерными своеобразиями раннего детского мышления мы благодарны с точки зрения онтогенетики самым ранним кинестетическим знаниям. Мне можно ответить: но ребенок, который должен демонстрировать механизмы раннего детского кинестетического мышления, уже давно использует свои зрительные, слуховые и другие знания. Однако влияние мыслительных механизмов посредством зрительных, слуховых и других знаний для самого раннего детского возраста неоспоримо, но для этого требуется много-много времени, чтобы изменить основные представления, понятия всего мыслительного механизма, который был построен на основе глубоко укоренившихся, берущих свое начало задолго до рождения знаний. Если мы не знаем, как трудно дается взрослым освобождение от определенных сильно закоренелых понятийных категорий, даже если мы логически и всем сознанием понимаем, что должны отречься от завета более раннего знания, потому что это мешает нам понять что-то новое? Тем больше влияние первоначального знания у ребенка. Кроме того, мы, возможно, переоцениваем у ребенка, так, пожалуй, и у взрослого, уровень зрительного знания не в пользу кинестетического. Возможно, в случае с ребенком речь совсем не идет только о «зрении», как мы думаем (как известно, тремя четвертями всех своих знания взрослых обязаны зрительным знаниям), потому что мы, наконец-то, получаем даже при зрительном процессе одновременно кинестетические впечатления. А детские рисунки, соответственно, детское срисовывание и копирование, должны научить нас также, в конце концов, что между тем, что мы называем «видеть», и действительным использованием полученных образных впечатлений появляется еще одно большое различие. Отсюда мы выведем два дидактических заключения:

1) ребенку нужно преподавать не только наблюдение, а учить его использовать увиденное, т. е. мы должны дать ребенку настоящие специфические образные знания, которые он может сохранить и в случае необходимости правильно использовать.

Это требование было уже заявлено многими педагогами, которые подчеркивают преимущество рисования по памяти перед срисовыванием.

2) остается желательным, чтобы кинестетические знания заняли более значительное место в планомерном занятии, чем это было. Не только для физической культуры, гимнастики, ритмической гимнастики, отчасти для урока музыки, а также в целях обучения специальным качествам нашего интеллекта обучение кинестетическим ощущениям имеет большое значение. Везде, где мы сначала думаем об упражнениях на остроту зрения, как при глазомерном определении дистанции и величины, при ориентации в пространстве, при определении времени культура кинестетических ощущений могла бы сделать некоторый вклад. Кроме того, я считаю необходимым, особенно для развития абстрактно-логического мышления, главным образом, может быть, на уроке геометрии, пытаться рисовать эскизы закрытыми глазами. Мы знаем, как сначала трудно дается школьнику, который привык к конкретному, зрительному восприятию математического учения, овладеть абстрактными представлениями. С алгеброй дело обстоит еще сносно. Но редко школьник может представить в голове планиметрический набросок и совсем не думает о решении какой-нибудь геометрической задачи. При рисовании планиметрических набросков с закрытыми глазами мы фиксируем наше внимание больше на кинестетической картинке, этим мы приближаемся к сказанному, скорее, полной математической абстракцией, которая со своей стороны, как мы знаем, ведет к соответствующим увиденным схемам.

Этим мы устанавливаем отсутствующий мост между ничего не говорящим ребенку нарисованным планиметрическим наброском и абстрактно-математическим содержанием, которое должно представлять этот набросок.

Рисование с закрытыми глазами могло бы, наконец, найти применение на планомерном уроке рисования.

Appendix

ФРАГМЕНТ ПРОТОКОЛА РАБОЧЕГО ЗАСЕДАНИЯ КОНГРЕССА МЕЖДУНАРОДНОГО ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ (1920)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Издание на немецком:

1920: Bericht über den VI. Internationalen Psychoanalytischen Kongreß in Haag, 8. bis 11. September 1920 // I. Z. P. — 1920. — Bd. 6. — S. 391 {376—402}.

Перевод с немецкого С.Г. Жигулевой.

На русском языке публикуется впервые.

<...>

Джонс благодарит за выбор, берет на себя руководство президиумом и назначает г-на Дж.К. Флюгель старшим секретарем.

Г-жа д-р ШПИЛЬРЕЙН (Лозанна) сообщает, что она намеревается переехать в Женеву, чтобы работать там в Институте имени Жан-Жака Руссо и предлагает оказать свое содействие возобновлению литературных связей с Россией. В частности, она предлагает перевести на русский язык отчет конгресса, а также собрать русские статьи по психоанализу и, возможно, опубликовать.

Райк (Вена) считает, что типографские расходы по публикации этих статей сегодня достаточно высоки, чтобы это дело имело смысл.

Эйтингон (Берлин) хотел бы поддержать это предложение, чтобы как минимум собрать русский материал и перевести самое важное.

Проф. Фрейд указывает на то, что возможная поддержка этого мероприятия является вопросом психоаналитического фонда, который заинтересуется этим.

<...>

АНКЕТА (1924)

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ИЗДАТЕЛЕЙ

Хранение:

ГАРФ. — ф. 2307. — оп. 23. — д. 13. — лл. 19—20.

Анкета СШ как сотрудницы Государственного психоаналитического института в Москве.

Р.С.Ф.С.Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ПО ПРОСВЕЩЕНИЮ

ГЛАВНАУКА

АНКЕТНЫЙ ЛИСТОК

Город..... губерния..... область.....
уезд..... округ..... учреждение.....
должность.....

ВОПРОСЫ

ОТВЕТЫ

Фамилия

Шпильрейн-Шефтель

Имя

Сабина

Отчество

Николаевна

3. Год рождения

4. Место рождения

Ростов на Дону

5. Национальность

еврейская

6. Подданство

русское

7. Социальное происхождение:
/прежнее звание/:

мещанское

8. Семейное положение: указать
возраст имя занятие

а/ родители

отец (60 с чем-то лет, служит в
Ростове н/Д) по Наркомпросу
муж — в Ростове н/Д. врач
ребенок Рената 10 лет
3 брата, научные работники (проф.
физики, проф. психотехники, 3-й по
агрономии работает) все 3 служат

б/ жена

в/ дети

г/ братья и сестры:

9. Имущественное положение служащего родителей жены детей / указать имеют ли дом хозяйство землю капиталикакие и где именно/ } ни у кого ничего нет
10. Образование какое когда и где окончил учебное заведение
а/ общее: Ростов на Дону 8 классов
Екатерин. женск. гимназии
мед. факультет в Цюрихе
и мед.-педолог. работа при
Женевском инст. Руссо
б/ специальное:
в/ ~~военное:~~
11. Основное занятие дающее средства к существованию:
а/ до февральской революции
б/ до октябрьской:
в/ с октябрьской революции по настоящее время: } Работала все время по психотерапии (специальн. психоанализ) и как врач-педолог
12. ~~Служба в армии /когда где сколько времени какие занимал должности участие в сражениях~~
13. Препывание на гражданской службе / в каких учреждениях ~~когда где сколько времени и в какой должности:~~
а/ по советской службе:
б/ ~~по народной службе:~~
в/ ~~в учреждениях неприятеля~~ } 1) С сентября месяца 1923 г. работаю как врач-педолог в Городке имени III интернационала
2) Состою научным сотрудн. Государств. психоаналит. инст.
3) В первом Государств. Универс. заведую секцией по детск. психологии
14. ~~Награды и вознаграждения за время пребывания на военной или гражданской службе /п. п. 12 и 13 анкеты/~~
15. Принадлежность к политическим партиям сколько времени когда и к каким:
а/ до февральской революции
б/ до октябрьской революции
в/ после октябрьской революции и по настоящее время. } Ни к какой партии никогда не принадлежала

16. Причины увольнения с последнего места службы. Ни откуда уволена не была
17. Принадлежность к профсоюзам к какому именно: Работников просвещения.
 а/ ~~до февральской революции~~
 б/ ~~до октябрьской революции~~
 в/ с октябрьской революции
по настоящее время.
18. Подвергался ли репрессиям за политическую деятельность: за что каким где и когда именно: } Нет
 а/ до февральской революции
 б/ до октябрьской революции
 в/ с октябрьской революции
 по настоящее время.
19. Привлекался ли к судебной ответственности когда где за что содержание приговора — Нет
20. Находится ли в родстве или свойстве с другими сотрудниками данного учреждения / с кем именно и в каком: В пса Инст. никаких родств. не имею.
21. Занимался ли научной ~~для работников искусства~~ художественной работой кто ~~художественной~~ ~~работой~~ кто ~~нибуть~~ из вашей семьи кто именно. Все 3 брата работают научно
 Один — Я.Н. Шпильрейн профессор физики при Московском университете.
 Другой, И.Н. Шпильрейн — проф. по психотехнике, третий работает по агрономии (Ростов на Дону)
22. Были ли за границей когда на долго цель пребывания если работали то укажите где. Была за границей с 1905 по 1923 года. Цель — научная работа. Работала в разных городах и учреждениях, о чем ниже будет сказано.
23. Ваш научный исследовательский / или ~~художественный для работников искусства~~ / стаж: Психиатр и врач-педолог
 I. Когда началась Ваша специальная подготовка в исследовательской / ~~художественной~~ / работе: В 1905 г. начала заниматься медициной, неск. лет спустя изучала попутно гармонию и контрапункт (занималась немного музыкальной композицией)

2. Если вы были оставлены при такой подготовки при каком либо ВУЗЕ или Институте то укажите при каком где и когда

3. Сколько лет продолжалась Ваша подготовительная работа:

а/ до первого самостоятельного исследования/ для работников искусства - выступления/ укажите тему:

б/ До первого печатного труда:

4. Если вы сделали устное магистерское докторское / ненужное зачеркнуть/ испытание укажите где когда и по какой специальности:

5. Если Вы защитили магистерскую докторскую диссертацию /ненужное зачеркнуть/ укажите когда где и укажите тему

6. Сколько лет продолжается Ваша исследовательская /художественная работа/ считая с первого самостоятельного выступления и в каких учреждениях:

В какой из следующих форм оно выражается:

а/ Разработка литературных источников составление статей книг да нет.

Работала при Цюрихской психиатрич. клинике (у проф. Блейлера) и по внутр. клинике (у проф. Айхгарера (когда — точно не помню).

Я самостоят. исследования начала проводить очень рано, частью на темы, выбранные мною, частью на темы, предлож. проф. Блейлером или Юнгом. На 3-ом курсе универс. мне уже поручены самостоят. исслед. (темы: психоанализ, детск. ассоц., наблюдения над случаями шизофрении, игры из детства душевно-больных, история развития легенды в Нибелунгах и т.д. и т.д.)

6 лет

Сдала по медицине

Ueber den psycholog. Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Jahrb. f. psychopat. u. psch. Forsch. 1911)

12 1/2 лет. Помимо работы у себя работала в психиатрич. клинике у проф. Блейлера, в психоневролог. клинике проф. Бонхофера (Берлин), по психоанализу у Д-ра Юнга в Цюрихе и проф. Фрейда в Вене. В Мюнхене работала по мифологии и истории искусства, при инст. Руссо (Женева) как врач-педолог по психологии — в лаборат. (психолог. инст.) проф. Клапареда (Женева).

Разработ. материал по происх. Песни о Нибелунгах, занималась также немного сказками.

б/ Лабораторные исследования
в/ научные /художественные/ Из области психологии и детск.
работы иного типа укажите психологии
какого.

7. Занимается ли научно Работаю как врач-воспитатель
педагогической художественно и врач-педолог, считаю эту
~~педагогической~~ деятельностью деятельность научной и
на дому: художественной.

24. Имеете ли печатные труды

25. Если имеете укажите:

Г. Число книг

« брошюр и журнальных статей

« газетных статей

в. первый печатный труд и

из остальных важнейшие:

приблизительно 30

№№	Заглавие труда	Год издания	Число страниц	Если труд был напечатан то в каком органе его название
1)	Ueber den psychol[ogischen] Inh[alt] eines Falles von Schizophrenie ¹	1911	72	Jahrb[uch] f. psychoan[alytische] u[nd] psychopath[hologische] Forsch[unden]
2)	Die Destruktion als Ursache des Werdens ²	1912	39	" " " "
3)	Ueber den Uopr. der kindl[ichen] Worte Papa und Mama ³	1920	22	
4)	Quelques analogies entre la pensee de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensee subconsc[iente] ⁴	1923	20	Archives de psychologie (Tome XVIII)

¹ [См. наст. изд. С. 3—85.]

² [См. наст. изд. С. 109—154.]

³ [Неточные данные: статья называется «Die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama», издание 1922 г. — См. наст. изд. С. 258—283.]

⁴ [См. наст. изд. С. 305—326.]

	Beit[rage] zur Kenntnis der kindl. Seele ¹	25	Zentralblatt (1913)
5)	Die Zeit im unterschwellig[igen] Seelenleben ²		Imago 1923 и другие

К печати готово:

1) О происхождении и развитии символич. мышления

2) Фантазия и действительность в жизни ребенка и другие работы³

26. Если труд Ваш не был
напечатан то почему

Указанные 2 труда о символич. мышлении и о ребенке я предпочла закончить и напечатать в России. Остальные труды я частью еще не кончила, частью дополняю и переделываю.

27. Участвовали ли в съездах
Конференциях
когда где и кем был
делегирован

Участвовала на многих съездах и конференциях (по педагогике, психологии, психиатрии, медицине, психоанализу)

28. Считаете ли Вы избранную
научно исследовательскую /
художественную/
деятельность подходящей и
удовлетворяющей Вас.

Работаю с наслаждением, считаю себя рожденной «призванной» как бы для моей деятельности, без которой не вижу в жизни никакого смысла.

29. Какие Вы считали бы
необходимым ввести научные
реорганизации в постановке
Вашей работы по занимаемой
должности.

Ввиду того, что у меня имеется масса материалу и много тем для разработки я считала-бы необходимым
а) для экономии времени ограничить мою работу домом в Городке домом трудного ребенка и детским садом. Работа моя в остальных домах чисто консультантская и мало продуктивна, между тем, как при большом количестве детей отнимает много ценного времени

¹ [См. наст. изд. С. 155—178.]

² [См. наст. изд. С. 327—343.]

³ [Неизвестные тексты.]

б) считала-бы необходимым иметь более самостоятельности, т.е. иметь неск. учеников (проделывающих педагогич. стаж), кот. работали-бы практически под моим руководством, разрабатывая также те научные темы, кот. я им дам.
в) В психоаналитич. институте считала-бы необходимым лично наблюдать детей, чтобы беседы с руководительницами не сводились к чисто теоретическим рассуждениям и «платоническим» советам заочно.

30. Ваша научная или художественная для работников искусства квалификация по К.У.Б.У.

II категории

31. Дополнительные сведения:

П О Д П И С И

1924 года Б Б Б Б Б Б Б Б Б « » дня.

НЕНАЙДЕННЫЕ ТЕКСТЫ

В этом разделе представлены названия предполагаемых текстов СШ, которые упоминаются в архивных материалах или в опубликованных работах. Нет сведений были ли вообще подготовлены к печати некоторые из упомянутых текстов.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ПЕСНИ О НИБЕЛУНГАХ (1911—1912 [?])

Упоминается как разработанный материал в Анкете Народного комиссариата по просвещению (ГАРФ. — ф. 2307. — оп. 23. — д. 13. — лл. 19—20.).

ДОКЛАД О ПСИХОАНАЛИЗЕ (1911—1912 [?])

Упоминается СШ в статье «Русская литература» (см. наст. изд. С. 239.). Доклад читался СШ в Ростове-на-Дону.

ЭТИКА И ПСИХОАНАЛИЗ (1914)

Доклад был сделан в Берлинском психоаналитическом обществе (март 1914) в разгар дискуссии, развернутой Карлом Абрахамом, об Юнговской психологии. Упомянут в отчете о деятельности психоаналитических обществ: I. Z. P. — 1914. — Bd. 2. — S. 410.

ДЕТСКАЯ ДУША (1921)

Лекция «L'âme d'enfant» в Институте Руссо 12 февраля 1921. Упомянута в монографии: Рихебехер, С. Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» (биография). — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — С. 214.

ДУРНЫЕ ПРИВЫЧКИ У ДЕТЕЙ И ДОКТРИНА ФРЕЙДА (1921)

Курс лекций «Les mauvaises habitudes de l'enfant et la doctrine de Freud», прочитанных в летнем семестре 1921 года в Женевском университете как дополнение к курсу Пьера Бове.

ВОСЕМЬ ДОКЛАДОВ О ПСИХОАНАЛИЗЕ И ВОСПИТАНИИ (1921—1922?)

Доклады «Psychoanalyse et pédagogie» были прочитаны в Институте Руссо (г. Женева). Упоминание о них содержится в отчете СШ для Международного журнала психоанализа о деятельности швейцарских психоаналитических групп, а также в монографии: Рихебехер, С. Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке» (биография). — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — С. 349.

ДОКЛАД О ВЫТЭСНЕНИИ (1922)

Доклад был сделан в феврале 1922 года в Groupe psychoanalytique internationale Женевского психоаналитического общества. Упоминание о нем содержится в отчете СШ для Международного журнала психоанализа о деятельности швейцарских психоаналитических групп.

ДОКЛАД О СНОВИДЕНИИ (1922[?])

Доклады на эту тему были сделаны СШ в объединении «Vers l'unité» и в психологической лаборатории Женевского университета. Упоминание об этих докладах содержится в отчете СШ для Международного журнала психоанализа о деятельности швейцарских психоаналитических групп.

ПРИНЦИПЫ УДОВОЛЬСТВИЯ И РЕАЛЬНОСТИ В ДЕТСКОЙ ДУШЕВНОЙ ЖИЗНИ (1922[?])

Лекция с таким названием прочитана СШ вне общего учебного плана в Институте Руссо (г. Женева). Упоминание о лекции содержится в отчете СШ для Международного журнала психоанализа о деятельности швейцарских психоаналитических групп.

ВРЕДНЫЕ ПРИВЫЧКИ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ (1922[?])

Лекция с таким названием прочитана СШ вне общего учебного плана в Институте Руссо (г. Женева). Упоминание о лекции содержится в отчете СШ для Международного журнала психоанализа о деятельности швейцарских психоаналитических групп.

О СОЗДАНИИ СИМВОЛОВ [или: ОБ ИСТОКАХ СИМВОЛИЗМА] (1922[?])

В двух опубликованных статьях «Возникновение детских слов папа и мама» (1922d) и «Некоторые аналогии между мышлением ребенка, мышлением афазика и подсознательным мышлением» (1923e) СШ упоминает свою подготавливаемую и «скоро выходящую» работу, посвященную символам. Вероятно, речь идет об одной и той же работе. Неизвестно был ли подготовлен и для какого издания данный текст.

ЧТО ДЕТИ НЕ РАССКАЗЫВАЮТ НАМ (1922)

Публичная лекция в Институте Руссо в зимнем термине 1922 г. Об этом имеется упоминание в отчете о психоаналитическом движении: The Psycho-Analytical Movement // Bul. I. P. A. — 1923. — Vol. 4. — P. 524.

ТВОРЧЕСКИЕ ДЕТИ (1922)

Публичная лекция «Les enfant créateurs» в Институте Руссо в зимнем термине 1922 г. Об этом имеется упоминание в отчете о психоаналитическом движении: The Psycho-Analytical Movement // Bul. I. P. A. — 1923. — Vol. 4. — P. 524.

ВОСПИТАТЕЛЬНЫЙ ПСИХОАНАЛИЗ (1922—1923)

В зимнюю сессию 1922—1923 г. СШ прочитала в Институте Руссо лекцию «Psychoanalyse educative». Об этом имеется упоминание в отчете о психоаналитическом движении: *The Psycho-Analytical Movement* // *Bul. I. P. A.* — 1923. — Vol. 4. — P. 524.

МЫСЛИТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕССЫ У РЕБЕНКА 2,5 ЛЕТ (1923)

Доклад, сделанный СШ в Цюрихе. Затем этот доклад был озвучен доктором Блюмом в Берне на встрече Швейцарского психоаналитического общества. Последний факт говорит о том, что, вероятно, текст доклада должен был сохраниться. Упомянут в отчете: *Blum, E. Swiss Psycho-Analytical Society* // *Bul. I. P. A.* — 1924. — Vol. 5. — P. 261—266. Также имеется отсылка на сообщение в «Новой Цюрихской газете» (см. *Рихебехер, С. Сабина Шпильрейн: «почти жестокая любовь к науке»* (биография). — Ростов н/Д: Феникс, 2007. — С. 224.).

ЗАМЕТКИ ИЗ АНАЛИЗА ДЕТЕЙ (1923)

Выступление в Русском психоаналитическом обществе 20 декабря 1923 г. упомянуто в отчете Русского психоаналитического общества 1924 г., опубликованном в Международном журнале психоанализа.

ДЕЙСТВИЯ ОБОЗНАЧАЮЩИЕ КАСТРАЦИЮ В ДЕТСКОМ ВОЗРАСТЕ (1923 [?])

Как статья упомянута в работе «Зрительный тип» (1923d). Нет данных о ее выходе в каком-либо издании.

ПОДСОЗНАТЕЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ И ЗАКОНЫ ПОВЕДЕНИЯ РЕБЕНКА (1924)

Доклад, сделанный в Институте научной философии 3 марта 1924 г. Упомянут в архивных материалах (ГАРФ. — ф. 4665. — оп.1. — д. 16. — лл. 14—14 об.).

ПРОЦЕССЫ ЗА ПОРОГОМ СОЗНАНИЯ И ПОВЕДЕНИЕ РЕБЕНКА (1924)

Доклад, сделанный в Институте научной философии 16 марта 1924 г. Упомянут в архивных материалах (ГАРФ. — ф. 4665. — оп.1. — д. 16. — лл. 14—14 об.).

ПРОБЛЕМА БЕССОЗНАТЕЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОЙ ПСИХОЛОГИИ И МАРКИЗМ (1920-е гг. [?])

Это название упомянуто как возможная статья для сборника «Психология и марксизм», т. 2. (Архив А.Р. Лурии, по: *Эткинд, А. Эрос невозможного.* — СПб., 1993. — С. 207—208). Нет данных была ли написана такая статья.

ЛИСТ СОКРАЩЕНИЙ

Bul. I. P. A. = Bulletin of the International Psycho-Analytical Association.

G. W. = *Freud, S. Gesammelte Werke.* — Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag GmbH. In 18 Bd.

I. J. PA. = International Journal of Psycho-Analysis.

I. Z. P. = Internationale Zeitschrift für Ärztliche Psychoanalyse.

J. = Jahrbuch für psychoanalytische und psychopathologische Forschungen.

Zb. = Zentralblatt für Psychoanalyse und Psychotherapie.

Z. Ps. P. = Zeitschrift für Psychoanalytische Pädagogik.

БИБЛИОГРАФИЯ

В этом разделе приводится по возможности уточненная библиографическое описание работ, на которые ссылается прямо или косвенно СШ. Сделаны необходимые исправления явных ошибок в написании фамилий авторов и названий работ. Все отсылки на труды Э. Фрейда даются по немецкому изданию: G. W. (см. Лист сокращений).

А. БИБЛИОГРАФИЯ, НЕПОСРЕДСТВЕННО ЦИТИРУЕМАЯ С. ШПИЛЬРЕЙН

Abraham, K. Traum und Mythos: Eine Studie zur Völkerpsychologie. — Wien: Deuticke, 1909. — 73 s. — 65.

Berthelot, M. Collection des anciens alchimistes grecs. — Paris, 1887—1888. — 3 vols. — 30.

Bleuler, Eugen. Dementia praecox oder Gruppe der Schizophrenien / Von E. Bleuler. — Leipzig ; Wien : Deuticke, 1911. — XII, 420 s. — 221.

Bleuler [Eugen]. Zur Theorie des Schizophrenen Negativismus // Psych.-neur. Wochenschr. — 1910. — Nr. 18—21. — 18; 85.

Bṛihadāraṇyaka-Upanishad [Брихадараньяка-Упанишада]. — 14.

Bulow: Die geistige Entwicklung des Kindes (russische Übersetzung). [Ошибка: *Bühler, Karl.* Die geistige Entwicklung des Kindes. — Jena: Verlag Gustav Fischer, 1918. — XX, 484 s.] — 387.

Cumont, Franz Valéry Marie. Les mystères de Mithra. — Paris, A. Fontemoing, 1902. — XVII, [1], 189 p. — 12.

Curtiss, Samuel Ives. Ursemitische religion im volksleben des heutigen Orients; forschungen und funde aus Syrien und Palästina. — Leipzig: J. C. Hinrichs, 1903. — XXX, 378 s. — 151.

Das Nibelungenlied, Max Burkhard, herausgegeben von Brandis. — 144.

Die sagen vom lebensbaum und lebenswasser; altorientalische mythen, von August Wünsche. — Leipzig: E. Pfeifer, 1905. — IV, 108 s. — 134.

- Eysen.* Über einige Motivgaben im Salzburger Flachgau // Zeitschrift des Vereins für Volkskunde. — 1901. — 147, 148.
- Ferenczi, S.* Ekel vor dem Frühstück // I. Z. P. — 1919. — Bd. V. — S. 117. — 229.
- Flournoy, H.* Quelques rêves au sujet de la signification symbolique de l'eau et du feu // I. Z. P. — 1920. — Bd. VI. — S. 328—336. — 339.
- Freud, S.* Traumdeutung (1900a) // G. W. — Bd. 2—3. — 15, 33, 59, 85, 114, 257, 361.
- Freud, S.* Bruchstück einer Hysterie-Analyse (1905e [1901]) // G. W. — Bd. 5. — 56.
- Freud, S.* Der Witz und seine Beziehung zum Unbewußten (1905c) // G. W. — Bd. VI. — 122.
- Freud, S.* Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b) // G. W. — Bd. 7. — S. 241—77. — 56.
- Freud, S.* Über den Gegensinn der Urworte (1910e) G. W. — Bd. 8. — 214—221. — 85, 114.
- Freud, S.* Totem und Tabu (1912—1913a) // G. W. — Bd. IX. — 102 s. — 151, 260, 323.
- Graf, M.* Richard Wagner im «Fliegenden Holländer»; ein Beitrag zur Psychologie künstlerischen Schaffens. — Leipzig und Wien, 1911. — 144.
- Henning:* Das Urbild // Ztschr. f. Psychologie. — 1924. — 94. — 360.
- Henning:* Neue Typen der Vorstellungsbilder und die Entwicklung des Vorstellens // Ztschr. f. angew. Psych. — 1923. — 22. — 360.
- Jaensh, E.R.* Über den Aufbau der Wahrnehmungswelt und die Grundlangen der menschlichen Erkenntnis. — 2. Aufl. — Leipzig, 1927. — 360.
- Jaensh, E.R.* Über Eidetick und die typologische Forschungsmethode // Zeitschr. Psychol. — 1927. — 102. — 360.
- Jung, C.G.* Diagnostische Assoziationsstudien. — Leipzig, 1906. — 81.
- Jung, C.G.* Über die Psychologie der Dementia praecox. — Halle, 1907. — 19, 32, 34, 45, 46, 57, 81.
- Jung, C.G.* Der Inhalt der Psychose. Akademischer Vortrag, gehalten im Rathause der Stadt Zurich am 16. Jänner 1908. — 1908. — 43.
- Jung, C.G.* Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1. — 82, 162.

- Jung, C.G.* Ein Beitrag zur Psychologie des Gerüchtes // Z. — 1910. — Bd. I. S. 81—90. — 18.
- Jung, C.G.* Über Konflikte der kindlichen Seele // J. — 1910e. — Bd. 2. — S. 33—58. — 78, 221.
- Jung, C.G.* Wandlungen und Symbole der Libido // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227. — 110, 125, 174, 201.
- Katz:* Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4. — 367.
- Kerschensteiner, G.* Die Entwicklung der zeichnerischen Begabung. — München: Verlag Carl Weber. 1905. — 387.
- Krager:* Der eidetische Anlage der Jugendlichen in ihrer Bedeutung für die Klinik und die Schulleistungen // Klin. Wochenschr. — 1925. — Nr. 47. — 360.
- Le développement du langage observe chez un enfant bilingue par Jules Ronjat, Docteur es lettres. — Paris, 1913. — 265.
- Levinstein, Siegfried.* Das Kind als Künstler : Kinderzeichnungen bis zum 14. Lebensjahr / Von Siegfried Levinstein. — Leipzig : Voigtländer, [1918]. — 119 s. — 387.
- Maeder, A.* Sexualität der Epileptiker // J. — Bd. 1. — 1909. — 15.
- Miller:* Arch. de Psychologie. — Band V. — 46.
- Negelein, Julius von.* Das Pferd im arischen Altertum, von Julius von Negelein. — Königsberg i.Pr.: Gräfe & Unzer, 1903. — xxxvii, 178 s. — 129.
- Piaget, J.* Le langage et pensée chez l'enfant. — Neuchâtel: Delachaux & Niestlé, 1923. — 319 p. — 393.
- Piaget, J.* Le jugement et le raisonnement chez l'enfant. — Neuchâtel: Delachaux & Niestlé, 1924. — 343 p. — 393.
- Piaget, J.* La représentation du monde chez l'enfant. — Paris: Alcan, 1926. — 424 p. — 393.
- Piaget, J.* La causalité physique chez l'enfant. — Paris: Alcan, 1927. — 347 p. — 393.
- Piaget, J.* Une forme verbale de la comparaison chez l'enfant. // Arch. de Psychologie. — Tome XVIII. — Nr. 69—70. Mai—Oktober 1921. — 393.
- Pfister, O.* Die Frömmigkeit des Grafen Ludwig von Zinzendorf; ein psychoanalytischer Beitrag zur Kenntnis der religiösen Sublimierungsprozesse und zur Erklärung des Pietismus. — Leipzig: F. Deuticke, 1910. — 122 s. — 22, 33, 125.

- Rabbi Josue ben Levi: Sex.- Probl.* — 1913. — Nov. — 195.
- Rank, O.* Beiträge zum Narzissismus // J. — 1911. — Bd. III. — H. I. — S. 401—426. — 131.
- Rank, O.* Der Mythos von der Geburt des Helden: Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1909. — 93 s. — 47, 172.
- Rank, O.* Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1911. — [vi]+104 s. — 134, 146, 172.
- Ricci, C.* L'arte dei bambini. — Bologna: N. Zanichelli, 1887. — 387.
- Rigveda* [Ригведа]. — 14.
- Riklin, F.* Wunscherfüllung und Symbolik im Märchen. — Wien, Leipzig, 1908. — 96 s. — 56, 135, 142.
- Schreber, Daniel Paul.* Denkwürdigkeiten eines Nervenkranken nebst Nachtragen und einem Anhang über die Frage: «Unter welchen Voraussetzungen darf eine für Geisteskrank erachtete Person gegen ihren Erklären Willen in einer Heilanstalt Festgehalten werden?». — Leipzig: Oswald Mutze, 1903. — [2]+xv+[1]+516+[4] s. — 27, 68, 366.
- Seltame Vorstellungen und Gebrauche in der biblischen und rabbinischen Literatur* // Arch. für Religionswissenschaft. — Bd. XIII. — Heft 1. — 149.
- Silberer, H.* Bericht über eine Methode, gewisse symbolische Halluzinationserscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // J. — 1909. — Bd. I. — 362.
- Sully, J.* Untersuchungen über die Kindheit. Psychologische Abhandlungen (1895). — Leipzig, 1904. — VIII, 342 s. — 387.
- Sperber, H.* Über den Einfluß sexueller Momente auf Entstehung und Entwicklung der Sprache // Imago. — 1912. — Bd. 1. — S. 405—488. — 274.
- Spielrein, S.* Über den psychologischen Inhalt eines Falles von Schizophrenie (Dementia praecox) // J. — 1911. — Bd. 3. — S. 329—400. — 269.
- Spielrein, S.* Beiträge zur Kenntnis der kindlichen Seele // Zb. — 1912. — Bd. 2. — S. 57—72. — 221.
- Spielrein, S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — S. 465—503. — 188, 221, 324, 360.
- Spielrein, S.* Über die Entstehung der kindlichen Worte Papa und Mama // Imago. — 1922. — Bd. VIII. — 325.
- Spielrein, S.* Die Zeit im unterschweligen Seelenleben // Imago. — 1923. — Bd. IX. — Heft 3. — 324; 360.

- Spielrein, S.* Quelques analogies entre la pensée de l'enfant, celle de l'aphasique et la pensée subconsciente // Archives de Psychologie. — Tome XVIII. Mai 1923. — 339, 360; 363; 365.
- Spitteler, C.* Imago. — Leipzig, 1906. — 138.
- Spitteler, C.* Meine frühesten erlebnisse. — Jena: E. Diederichs, 1920. — 156, [2] s. — 269.
- Stekel, W.* Beiträge zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1. — 32, 49, 185.
- Stekel, W.* Die Beziehungen des Neurotikers zur «Zeit» // Zb. — 1911—12. — Bd. 2. — Heft 5. — S. 245—252. — 169.
- Stekel, W.* Die Sprache des Traumes. — Wiesbaden, 1911. — 185.
- Varendonck, J.* Über das vorbewußte phantasierende Denken. — Leipzig: Int. PsA. Verlag, 1922. — 171 s. — 360.
- Wirth: Εξήγησις περί των εν Περσίδι πραχύντων.* — 14.
- Wünsche, Aug.* Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s. — 153.
- Zeitschr. f. Sexualwiss. — Bd. I. — Heft I. — April 1914. — 212.
- Zeitschr. f. Sexualwiss. — Bd. I. — Heft II. — Mai 1914. — 212.

Б. БИБЛИОГРАФИЯ, ИСПОЛЬЗУЕМАЯ В КОММЕНТАРИЯХ
И УТОЧНЕНИЯХ ИЗДАТЕЛЯМИ

- Ament, W.* Die Entwicklung von Sprechen und Denken beim Kinde. — Leipzig, 1899. — 265.
- Binswanger, L.* Versuch einer Hysterieanalyse. // J. — 1909. — Bd. 1. — 128.
- Federn, P.* Über zwei typische Traumsensationen. // J. — 1914. — Bd. 6. — S. 89—134. — 351.
- Fischer, Oskar.* Der Ursprung des Judentums im Lichte alttestamentarischer Zahlensymbolik. — Leipzig, 1917. — 226.
- Freud, S.* (Zusammen mit: Breuer, J.) Studien über Hysterie (1895d). // G. W. — Bd. I. — S. 75—312. — 363.
- Freud, S.* Die Traumdeutung (1900a). // G. W. — Bd. 3—4. — 149, 199, 327; 330; 362; 364; 393.
- Freud, S.* Drei Abhandlungen zur Sexualtheorie (1905d). // G. W. — Bd. 5. — S. 27—145. — 115.

- Freud, S.* Zwangshandlungen und Religionsübungen (1907b). // G. W. — Bd. 7. — S. 129—139. — 216.
- Freud, S.* Analyse der Phobie eines fünfjährigen Knaben (1909b) // G. W. — Bd. 7. — S. 241—377. — 342.
- Freud, S.* Über den Gegensinn der Urworte (1910e) // G. W. — Bd. 8. — 138.
- Freud, S.* Über einen besonderen Typus der Objektwahl beim Manne (1910h) // G. W. — Bd. 8. — S. 66—77. — 91, 145.
- Freud, S.* Über «wilde» Psychoanalyse (1910k) // G. W. — Bd. 8. — S. 118—125. — 247.
- Freud, S.* Formulierungen über die zwei prinzipien des psychischen Geschehens (1911b) // G. W. — Bd. 8. — S. 230—238. — 268, 317.
- Freud, S.* Psychoanalytische Bemerkungen über einer autobiographisch beschriebenen Fall von Paranoia (Dementia paranoides) (1911c [1910]) // G. W. — Bd. 8. — S. 239—316. — 28, 120.
- Freud, S.* Totem und Tabu (1912—13a) // G. W. — Bd. 9. — 269, 272.
- Freud, S.* Marchenstoffe in Traumen (1913d) // G. W. — Bd. 10. — S. 2—9. — 206.
- Freud, S.* Über einige Übereinstimmungen im Seelenleben der Wilden und der Neurotiker: I. Die Inzestchen (1912—13a) // Imago. — 1912. — Bd. 1. — Teil I. — S. 17—33. — 193.
- Graf, M.* Richard Wagner im «Fliegenden Holländer»; ein Beitrag zur Psychologie künstlerischen Schaffens. — Leipzig / Wien, 1911. — 153.
- Grillparzer, F.* Die ahnfrau. Ein trauerspiel in fünf aufzügen. Von F. Grillparzer. — 2. aufl. — Wien: J. B. Wallishausser, 1819. — 153 s. — 82.
- Groos, K.* Die Spiel der Tiere. — Jena, 1896. — 87.
- Groos, K.* Die Spiel der Menschen. — Jena: G. Fischer, 1899. — VI, 538 s. — 87.
- Gross, O.* Zur Differentialdiagnostik negativistischer Phaenomene // Psychiat. Neurol. Wschr. — 1904. — Bd. 37. — S. 345—363. — 110.
- Hubert, H., Mauss, M.* Essai sur la nature et la fonction du sacrifice // Annee sociologique. — 1899. — T. 2. — 268.
- Hubert, H., Mauss, M.* Esquisse d'une Theorie generale de la magie // Annee sociologique. — 1904. — T. 7. — 268.
- Jackson, Hughlings.* Croonian Lectures on the evolution and dissolution of the nervous system // Lancet. — March 1884. — 319.

- Jung, C.G.* Über Konflikte der kindlichen Seele // J. — 1910. — Bd. 2. — S. 33—58. — 134.
- Jung, C.G.* Die Bedeutung des Vaters für das Schicksal des Einzelnen // J. — 1909. — Bd. 1. — S. 155—173. — 124, 354.
- Jung, C.G.* Wandlungen und Symbole der Libido // J. — 1911. — Bd. III. — S. 120—227. — 130.
- Katz, J.* Ztschr. f. Psychol. und Physiol. der Sinnesorgane. — Leipzig, 1920. — Bd. 85. — Heft 1—4. — [370, 371, 396].
- Lombroso, P.* La vita à buio. — Milano: Fratelli Treves, 1910. — 244 p. — 274.
- Mach, E.* Die Analyse der Empfindungen und das Verhältnis des Physischen zum Psychischen. — 2. verm. Aufl. der Beiträge zur Analyse der Empfindungen. — Jena: Fischer, 1900. — VII, 244 s. — 117.
- Maury, A.* De certains faits observés dans les rêves et dans l'état intermédiaire entre le sommeil et la veille // Ann. Médico-Psychologiques. — 1857. — T. III. — P. 157—176. — 324.
- Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1979. — Bd. III (1910—1911). — 90.
- Rank, O.* Der Mythos von der Geburt des Helden: Versuch einer psychologischen Mythendeutung. — Leipzig und Wien: Franz Deuticke, 1909. — [iv]+93+[3] s. (Schriften zur angewandten Seelenkunde Heft 5.) — 145, 153, 168.
- Rank, O.* Die Lohengrinsage: Ein Beitrag zu ihrer Motivgestaltung und Deutung. — Leipzig, Wien: Franz Deuticke, 1911. — IV, 181 s. — 168.
- Reinach, S.* Cultes, mythes, et religions. — Paris: E. Leroux, 1905. — T. 1. — 268.
- Scherner, K.A.* Das Leben des Traumes. — Berlin, 1861. — 164.
- Siegfried, Walther.* Tino Moralt. Kampf und Ende eines Künstlers. — 2 Bände. — 6. Auflage. — Berlin: Meyer & Jessen, 1911. — 11.
- Silberer, H.* Bericht über eine Methode gewisse symbolische Halluzinations-Erscheinungen hervorzurufen und zu beobachten // J. — 1909. — Bd. 1. — 113; 318.
- Spielrein, I.* Über schwer zu merkende Zahlen und Rechenaufgaben // Zeitschrift f. angewandte Psychol. — 1919. — Bd. 14. — Heft 3—4. — 225, 334.
- Spielrein, S.* Die Destruktion als Ursache des Werdens // J. — 1912. — Bd. 4. — 88, 107.

- Spitteler, C.* Meine frühesten erlebnisse. — Jena: E. Diederichs, 1920. — 156, [2] s. — 276.
- Stekel, W.* Beitrage zur Traumdeutung // J. — 1909. — Bd. 1. — 125, 126.
- Stekel, W.* Die Sprache des Traumes: eine Darstellung der Symbolik und Deutung des Traumes in ihren Beziehungen zur kranken und gesunden Seele. — Wiesbaden: Verlag von J. F. Bergmann, 1911. — viii+539+13 s. — 110, 168.
- Winterstein, A.F.* Zur Psychoanalyse des Reisens {Vortragsabend: am 6. Marz 1912} // Protokolle der Wiener Psychoanalytischen Vereinigung. — Frankfurt am Main: S. Fischer Verlag, 1981. — Bd. IV (1912—1918). — S. 58—59. — 175.
- Wünsche, Aug.* Der Sagenkreis vom geprellten Teufel. — Leipzig: Akademischer Verlag, 1905. — 128 s. — 91, 134, 141, 142, 153.
- Аполлодор.* Мифологическая библиотека. — 89.
- Бельский, П.Г.* Типология этически-дефективных несовершеннолетних // Вопросы воспитания нормального и дефективного ребенка / Под ред. А.С. Грибоедова. — М.; Л., 1925. — С. 82—175. — 377.
- Бытие.* — 146.
- Бюллер, К.* Духовное развитие ребенка. — М., 1924. — 389.
- Вагнер, Р.* Тристан и Изольда. — М.: Музыка, 1968. — 132.
- Гете, И.В.* Лесной царь // Гете, И.В. Собрание сочинений. В 10 томах. — Т. 1. Стихотворения. — М.: Худ. лит., 1977. — 160.
- Гете, И.В.* Фауст // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 2. — М.: Худ. лит., 1976. — 87, 113, 114, 282.
- Гете, И.В.* Рейнеке-лис // Гете, И. В. Собрание сочинений. В 10-ти томах. — Т. 5. — М.: Худ. лит., 1977. — 154.
- Гоголь, Н.В.* Ревизор // Гоголь, Н.В. Полное собрание сочинений. — М.: АН СССР, 1951. — Т. 4. — 132.
- Гуз-Гельмут, Г.* Новые пути к познанию детского возраста: Психоаналитические лекции для родителей, учителей, воспитателей, школьных врачей, заведующих детскими домами и яслями. — Л., 1926. — 218 с. — 353.
- Джэмс, У.* Психология. — М.: Наука и школа, 1922. — 270.
- Евангелие от Матфея.* — 22; 293.
- Евангелие от Марка.* — 293.
- Куприн, А.И.* Поединок // Куприн, А.И. Собрание сочинений в 9 томах. — М.: Правда, 1964. — Т. 4. — С. 5—231. — 191.

- Мережковский, Д.С. Воскресшие боги (Леонардо да Винчи) (1902) // Мережковский, Д.С. Собрание сочинений в четырех томах. — М.: Правда, 1990. — Т. 1. — 368.
- Мечников, И.И. Этюды оптимизма. — М.: Наука, 1988. — 90.
- Ницше, Ф. Так говорил Заратустра // Ницше, Ф. Сочинения в 2 т. — Т. 2. — М.: Мысль, 1990. — 129, 130, 133, 134, 136, 143, 145.
- Павсаний. Описание Эллады. — 89.
- Прейер, В. Духовное развитие в первом детстве. — СПб., 1894. — 177.
- Пушкин, А.С. Песнь о вещем Олеге // Пушкин, А.С. Полное собрание сочинений в 6-ти томах. — М.-Л.: Academia, 1936. — Т. 1. — 137.
- Селли, Д. Очерки по психологии детства. — М., 1901. — 280; 388.
- Скальковский, Г.А. Теория гомофункции и методика гомофункционального перевоспитания личности // Труды 1-го совещания психиатров и невропатологов Северо-Кавказского края. — Вопросы социальной психоневрологии. — Вып. 1. / Издано С.-К. Крайздравом и С.-К. Ассоциацией научно-исслед. институтов). — Ростов-на-Дону, 1929. — С. 88—92. — 352.
- Суд. — 188.
- Толстой, Л.Н. Записки сумасшедшего (1912) // Толстой, Л.Н. Собрание сочинений в 22-х томах. — М.: Художественная литература, 1982. — Т. 12. — С. 43—53. — 240.
- Франс, А. Маленький Пьер (1918) // Франс, А. Собрание сочинений в восьми томах. — М.: Худ. лит., 1959. — Т. 7. — 278.
- Фрейд, З. Толкование сновидений: Пер. с нем. — М.: СТД, 2005. — 96, 164.
- Шекспир, В. Ромео и Джульетта // Шекспир, В. Полное собрание сочинений в восьми томах. — М.: Искусство, 1958. — Т. 3. — 137.
- Шиканедер, Эм. В.А. Моцарт. Волшебная флейта в 2-х действиях. — М.: Музыкальная торговля П. Юргенсона, 1891. — 166.
- Штерн, В. Психология раннего детства до шестилетнего возраста: С использованием в качестве материала ненапечатанных дневников Клары Штерн. — Пг., 1922. — 262, 264, 269, 275, 280, 317.
- Ющенко, А.И. К учению о конституциях с эволюционно-генетической точки зрения // Совр. психоневрология. — 1927. — 379.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абрахам, Карл* [Abraham, Karl] (1877—1925) — немецкий психоаналитик. — 65; 81.
- Адлер, Альфред* [Adler, Alfred] (1870—1937) — австрийский врач-психиатр и психолог. — 35; 239 прим.
- Адлер, Отто* [Adler, Otto] — 211, 212.
- Азбукин, И.А.* — 245.
- Айзен* [Eysen] — 147; 148.
- Александр Великий (Македонский)* (356—323 до н. э.) — царь Македонии с 336 г., полководец, сын Филиппа Македонского. — 254.
- Амент, Вильгельм Карл* [Ament] (1876—?) — немецкий исследователь в области детской психологии. — 265.
- Анаксагор* (500—428 до н. э.) — древнегреческий философ. — 115.
- Андерс, Э.* [Anders, E.] — 217.
- Анна* (девочка 4 лет, случай Юнга) — 134; 135.
- Арнольд* [Arnold] — 148.
- Асатиани, Михаил Михайлович* (1881—1938) — российско-грузинский психиатр. — 236; 239; 241.
- Баженова, Мария* (?) — российский психиатр. — 245.
- Баженов, Николай Николаевич* (1857—1923) — российский психиатр. — 245; 246.
- Балли, Шарль* [Bally, Charles] (1865—1947) — швейцарский лингвист, создатель учения о фразеологизмах. — 333; 334; 335; 336; 337; 343.
- Белобородов, Л.Я.* — российский психиатр. — 236; 241.
- Бельский, П.Г.* — российский психиатр. — 380.
- Бенни, В.И.* [Benni] — 236.
- Бернштейн, Александр Николаевич* (1870—1922) — российский психиатр. — 239.

- Бехтерев, Владимир Михайлович* (1857—1927) — российский невропатолог, психиатр, рефлексолог и физиолог. — 359.
- Бинсвангер, Людвиг* [Binswanger, Ludwick] (1881—1966) — швейцарский психиатр и психоаналитик. — 128.
- Бириштейн, И.А.* — 236; 239 и прим.
- Блейлер, Эйген* [Bleuler, Eugen] (1857—1939) — швейцарский психиатр, один из первых исследователей шизофрении, директор частной клиники Бухгольцли. — 18 прим.; 22; 25; 57 прим.; 85 и прим.; 103; 110; 138; 221; 245; 269; 363; 399.
- Бове, Пьер* [Bovet, Pierre] (1878—1965) — профессор педагогики в Женевском университете, один из основателей и первый директор Института Руссо. — 254.
- Бовен, Уильям* [Boven, William] — швейцарский психоаналитик. — 254.
- Брум, д-р* [Bruhn] — 322 прим.
- Бубер, Саломон* [Buber, Salomon] — 149.
- Буффон* [Buffon] — 264.
- Бюлер, Карл* [Bühler, Carl] (1879—1963) — австрийский психолог. — 388.
- Бюлов* [Bülow] — 387.
- Бьюнис* [Beaunis] — 366; 401.
- Вагнер, Рихард* [Wagner, Richard] (1813—1883) — немецкий композитор, дирижер, музыкальный писатель. — 91; 144; 145.
- Вайгандт* [Weigandt] — 245.
- Валли* (случай СШ) — 170—174.
- Вебер* [Weber] — 313.
- Верком* [Werkoem] — 340.
- Винтерштейн, Альфред Фрайхерр фон* [Winterstein, Alfred Freiherr von] (1885—1958) — философ, член Венского психоаналитического общества. — 102; 175.
- Вира* (случай СШ) — 347.
- Висильчиков, проф.* — 360.
- Воронова* — ассистент психиатрической клиники проф. Ющенко. — 374.

- Вырубов, Николай Алексеевич* (1869—1918) — российский психиатр и психоаналитик. — 238; 239; 240; 244.
- Вюнше, Август* [Wunsche, August] — 134; 141 и прим.; 142; 143; 153 и прим.; 154.
- Георг* (случай СШ) — 360.
- Гесс, Вальтер Рудольф* [Hess, Walter Rudolph] (1881—1973) — швейцарский физиолог. — 245.
- Гете, Иоганн Вольфганг* [Goethe] (1749—1832) — немецкий писатель, мыслитель и естествоиспытатель. — 87; 154; 160; 246.
- Гоголь, Николай Васильевич* (1809—1852) — русский писатель. — 132; 246.
- Голоушев, С.С. (?)* — русский психоаналитик. — 237; 243.
- Грильпарцер, Франс* [Grillparzer, Franz] (1791—1872) — австрийский драматург. — 82 прим.
- Гроос, Карл* [Groos, Karl] (1861—1946) — немецкий психолог, исследователь детского возраста. — 87; 110.
- Гросс, Отто* [Gross, Otto] (1877—1920) — австрийский психоаналитик. — 110 и прим.
- Гуг-Гельмут, Гермина фон* [Hug-Helmuth, Hermine] (1871—1924) — австрийский детский психоаналитик. — 281; 353.
- Гутцманн* [Gutzmann] — 265.
- Данте, Алигьери* [Dante, Alighieri] (1265—1321) — итальянский поэт. — 24.
- Дарвин, Чарльз Роберт* [Darwin, Charles Robert] (1809—1882) — английский естествоиспытатель. — 76.
- Даттнер, Бернард* [Dattner, Bernard] (1887—1952) — адвокат, врач, член Венского психоаналитического общества (до 1913 г.). — 104.
- Дежерин, Жюль* [Dejerine, Jules] (1849—1917) — французский невролог. — 144.
- Декроли, Овид* [Decroly] (1871—1932) — профессор Брюссельского университета, представитель педагогического течения «Новое воспитание». — 390.
- Джеймс, Уильям* [James, William] (1842—1910) — американский философ и психолог. — 270.
- Джексон, Хаглингс*. [Jackson, Hughlings] — 319; 320; 323; 325; 302; 303.
- Достоевский, Федор Михайлович* (1821—1881) — русский писатель. — 246.

- Дрознес, Леонид Михайлович* — российско-украинский психиатр и психоаналитик. — 237; 243.
- Дюбуа, Поль* [Dubois, Paul] (1848—1918) — швейцарский врач; основоположник «рациональной психотерапии». — 240; 242; 244.
- Ермаков, Иван Дмитриевич* (1875—1942) — российский психиатр и психоаналитик. — 244.
- Жане, Пьер* [Janet, Pierre] (1859—1947) — французский психолог, психиатр и невропатолог. — 240.
- Задгер, Исидор* [Sadger, Isidor] (1867—1942) — австрийский психоаналитик. — 88.
- Залкинд, Арон Борисович* (1886—1936) — российский врач, психолог и педолог. — 238; 241; 242.
- Захарченко, М.А.* (1879—1953) — российский невропатолог. — 238.
- Зильберер, Герберт* [Silberer, H.] (1882—1922[3(?)]) — австрийский психоаналитик, член Венского психоаналитического общества. — 113; 130; 324; 362 и прим.
- Зудерман, Герман* [Sudermann, Hermann] (1857—1928) — немецкий писатель. — 16 прим.
- Закс, Ганс* [Sachs, Hans] (1881—1947) — немецкий психоаналитик. — 92 прим.
- Иоффе, Адольф Абрамович* (1883—1927) — российский революционер, интересовался психоанализом. — 237; 242; 243.
- Йошеа Бен Леви, рабби* — 195.
- Каннабих, Юрий Владимирович* (1872—1939) — российский психиатр, психоаналитик. — 237; 239; 240.
- Кант, Иммануил* [Kant] (1724—1804) — немецкий философ, родоначальник немецкой классической философии. — 328.
- Карл Великий* (742—814) — франкский король с 768 г., с 800 г. — император; из династии Каролингов. — 48; 59; 60; 61.
- Карпов* — 245.
- Катц, Давид* [Katz, David] (1884—1953) — западноевропейский психолог. — 366; 370; 371; 396.
- Кершенштейнер, Георг* [Kerschensteiner, Georg] (1854—1932) — немецкий педагог. — 387; 411.

- Клагес, Людвиг* [Klages, Ludwig] (1870—1956) — немецкий психолог и философ. — 107.
- Клапаред, Эдуард* [Claparedé, Eduardo] (1873—1940) — профессор Женевского университета, один из основателей Института Руссо. — 233; 251; 253; 254; 319; 339.
- Клод* (случай СШ) — 222; 223; 224.
- Колер* [Kohler] — 141; 149 и прим.; 150; 152.
- Компейре, Жюль-Габриель* [Compaugé, Jules-Gabriel] (1843—1913) — французский педагог и политический деятель. — 273.
- Кох, Роберт* [Koch, Robert] (1843—1910) — немецкий микробиолог. В 1882 г. открыл возбудителя туберкулеза («палочка Коха»). — 28.
- Кохер, Теодор* [Kocher, Theodor] (1841—1917) — швейцарский хирург, один из основоположников современной брюшной хирургии. — 28; 29; 30; 33; 35; 36; 52; 54 прим.; 54; 56; 62; 68.
- Крепелин, Эмиль* [Kraepelin, Emil] (1856—1926) — немецкий психиатр. — 245.
- Куприн, Александр Иванович* (1870—1938) — русский писатель. — 190.
- Куссмауль* [Kussmaul] — 265.
- Кутанин, М.П.* — 245.
- Л.М.* (случай СШ) — 288.
- Лазарус* [Lazarus] — 259.
- Лахтина, М.И.* — 245.
- Левинштейн* [Levinstein] — 387.
- Лене* (случай СШ) — 184; 185.
- Ленорман, Анри Рене* [Lenormand, Henry Rene] (1882—1951) — швейцарский драматург. — 247; 248; 252.
- Леонардо де Винчи* (1452—1519) — итальянский живописец, скульптор, архитектор, ученый, инженер. — 367; 403.
- Лерберг, Шарль ван* [van Lerberghe, Carl] (1861—1907) — бельгийский поэт. — 248.
- Либих, Юстус Фрайхер фон* [Liebig] (1803—1873) — немецкий химик. — 54.
- Либрехт* [Liebrecht] — 152.

- Лихницкий, В.Н.* — 237; 239.
- Ломброзо, Паола* [Lombroso, Paola] (?) — итальянская исследовательница в области детской психологии. — 274.
- Лосский, Николай Онуфриевич* (1870—1965) — российский философ. — 240.
- Мадмуазель N.* (случай СШ) — 289; 291; 292.
- Маймонид, Моисей* [Maimonides] (1135—1204) — еврейский философ. — 149.
- Малан* [Malan] — 254.
- Маньян* [Magnan] — 245.
- Мари, П.* [Marie, P.] — 319.
- Маркс, Карл* [Marx, Karl] (1818—1883) — немецкий мыслитель и общественный деятель. — 393.
- Мах, Эрнст* [Mach, Ernst] (1838—1916) — философ, профессор физики. — 117.
- Мацкевич, И.Д.* — 245.
- Мендель, Грегор Иоганн* [Mendel] (1822—1884) — австрийский естествоиспытатель, монах, основоположник учения о наследственности (менделизм). — 309.
- Меньковский* [Minkowski] — 322 прим.
- Мережковский, Дмитрий Сергеевич* (1866—1941) — русский писатель, религиозный философ. — 367 прим.
- Мечников, Илья Ильич* (1845—1916) — российский биолог. — 90.
- Микеланджело, Буонарроти* [Michelangelo] (1475—1564) — итальянский скульптор, живописец, архитектор, поэт. — 7; 8; 379; 407.
- Миллер* [Miller] — 46 прим.
- Милль, Джон Стюарт* [Mill, J.St.] (1806—1873) — английский философ и экономист. — 246.
- Миша* (случай СШ) — 203—206.
- Мок, Отто* [Mock, Otto] — 81.
- Монаков, Константин* [Monakov] (1853—1930) — швейцарский врач, невролог. — 319; 320; 323.
- Мопассан Ги де* [Maupassant] (1850—93) — французский писатель. — 246.

- Мопертюи* [Maupertuis] — 264.
- Морель* [Morel, Ferdinand] — швейцарский психоаналитик. — 254.
- Мори, А.* [Maury, A.] — 324.
- Мосс, Марсель* [Mauuss, Marcel] (1872—1950) — французский антрополог. — 268.
- Моцарт, Вольфганг Амадей* [Mozart] (1756—1791) — австрийский композитор. — 165; 185 прим.
- Навилль, Ф.* [Naville, François] (?) — сотрудник Женевского института Руссо — 232; 254.
- Неткачев* — 244.
- Ницше, Фридрих* [Nietzsche] (1844—1900) — немецкий философ. — 123; 129; 130; 131; 133; 134; 136; 137; 143; 145; 153 прим.; 257.
- Нунберг, Герман* [Nunberg, Herman] (1884—1970) — австрийский психоаналитик. — 90 прим.
- Ньютон, Исаак* [Newton] (1643—1727) — английский математик, механик и физик — 246.
- Обергольцер, Эмиль* [Oberholzer, Emil] (?) — швейцарский психоаналитик. — 308.
- Одье, Шарль* [Odier, Charles] (1886—1954) — французский психоаналитик — 254; 255.
- Олечка* (случай СШ) — 346.
- Оппенгейм Дэвид* [Oppenheim, David Ernst] (1881—?) — профессор классических языков в Академии Высшей Школы. — 240.
- Оршанский, И.Г.* — 237.
- Оршанский, С.* — 245.
- Осипов, Николай Евграфович* (1877—1934) — российский психиатр и психоаналитик. — 237; 239; 240.
- Отто* (случай СШ) — 162—169.
- Павлов, Иван Петрович* (1849—1936) — российский физиолог. Создатель учения о высшей нервной деятельности. — 359.
- Пальмен* — 42; 43.
- Пападаки, д-р* [Papadaki] — 271 прим.

- Петров, Е.* — 245.
- Пиаже, Жан* [Piaget, Jean] (1896—1980) — швейцарский психолог. — 254; 275; 321; 328; 340; 393; 396.
- Питоефф, Жорж* [Pitoëff] — выходец из России; создатель театра в Женеве. — 247.
- Плиний* [Plinius] — римский мыслитель. — 152.
- Прейер, Вильгельм* [Preyer] (1841—1897) — немецкий физиолог и психолог. — 177; 265.
- Прусенко, А.И.* — 245.
- Пфистер, Оскар* [Pfister, Oskar] (1873—1956) — швейцарский священник и психоаналитик. — 22 прим.; 33 прим.; 125.
- Рабинович, С.* — 246.
- Райк, Теодор* [Reik, Theodor] (1888—1969) — австрийский психоаналитик. — 88.
- Райнах, Соломон* [Rainach, Solomon] — 268.
- Ранк, Отто* [Rank, Otto] (1884—1939) — австрийский психоаналитик. — 47; 49; 81; 94; 99; 100 прим.; 102; 134 прим.; 135; 142 прим.; 145; 146 прим.; 168; 172.
- Рафаэль, Санти* [Raffaello, Santi] (1483—1520) — итальянский живописец и архитектор. — 8.
- Рейтлер, Рудольф* [] — 97.
- Рейнхольд, Йозеф* [Reinhold, Joseph] (1885—?) — невролог, член Венского психоаналитического общества. — 87.
- Ренаточка* — дочь СШ. — 219—220; 222; 224; 274; 275; 276; 280; 328; 329.
- Риччи* [Ricci] — 387.
- Риклин, Франц* [Riklin, Franz] (1878—1938) — швейцарский психоаналитик, работал в Бурхольцше с 1902 по 1904 г.г. — 56; 81; 135; 142.
- Розеггер, Петер* [Rosegger, Peter] (1843—1918) — австрийский писатель. — 59.
- Розенбах* [Rosenbach] — 245.
- Розенталь, Татьяна* (1885—1921) — российский психоаналитик. — 238.

- Розенштейн, Гастон* [Rosenstein, Gaston] (1882—?) — социолог, член Венского психоаналитического общества. — 88.
- Ронжа, Жюль* [Ronjat] — 265; 266 прим.
- Россолимо, Григорий Иванович* (1860—1928) — один из основоположников детской неврологии в России. Разработал ряд методов клинического исследования нервной системы, описал патологический пальцевой рефлекс. — 246.
- Руди* (случай СШ) — 232—233.
- Руссо, Жан Жак* [Rousseau] (1712—1778) — французский писатель и философ. — 246.
- Рыбаков, Ф.Е.* — российский психиатр. — 244.
- Рженичек* [Rzenitzek] — 265.
- Салош* [Saloz] — 325; 326.
- Сегантини, Джованни* [Segantini, Giovanni] (1858—1899) — итальянский живописец. — 42.
- Селли, Джеймс* [Solly, James] (1843—1923) — английский философ и психолог; один из основателей английской детской психологии — 265; 280; 384; 385.
- Симеон* [Simeon] — 149.
- Симон, Тодор* [Simon] (1873—1961) — французский психиатр. Совместно с А. Бине разработал тесты интеллекта (Шкалы Бине—Симона). — 233.
- Скальковский, Г.А.* (?) — российский ученый. — 355; 356.
- Скотт* [Scott] — 30.
- Соссюр, Раймонда де* [Raymond de Saussure] (1894—1971) — швейцарский психоаналитик. — 254.
- Тарасевич, Лев Александрович* (1868—1927) — российский микробиолог и патолог. — 245.
- Тауск, Виктор* [Tausk, Victor] (1875—1919) — сербский и австрийский психоаналитик. — 102; 103 прим.; 105 прим.; 151.
- Теллер* [Teller] — 243.
- Тошшер* [Toischer] — 265.
- Тома, Амбруаз* (1811—1896) — французский композитор. — 200 прим.
- Толстой, Лев Николаевич* (1828—1910) — русский писатель. — 240.

- Тутышкин, Петр Петрович* (1868—1937) — российский психиатр, психолог, педагог. — 238; 245.
- Ф.* (случай СШ) — 222.
- Федерн, Пауль* [Federn, Paul] (1871—1950) — австрийский психиатр, психоаналитик. — 96; 101; 105 прим.; 351.
- Фельцман, Осип Бенционович* (1875—1919) — российский психиатр и психоаналитик. — 237; 239; 241.
- Ференци, Шандор* [Ferenczi, Sandor] (1873—1933) — венгерский психиатр, психоаналитик. — 95; 229 прим.; 356.
- Фишер, Оскар* [Fischer, Oskar] — 226.
- Флурнуа, Теодор* [Flournoy] (1854—1920) — швейцарский психолог. — 254; 255; 323; 339.
- Флюгель, Дж.* [Flügel, John Carl] (1884—1955) — английский психоаналитик. — 254.
- Форель, Огюст* [Forel, August] (1848—1931) — швейцарский невропатолог, психиатр, энтомолог. — 10; 11; 13 и прим.; 21; 22 и прим.; 23; 24 и прим.; 27; 28; 30 и прим.; 31; 34; 35 и прим.; 36; 39; 42; 43; 47; 48; 49 прим.; 52; 54 прим.; 56; 61 и прим.; 68; 71; 76; 79; 127; 135.
- Франке* [Francke] — 265.
- Франклин, Бенжамин* [Franklin] (1706—1790) — американский просветитель, государственный деятель; (персонаж; упомянутый пациенткой). — 64.
- Франс, Анатолий* [France] (1844—1924) — французский писатель. — 277.
- Фрэзер, Джеймс Джорж* [Frazer] (1854—1941) — английский этнограф и религиовед. — 268.
- Фрейд, Зигмунд* [Freud, Sigmund] (1856—1939) — австрийский психиатр, основатель психоанализа. — 3 прим.; 15 прим.; 22 прим.; 33 прим.; 56 и прим.; 81; 84 и прим.; 86; 91; 96; 100 прим.; 103 прим.; 105 прим.; 108 прим.; 110; 114 прим.; 115; 116; 120; 122 прим.; 126; 134 прим.; 142; 145; 149; 151; 169; 170; 172; 175; 184; 186; 187; 188; 189; 190; 193; 199; 206; 215; 216; 226; 227; 239; 240; 241; 242; 243; 244; 254; 260 прим.; 262; 267; 268 и прим.; 269; 272; 352; 354; 356; 360; 361; 362; 363; 393.
- Френсен, Густав* [Frenssen, Gustav] — немецкий писатель. — 16 прим.
- Фридлендер* [Friedländer] — 153.
- Фриджунг, Йозеф Карл* [Friedjung, Josef Karl] (1871—1946) — австрийский педиатр, психоаналитик, член Венского психоаналитического общества. — 95; 105 прим.

- Цинцендорф, Николай Людвиг* [Zinzendorf, Nicolaus Ludwig von] (1700—1760) — граф, немецкий протестантский священник, основатель общины гернгутеров. — 22 прим.; 125.
- Шекспир, Уильям* [Shakespeare] (1564—1616) — английский драматург, поэт. — 137; 138.
- Шернер* [Schermer] — 164.
- Шиллер, Фердинанд Каннинг Скотт* [Schiller] (1864—1937) — английский философ. — 246.
- Шпербер* [Sperber] — 274 прим.
- Шпильрейн, Ян Николаевич* (1887—1938) — российский электротехник. Брат СШ. — 225; 227.
- Шпильрейн, Исаак Нафтульевич* (1891—1937) — российский психолог. Брат СШ. — 181; 225; 227; 340.
- Шпителлер, Карл* [Spitteler, Carl] (1845—1924) — швейцарский писатель. — 138 прим.; 269 прим.; 276.
- Шребер, Д.-П.* [Schreber, D.P.] — 27; 363.
- Шрейдер, Н.Н.* [Schreider, J.H.] — 238; 242.
- Штайнах, Э.* [Steinach, E.] — 212; 217.
- Штайнер* [Steiner] — 101.
- Штекель, Вильгельм* [Stekel, Wilhelm] (1868—1940) — австрийский психиатр, психоаналитик. — 26 прим.; 32; 49; 88; 97; 100 прим.; 105 прим.; 108 прим.; 110 и прим.; 125; 126; 138; 142 прим.; 151 прим.; 168; 169; 173; 176 прим.
- Штерн, Вильям* [Stern] (1871—1938) — немецкий психолог и философ. — 262; 264; 269; 270; 275; 280; 281; 317.
- Штрассер-Эппельбаум* [Strasser-Eppelbaum] — 246.
- Штумпф, Карл* [Stumpf] (1848—1936) — немецкий психолог, философ, музыковед. — 240.
- Шульце, Вильгельм* [Schulze, Wilhelm] (1863—1935) — немецкий лингвист. — 264.
- Юбер, Анри* [Hubert, Henry] — французский антрополог. — 268.

Юнг, Карл Густав [Jung, Carl Gustav] (1875—1961) — швейцарский психиатр, психоаналитик. — 12 и прим.; 13 прим.; 14 прим.; 15; 18 прим.; 22 прим.; 28 прим.; 30 прим.; 31 прим.; 33 прим.; 43 прим.; 45 прим.; 46 прим.; 57 прим.; 78; 81; 82 прим.; 83; 85; 90 прим.; 91; 110; 111; 117; 124; 125 и прим.; 130; 134; 139; 162 прим.; 174 прим.; 201 прим.; 201; 227; 242; 243; 354.

Ющенко, Александр Иванович (1869—1936) — украинский психиатр, один из основоположников биохимического направления в психиатрии. — 377; 379.

Х. (случай СШ) — 200.

Хичманн, Эдуард [Hischmann, Eduard] (1871—1957) — венский психоаналитик. — 88; 102; 105 прим.

Хид, П. [Head, P.] — 319; 320.

Хэкель [Häckel] — 76.

Холл, Гренвилл Стенли [Hall, Stanley] (1846—1924) — американский психолог и педолог. — 366; 401.

Эрна (случай СШ) — 199—200.

УКАЗАТЕЛЬ МИФОЛОГИЧЕСКИХ И ЛИТЕРАТУРНЫХ ПЕРСОНАЖЕЙ

Авраам — библейский персонаж. Родоначальник евреев, отец Исаака. — 156; 160.

Адам — библейский персонаж. Первочеловек и отец рода человеческого, созданный богом. — 22 прим.; 141; 142 и прим.; 143; 146; 148; 153; 165; 171; 248.

Беклин (персонаж, упомянутый пациенткой) — 17.

Брунгильда — в скандинавской мифологии: одна из валькирий; в германской мифологии — королева Исландии («Песнь о Нибелунгах»), ставшая супругой Гунтера, короля бургундов; виновница смерти Зигфрида. — 144; 145; 146.

Ворукаша — название моря, соответствующее в зороастрийской мифологии мировому океану. — 12 прим.

Гансвурст — персонаж немецкого народного театра XVIII в. — 167; 173.

Гера — в греческой мифологии: царица богов, сестра и жена Зевса; покровительница брака. Дочь Кроноса и Реи. — 202.

Г-жа Забота — персонаж одноименного романа Г. Зудермана — 16; 26 прим.

Главк — в греческой мифологии: 1) морское божество. Будучи рыбаком из Анфедона в Беотии выпил колдовское зелье, после чего оказался в море и был превращен в бога. 2) Сын Сисифа, отец Беллерофонта, разорванный лошадьми. Превращен богами в божество Тараксиппа. 3) Внук Беллерофонта, сын Гипполоха, союзник троянцев. Убит Аяксом в битве за тело Патрокла. 4) Сын троянца Антенора, помогал Парису украсть Елену. Во время взятия Трои спасен Одиссеем и Менелаем. 5) Сын Миноса и Пасифан. Ребенком, гоняясь за мышью, утонул в бочке с медом и оживлен с помощью целебной травы, секрет которой знали змеи. — 89; 92.

Давид — царь Израильско-Иудейского государства в кон. 11 в. — ок. 950 до н. э. — 226.

Далила (Далида) — библейский персонаж. Филистимлянка, возлюбленная Самсона. Узнав, что сила Самсона в его волосах, остригла его и отдала филистимлянам в рабство. — 188.

Джувьетта — героиня трагедии В. Шекспира «Ромео и Джульетта». — 137.

Дон Жуан — персонаж средневековых легенд и литературы. — 100 прим.; 257 и прим.

Ева — библейский персонаж. Жена Адама, сотворенная Богом из ребра Адама; первая женщина и праматерь человеческого рода. — 141; 144; 146; 165; 248.

Жаннин — персонаж драмы Ленормана. — 248; 249; 250; 251.

Заратро — персонаж оперы В. Моцарта «Волшебная флейта». — 165; 166.

Заратустра — персонаж произведения Ф. Ницше «Так говорил Заратустра». — 129; 130; 133; 134; 136.

Зевс — в греческой мифологии: верховный бог. — 22; 202.

Зиглинда — персонаж скандинавских и германских мифов. Нидерландская королева, супруга Зигмунда, мать Зигфрида. — 144; 186 прим.

Зигмунд — персонаж «Песни о Нибелунгах», супруг Зиглинды. — 144; 186 и прим.; 187; 188.

Зигфрид — герой в германской и скандинавской мифологии, подвиги которого описываются в ряде песен «Старшей Эдды», «Младшая Эдда», «Сага о Вельсунгах», «Сага о Тидреке», «Песни о нибелунгах», скандинавские средневековые баллады, средневенхненемецкой эпической поэзии. — 91; 144; 145; 146.

Иегова — искаженная форма имени Яхве. Яхве (Ягве, Иегова, Саваоф) — Бог в иудаизме. — 226.

Изольда — героиня французского романа «Тристан и Изольда». — 132.

Ио — в греческой мифологии: жрица богини Геры, пленившая своей красотой Зевса. — 105.

Иоанн, Святой — библейский персонаж. — 148.

Иов — библейский персонаж. Один из трех ветхозаветных праведников. — 61.

Ирис — 165.

Йорн Уль — персонаж романа Г. Френсена — 16; 26 прим.

Кронос — в греческой мифологии: титан, сын Урана и Геи; оскотив отца по наущению матери, стал верховным богом. — 22.

Курт Мендлин — персонаж, упомянутый пациенткой СШ. — 208.

Лауэрс, г-н (персонаж; упомянутый пациенткой) — 17.

Лаокоон — в греческой мифологии: жрец Аполлона в Трое. — 7; 9; 10; 11; 12 и прим.; 30; 43.

Леда — в греческой мифологии — супруга спартанского царя Тиндарея. — 105.

Летучий голландец — в средневековых легендах: призрачный корабль, обреченный никогда не приставать к берегу; среди моряков было распространено поверье, что встреча с ним предвещает гибель в море. — 89; 91; 92; 145; 146; 153.

Люк — герой драмы Ленормана. — 248; 249; 250; 251.

Мадонна — библейский персонаж. — 7; 8; 14 прим.; 20.

Мария Магдалена — библейский персонаж. Одна из жен-мироносиц, последовательница Иисуса Христа, исцеленная им от «семи бесов». — 59.

Мефистофель — персонаж трагедии И.В. Гете «Фауст» — 113.

Миньон — героиня оперы Т. Амбруаза «Миньон». — 200.

Минос — в греческой мифологии: один из трех сыновей Зевса и Европы, был рожден на острове Крит и усыновлен критским царем Астерием. После смерти Астерия стал царем Крита. Минос установил первые законы для критян, построил морской флот, господствовал на море. — 89 прим.

Митрас Тауроктонос — 12 прим.

Моисей — библейский персонаж. Первый пророк, основатель религии Яхве; законодатель и политический вождь израильских племен, возглавивший их исход из Египта и основание государства в Ханаане (Палестине). — 47; 49; 72; 142; 145.

Нут — в египетской мифологии: небесная королева. — 171.

Олег — легендарный русский князь. — 137.

Оль, мадам — персонаж, упомянутый пациенткой. Сказочная Госпожа Метелица. — 288.

Осирис — в египетской мифологии: бог умирающей и воскресающей природы, брат и супруг Исиды, отец Гора, покровитель и судья мертвых. — 165.

Папагено — персонаж оперы В.А. Моцарта «Волшебная флейта». — 185; 186.

Робинзон — персонаж романа Д. Дефо. — 175.

Ромашов — персонаж повести А.И. Куприна «Поединок». — 190—192.

Ромео — персонаж романа В. Шекспира «Ромео и Джульетта». — 137.

Самсон — библейский персонаж. Древнееврейский богатырь, обладавший необыкновенной физической силой, таившейся в его длинных волосах. — 188.

Сента — героиня, возлюбленная Летучего голландца из оперы Р. Вагнера «Летучий голландец» (1841). — 145; 146; 153.

Сет (Сетх) — в египетской мифологии: божество пустыни, противопоставлялся Осирису как олицетворение войны, засухи, смерти. — 154.

Сиф — библейский персонаж. В ветхозаветной традиции третий сын Адама и Евы, от которого происходят все народы. — 142; 148; 149; 154.

Снегурочка — сказочный персонаж. — 173.

Спящая красавица — сказочный персонаж. — 173.

Тамино — персонаж оперы В.А. Моцарта «Волшебная флейта». — 165, 166, 167; 185.

Тино-Моральт — герой одноименного романа В. Зигфрида. — 11 прим.

Тристан — персонаж французского романа «Тристан и Изольда». — 132.

Фауст — персонаж произведения И.В. Гете «Фауст». — 113; 114.

Феарон — герой драмы Ленормана. — 248; 249; 250; 251.

Хатхор — в египетской мифологии: богиня неба; в древнейших верованиях представлялась в облике небесной коровы, родившей Солнце. Считалась также богиней любви, веселья и музыки; изображалась в виде женщины с рогами коровы и солнечным диском на голове. — 171.

Христос, Иисус — согласно христианскому вероучению Богочеловек. — 12 и прим., 20, 21, 22, 24, 30, 31, 34, 35, 48, 50, 51, 52, 57, 58, 59, 60, 64, 66, 67, 71, 75, 82, 91, 125, 127, 136, 141, 143, 146, 147, 148, 150, 152; 280.

ПРЕДМЕТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

Аборт — 31; 40; 43; 44; 45; 47; 48;
49 и прим.; 55; 60; 77.

— комплекс — 49; 52; 77.

Абортивный психоанализ — 357;
358.

Абстракция — 390; 391; 395; 413.

Агорафобия — 255.

Аграфия — 320; 339.

Агрессия — 26; 75; 132; 300.

Акт съедания — 280.

Активная терапия — 356.

Алексия — 320; 339.

Алкоголь/алкоголизм/алкоголик —
13 и прим.; 14; 17; 18; 19; 20; 29; 30;
35; 36 и прим.; 38 прим.; 41; 50; 57;
70; 378.

— и сперма — 42.

Амбивалентность — 18 прим.;
85 прим.; 103 и прим.; 138; 179; 221 и
прим.

Ампутация — 367; 396; 402.

Анимизм — 268; 347.

*Антагонистические компоненты
сексуальности* — 85.

Артериизм — 246.

Архаическое мышление — 81.

Ассимиляция — 113; 121; 139; 140; 231.

Ассоциативный эксперимент — 13
прим.; 15 и прим.; 31; 38; 225; 227.

Аутистическая стадия — 267;
271; 279; 282; 322.

Аутистическое мышление — 246;
254; 328.

Аутоэротика/аутоэротизм — 94;
106; 129; 131; 132.

Афазия — 286; 302; 303; 305; 316;
318; 319; 320; 322; 323; 325; 339; 340;
342.

Беременность — 47; 55; 77; 128; 159.

Бесплодие — 105 прим.

Бессознательное — 73; 74; 77 прим.;
81; 84; 87; 114; 115; 117; 118; 141; 149;
161; 162; 164; 167; 169; 174; 175; 195;
197; 199; 206; 227; 248; 249; 254; 262;
334; 407.

*Бине-Симона, интеллектуальная
проба* — 351; 371; 385; 393; 415.

Биполярность — 138.

Бисексуальность — 87.

Боль — 24; 64; 83; 115; 117; 118; 130;
137; 148; 293.

Вагина — 212 и прим.

Вагинизм — 105 прим.

*Венское психоаналитическое
общество* — 88; 94; 95; 96; 97; 98;
99; 101; 102; 104; 107; 175; 221 прим.

Вина — 70; 104.

— и онанизм — 97; 101.

— и деструктивный компонент — 97.

Влечение — 355; 356.

— к преобразованию — 124.

— к самосохранению — 92 прим.;
116; 117; 121; 140; 176; 217.

— к продолжению рода — 138.

— к размножению — 126; 146; 154.
 — разрушению — 138; 154.
 — к становлению — 154.
 — судьба их — 354.

Возрождение — 49; 52 прим.; 112; 148; 152; 221.

Воровство — 381; 409.

Воспоминание — 81; 160 прим.; 162; 163; 186; 216; 225; 227; 249; 317; 324; 325; 331; 404.

Враждебность — 188; 249.

Время — 284; 285; 286; 328; 329; 331; 336; 338; 340; 341; 395; 398.

Всемогущество
 — слов — 271.
 — мыслей — 268.

Вульва — 37.

Вытеснение — 19; 108; 110; 111; 215; 223; 254; 299; 354.

Галлюцинации — 363; 370; 405; см.
Гипнагогическая галлюцинация; см.
Кинестетические галлюцинации.

Генезис — 11; 17; 30; 43; 44; 46
 прим.; 47; 51; 54; 64; 66; 76; 78; 91;
 154; 233.

Гениталии/сексуальный, половой орган — 24; 29; 32; 49; 73; 75; 105
 прим.; 151; 243; 296; 297; 298.

Гетеросексуальность — 94; 106.

Гетерозеротика — 231.

Гипнагогическая галлюцинация — 333; 365; 391; 400; 401; 413.

Гипнагогические состояния — 303; 323; 324; 333; 342; 362.

Гипноз — 242; 243; 244.

Гистология — 23; 25; 33; 60; 69; 72.

Гомосексуальность — 131; 242.

Гомофункция — 355; 356.

Девственница — 83; 100 прим.

Дегенерация — 245.

Деперсонафикация — 120.

Депрессивное состояние/депрессия — 120; 246; 324.

Депривация — 286.

Деструкция — 92 и прим.; 112; 126; 136; 138; 139; 146; 148; 151; 152; 153; 179; 286.

Дефлорация — 126.

Дивидуум — 118.

Диспластическая конституция — 377 407.

Желание

— быть мальчиком — 224.
 — быть матерью — 214.
 — иметь ребенка — 68.
 — инфантильное — 199; 227.
 — проституировать — 48.

Железы, половые — 211; 212; 213; 217.

Женевское психоаналитическое общество — 253.

Зависимость

— гомосексуальная — 244.
 — от родителей — 353; 354; 355.

Зависть — 196.

Заикание — 244.

Закон иррадиации — 363.

Запор — 38; 52; 68; 371.
 — и онанизм — 25; 32; 101.

Зачатие — 12; 111; 133; 141; 147; 148; 151; 154.

Идентификация — 27—29; 31—33; 45; 62; 79; 80; 112; 127; 129; 135; 150;

187; 189; 200; 206.
 — с матерью — 131; 197; 243.
 — с дочерью — 196.
 — с жертвой — 147.
 — с любимым — 132; 161; 187.
 — и акт съедания — 280.
Имаго-отца — 379; 407.
Инверсия — 87.
Иннервация/иннервационный импульс — 270.
Инстинкт — 91; 109; 188; 248; 249; 250; 251; 252; 317.
 — подражания — 353.
 — смерти — 90 и прим.
 — становления — 91; 145.
Институт Руссо — 232; 254; 294; 366; 421.
Инцист/инцестуозные проявления — 89; 102; 138, 181; 193; 229.
Истерия — 119; 240; 241; 242; 352; 369; 371; 385; 392; 404; 415.
Кастрация — 104; 105 прим.; 133; 151; 188 и прим.; 300.
 — и обрезание — 151.
Каталепсия — 7.
Кататония — 7.
Кинестетические галлюцинации — 389.
Кинестетические ощущения — 366; 400; 401; 402.
Кинестетический образ — 325; 364; 396; 400.
Клептомания — 105.
Коитус — 24; 26; 30; 37; 39; 42; 45; 55 прим.; 58; 69; 116; 122; 126; 128; 151; 188; 212; 243.
 — как кастрация — 151.
 — лечение как — 33; 35.

Кокетство — 131; 195; 223 и прим.
Компенсация — 12; 35; 344— 345; 347; 348.
Компонент
 — жизни — 89.
 — смерти — 89; 91; 179.
Конкуренция — 195.
Конституция — 115; 232; 241; 242; 360; 377; 379; 380; 397; 407; 408.
Кровь — 11; 20; 21; 22; 23; 24; 25; 26 прим.; 30; 50; 54; 55; 58; 70; 83; 147; 150; 151; 152; 162; 170; 172; 202.
Курение — 409.
Либидо — 41; 110; 120; 125; 130; 137; 138; 201 прим.; 211; 217.
 — нагрузка — 120.
Ложь — 94; 381; 409.
Любовь — 8; 10; 14; 20; 25; 27; 33; 43 прим.; 44; 66; 72; 74; 75; 79; 129; 133; 134; 137; 140; 144—146; 148; 153 прим.; 169; 174; 176 и прим.; 180; 185 и прим.; 186—188; 194—198; 200; 205; 214; 215; 273; 289; 290; 291; 292; 293.
Мазохизм — 350.
Мазохистический компонент — 70; 93.
Мания — 254.
Мастурбация, генитальная — 299; 300; 301.
Матка — 29; 40; 41; 49; 55; 201; 211.
Международный психоаналитический конгресс
 — 6-й (1920, Гаага) — 230.
 — 7-й (1922, Берлин) — 284.
Меланхолия /меланхолик — 23; 33; 60; 72.
Менструация/менструальная

кровь/кровотечение — 23; 55; 150;
199; 200; 202.

— и моча — 150; 200.

Моча, недержание — 25; 27; 70; 349;
350; 351.

Моча/мочеиспускание/
уринирование — 26 прим.; 37; 150;
202; 300.

— и менструальная кровь/
менструация — 150; 200.

Мужской протест — 356.

Мышление — 84; 119; 141; 298; 302;
303; 305; 306; 317; 318; 322; 323; 324;
325; 326; 328; 333; 341; 359; 360.

— абстрактное — 303; 391; 414.

— абстрактно-логическое — 388;
389; 390; 392; 397; 412; 413; 414;
415; 417.

— аутистическое см. Аутистическое
мышление.

— афазическое — 302; 314; 325.

— бессознательное/подсознатель-
ное — 323; 326; 396.

— гипнагогическое — 362.

— детское/инфантильное — 302;
306; 307; 308; 309; 316; 317; 318;
322; 325; 326; 328; 361; 390; 391;
393; 397; 413; 416.

— органическое/образное — 303;
323; 332; 337; 342; 361; 363; 399;
400.

— предсознательное — 285; 327; 331;
338; 341; 342.

— подкорковое — 361.

— подпороговое — 302; 303; 304.

— предъязыковое/образно-
галлюцинаторное — 362.

— символическое — 367; 402.

— сновидческое — 327; 334; 361.

— сознательное — 113; 118; 302; 303;
306; 323; 324; 325; 326; 332; 334;
342; 361; 397.

— спонтанное — 306; 307; 308; 317.

— языковое/словесное/вербальное
— 303; 323; 324; 325; 361; 393;
399.

Навязчивость — 94; 216; 357.

Наказание — 35; 46; 105 прим.; 146;
153; 165; 206; 233; 234; 299.

Неврастения — 101.

Невроз — 81; 91; 139; 198; 240; 241;
242; 352; 354.

— и война — 126.

Невроз, нарциссический — 357.

Невроз, переноса — 352.

Негативизм — 7; 355.

Нейропатология — 379.

Ненависть — 33; 99; 137; 187; 215;
243; 348.

Обрезание

— как кастрация — 151.

Объект любви — 73; 124; 125; 189;
195; 203; 216.

— тоска по — 129; 229.

Онанизм — 25—27; 31—34; 38; 41;
42; 50; 68; 70; 74; 75; 105; 216; 349;
351.

— женский — 95; 104.

— и вина — 97.

— и запор — 101.

Оплодотворение — 12 прим.; 14
прим.; 40; 52; 55; 75 прим.; 77; 112;
127; 142; 144; 146; 156; 171 и прим.;
212; 221.

Отвращение — 24; 109; 110; 112; 128;
134; 136; 159; 181; 182; 229 прим.; 243.

Отказ от пищи — 214.

Отреагирование — 125.

Паралич — 244; 379; 397; 408.

- Параноидная деменция/шизофрения* — 3; 7; 18; 81; 83; 84; 87; 117; 119; 120; 131; 136; 140; 201; 216; 226; 245; 246; 269; 293; 363.
- Пенис* — 151; 243; 297; 301.
— гомосексуальные представления о — 300.
- Перверсии, сексуальные* — 87; 215.
- Перенос* — 15 прим.; 27; 54; 56; 60; 70; 71; 78; 118; 127; 129; 138; 139; 187; 256.
- Персеверация* — 7.
- Потенция, мужская* — 287; 288.
- Поцелуй* — 130; 144; 228; 229; 301.
- Предсознательное* — 284; 285; 327; 331; 333; 335; 337; 338; 342.
- Преследование* — 234.
- Привязанность* — 198; 354.
- Принцип реальности* — 267; 323.
- Принцип удовольствия/наслаждения* — 323.
- Причинность/каузальность* — 285 прим.; 328; 341.
- Проекция* — 108; 150; 216.
- Проституция* — 9; 34; 39 прим.; 48; 62; 71.
- Пространство* — 285; 286; 328; 331; 335; 336; 341; 342; 366; 367; 401; 402; 417.
- Протест* — 300; 353; 354; 355; 356.
- Психоастения* — 242; 356; 357.
- Психоз* — 82; 244; 245; 362.
- Психопатия* — 245.
- Реальность* — 24; 48; 156; 157; 267; 272; 278; 286; 306; 307; 308; 322; 326; 340; 342; 356; 390; 413.
- Регрессия/регресс* — 87; 121; 300; 301; 323; 354; 355; 362.
- Религия* — 6; 8; 9; 10; 12; 13; 16; 24; 25; 26; 44; 60; 61 и прим.; 125; 138; 174; 175; 216; 251.
- Респираторный тип* — 378.
- Речь* — 7; 60; 123; 230; 258; 259; 260; 261; 262; 284; 302; 303; 310; 318; 319; 320; 322; 323; 341; 344.
— детская — 341.
- Ригидность* — 309; 326.
- Рождение* — 23; 25; 31; 44; 53; 88; 89; 92; 105; 134—136; 143; 145; 150; 153; 158; 159; 168; 170; 173; 178; 201; 202; 250; 394; 347; 348.
- Русское психоаналитическое общество* — 344.
- Садизм* — 70; 108; 137.
— и анальная эротика — 300.
- Садистический компонент* — 93.
- Самодеструкция* — 91; 125; 133; 152.
- Самоубийство* — 110; 125; 241; 242; 249; 250.
- Самоудовлетворение* — 183; 260.
- Сгущение* — 129; 173; 321.
- Сексуальность* — 9; 10; 12; 16; 18; 20; 40; 42; 44; 48; 59; 60; 61; 74; 85; 89; 91; 92 прим.; 107; 115; 133; 136; 137; 143; 151; 154; 157; 162; 175; 176; 211; 215; 223; 240; 241.
— и деструктивный компонент — 154.
— и страх — 157, 159.
— и страсть к путешествиям — 175.
— подавленная, генитальная — 301.
- Сексуальные отношения/чувства/переживания/ощущения* — 68, 69, 73, 76, 77, 78, 79, 83, 85, 107, 109, 156; 212; 215; 217; 240; 244; 352.
— избежание — 288.

Сексуальный инстинкт/влечение — 26; 89; 91; 92; 110 прим.; 112; 116; 124; 132; 139; 152; 179; 212; 223.

— и деструктивный компонент 112.

Символизация, процесс — 362.

Сифилис — 24; 25; 28; 34; 35; 39 и прим.; 56; 257.

Скрещивание — 309; 316; 321; 322.

Слова, первые — 261; 263; 264; 267; 270; 272; 273; 278; 279; 282; 320; 390; 398; 413.

Смерть — 25; 47; 48; 49; 51 64; 64 65; 69; 76; 79; 85; 89; 91—93; 110; 111; 122; 125—130; 135; 137; 138; 139; 140; 141; 142; 143; 144; 145—148; 150—153; 157; 159; 160; 168; 169; 170; 172; 173; 177; 178; 179; 188; 221; 234; 250; 271; 330.

Смещение — 299; 327.

Сновидение — 18 и прим.; 32; 33; 37; 38; 40; 47; 48; 49; 53; 55; 69; 77; 78; 79; 81—84; 96; 98; 105 прим.; 110 прим.; 125; 126; 128; 129; 138; 140; 145; 151; 160 прим.; 161; 163—166; 168; 169; 172; 173; 183; 185; 186; 188; 189; 194 прим.; 199; 200; 201; 202; 204; 206; 226; 233; 234; 235; 251; 256; 257; 259; 285; 286; 288; 289; 290—293; 302; 306; 307; 318; 324; 327; 328; 329; 330; 331; 332 и прим.; 333—339; 341; 342; 349; 350; 351; 361; 362; 365; 366; 393; 399; 401.

Совесть — 249; 250; 251; 252; 297.

Соппротивление — 92 прим.; 109; 110; 139; 170—172; 186; 193; 201; 229; 273; 282; 333.

Сосание — 231; 265; 267; 270; 272; 273; 278; 279; 281; 282 и прим.

— и первые слова — 265.

Сперма — 11; 20; 22; 29; 30; 35—37; 40—42; 47; 50; 51; 54; 62; 63; 67; 75; 78; 82 прим.; 128.

— и алкоголь — 42.

Странгуляция — 104.

Страсть — 102; 110; 137; 138; 175; 233 прим.; 248; 292; 301.

— и подглядывание — 301.

Страх — 19; 88; 97; 99; 104; 109—112; 120; 136; 155; 156; 160—163; 173—177; 181; 202; 204; 206; 214; 233; 235; 240; 244; 257 прим.; 271; 332; 333; 335; 351; 366; 385.

— перед похищением — 160.

— перед прегрешением — 176.

— перед сексуальностью — 176.

— и сексуальность — 157; 159.

Стремление к

— лжи — 94.

— правде — 94.

— самосохранению — 121.

Стыд, чувство — 181; 214; 223; 297.

Сублимация — 87; 123; 125; 174 прим.; 242; 249; 345.

Табес — 257.

Табу — 229.

Талион, принцип 235.

Тантал — 126.

Теория

— возникновения/размножения — 220.

— оплодотворения,

каннибалистическая — 221.

— инфантильная, сексуальная — 50 прим.; 87.

— возникновения языков — 231.

Торможение — 103 прим.; 381.

Травма — 191; 242; 243.

Трансформация — 84; 87; 93; 122.

Туберкулез — 28; 34; 35; 40; 56; 63; 393.

Убийство

— и дефлорация — 126.

— и сексуальный акт — 35.

— и удовольствие — 126.

— матери — 221.

Удовольствие — 62; 104; 108; 115; 116; 117; 121; 137; 159; 169; 175; 176; 180; 183; 194; 199; 206; 215—217; 224; 231; 270; 279; 372.

— и неудовольствие — 122; 226.

— от копания в земле — 219.

— от онанизма — 105.

— от сосания — 231.

— от избиения — 299.

Умственная отсталость/недостаточность — 318; 382; 383; 391; 409; 410; 412; 414.

Уртра — 212.

Фаллос — 142, 143.

Фантазии

— женские, бисексуальные — 105 прим.

— женские, об откусывании — 105 прим.

— кастрации — 104; 105 прим.

— о возникновении человека — 11.

— о кораблекрушении — 52.

— о материнском чреве — 168 .

— о повреждении гениталий — 105 прим.

— о размножении — 16; 26; 32; 34; 62.

— о рождении — 105 прим.; 158; 170; 177; 178.

— о рожденном ребенке из камня — 40.

— о смерти — 89; 138; 177.

— об инцесте — 89; 138.

— оплодотворения земли — 77.

— спасения из воды — 145 .

— strangуляции/удушении — 104; 105 прим.

— убийства отца — 234.

Фантом частей тела — 367; 396; 402.

Фетишизм — 105.

Фиксация — 138; 181; 217; 243; 353; 355; 376; 397; 405; 406.

Фобия — 205; 206.

Цензура — 122 и прим.; 362.

Церебральный детский паралич — 397.

Церебрация, бессознательная — 226.

Циклотимия — 246.

Эдипов комплекс — 211; 214; 215; 216; 217; 233; 254.

Эйдетическая школа Марбурга — 360.

Экскременты — 11; 29.

— игра с — 296.

Эмоциональная волевая неустойчивость — 380; 381; 382; 383; 408; 409; 410.

Энцефалит — 397.

Эритрофобия — 300.

Эрогенные зоны — 115; 215; 216; 217.

Эрос — 126.

Эротика — 217.

— рта — 228; 229.

— анальная — 299; 300.

Эхололия — 7.

Эхопраксия — 7.

Я-темный деспот — 140.

Я-частица — 122, 140.

Я — 116, 117, 118, 120, 121, 122, 124, 125, 139, 140; 246; 259.

— и Мы — 118; 139; 140.

— и внешний мир — 231.

— распад — 88; 107; 108; 121.

— центрирование — 273.

— ограничение от внешнего мира — 274.

Я-активность — 120.

Я-воление — 121.

Я-душа — 117; 120; 121.

Я-желание — 121.

Язык — 231; 258; 259; 260 и прим.; 261; 262 и прим.; 266; 318; 323; 333; 334; 361.

— аутистический — 230; 260; 267; 279; 282; 318.

— детский — 264; 281.

— и сновидение — 325 прим.; 329; 361.

— магическая стадия — 267; 274; 279; 282.

— подсознательный — 328.

— предсознательный — 331.

— развитие — 265; 267; 282.

— словесный — 231; 259; 260; 261; 302; 393; 416.

— социальный/социальная стадия — 230; 259; 267; 278; 279; 282.

— язык сновидения, галлюцинаторный — 393.

— его источник — 286.

— и мышление — 327.

Я-комплекс — 122.

Я-личность — 140.

Я-отношение — 119; 120; 121; 139; 140.

Я-представление — 118; 119; 120; 123.

Я-сознание — 118; 123.

Научное издание

Сабина Шпильрейн

ПСИХОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ТРУДЫ

*Перевод с английского,
немецкого и французского*

Научные редакторы
С.Ф. Сироткин, Е.С. Морозова

Корректор — А.В. Бекмачева
Дизайн обложки — Н.В. Саранчева
Компьютерная верстка — Н.В. Саранчева

ООО Издательский дом «ERGO»
Директор И.Н. Чиркова

E-mail: ergo@udm.ru

Сдано в производство 26.09.07. Печать офсетная.
Формат 60×90/16. Гарнитура Academy.
Заказ № ==. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с оригиналов заказчика

Отпечатано в России
ISBN 978-5-98904-021-6

9 785989 040216

Издательский дом «ERGO»